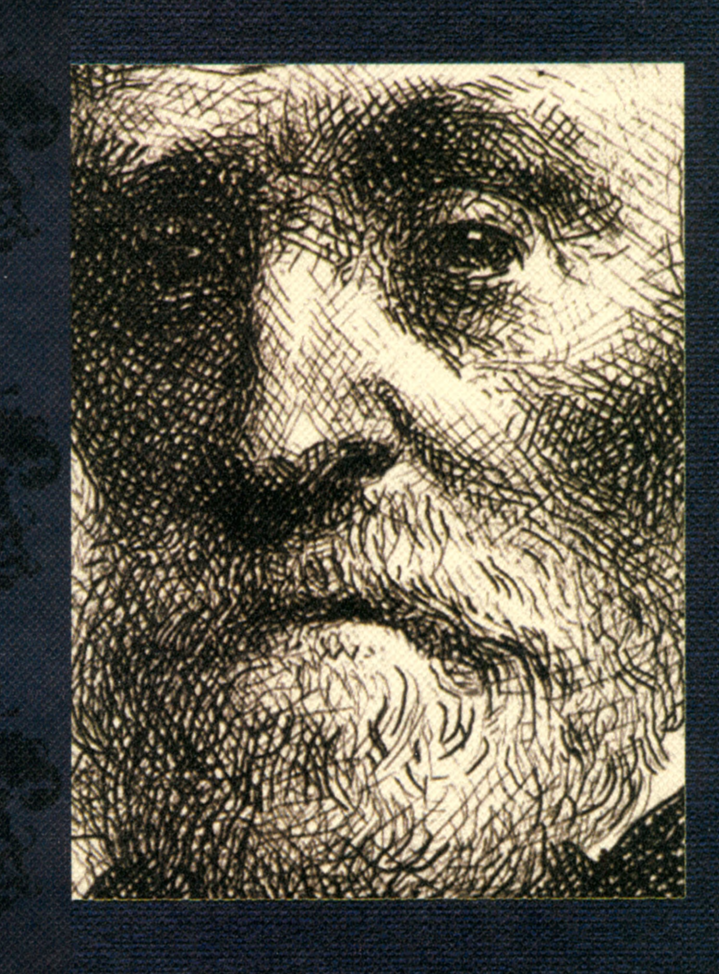
Записки графа Фёдора Петровича Толстого

Записки графа Фёдора Петровича Толстого

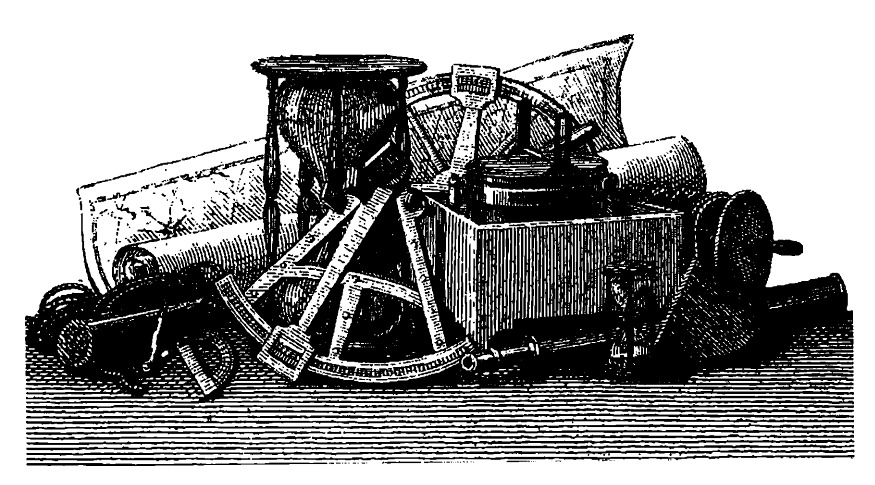

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Графъ Өедоръ Петровичъ Толстой.

[illegible] 22 [illegible] 1858 [illegible]

Записки графа Фёдора Петровича Толстого

Москва
2001

УДК 930 (470)
ББК 63.3 (2)
З 32

Оформление
Михаила Гурова

ISBN 5-7281-0352-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей

Граф Федор Петрович Толстой (1783–1873) принадлежит к той замечательной плеяде отечественных деятелей, которые составляют славу России. Семьдесят лет своей жизни он посвятил любимому делу и известен прежде всего как выдающийся художник-медальер. Современников и потомков удивляла и продолжает удивлять многосторонность его творческих интересов. Чем бы Толстой ни занимался – медальерным искусством, скульптурой, графикой, силуэтом, живописью, – он везде смог достичь больших успехов и доныне по праву считается одним из лучших русских художников первой половины XIX в.

Художественное наследие Толстого богато и разнообразно. На сегодняшний день в музеях и частных собраниях выявлено около двух тысяч его рисунков, акварелей, гравюр, медалей, статуй, барельефов, эскизов декораций, силуэтов[1].

Его рисунки украшали альбомы современников, вспоминая которые Пушкин писал в "Евгении Онегине":

...Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной...[2]

Дом Толстого на протяжении полувека был одним из притягательнейших центров культурной жизни Петербурга. Толстой был знаком со многими писателями, поэтами, художниками, композиторами. Его дом в разное время посещали А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич, Ф.Н. Глинка, А.Н. Верстовский, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, И.А. Крылов, М.И. Глинка, А.Н. Майков, А.Ф. Писемский, Т.Г. Шевченко, К.П. Брюллов и многие другие. До 1825 г. частыми гостями были К.Ф. Рылеев, А.А. и Н.А. Бестужевы, С.П. Трубецкой, Н.М. и А.Н. Муравьевы, С.И. Муравьев-Апостол. Бывали здесь и ученики Академии художеств, для которых салон Толстого становится настоящей школой, открывающей возможность приобщиться к высокой культуре. Несомненно, что людей разного круга привлекала прежде всего цельная, благородная и одаренная личность

Толстого, его личное обаяние. "Я от многих слышала, что в отце моем было что-то влекущее к себе и что увидеть его значит полюбить", – писала его дочь[3].

Он принадлежал к графской линии старого дворянского рода Толстых. Первый граф Толстой – Петр Андреевич – прапрадед Федора Петровича, был знаменитый дипломат и государственный деятель Петровской эпохи. Среди потомков последнего было немало людей талантливых, оставивших заметный след в различных областях деятельности – государственной, военной, культурной и общественной. Многие представители этого рода обладали незаурядными литературными и художественными дарованиями, достаточно назвать имена классиков русской литературы – Алексея Константиновича и Льва Николаевича Толстых, приходившихся Федору Петровичу родным и двоюродным племянниками соответственно. Разносторонне одарены были дочери Ф.П. Толстого – Мария и Екатерина: их воспоминания, без сомнения, входят в золотой фонд отечественной мемуаристики и в совокупности с "Записками" их отца составляют уникальную летопись быта, духовных исканий, надежд и разочарований трех поколений семьи русских интеллигентов конца XVIII – середины XIX в.

Талантливость, неординарность проявлялись в роде Толстых, приобретая подчас карикатурные и даже скандальные формы. Стоит вспомнить двоюродных брата и сестру Федора Петровича – Федора Ивановича, прозванного "Американцем", и Аграфену Федоровну, в замужестве Закревскую, адресата лирики и воздыханий Пушкина, Батюшкова и др., – без упоминания которых трудно представить себе жизнь и нравы светского общества первой половины XIX в.

В Федоре Петровиче Толстом проявились как художественная одаренность, так и человеческая неординарность, присущая представителям рода.

После почти полной утраты личного архива художника, его обширной переписки, большей частью уничтоженных его второй женой[4], мы, к сожалению, лишились возможности подробного изучения биографии Толстого[5]. Тем не менее сохранившиеся письма Толстого, черновая рукопись части его воспоминаний, заграничные путевые дневники[6], воспоминания дочерей и современников, прижизненные статьи и рецензии на его работы, некрологи и т. д. позволяют довольно выпукло и ярко представить личность художника.

Федор Петрович Толстой родился 10 февраля 1783 г. в Петербурге. Его отец, Петр Андреевич, возглавлявший в екатерининское время Петербургскую контору Кригс-комиссариата в чине бригадира (впоследствии – генерала), был правнуком знаменитого сподвижника Петра I – П.А. Толстого. Мать, Елизавета Егоровна, урожденная Барбот де Морни, была художественно одаренной натурой и своих детей учила не

только чтению и грамоте, но и рисованию и другим "рукоделиям". У Феди очень рано проявилась любовь к рисованию, но родители выбрали сыну другую карьеру. Как и большинство дворянских детей, мальчик уже при крещении был "пожалован" сержантом в л.-гв. Преображенский полк.

Домашнее образование закончилось, когда мальчику шел девятый год. По решению родителей он был отпущен с троюродным дядей, графом Петром Александровичем Толстым, назначенным командиром Псковского драгунского полка, расквартированного в с. Ошмяны под Вильно на присоединенной незадолго до того к России белорусской территории. Предполагалось, что там он освоит азы военного дела.

Отданный "в науку" к простому солдату, мальчик с успехом освоил все премудрости верховой езды, но и только. Неизвестно, кем бы стал в результате такого "образования" Федор Толстой, если бы не представился случай отдать его в расположенный в Полоцке Иезуитский коллегиум, которым руководил известный своей образованностью и педагогическим даром патер Г. Грубер. Занятия с Грубером продолжались недолго, но запомнились Толстому на всю жизнь.

События, последовавшие за смертью в ноябре 1796 г. Екатерины II и вступлением на престол Павла I, затронули и Толстых: 28-летнего графа П.А. Толстого вызывают в столицу, где влиятельным родственникам удается пристроить его на новую должность, и 14-летний Федор после нескольких лет разлуки с семьей возвращается в родной дом. Через год, 26 июня 1798г.[7], юношу определяют в Морской шляхетский кадетский корпус – одно из лучших учебных заведений страны[8].

Особенно серьезные знания получали его питомцы в области математики, к которой Федор проявил тягу и способности. Но, как верно подметил Ф.Ф. Веселаго, "неизбежным следствием обширного, усиленного преподавания математики и теоретических приложений ее к морскому делу была невозможность проходить другие науки в таком же объеме и таком же совершенстве"[9]. Поэтому после окончания в июне 1802 г.[10] Корпуса и выхода мичманом в гребной флот Толстой посвящает почти все свое свободное время занятиям образованием. В воспоминаниях он пишет: "Я чувствовал, что мне многого недоставало. Корпусное учение могло только доставлять просто порядочного флотского офицера, а не образованного человека, а мне хотелось быть образованным. И потому я употреблял все средства, чтоб знакомиться с людьми, отличающимися по наукам, и посещать публичные лекции. А любя русскую литературу, я был хорошо знаком со всеми тогда отличавшимися нашими литераторами"[11].

Эта тяга к знаниям, стремление к самосовершенствованию роднит его с лучшими представителями молодежи того времени, способствует сближению с ними. Он изучает математи-

ку, литературу, историю древних и новых народов, регулярно бывает в театрах, с успехом занимается фехтованием, танцами, верховой ездой, рисованием, посещает собрания литературных обществ и салоны просвещеннейших людей – А.С. Строганова, А.Н. Оленина, Е.Ф. Муравьевой, Д.Н. Блудова, П.А. Кикина и др., собирающих вокруг себя людей творчества.

Желание овладеть секретами изобразительного искусства, талант, замеченный окружающими, приводят его в 1802 г. в стены Академии художеств – центра художественной жизни страны. Он становится ее вольноприходящим учеником.

В 1804 г. Толстой резко изменяет свою жизнь. Он окончательно отказывается от карьеры военного, покидает морскую службу и, вопреки традициям людей своего круга, решает стать профессиональным художником. В течение нескольких лет ему пришлось испытать на себе не только материальные трудности, сопутствующие начинающему художнику, но и моральные, поскольку этот шаг титулованного аристократа, которого ждала если не блестящая, то вполне благополучная карьера, был непонятен как светскому обществу, родственникам Толстого, так и академической профессуре.

Однако талант, трудолюбие и страстное желание заниматься "художеством" оказались сильнее этих трудностей и в сочетании с советами и поддержкой профессора Академии И.П. Прокофьева, художника О.А. Кипренского, медальера И.А. Шилова[12] (последние двое были тогда еще учениками Академии), о которых он с огромной теплотой пишет в воспоминаниях, привели его вскоре к первым успехам. На академических выставках появляются рисунки и восковые барельефы Толстого, в основном на античные темы, которые обращают внимание публики и руководства Академии на его талант. В 1806 г. по высочайшему повелению Александра I он получает место в Эрмитаже, а через три года, 1 сентября 1809 г., его избирают почетным членом Академии художеств[13].

Толстой творил в эпоху, когда ведущими художественными течениями были классицизм, сентиментализм и романтизм, и все они отразились в той или иной мере в его произведениях. Однако определяющим для его мировоззрения и мировосприятия было влияние классицизма. Толстой всю жизнь преклонялся перед искусством и историей античности, изучая этот период в мельчайших деталях, пропитался его духом. Дочь Екатерина вспоминала, что он был проникнут античным миром, сжился с ним, однако никогда не копировал его, а воссоздавал в своих работах, "его собственные орнаменты стильны, как будто их создал грек времен Перикла"[14]. Работы Толстого 1810–1830-х годов далеки от педантичного скучного классицизма, особая прелесть состоит в пронизывающем их живом человеческом чувстве. Именно в соединении идеальной красоты героизма с теплотой жизненной прав-

ды[15] и состоит непреходящая художественная ценность произведений Толстого.

Значительную долю работ художника в этот период составили графические листы (композиции на античные и евангельские темы, пейзажи, интерьеры, бытовые зарисовки, портреты, натюрморты, иллюстрации к литературным произведениям, эскизы медалей), выполненные в различных техниках (перо, цветной карандаш, уголь, акварель, гуашь)[16]. Особую известность среди них приобрели его акварели[17] с изображением цветов и фруктов, создающих при взгляде на них иллюзию живой природы, и силуэты, представляющие собой жанровые сценки – боевые эпизоды, охота, труд и быт крестьян, морская стихия и проч. В этих видах графики художник достиг виртуозного мастерства, особенно в силуэтах, равных которым по совершенству и сложности композиций мы не найдем ни в искусстве той поры, ни в современном[18].

Забегая немного вперед, отметим, что вершиной творчества Толстого-графика стали иллюстрации к поэме И.Ф. Богдановича "Душенька", посвященной любви Амура и Психеи. Художественная фантазия, талант и любовь к античной Греции позволили ему создать изящные и грациозные рисунки, над которыми художник трудился с 1820 по 1833 г. (а позже, в 1829–1840 гг. – и гравюры)[19]. Вспоминая этот период своей работы на склоне лет, он писал: "Изображая эту поэму в моих рисунках, держался строгого, благородного и изящного стиля лучшего времени процветания искусства древней Греции... Все, что мне пришлось изобразить в этих рисунках, не было скопировано с антиков, существующих в музеумах и галереях, не снято с рисунков сочинений, описывающих древности Греции, но в малейших подробностях сочинено мною, сообразно с вкусом и обычаями того времени Греции, в которое я перенес поэму Богдановича"[20]. Эти иллюстрации поставили Толстого в ряд лучших художников-графиков первой половины XIX в.[21]

Работая в различных видах и жанрах изобразительного искусства, главными для себя художник считает все же скульптуру и медальерное дело.

В 1805–1810 гг. он создает целую галерею портретов родных и знакомых, выполненных в технике воскового барельефа. Сам автор не придавал значения этим работам, сделанным в свободное от серьезных занятий время, никогда не включал их в официальный перечень своих произведений. Однако точные психологические характеристики, мастерство композиционного решения, совершенство лепки позволяют говорить о том, что эти портреты занимают значительное место не только в творчестве Ф.П. Толстого, но и в истории скульптурного портрета первой половины XIX в.[22]

В конце первого десятилетия XIX в. художник начинает создавать в той же технике барельефа и многофигурные компо-

зиции. Это и жанровые сценки (купающиеся дети), и чудный своей гармонией автопортрет с женой и дочерью, и композиции на античные сюжеты – "Душенька", "Триумфальный въезд Александра Македонского в Вавилон", за последнюю из которых он был избран почетным членом Академии художеств, четыре барельефа на сюжеты "Одиссеи" Гомера, с появления которых в 1816 г. началась его подлинная известность. В этих произведениях Толстой показал себя большим мастером воскового рельефа, в совершенстве владеющим всеми секретами этого тонкого искусства.

В начале 1820-х годов он обращается и к круглой скульптуре, выполнив в терракоте бюст бога сна Морфея, который относят к числу больших удач скульптора.

В 1810 г. он поступает медальером на Санктпетербургский монетный двор, где трудится до 1828 г., когда Николай I назначает его вице-президентом Академии художеств.

Видимо, еще во время учебы в Академии у него складывается негативное мнение о состоянии медальерного дела в России, причинах этого и средствах исправления положения. Дело в том, что в России на рубеже XVIII и XIX вв., в то время как в скульптуре – наиболее близкой к медальерному жанру отрасли искусства – утвердился классицизм, работы медальеров представляли собой лишенные стилевой определенности, перегруженные символикой и аллегориями композиции[23]. Сами медальеры были скорее ремесленниками, чем художниками, претворяя в изображениях на медалях чужой замысел и перенося на металл чужие рисунки.

Уже в первой своей медали "В память просветительской деятельности Чацкого" (1810) Толстой не только выполнил намеченную им для себя программу преобразования медальерного дела, разработав медаль от эскиза и собственноручно проделав все стадии ее изготовления, но и создал произведение искусства, отвечающее духу времени, по всем признакам принадлежащее к ведущему художественному стилю времени – классицизму. Этой медали, как и другим, созданным в 1810–1820-е годы, присущи величественное спокойствие образов, благородство пропорций, красота контуров и тщательная проработка фигур, тонкая моделировка тел[24].

Вершины мастерства, достигнутые в этих ранних медалях, послужили основой для создания творения, прославившего имя художника, – серии медальонов, посвященных событиям 1812 г. Героизм русских воинов, величие подвига народа, в едином порыве вставшего на борьбу с наполеоновскими завоевателями, вдохновили Толстого. В письме императору Александру I художник писал: "Желая участвовать в славе соотечественников, желая разделить ее, в восторге души, Государь, я дерзнул на предприятие, которое затруднило бы и величайшего художника: я дерзнул представить в медалях знаменитейшие события 1812, 1813

и 1814 годов и передать потомкам... слабые оттенки чувств, меня исполнявших, пожелал сказать им, что в наше время каждый думал так, как я, и каждый был счастлив, нося имя русского"[25].

Серия медальонов, над которыми он работал более двадцати лет[26], была высоко оценена не только в России, но и в Европе. Толстого избирают членом почти всех европейских академий художеств. В письме к нему из Венской Академии художеств сообщалось: "По замыслу и по выполнению эта серия замечательна... Ни одна страна не создала ничего более прекрасного в течение последних столетий"[27]. Отклики соотечественников также полны восторга: "Гений творит, вкус образует, – писал А.А. Бестужев. – Взгляните на медальерные работы графа Толстого, и вы уверитесь, – до какой степени может возвыситься гений, предводимый тонким, образованным вкусом; уверитесь, что можно быть поэтом, не стихотворствуя"[28].

Жизнь Толстого в этот период насыщена до предела: служба, занятия самообразованием и изобразительным искусством. Он не просто интересуется общественно-политическими событиями, но и принимает в них активное участие, находится в самом центре интеллектуальной и общественной жизни своего времени.

В 1810 г. он вступает в масонскую ложу "Петр к Истине"[29]. Благотворительная и просветительская сторона деятельности масонов второй половины XVIII – первой четверти XIX в., их стремление к самосовершенствованию были привлекательны для многих современников Толстого – государственных и политических деятелей, писателей, художников, военных и др. "Дух братства, содержавшийся в масонстве, сильно привлекал в ложи множество членов из лиц, занимавших значительные должности в государстве, много молодых людей лучшего круга общества, получивших блестящее образование, и из личностей, известных умом и талантами, в числе которых находилось и несколько декабристов", – рассказывал впоследствии Толстой[30]. Он считал, что "братство масонов должно непрерывно трудиться над обогащением себя всеми нравственными добродетелями, возвышающими душу и сердце, а ум – познанием наук", как средствами достичь совершенства[31].

В ложе не увлекались внешней, обрядовой стороной масонства, не одобряли чрезмерного углубления в мистику, но требовали и поощряли неустанную работу по самообразованию и воспитанию своих духовных качеств, стараясь "использовать получаемые знания для жизни земной, дабы на земле умягчить страдания людские, улучшая условия жизни"[32].

Довольно быстро достигнув высших степеней посвящения, Ф.П. Толстой становится одним из самых видных масонов первой четверти XIX в.

В 1815 г. часть членов ложи "Петр к Истине" создает новую ложу "Избранный Михаил", главой которой избирается Тол-

стой. Эту должность он занимает вплоть до официального запрещения масонских организаций в 1822 г. Члены этой ложи вошли в историю общественного движения России – многие из них участвовали в работе декабристских организаций – Союза спасения, Союза благоденствия, Северного общества.

Ложа "Избранный Михаил" резко отличалась от большинства других лож, больше напоминая политический клуб. "Занятия братий состояли в беседах на важные политические и этические темы, в пропаганде филантропических идей и в личном участии по отрасли человеколюбия и нравственного воспитания"[33], а правила ложи содержали прямые заимствования из "Зеленой книги" – устава Союза благоденствия[34]. Можно смело утверждать, что после распада Союза ложа "Избранный Михаил" стала тем центром, который объединил часть его бывших членов – сторонников либерально-просветительской деятельности и конституционной монархии.

В 1818 г. вместе со своими друзьями, членами этой ложи Ф.Н. Глинкой, Н.И. Гречем, Н.И. Кусовым и другими Толстой организует Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения, целью которого было создание бесплатных школ для обучения детей из бедных семей по системе, разработанной английским педагогом Д. Ланкастером. Сумев сплотить группу единомышленников и широкий круг сочувствующих, Общество учредило школу в Петербурге и действовало вплоть до начала 1820-х годов, когда напуганный революциями в Европе император Александр I стал видеть крамолу в любом проявлении общественной инициативы.

Близкое общение с членами тайных организаций – Ф.Н. Глинкой, Н.М. Муравьевым, С.И. Муравьевым-Апостолом, С.П. Трубецким и другими, общие с ними взгляды, а самое главное – стремление сделать что-то полезное для своей страны, – привели Толстого в 1818 г.[35] в Союз благоденствия. Он активно участвовал в его работе, был членом Коренной (центральной) управы, а в 1820 г. избран ее председателем[36]. Он, безусловно, входил в ту узкую группу лиц, которые были осведомлены не только о прямой цели Союза, известной всем членам, – распространение просвещения, разоблачение неправосудия, казнокрадства, зла во всех его проявлениях и влияние через это на правительственные сферы, но и о "сокровенной", конечной цели этих действий – подготовке всех сословий к изменению политического устройства общества.

Толстой принадлежал к либеральной части Союза благоденствия, идеалом которой была кропотливая, последовательная просветительская и благотворительная деятельность, направленная на смягчение самодержавия, отмену крепостничества. Его дочь писала: «Отец не был революционером, он всегда был против всякого насилия; он не был и тем, что потом называли "постепеновцем", – не от одного времени ожи-

дал он прогресса, а считал, что всякий, по силе и возможности, должен способствовать улучшению человеческой жизни и трудом своим, и честным, правдивым словом...»[37]

Поэтому когда на рубеже 1820–1821 гг. в Союзе благоденствия под воздействием успешных и быстрых военных революций в некоторых странах Западной Европы возникает идея насильственного переворота, Толстой выходит из него.

Тем не менее со многими членами тайного общества он остался в теплых отношениях и продолжал встречаться, принимать их у себя дома. Так, за несколько дней до восстания 1825 г. на маскараде у Толстых Рылеев с одним из братьев Бестужевых (видимо, Александром) и Верстовским, одетые аркадскими пастушками, исполнили трио на кларнетах[38].

И в дальнейшем Толстой поддерживал добрые отношения с друзьями молодости. Декабрист В.И. Штейнгель, возвратившись в столицу после 30 лет каторги и ссылки, писал 16 апреля 1857 г. в Сибирь М.А. Бестужеву: "Граф Толстой Федор Петрович принял меня с полными объятиями так, как будто мы и не разлучались. Какой благородный человек!"[39]

После роспуска Союза благоденствия в начале 1821 г. Толстой продолжал действовать в духе его программы в рамках масонской ложи "Избранный Михаил", Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения, Обществе поощрения художников, в Комитете Васильевского острова о пособии потерпевшим от наводнения 1824 г. В частности продолжало работу "заведение для продажи разных вещей для бедных разного состояния" в помещении книжной лавки Плавильщикова у Синего моста – филантропическое предприятие, основанное еще в 1819 г. Ф.Н. Глинкой и Ф.П. Толстым, только теперь средства для него собирались в рамках Вольного общества любителей российской словесности[40].

Он не принимал участия в восстании 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади и, видимо, не знал о готовящемся выступлении. В публикуемой рукописи его "Записок" отсутствует описание самого дня восстания 14 декабря, а также допроса художника Следственной комиссией по делу декабристов. Оно сохранилось только в пересказе его устных рассказов и обширных цитатах из его "Записок" в воспоминаниях Т.П. Пассек, которые мы приводим в приложении. Видимо, эти страницы его "Записок" были уничтожены графиней А.И. Толстой.

В тот день, после принятия присяги новому императору Николаю I в церкви Академии художеств, услышав, что на Сенатской площади что-то происходит, Толстой поспешил туда. Он увидел каре войск, которые вывели на площадь его бывшие товарищи по тайному обществу, толпу петербуржцев, пришедших посмотреть на восстание гвардии, нового царя среди верных ему войск. Когда правительственная артилле-

рия открыла огонь, Толстой покинул площадь и с трудом добрался до своей квартиры[41].

На допросе в Следственной комиссии по делу декабристов 15 февраля 1826 г. Толстой был осторожен: он не упоминает названия Союза благоденствия, а называет его "одним благотворительным обществом, целию которого было благотворение, поощрение и распространение наук и художеств"[42], скрывает имена его основателей, руководителей и идеологов, а также истинный характер и цели общества, маскирует свою роль в его деятельности, уклоняется от ответов на прямые вопросы о совещании 1820 г., на котором обсуждался вопрос о лучшей форме правления для России (и где Толстой был председателем).

Несмотря на то, что следствием было доказано активное участие Толстого в Союзе благоденствия, по высочайшему повелению участие Толстого в тайных обществах было "оставлено без внимания"[43]

Художник тяжело переживал гибель друзей. "Боже мой, – писал Толстой, – сколько молодых людей... умных, даровитых, превосходно образованных, истинно любивших свое отечество, готовых для него жертвовать жизнью, которые могли бы впоследствии по своим благородным качествам души и сердца, по уму и образованности быть усердными деятелями на пользу родного края, поборниками правды и защитниками угнетенных, несчастным, необдуманным, несбыточным заговором и явным восстанием погубили навсегда себя и лишили отечество полезных ему слуг"[44].

Свидетельством прощения Николаем I "заблуждений молодости" художника служит благодарственный рескрипт на имя последнего за благоразумные распоряжения его во время бунта (он разоружил солдат Финляндского полка, оказавшихся у него во дворе, разъяснил им факт отречения Константина от престола и советовал им идти просить прощения у царя за свою ошибку). На похоронах Александра I он был назначен маршалом и нес государственный жезл[45].

Несмотря на разрыв с декабристами, Ф.П. Толстой сохранил на протяжении всей жизни свои убеждения, независимость и смелость суждений[46]. Его дочь свидетельствует: "Отец продолжал быть тем, чем он был прежде: горячим защитником всего свежего, молодого, сочувствующим всякому движению вперед, всякому благому начинанию, с ясным, широким взглядом на вещи"[47]. Многочисленные подтверждения тому мы находим в его неопубликованных обширных дневниках, которые он вел во время путешествий по странам Западной Европы в 1845–1846 и 1861–1862 гг., судя по всему, не предназначавшихся для печати, в том, как он добивается освобождения из ссылки Т.Г. Шевченко, как резко порицает николаевское царствование, как приветствует освобождение крестьян[48]. «Отец всю жизнь шел не только вровень своего времени, но скорее

впереди него: он горячо приветствовал Федотова, ожидал возрождения искусства от картины Иванова, и если б он был начальником академии в 63-м году, то кто знает, – может быть, нашим молодым художникам не пришлось бы выходить из нее и основывать свою артель... – вспоминала Е.Ф. Юнге. – Я знаю, что когда случилась эта история, то отец мой, восьмидесятилетний старик, был вполне на стороне молодых художников и много раз говорил, что "они правы", что, "избирая сюжет своей картины, художник может с большей свободой и любовью работать и лучше выразить свою мысль". "Раз мы видим, что прежний способ не годится, – надо его изменить"»[49].

В 1825 г. Толстого назначают преподавателем медальерного класса. Он стремится передать ученикам свое, реформаторское для того времени, представление о любимом деле. "Преподавание медальерного искусства отец вполне создал у нас в Академии: из дела чисто ремесленного – создал искусство", – писала Е.Ф. Юнге[50].

Уже через три года он – вице-президент Академии художеств. Более тридцати лет Толстой фактически руководит ее работой, не оставляя творческих занятий.

В 1836–1839 гг. он выполняет серию медалей в память русско-турецкой и русско-персидской войн 1826–1829 гг. Это был официальный заказ Николая I: он лично определял все темы медалей, утверждал каждый эскиз, внося при этом собственноручные поправки. Все это не могло не сказаться на художественном уровне этой серии, некоторые медали которой можно упрекнуть в статичности и композиционном однообразии. Однако лучшие медали вполне сравнимы по художественным достоинствам с медальонами на темы Отечественной войны 1812 г., а всю серию отличает ясность выражения мысли, изящество силуэтов и виртуозная техника. В эти же годы он работает над проектами целого ряда медалей (в награду за успехи в земледелии, садоводстве, геодезии; в честь русских архитекторов В.В. Растрелли, А.Ф. Кокоринова, Д. Кваренги, И.Е. Старова; на воссоединение униатов с православной церковью и др.), которые не были осуществлены.

В 1842 г. за вклад в развитие медальерного искусства российская Академия художеств утверждает его в звании профессора медальерного класса.

К работе над следующими медалями Толстой обращается лишь в 1850-х годах после длительного перерыва, заполненного напряженной работой в других видах искусства. Он выполняет медали в честь постройки в Петербурге Благовещенского моста, на кончину президента Академии художеств принца М. Лейхтенбергского и в 1861 г. – на отмену крепостного права. Но сделанные в пору угасания таланта мастера, они лишены многих достоинств его более ранних медалей, их отличает нарочитая условность, помпезность, дробность форм.

В 1841 г. Ф.П. Толстой получил крупный и ответственный заказ – сделать скульптурные украшения на вратах храма Христа Спасителя, строившегося в Москве по проекту К.А. Тона. К этой работе он приступил в 1846 г., по возвращении из первой своей поездки за границу, и завершил ее в 1851 г.

Барельефные изображения на входных вратах составляли единое целое со всем скульптурным убранством храма, программа которого была составлена московским митрополитом Филаретом. Ее воплощали в жизнь А.В. Логановский, П.К. Клодт, Н.А. Рамазанов и Ф.П. Толстой. При этом Толстой как вице-президент Академии художеств должен был, помимо творческих задач, решать массу организационных вопросов: готовить обсуждение проектов на Совете Академии[51], искать мастерские для вернувшихся из-за границы Иванова и Логановского, заниматься проблемами, связанными с формовкой, отливкой и размещением готовых моделей.

Толстому приходилось учитывать замечания и поправки, которые вносили члены на заседаниях Совета, и лишь после общего одобрения он мог приступать к изготовлению форм для отливки скульптур[52].

Всего к 12 вратам храма были выполнены 52 фигуры евангелистов, великомучеников, митрополитов и архиепископов, дни памяти которых совпадали с событиями войны 1812 г. Но эту последнюю и самую большую работу художника постигла трагическая участь: гипсовые модели не дошли до нас, а сами врата погибли вместе со взорванным 5 декабря 1931 г. храмом. Сохранились лишь медные модели центральных наружных врат западного портала, восковые барельефы фигур св. апостолов Петра и Павла и деталь композиции врат северного портала "Богоматерь с младенцем", да многочисленные подготовительные рисунки к этой огромной работе[53].

Видевший всю эту работу целиком знакомый и почитатель таланта Толстого А.Н. Майков отмечал "необыкновенную мягкость лепки, красоту и выражение лиц, благородство и простоту поз и всего сочинения", "поразительную гармонию красоты внешней и красоты духовной"[54]. Это, может быть, самое значительное творение Толстого ныне почти забыто, однако даже малая часть этой гигантской работы, сохранившаяся в запасниках музеев, позволяет специалистам говорить о барельефах Толстого как о "произведениях, удивительных по своей пластической завершенности, детальному анализу форм, позволяющих почувствовать широту творческого диапазона" художника, и причислять его к ряду крупнейших скульпторов середины XIX в.[55]

В 1849 г. Академия присуждает ему звание профессора скульптуры без выполнения специальной программы, по совокупности работ, созданных им в этом виде искусства.

В конце 1830–1860-х годах Толстой выполняет ряд других

работ в области станковой скульптуры – бюст Николая I, голову Христа, статуи нимф для фонтана в Петергофе и для Эрмитажа, надгробие И.В. Кусову, проектирует памятники А.Х. Бенкендорфу и М.П. Лазареву, которые не были осуществлены в камне. Однако их нельзя причислить к удачам художника.

При возведении Исаакиевского собора в Петербурге и храма Христа Спасителя в Москве возникла идея использовать в их декоре произведения, выполненные в мозаичной технике. Но со времен Ломоносова искусство мозаики было основательно забыто, необходимо было возродить его заново. Во время поездки за границу в 1845 г. Ф.П. Толстой получил задание ознакомиться с мозаичными мастерскими в Италии, а в 1851 г. он возглавил художественный отдел образованного при Академии художеств "мозаичного заведения". Долгие и кропотливые эксперименты позволили вскоре наладить производство высококачественных смальт, а усилиями Толстого и его соратников была создана школа русских мастеров-мозаичников, которая вскоре получила признание за рубежом[56].

Много работал Толстой в эти годы и в графике. В 1838 г. и в 1842 г. он создал серии акварелей и очерковых рисунков к балетам "Эолова арфа" и "Эхо". Смысл этой огромной работы мастера в том, что, по существу, он создал либретто, эскизы костюмов и декораций и хореографию этих спектаклей. При этом он опирался на достижения близкой ему по духу школы танца Дидло, учеником которого был в молодости. На подмостках Петербурга в это время появился Марко Тальони, балет которого был лишен содержательного сюжета, имел иной рисунок танца, главное внимание и роль в нем отводились прима-балерине. Созданием своих балетов Толстой как бы выражал протест против новшеств Тальони, призывал вернуться к более красивому и совершенному, по его мнению, танцу. Балеты Толстого поставлены не были, хотя на это было получено согласие императора и формального отказа художник не получил. Это пренебрежение к его работе доставило автору много боли и огорчения.

Другой большой работой художника в последний период его творчества стали иллюстрации к "Греческим стихотворениям" Н.Ф. Щербины, друга дома Толстых, ныне незаслуженно забытого поэта. Толстой не мог не отозваться на волнующую его тему греческой культуры. В его рисунках вновь проявились присущие ему знание и понимание античности, однако композиции, фигуры героев, сам рисунок стали грубее, тяжеловеснее, утратили живую непосредственность и очарование свежести. Это было проявление не только упадка в творчестве мастера, но и кризиса классицистического стиля, переродившегося в академический шаблон[57].

В 1854 г. исполнилось 50 лет творческой деятельности Толстого. 10 октября на общем собрании членов Академии худо-

жеств, посвященном этому событию, присутствовали коллеги, друзья, ученики и поклонники юбиляра. В тот день смущенный художник услышал много теплых слов о себе. Выступавшие отмечали, что пятидесятилетняя деятельность Толстого "на служебном и художественном поприще" является редким феноменом в отечественной культуре. В честь юбиляра была выбита золотая медаль с изображением на одной стороне портрета художника, а на другой – сияющей звезды и надписи, окруженных лавровым венком: "В память пятидесятилетнего служения царю, отечеству и искусствам"[58]. Толстой был также награжден орденом св. Анны I степени. В "Московских ведомостях" от 25 ноября 1854 г. его друг и ученик скульптор Н.А. Рамазанов опубликовал большую статью о Толстом, в которой, помимо биографических данных своего учителя, указал основные работы, отечественные и зарубежные награды, а в заключение отметил, что "дом его пропитан влечением к искусству, был постоянно высшею школою для молодых художников".

Через пять лет, когда в мае 1859 г. исполнилось 50 лет с тех пор, как граф был избран почетным членом Академии художеств, он был произведен из вице-президентов Академии художеств в товарищи президента[59]. "Это была почетная отставка, но все-таки отставка, – писала дочь. – Отцу было тяжело перенести это, тяжело оставить любимую деятельность, оставить Академию, с которой неразрывно связана была его жизнь; даже квартиру, где он прожил, окруженный любимыми предметами, почти полстолетия"[60]. Чтобы помочь пережить трудный момент, друзья художника устроили чествование, носившее неофициальный, дружеский характер. Празднование юбилея завершило служебную карьеру художника.

Толстому шел восьмой десяток лет, постепенно подступали болезни, и врачи рекомендовали ему лечение за границей. Художник дважды (в 1845–1846 и 1861–1862 гг.) совершил длительные путешествия по странам Западной Европы, во время которых вел подробные дневниковые записи, дополняя их многочисленными рисунками[61]. Влюбленный с детских лет в античность, он наконец увидел Колизей, скульптуры, триумфальные арки "вечного города". На страницах путевых дневников Толстой запечатлел не только прекрасные памятники античности, но и современную жизнь людей разного социального уровня[62]. Бурные общественно-политические события, происходившие в те годы в западноевропейских странах, захватили и Толстого. Он иногда бывает резок и полемичен в суждениях о том или ином государственном деятеле, о контрастах "между величием и роскошью... с нищетой и угнетенным положением простого класса людей"[63], но всегда искренен и откровенен в своих оценках. Здесь, как и в годы юности во время плавания в страны Скандинавии, ему вновь предоставилась возможность сравнивать увиденное с тем, что он хорошо знал и

любил дома. 18 декабря 1845 г. он писал конференц-секретарю Академии художеств В.И. Григоровичу из Рима: "Я восхищен всем, но все-таки скучно здесь. Я нахожу у нас во многом лучше совсем не по одной только привычке к своему, но тщательно вникая во все (климат и памятники откладывая в сторону: это другое дело), взвешивая везде, где я был, хорошее и дурное с нашим дурным и хорошим, скажу, что по моему уразумению и совести у нас в России в несколько крат лучше... Я не дождусь времени, когда буду иметь радость вернуться в отчизну"[64].

Лечение за границей не улучшило здоровье Толстого. Особенно Федора Петровича беспокоило ухудшающееся с каждым годом зрение. Его внучка, посетив дом деда в 1871 г., оставила следующие воспоминания: «Он одряхлел, плохо видел, носил зеленый зонтик для защиты глаз от солнца... Он сидел в кресле, около кресла стоял столик и была садовая скамейка. При нем состояла чтица, молодая девушка, постоянно читавшая ему переводные романы. Он часто засыпал, но стоило прекратить чтение, сейчас просыпался... Когда я к нему подходила и говорила: "Здравствуйте, дедушка", – он присматривался и отвечал: "Здравствуй, милая, ты кто?" – "Я ваша внучка Катенька..." ...Но видно было, что он меня не помнит и ему до меня все равно... Грустное впечатление я выносила из этих посещений: прежнего ласкового, отзывчивого дедушки уже не было, хотя лицо по-прежнему было ласковое и доброе»[65].

Скончался Толстой 13 апреля 1873 г. в возрасте 90 лет. Похоронили его на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

* * *

Толстому шел седьмой десяток лет, когда он в конце 50-х годов прошлого столетия[66], видимо, по просьбе своей дочери М.Ф. Каменской приступил к написанию воспоминаний. "Он писал их постоянно: в Петербурге, и за границей, и продолжал до последних дней своей жизни", – свидетельствует Т.П. Пассек[67]. К этому времени он уже плохо видел, и поэтому уже первые строчки "Записок" написаны неуверенным, нечетким почерком. Дальнейшее ухудшение зрения приводит к тому, что почерк еще больше меняется, становится крупнее, и вскоре Толстой начинает писать по разлинованной бумаге, с большим трудом выписывая буквы, не соблюдая знаков препинания и не всегда дописывая слова[68].

Рукопись "Записок" (особенно их вторая половина) изобилует правкой слов, предложений, целых абзацев и страниц, сделанных Толстым, а также, по всей видимости, его женой. По всей вероятности, Толстой уточнял и дополнял черновой текст в течение всего периода создания воспоминаний, а, видимо, в начале 1860-х годов решил переписать черновик. Об

этом можно судить по пометам Толстого на полях рукописи: "До тех пор переписано и поправлено"[69]. Но беловик, к сожалению, до нас не дошел. Е.Ф. Юнге утверждает, что он, так же как и большая часть личного архива отца, был уничтожен ее матерью незадолго до смерти мемуариста[70].

Публикация отрывков из "Записок" была осуществлена в двух номерах журнала "Русская старина" за 1873 г.[71] по инициативе Татьяны Петровны Пассек, двоюродной сестры А.И. Герцена, вдовы В.В. Пассека[72]. С Толстыми она познакомилась в 1859 г. в Петербурге, и с тех пор у нее установились дружеские отношения со всеми членами семьи. Особая симпатия связывала ее в течение многих лет, несмотря на разницу в возрасте, с дочерью Толстых – Екатериной.

Вспоминая в дальнейшем о своих встречах с семьей художника, Пассек писала: "Еще лучшее воспоминание оставило во мне то время, когда я проводила с Толстыми одна, в задушевной беседе или слушая рассказы графа Федора Петровича о его прежней жизни и чтение из его воспоминаний и путевых записок"[73]. Видимо увлеченная эмоциональными и яркими рассказами графа о себе и своем времени, Татьяна Петровна в начале 1870-х годов предложила опубликовать его "Записки" и, получив согласие, со свойственной ей энергией приступила к подготовке рукописи к изданию.

К этому времени Толстой, по словам его близких, "плохо слышал и помнил" и уже мало кого узнавал[74]. Поэтому отбором и редактированием текста для журнала занимались жена Толстого и Т.П. Пассек. Подтверждение этому мы находим в предисловии к "Запискам": "Первые... главы по желанию графа и его достойной супруги графини Анастасии Ивановны остаются пока в рукописи" и приводятся лишь "главные факты" из детской и юношеской жизни до 1802 г.[75]

Была опущена вся первая половина текста рукописи, посвященная детским и юношеским годам художника, где мемуарист довольно резко критикует нравы высшего света екатерининской эпохи, осуждает принятую тогда систему воспитания дворянских детей, дает далеко не лестную характеристику Павла I и многих сановников, подробно рассказывает о своих плаваниях в 1800–1801 гг. в Скандинавские страны и Финляндию в период обучения в Морском шляхетском кадетском корпусе. Однако и в опубликованной части "Записок" были изъяты воспоминания о тайном обществе Союз благоденствия, масонских ложах, ланкастерских школах и многое другое. "Записки" подверглись также и редакторской правке, а местами и литературной обработке. Последняя изменяла не только стиль автора в ряде мест повествования, но и смягчила острую направленность высказываний и характеристик автора. Это касается, например, рассказа о родном дяде Федора Петровича – графе Ф.А. Толстом, о медальере К.А. Леберех-

те, о министре финансов графе Д.А. Гурьеве, о генералах графах А.И. Остермане-Толстом и Ф.П. Уварове, о главнокомандующем генерал-фельдмаршале М.Б. Барклае де Толли, об императрице Марии Федоровне и др.

То есть публикация "Записок" Ф.П. Толстого в журнале "Русская старина" не является ни сколько-нибудь полной, ни вполне адекватной сохранившемуся авторскому тексту.

Спустя несколько лет, давая оценку той публикации, Е.Ф. Юнге писала в воспоминаниях, что «с этой задачей она (Т.П. Пассек. – *А. Ч., Е. Г.*) не совсем хорошо справилась. Правда, не одна она над этим трудилась, ей некогда было все взять в свои руки, было много посредников. В конце концов записки вышли в печати очень измененными: некоторые вещи, сказанные отцом моим, принимали оттенок, несвойственный его взгляду и образу мышления. На мои протесты Т.П. возражала: "Все было отцу твоему прочитано, и ...он одобрил...". Но когда это читалось отцу, он был очень стар, плохо слышал и помнил: где было ему следить за редакцией!»[76].

После смерти Толстого его вдова разрешила Пассек использовать "Записки" и дневники заграничных путешествий графа при написании ее воспоминаний, к которым она приступила еще в конце 1860-х годов. Публикация воспоминаний Т.П. Пассек началась в 1872 г. в журнале "Русская старина". Главы, посвященные Толстому, были опубликованы в 1878 г. Татьяна Петровна разделила свое повествование на части и дала им следующие заголовки: "Граф Федор Петрович Толстой, 1860 г."[77], "Масонские ложи"[78], "Ланкастерские школы"[79], "Тайные общества"[80], "Жизнь и служба в Академии художеств"[81], "В Риме в 1845 г."[82], "В Риме после отъезда императора Николая, 1845–1846 гг."[83].

Т.П. Пассек довольно произвольно использовала авторский текст: она не сохранила последовательность, а главное – точность изложения, взяла лишь выдержки из "Записок" и дневников, соединив их собственным пересказом прочитанного и услышанного ранее от Толстого. Она смягчила также острую направленность высказываний Толстого.

Публикация в "Русской старине" рассказов Толстого в воспоминаниях Пассек привела ее к крупной ссоре с графиней А.И. Толстой[84]. Вдова художника была напугана тем, что широкой общественности напомнили о либеральном прошлом ее мужа. К тому же Пассек не скрывала своего намерения написать в ближайшее время исследование-воспоминание о Толстом, где собиралась более подробно рассказать о его жизни и творчестве[85]. Следует также добавить, что издание появилось в трудное для вдовы художника время: после смерти мужа на нее легли все заботы по воспитанию маленького внука, усыновленного Федором Петровичем еще при жизни[86], а пенсия ее была невелика[87].

После этой публикации графиня Анастасия Ивановна сама попыталась издать оставшиеся у нее рукописи мужа, но ей не удалось это осуществить[88].

Одновременно с журнальным вариантом своих воспоминаний Пассек работала над отдельным их изданием, которое и было осуществлено в 1878-1889 гг.[89] В главы, посвященные Ф.П. Толстому[90], она внесла множество изменений и дополнений по сравнению с публикацией в журнале "Русская старина", значительно сократила текст Толстого[91], нередко заменяя его собственным пересказом[92].

Воспоминания содержат также пояснения и комментарии самой мемуаристки, дополняющие повествование Ф.П. Толстого (например, об отношении правительства Александра I к масонским ложам, о причинах популярности масонства у представителей различных слоев тогдашнего общества, об организационном устройстве масонского ордена), а также эпизоды, не дошедшие до нас в составе черновой рукописи "Записок" Толстого (о руководителях Общества распространения ланкастерских школ, об успехах школы, организованной Обществом, об истории и причинах его роспуска, о восстании 14 декабря 1825 г. и допросе Ф.П. Толстого в Следственном комитете). Может быть, страницы с этими сведениями были сожжены вместе с остальным текстом "Записок" женой художника, но возможно также предположить, что их никогда и не было, и Татьяна Петровна пересказала в своих воспоминаниях устные рассказы художника.

Второе издание воспоминаний Пассек полностью повторило публикацию 1870–1880-х годов[93].

В 1931 г. было предпринято сокращенное издание воспоминаний под общей редакцией А.В. Луначарского[94]. Все главы, посвященные личности "аристократа-скульптора графа Федора Петровича Толстого", были опущены[95].

Последнее издание мемуаров, в основу которого была положена прижизненная трехтомная публикация 1878–1879 гг., увидело свет в 1963 г.[96] Однако главы, посвященные Толстому, были приведены здесь по публикации в "Русской старине" за 1878 г., так как издатели исходили из того, что журнальная редакция мемуаров Пассек более близка к авторскому тексту "Записок" художника, который, как они полагали, навсегда утрачен[97].

В 1892 г. Е.Ф. Юнге опубликовала в журнале "Русский художественный архив" статью о детских и юношеских годах своего отца Ф.П. Толстого, написанную на основе хранившейся у нее черновой рукописи его "Записок", а также семейных преданий, устных рассказов родственников[98]. Екатерина Федоровна довольно вольно использовала воспоминания отца: она не всегда придерживалась логики рукописи, свободно переставляла факты, добавляла свой текст. Но даже в тех случаях, когда Юнге сообщала, что старалась приводить, где толь-

ко возможно, "собственные слова" отца, она не всегда придерживается данного обещания.

"Записки" были использованы Юнге и при написании собственных воспоминаний[99]. Как мы уже отмечали, Екатерина Федоровна критически отнеслась к изданию части "Записок" отца в "Русской старине" в 1873 г., поэтому воспользовалась своей публикацией о детских и юношеских годах Толстого, а для описания событий начиная с 1802 г. вновь обратилась к черновому тексту "Записок", дополнив их личными воспоминаниями и семейными преданиями.

В 1907 г. Юнге передала воспоминания отца в составе своего небольшого архива в Российский Исторический музей[100]. В середине 1930-х годов, очевидно сотрудниками Отдела письменных источников этого музея, была начата подготовка публикации полного текста "Записок" Ф.П. Толстого, сделана их машинописная копия. Но неизвестные нам обстоятельства не позволили завершить начатую работу[101]. Видимо, 1930-е годы были неподходящим временем для публикации мемуаров графа Толстого.

* * *

Мемуары всегда субъективны и отражают неповторимые индивидуальные качества личности автора и степень осмысления им реальных событий минувшего. Не все мемуаристы смогли понять события, свои взаимоотношения с современниками. Даже при желании дать правдивое описание все равно происходил субъективный отбор фактов, персонажей, к которому нельзя относиться с абсолютным доверием.

На личный опыт мемуариста всегда оказывает влияние время, а также временнáя дистанция между событием и автором повествования. Как мы уже отмечали, Толстой приступил к своим "Запискам" спустя много лет после описываемых событий. Наличие подобного временнóго интервала не могло не оказать воздействия на отношение мемуариста к прошлому. С годами многое забылось, время постепенно стирало детали собственной оценки под воздействием точек зрения современников, приобретенного личного опыта. И к тому же о некоторых событиях и людях Толстой писал со слов своих современников. Так, рассказывая об Иване Степановиче Рибопьере и его сыне Александре Ивановиче, он использовал, к сожалению, недостоверные слухи, ходившие в русском аристократическом обществе конца XVIII – первой половины XIX в.

Не во всем достоверно резко-негативное описание деятельности императора Павла I, от нелепых распоряжений которого пострадали не только родственники Толстого, но и сам мемуарист. Конечно, во многом прав Толстой, когда пи-

шет о резкости, жестокости и даже сумасбродстве Павла I, о непоследовательности его действий. Но главное, по-видимому, заключается в том, что мемуарист (как и большинство его современников) прежде всего постарался оправдать себя (и своих близких) и обвинить своего обидчика. Лишь немногие современники Павла I сумели понять и оценить всю сложность и противоречивость его натуры. Как писал в своих воспоминаниях статс-секретарь императора И.В. Лопухин, "в государе сим, можно сказать, беспримерно соединились все противные одно другому свойства до возможной крайности"[102]. К тому же в правление Павла I Толстому было всего 14–18 лет, и, рассказывая о событиях того времени, он нередко доверяет слухам и домыслам об императоре, которых ходило немало.

Не во всем точны сведения мемуаров Толстого и о последних годах жизни А.Н. Радищева. Толстой пишет о том, что в смерти Радищева виноват якобы Павел I. На самом же деле именно Павел I возвратил Радищева из Сибири с предписанием жить в сельце Немцове Малоярославецкого уезда, а не в Петербурге, как сообщает Толстой. И только при воцарении Александра I Радищеву разрешили переехать в столицу, где он был назначен членом Комиссии по составлению законов.

Ярким примером влияния возраста на неточность сообщаемых фактов является отрывок о пребывании семьи Толстых на даче в Царском Селе, о знакомстве с императрицей Елизаветой Алексеевной, встречах со своими родственниками, с четой Лонгиновых, о дочери Лизе. Мемуарист пишет обо всех этих событиях как об одновременных, имевших место в начале 1820-х годов. Но по упоминанию в одном из черновых вариантов этого отрывка об эпидемии холеры в Петербурге, а также при сравнении с воспоминаниями М.Ф. Каменской, можно датировать события, произошедшие летом в Царском Селе, 1831 г.[103] Что касается его знакомства с императрицей Елизаветой Алексеевной, то оно произошло в 1817 г.[104] Лизу Толстую отдали в Патриотическое училище по настоянию императрицы в 1819 или 1820 г.[105], а в Парголово Толстые отдыхали летом 1828 и 1832 гг.[106] Также неверно называется у Толстого время приглашения учителей к детям, время смерти матери (см. примечания к настоящему изданию). Встречаются ошибки в передаче имен упоминаемых лиц, в пересказе некоторых событий (история немецкого театра в Петербурге), путаница в родственных связях и проч.

Далеко не всегда соответствуют истине характеристики ряда лиц в "Записках" Толстого. Так, ослепленный обидами, нанесенными его самолюбию, автор не желает сказать ни одного доброго слова о своем дяде и крестном отце Ф.А. Толстом – собирателе крупнейшей коллекции рукописей и старопечатных книг, о братьях Виельгорских – тонких цените-

лях и любителях музыки, много сделавших для пропаганды достижений русских и европейских музыкантов, для их моральной и материальной поддержки, и др.

На достоверности и полноте мемуаров Толстого сказалось и его желание (необходимость) скрыть некоторые факты своей биографии по политическим соображениям, как это получилось с рассказом о тайном обществе Союз благоденствия. В "Записках" Толстой продолжает придерживаться показаний, данных им в ходе следствия по делу декабристов, скрывая истинные цели и характер организации, а также свою роль в ее деятельности.

Говоря о полноте "Записок" Толстого, мы не можем забывать, что перед нами лишь часть его мемуаров, взятая для чтения его дочерью и потому случайно уцелевшая после уничтожения архива художника его второй женой. В этой части мы не найдем рассказов о его замечательных современниках и собеседниках – литераторах, композиторах, художниках, журналистах и других, в кругу которых он вращался, о людях, близких ему по интересам, по духу. Нет там ничего о собраниях литературных, филантропических и тем более тайных обществ, членом которых он был. Кое-что из утраченного, относящегося к истории декабристов и ланкастерских школ, можно приблизительно восстановить по цитатам и пересказу в "Воспоминаниях" Т.П. Пассек. В этом случае мы видим, насколько содержательнее, последовательнее были "Записки" художника до катастрофы, постигшей его личный архив.

Наиболее точны воспоминания Толстого о двух его "морских кампаниях" 1800–1801 гг., когда, будучи воспитанником Морского шляхетского кадетского корпуса, он посетил страны Скандинавии и Финляндию. Дневник ("Журнал"), который он вел во время учебных плаваний, затем почти без изменений был включен мемуаристом в свои "Записки".

В отличие от своего знаменитого прапрадеда стольника П.А. Толстого (1645–1729), впервые попавшего за границу в возрасте 52 лет и для которого Западная Европа во всем была непохожа на Россию, русского дворянина конца XVIII – начала XIX в. мало что удивляет в Скандинавских странах. После Петербурга, ставшего к концу XVIII в. одним из красивейших городов Европы, Толстой, посетив Стокгольм, Копенгаген, Берген, Гельсингфорс и другие города, отмечает, что их "вид ...не имеет ничего особенно замечательного и красивого". Трудно ожидать от 17–18-летнего юноши полного и подробного описания в "Журнале морских кампаний" общественно-политической и культурной жизни Скандинавских стран и Финляндии, так как программа учебных плаваний носила определенную задачу – "экзерциции в науке и практике", т. е. приобретение морского опыта и расширение познаний гардемаринов и кадет Морского корпуса. Ценность дневниковых

записей состоит прежде всего в искренности их автора, а также в конкретных сведениях о путешествии. Подробно описывает Толстой свои впечатления о посещении шведских дворцов и музеев; отмечает доброе отношение к русским морякам ("принимали... везде ласково и дружелюбно") военных и жителей Скандинавии; приводит названия увиденных им городов, портов, крепостей, фортов, маяков и т. д.

* * *

В настоящем издании "Записки" Ф.П. Толстого публикуются по подлинной авторской рукописи, хранящейся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея[107].

Подготовка данного текста к публикации имела некоторые особенности, обусловленные, с одной стороны, незавершенностью работы мемуариста над своими "Записками" и уничтожением части рукописи, а с другой – значительной редакторской правкой, осуществленной, по всей видимости, А.И. Толстой. Стремясь максимально точно воспроизвести авторский текст, мы опустили правки, добавления и исправления, сделанные ею (и большей частью совпадающие с текстом первого издания "Записок"), так как, во-первых, не уверены, что они делались с согласия Ф. Толстого (об этом писала и Е. Юнге), а во-вторых, они не всегда отражают особенности лексики мемуариста. Зачеркнутый при этом редактировании текст автора нами восстанавливался, а правка опускалась с оговоркой в примечаниях лишь в тех случаях, если она содержит дополнительную или отличающуюся от авторской информацию.

Несколько отрывков воспоминаний Толстого сохранились лишь в записи и редакции его жены; они включены в текст публикации, что оговорено нами в примечаниях и выделено квадратными скобками и курсивом в тексте "Записок".

При наличии нескольких редакций одного и того же отрывка за основу для публикации мы брали наиболее полный и законченный вариант, зачастую им оказывался последний по времени написания. Наиболее существенные разночтения, встречающиеся в разных редакциях, приведены нами в примечаниях.

Автор не всегда придерживался хронологии в изложении событий, особенно во второй половине текста, что делает "Записки" излишне фрагментарными и пестрыми, мешая восприятию содержания. Кроме того, в публикуемой рукописи есть отдельные эпизоды, начало и конец которых находятся в разных частях текста (например, рассказ об Алексееве). Учитывая черновой характер публикуемого источника, неполноту его сохранности, мы по возможности восстанавли-

ваем хронологическую и логическую последовательность повествования, а в тех случаях, когда это невозможно, в примечаниях сообщаем их дату.

Как мы уже отмечали, рукопись "Записок" носит черновой характер, в ней много пропусков слогов, букв, союзов или, наоборот, повторы слов в одном предложении, а также несогласование падежных окончаний, грамматические ошибки и описки (что можно отчасти объяснить резким ухудшением зрения автора в конце жизни). Все эти особенности текста исправлялись нами без оговорок в примечаниях. Употребление автором в одном отрывке прошедшего и настоящего времени глаголов оставлено без изменения лишь в тех случаях, когда это не мешает восприятию текста.

Пропущенные автором слова вставляются по смыслу в квадратных скобках, если же подобные вставки сделаны его женой – курсивом и в скобках.

Характерные для автора чрезмерно громоздкие сложноподчиненные предложения, затрудняющие восприятие смысла, разбиты нами там, где это возможно, на более короткие. Разбивка текста на предложения и абзацы сделана по смыслу без нарушения авторского замысла.

Текст "Записок" дается в современной орфографии и пунктуации. Однако при этом сохраняются все особенности лексики, характерные для конца XVIII – первой половины XIX в. В частности оставлено без изменения написание таких слов, как "ниониче", "баталион", "англинский", "пиедестал", "ошпиталь", "пресурьезно", "ундер-офицер", "атютант", "медальор", "фрельна" и др. Сохранена вариантность, неустойчивость написания одних и тех же слов, присущая тому времени (ветер – ветр, дожжь – дождь, атютант – адъютант, шкеры – шхеры, шлюпка – шлюбка – слюбка, гобвахта – гауптвахта, фронт – фрунт, итти – идти и т. д.).

Географические названия и имена собственные (за исключением явных искажений и описок) даются в транскрипции автора (Ельсинфор и Эльсинфор, Свеаборг и Свиабург, Стокгольм и Штокгольм и проч.). Сокращенные написания имени-отчества (Фед. Ан., П. Ал., Николай Михайл. и проч.), титулов, званий (имп., гр., кн., ген.-лейтенант и проч.), названий учреждений (Ак. худ., Акад. худ. и т. д.) и другие приводятся нами полностью.

Слова и фразы на иностранных языках воспроизводятся на языке оригинала, перевод дается в примечаниях.

Хронологические рамки примечаний, как правило, соотносятся с событиями, описываемыми мемуаристом.

Текст рукописи не был разделен автором на главы. Были ли последние в беловом варианте, нам не известно. В журнальном издании "Записок" 1873 г. текст поделен на главы без названий, а уже Пассек и Юнге, приводя обширные выдержки из рукописи или передавая ее содержание своими

словами, дали главам собственные заголовки. Мы сочли возможным разбить текст на главы, используя иногда в их названиях цитаты из публикуемых "Записок".

Подготовка текста и его комментирование осуществлены А.Е. Чекуновой (с начала до окончания Толстым в 1802 г. Морского кадетского корпуса) и Е.Г. Гороховой (с 1802 г. до конца).

Публикаторы выражают благодарность сотрудникам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея и его заведующему А.Д. Яновскому за внимание и содействие в работе, а также В.М. Безотосному, И.С. Калантырской, А.И. Комиссаренко, А.С. Мельниковой, Г.М. Никитиной, А.И. Рейтблату, С.Ю. Самонину, А.И. Серкову, И.Л. Фоминой и А.С. Шкурко за помощь и советы при подготовке "Записок".

Примечания

1 *Кузнецова Э.В.* Федор Петрович Толстой. 1783–1873. М., 1977. С. 9. На с. 241–323 исследовательница приводит подробный перечень произведений художника, находящихся в музеях России. Незадолго до кончины Ф.П. Толстой составил "Обзор" своей художественной деятельности, опубликованный в журнале "Русская старина" за 1873 г. (Т. 7. № 4. С. 517–532), в который не включил многие свои работы.

2 *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 86.

3 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. 1843–1860 гг. М., [1914]. С. 121.

4 Толстой был женат дважды. В 1810 г. он женился на Анне Федоровне Дудиной (1792–1835), от которой имел двух дочерей – Елизавету (1811–1836) и Марию (1817–1898). Первая из них умерла молодой, а вторая была замужем за литератором П.П. Каменским и сама писала стихи, пьесы, романы. После смерти первой жены Толстой вступил во второй брак с Анастасией Ивановной Ивановой (1817–1889). От этого брака у него было также две дочери – Екатерина (1843–1913) и Ольга (1849–1869). Первая вышла замуж за профессора Военно-медицинской академии окулиста Э.А. Юнге, а вторая была замужем за статским советником А.А. Дмитриевым и скончалась во время родов.

5 В своих воспоминаниях Е.Ф. Юнге сообщает: "У отца есть подробные записки и целые ящики писем... Весь этот богатый материал был уничтожен моей матерью... Я думаю, что причина такого нелепого поступка моей матери кроется в ее мелочной ненависти к первой семье мужа. По словам сестры Каменской, отец был очень счастлив со своей первой женой; жизнь его слагалась совсем по его вкусу, и это была лучшая пора его творчества, так как жена своею чудной красотой и своим участием к его работам вдохновляла его. При моей матери многое было совсем иначе. Вероятно, отец обо всем этом писал. Вместе с рассказами об интимной жизни погибло и все то, что он писал об окружающей его жизни общественной, в которой он так долго принимал живое участие" (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 18. Л. 51, 52 об.).

6 ИРЛИ. Ф. 410 (Ф.П. Толстой); ОПИ ГИМ. Ф. 344 (Ф.П. Толстой); Ф. 454 (Н.А. Рамазанов); ОР ГРМ. Ф. 4 (Ф.П. Толстой); Ф. 14 (Н.И. Уткин). Д. 157; РГАЛИ. Ф. 141 (Ф.Н. Глинка); Ф. 198 (В.А. Жуковский); Ф. 212 (Достоевские); Ф. 994 (Собрание писем деятелей искусств); Ф. К 1336 (Коллекция альбомов); РО РНБ. Ф. 785 (Ф.П. Толстой); Ф. 124 (собр. П.Л. Вакселя). Д. 4328; Ф. 379 (Ф.П. Корнилов). Д. 474; Ф. 391 (А.А. Краевский). Д. 767; Ф. 542 (Оленины). Д. 601; Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Д. 721 и др.

7 РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 777. Л. 43 об.; Ф. 406. Оп. 1. Д. 8. Л. 579. В литературе и мемуарах встречается ошибочная дата поступления – 1800 г.

8 Одногодок Толстого В.И. Штейнгель (1783–1862), зачисленный в Морской корпус в 1792 г. в возрасте девяти лет, пишет в мемуарах, что вначале "содержание кадет было самое бедное... в ученье не было никакой методы... географии, истории, грамматике и рисованию учили кое-как, заставляя твердить наизусть то, чего не понимали... преподавание артиллерии и фортификации ...было самое плохое", а "жестокие наказания" и даже "тиранство" были нормой быта воспитанников. Изменения начались с 1794 г. с приходом П.К. Карцева, ставшего впоследствии, в 1803 г., директором Морского корпуса. Как вспоминает он далее, все переменилось в жизни корпуса в правление Павла I, заботливость которого была разительная: приглашались знающие учителя, началось "преподавание высшей математики и теории кораблевождения", улучшался быт воспитанников (*Штейнгель В.И.* Автобиографические записки // Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 80–99).

9 *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 176.

10 В послужных списках Ф.П. Толстого, написанных в разное время, встречаются разные числа его производства в мичманы: в списке 1804 г. это 27 июня, а в самом позднем, посмертном, – 23 июня (см.: РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 8. Л. 579; РГИАЛ. Ф. 789. Оп. 14. Д. 23. Т. Л. 81 об.–82).

11 ОПИ ГИМ. Ф. 342. Д. 10. Л. 73. Эта фраза входит в состав отрывка, который был вычеркнут автором и заменен далее в тексте "Записок" на другую редакцию.

12 Впоследствии Толстой поддержал Шилова в трудный момент его жизни: когда тот из-за тяжелой болезни не мог больше преподавать в Академии художеств, т. е. лишился средств к существованию, Федор Петрович упросил руководство Академии разрешить ему преподавать вместо него с тем, чтобы жалованье по-прежнему выдавалось И. Шилову. Несколько лет (с 1821 г.) он нес эти обязанности в ущерб материальному положению своей семьи, которая была крайне стеснена в средствах. А после смерти Шилова он заботился о его сыне, о чем можно догадаться из мимоходом оброненной фразы в его "Записках".

13 РГИАЛ. Ф. 789. Оп. 14. Д. 23. Т. Л. 81 об.–82.

14 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания... С. 110.

15 *Коваленская Н.Н.* Художник-декабрист Ф.П. Толстой // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 560.

16 В настоящей статье приводится лишь краткий обзор творчества Ф.П. Толстого. Подробнее об этом см.: *Борина М.А.* Медальная серия Ф.П. Толстого "На события Отечественной войны 1812 г." // Труды ГИМ. М., 1992. Вып. № 80. Нумизматич. серия. Ч. XI. С. 118–129; История русского искусства. М., 1957. Т. 1; М., 1963. Т. 8, кн. 1; *Коваленская Н.Н.* Указ. соч.; *Кузнецова Э.В.* Отечественная война 1812 г. в медальонах Ф.П. Толстого // Искусство. 1962. № 9; *Она же.* Силуэты Ф.П. Толстого // Искусство. 1966. № 2; *Она же.* Федор Петрович Толстой. 1783–1873. М., 1977; *Она же.* Федор Петрович Толстой. 1783–1873. Л., 1981; *Майков А.Н.* Граф Ф.П. Толстой и его рисунки к "Душеньке" в шести тетрадях // Отечественные записки. 1852. Т. 84. Кн. 9. Отд. II. С. 1–32; *Мроз Е.К.* Федор Петрович Толстой. М.; Л., 1946; *Никулина Н.И.* Силуэты Ф.П. Толстого в собрании Эрмитажа. Л., 1961; *Прозоровский Д.И.* Граф Федор Петрович Толстой как медальер [СПб., 1873]; Федор Петрович Толстой. 1783–1873: Каталог выставки. М., 1973 и др.

17 Рецепты красок для этих натюрмортов Толстой изобретал сам.

18 *Кузнецова Э.В.* Федор Петрович Толстой. 1783-1873. М., 1977. С. 176. Здесь и далее ссылки даются на эту монографию, а не на научно-популярную биографию художника, изданную тем же автором в 1981 г.

19 *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 130, 262.

20 Граф Федор Петрович Толстой: Обзор художественной деятельности // Русская старина. 1873. Т. 7. № 4. С. 528.

21 *Майков А.Н.* Указ. соч. С. 1–32; *Григорович В.И.* Разбор одного из новых рисунков графа Толстого, для коих предметы им заимствованы из "Душеньки" Богдановича // Журнал изящных искусств. 1823. Кн. IV. С. 510–520.

22 *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 34.
23 *Борина М.А.* Указ. соч. С. 120.
24 *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 54.
25 Письмо не сохранилось, но было опубликовано при жизни Толстого его зятем П. Каменским (*Каменский П.П.* Граф Ф.П. Толстой // Отечественные записки. 1839. Т. 3. Кн. 4. Отд. 4. С. 1–28). В дальнейшем оно приводилось в статьях А. Майкова (Указ. соч. С. 1–32) и Н. Рамазанова (Юбилей графа Федора Петровича Толстого, вице-президента императорской Академии художеств // Московские ведомости. 1854. 25 ноября.). Текст письма во всех названных публикациях отличается от приведенного в "Записках" Толстого. Видимо, они восходят к двум разным черновым вариантам письма, хранившимся некогда в архиве художника.
26 В 1834–1836 гг. были отлиты бронзовые медали, которые резали ученики Толстого А.П. Лялин и А.А. Клепиков.
27 *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 75.
28 Сын отечества. 1820. Ч. 65. № 44. С. 163–164.
29 Любопытно, что отец Ф.П. Толстого также был масоном, наместным мастером ложи "Скромности" – "Zur Verschwiegenheit" – в Петербурге в XVIII в. Впоследствии он значился почетным членом ложи "Избранный Михаил", во главе которой стоял его сын (*Пыпин А.Н.* Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его. 1731–1822. СПб., 1873. С. 4, 11–12; Tableau General de la Grande Loge Astrée a l'O. de St. Petersbourg et des 23 loges de sa dépendance. 58 18/18. P. 62-80).
30 Цит. по: *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. Т. 2. М., 1963. С. 362. Далее ссылки даются на это издание (кроме специально оговоренных случаев).
31 ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 117.
32 *Соколовская Т.О.* Раннее Александровское масонство: Возрождение масонства // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. II. С. 165–166.
33 *Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 96. Среди речей, произнесенных членами ложи на ее заседаниях, исследователь называет "Мысли об истинном достоинстве человека и какими путями можно достигнуть его" и "Об Александре I" (автор А.Д. Боровков), "О необходимости любви к отечеству в обществе русских братьев масонов" (А.А. Никитин), "О свободе человека" (Чориков), "О повиновении" (Г.А. Долгоруков) и др. (С. 88).
34 Там же. С. 86. "Зеленой книгой" (по цвету переплета) члены Союза называли его Устав.
35 По некоторым сведениям он стал членом Коренной управы в 1819 г. (показания Н.М. Муравьева и П.И. Пестеля (см.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5. Л. 21). Отвечая на вопросы Следственного комитета 15 февраля 1826 г., Толстой сообщил: "В 15-м году я был принят в одно благотворительное общество, целию которого было благотворение, поощрение и распространение наук и художеств здесь, в Санкт-Петербурге г-м Новиковым". Там же. Д. 232. Л. 5).
36 П. Колошин на следствии показал, что Толстой вместе с Долгоруким, Трубецким и Глинкою были попеременно председателями и блюстителями Коренной управы. (Там же. Л. 7).
37 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания (1843–1860 гг.). М., [1914]. С. 117.
38 *Каменская М.* Воспоминания. М., 1991. С. 109.
39 *Штейнгель В.И.* Указ. соч. С. 387.
40 *Базанов В.Г.* Указ. соч. С. 257.
41 *Пассек Т.П.* Указ. соч. С. 381–383.
42 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 232. Л. 5.
43 Там же. Л. 7.
44 Цит. по: *Пассек Т.П.* Указ. соч. С. 390.
45 *Каменская М.* Указ. соч. С. 114.
46 Некоторые исследователи приписывают Толстому авторство записок "О

нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности гвардейского корпуса" (1826), "О состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства" (1826) и "О необходимости уничтожения отдельных прав в губерниях, от Польши возвращенных" (1836. Хранятся: ОР ГРМ. Ф. 4. Д. 18 и ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 12), адресованных на имя императора Николая I (см., например: *Коваленская Н.Н.* Указ. соч. С. 533, 543; *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 46). Об устойчивости этой версии говорит и тот факт, что в самое последнее время первая из упомянутых записок была дважды опубликована Н.А. Каргаполовой как написанная Ф.П. Толстым (Река времен. Кн. 1. М., 1995. С. 36–48; Держава. 1995. № 2/3. С. 119–124). На самом деле автором записки "О нравственном состоянии войск..." был Н.И. Кутузов (1790-1849), штабс-капитан, старший адъютант Штаба гвардейского корпуса, а с 1826 г. – чиновник II Отделения с. е. и. в. Канцелярии и Министерства юстиции (с 1842), член Союза благоденствия и Вольного общества любителей российской словесности, поэт, сотрудник "Журнала древней и новой словесности" и "Сына отечества" (см. об этом: *Чернов С.Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов. 1960. С. 8; *Базанов В.Г.* Указ. соч. С. 16). В фонде Н.Ф. Дубровина в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге, где также хранится копия этого документа, имеются и сведения об авторе и местонахождении подлинника (Архив АН СПб. Ф. 100. Оп. 1. Д. 133. Записка отставного штабс-капитана Н. Кутузова Николаю I "О нравственном состоянии войск Российском империи..."). Также вызывает сомнение принадлежность перу Толстого записок "О состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства" и "О необходимости уничтожения отдельных прав в губерниях, от Польши возвращенных" (см., например: *Базанов В.Г.* Указ. соч. С. 48–50).

47 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. С. 51.

48 *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 190; *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. С. 117–118, 120.

49 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. С. 75.

50 Там же. С. 110.

51 *Мозговая Е.Б* Скульптура храма Христа Спасителя // Храм Христа Спасителя. М., 1996. С. 59.

52 *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 100.

53 Хранятся: ГРМ. Отдел скульптуры. № 17, 18, 19, 245, 246. Отдел рисунка. № 46344–46347. Отдел гравюры. № 1035–1050; ГМИИ. Отдел гравюры. № 9963–9974; ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 4. Л. 81–85. См. также: *Мозговая Е.Б.* Указ. соч. С. 61.

54 *Майков А.Н.* Указ. соч. С. 11–12.

55 *Мозговая Е.Б.* Указ. соч. С. 49, 61.

56 *Лисовский В.Г.* Академия художеств. Л., 1982. С. 103.

57 *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 148.

58 Общее годичное собрание имп. Академии художеств и празднество пятидесятилетнего юбилея вице-президента ее графа Ф.П. Толстого 10-го октября 1854 года. СПб., 1855. С. 2.

59 По этому поводу в газете "Санкт-Петербургские ведомости" от 27 мая 1859 г. была помещена статья, в которой отмечалось следующее: "Не многие так честно доживают до 50-летнего юбилея, сохраняя вполне расположение общественного мнения. Трудами, добросовестностью, талантом завоевал он себе право на это общественное мнение, так что ничто уже не в силах отнять его".

60 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. С. 193.

61 ОР ГРМ. Ф. 4. Д. 4–13, 15; РО РНБ. Ф. 785. Д. 2.

62 *Пассек Т.П.* Указ. соч. С. 397–398; *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 192, 201.

63 *Кузнецова Э.В.* Указ. соч. С. 193.

64 Император Николай Павлович и русские художники в 1839 г.: Письмо гр. Ф.П. Толстого к В.И. Григоровичу // Русская старина. 1878. Т. 21. № 2. С. 355. В заголовке данной публикации допущена ошибка: письмо было

написано Толстым не в 1839 г., а в 1845 г. и ныне хранится в РО РНБ. Ф. 124. Д. 4328.

65 *Штейнгель Е.П.* Воспоминания о деде моем Федоре Петровиче Толстом и матери моей Марии Федоровне Каменской // *Каменская М.* Указ. соч. С. 327.

66 Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 25.

67 *Пассек Т.П.* Указ. соч. С. 364.

68 В письме А.М. Попову из Парижа (май 1861 г.) он сообщал: "Зрение левого глаза я потерял. Все предметы этим глазом я вижу как за густым туманом" (ОР ГРМ. Ф. 4. Д. 41. Л. 1 об.).

69 ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 27 об.

70 В своих воспоминаниях Е.Ф. Юнге сообщает об этом следующее: «Что всего обиднее, это то, что я имела один раз у себя большую часть собственноручных записок отца и имела глупость отдать их, не успев даже прочитать. Вот как это случилось. В последние годы жизни отец занимался приведением в порядок своих записок, но он был почти слеп, сам писать не мог, переписывали ему частями разные барышни под контролем моей матери, которая уничтожала или изменяла все, что хотела, без ведома отца. Выходило не приведение в порядок, а полная путаница. Раз как-то я застала отца одного и попросила у него все его черновые. Он добродушно согласился, и я с восторгом все это забрала с собой. Не успела я дома приняться за чтение моих драгоценностей, как раздался звонок, и мне подали записку, написанную каракулями моего отца, где он просил прислать ему записки для какой-то справки и обещался через час прислать мне их обратно. Я самым необдуманным образом отдала их посланному, потом уже сообразив, что не следовало этого делать. Я поехала к отцу. "Я сама приехала за записками", – сказала я. – "За какими записками?" – удивленно спросил папа. – "За теми, которые ты дал мне и за которыми только что присылал". – "Так ведь я ж тебе их дал!" – "Но потом ты прислал за ними записку с человеком". – "Какая записка? Ну, если и присылал, так ведь я же тебе их отдал".

Видя, что его самого спутали с толка и что я, ничего от него не добившись, только могу огорчить его разъяснением этого дела, я отправилась к матери. "Отдай мне записки". – Она улыбнулась: "Хорошо, нечего сказать, – промолвила она, – пришла без меня, распорядилась и думала, что я это так оставлю. Я не желаю, чтобы знали подробности интимной жизни отца". – "Но ведь я же не печатать их собираюсь". – "Может быть, я не желаю, чтоб и ты знала", – отвечала она саркастически и прибавила: "Впрочем, теперь слова бесполезны. Я уже сожгла их все".

Я тогда не поверила ее словам, но записок отца я никогда больше не видела и не нашла их после смерти матери» (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 18. Л. 51 об.–52).

71 Записки графа Ф.П. Толстого, товарища президента императорской Академии художеств // Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 24–51; № 2. С. 123–145.

72 Пассек Вадим Васильевич (1808–1842) – этнограф и литератор, товарищ А.И. Герцена по университету.

73 *Пассек Т.П.* Указ. соч. С. 364.

74 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. С. 343; *Штейнгель Е.П.* Указ. соч. С. 327.

75 Записки графа Ф.П. Толстого... // Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 25.

76 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. С. 343.

77 Воспоминания Т.П. Пассек // Русская старина. 1878. Т. 21. № 2. С. 205–208.

78 Там же. С. 209–214.

79 Там же. С. 214–222.

80 Там же. С. 222–234.

81 Там же. С. 234–236.

82 Там же. Т. 22. № 5. С. 93–116.

83 Там же. С. 368–380.

84 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. С. 344.

85 Во втором томе своих воспоминаний, опубликованных в 1879 г., Пассек, сообщая об одном письме Ф.П. Толстого президенту Академии художеств герцогу Лейхтенбергскому, писала: "Письмо это, как значительный материал для биографии графа и для истории Академии художеств... передано мне для пополнения моих воспоминаний о графе. Оно будет помещено в приготовляющуюся биографию графа Федора Петровича Толстого" (*Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. Т. 2. СПб., 1879. С. 465).

86 Речь идет об Александре Александровиче Толстом, сыне младшей дочери Толстых – Ольги, бывшей замужем за статским советником Александром Аполлоновичем Дмитриевым. Мальчик был усыновлен Ф.П. Толстым после смерти его родителей (РГИАЛ. Ф. 789. Оп. 14. Д. 23 Т. Л. 57–60).

87 О материальном положении А.И. Толстой см.: РО РНБ. Ф. 79. Д. 75. Л. 477–479, 752.

88 Об этом свидетельствуют два документа – письмо А.И. Толстой и ее записка на визитной карточке, адресованные Афанасию Федоровичу Бычкову, директору императорской Публичной библиотеки (РО РНБ. Ф. 120 (Бычковы). Д. 1330. Л. 1–3 об.). В письме сообщается о посылке ему двух частей рукописи Записок Ф.П. Толстого для ознакомления, согласно высказанному им накануне пожеланию. Вдова просит Бычкова принять участие в публикации рукописи и выражает намерение на вырученные от продажи книги деньги поставить памятник на могиле Толстого. В записке А.И. Толстая просит вернуть ей рукопись и сообщить его мнение. Письмо датировано 24 февраля без указания года, а записка – без даты. Однако нет сомнений, что они относятся ко времени после смерти Толстого – середине или второй половине 1870-х годов. К сожалению, не совсем ясно, о каких записках идет речь: о беловом экземпляре воспоминаний или о "Путевых записках" заграничных путешествий. Неизвестен также и ответ Бычкова. По крайней мере, в его обширном личном фонде мы не обнаружили больше никаких следов этой истории.

89 *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. Т. 1–3. СПб., 1878–1889.

90 Главы XLIII – "Федор Петрович Толстой", XLIV – "В Риме" и XLV – "После отъезда императора Николая Павловича" // Там же. Т. 2. С. 415–477.

91 Были опущены страницы об инициаторе создания общества "Зеленая книга" и авторах его устава, о некоторых петербургских масонских ложах и их руководителях – Г.Г. Элизене, С.С. Ланском, М.Ю. Виельгорском, В.В. Мусине-Пушкине, об этапах карьеры Толстого в ложах, об убранстве помещения ложи "Избранный Михаил", интереснейший рассказ о посещении Толстым избранных почетными членами Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения графов В.П. Кочубея, А.К. Разумовского и А.А. Аракчеева и о посещении последним ланкастерской школы, о неудачной попытке Министерства народного просвещения создать подобную школу на государственный счет.

92 *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. 2 (примеч. к главе 44 "Граф Федор Петрович Толстой"). С. 697.

93 *Пассек Т.П.* Воспоминания. Из дальних лет. Т. 1–3. СПб., 1905–1906.

94 *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. М.; Л., 1931.

95 Там же. С. 387.

96 *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1963.

97 Там же. Т. 2. С. 697.

98 *Юнге Е.Ф.* Детство и юность графа Федора Петровича Толстого // Русский художественный архив. 1892. Вып. 1. С. 7-15; Вып. 2. С. 62–69.

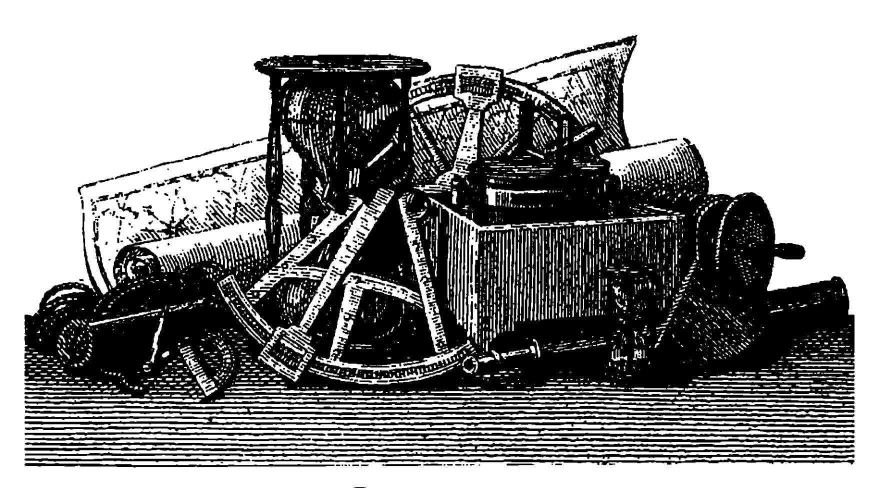
99 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания (1843–1860 гг.). М., [1914].

100 См. заявление Е.Ф. Юнге в Управление Российского Исторического музея, из которого следует, что свой архив она передала в музей, видимо, в мае 1907 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 39. Л. 217).

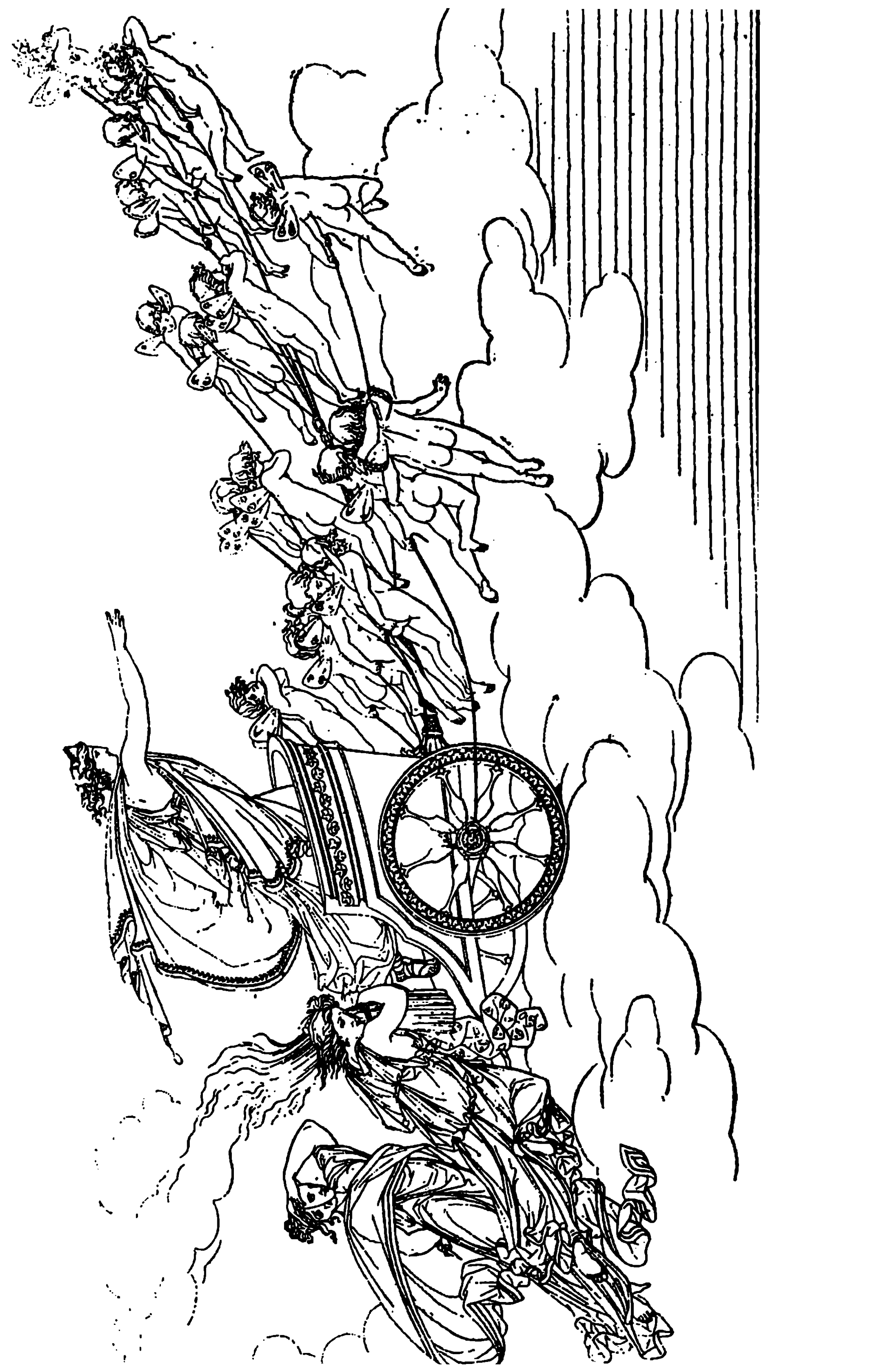
101 В дальнейшем, при научной обработке архива Е.Ф. Юнге, машинописную копию включили в состав фонда 344 под № 11.

102 Записки сенатора Лопухина. М., 1990. С. 74–75.
103 ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 139; *Каменская М.* Указ. соч. С. 169–172.
104 *Каменская М.* Указ. соч. С. 60–62. Причем, как она пишет, семья Толстых находилась тогда в очень стесненных материальных условиях, снимала маленький домик возле Смоленского кладбища, т. е. отдыхать в Царском Селе, что было недешево, тогда не могла.
105 *Каменская М.* Указ. соч. С. 63–64.
106 Там же. С. 152, 205.
107 ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10.

А.Е. Чекунова
Е.Г. Горохова

Записки графа Фёдора Петровича Толстого

Пожаръ Москвы потухаетъ въ стѣнахъ Парижа.

Глава первая

"Я родился в царствование императрицы Екатерины II"

Ты требуешь непременно, чтобы я описал тебе, любезный друг[1], мою жизнь с самого младенчества. Вот она по запискам и заметкам, в то же время писанным, начатым с ранней молодости и продолжавшимся во всю мою жизнь, сколько их уцелело и дополнено памятью.

Я родился в царствование императрицы Екатерины II-й[2] в доме Кригс-комиссариата[3] у Поцелуева моста в 1783 году февраля 10 числа, крещен 17 числа того же месяца, и при крещении пожалован был сержантом лейб-гвардии Преображенского полка и тут же получил от полка отпуск на год: эти отпуска получались родителями каждый год до [моего] исключения из полка[4]. Родитель мой, бригадир[5] граф Петр Андреевич Толстой[6], управлял в то время Кригс-комиссариатом, потому и жил в здании сего начальства.

Батюшка по тогдашнему [был] очень хорошо образован, которому был сам себе обязан, женился очень молодым человеком в Казани, где служил по комиссариату в чине примьер-майора[7] на 14-летней девушке Barbot de Morni, племяннице адмирала Крузе, очень хорошо образованной, очень умной и редкой доброты сердца[8]. У них детей всего было 13-ть, но я застал старших меня: Веру, которая была очень хороша, второй по ней был Александр, а за ним два погодка – Владимир и Константин. После него через четыре года родился я, а через два года родилась сестра Надежда, а через год брат Петр. Последняя сестра у меня была Лизавета[9]. Не помню, каких я был тогда лет, но помнил ее рождение, бывшее в том же доме, где родился и я. Но она скоро умерла, и помню, что тогда я довольно долго об ней сожалел и, раз проснувшись по

обыкновению рано по утру, когда кучер приходил в нашей детской топить печку, я видел совершенно ясно ее возле моего изголовья, сидящею на стуле в том платьеце и черной шелковой обтянутой по головке шапочке, как она лежала больной. Я смотрел на нее и вместе с тем видел кучера, как он в конце комнаты зажигал дрова в печи. С большим удивлением, но без всякого страха, хотя очень боялся домовых и привидений, об которых наслышался от горничных девушек, особливо при раздевании, ложась в свою кроватку. Сняв с себя курточку, жилетку и башмачки, я кидался в постель и поспешно закутывался с головою в одеяло и под ним, закрывая глаза, я снимал чулки и панталончики, которые [клал] как можно ближе к себе под подушку. Не знаю, какую магическую силу полагал я в моих штанишках, что, проснувшись по обыкновению, когда все еще в доме спали, окроме кучера Мирона, топившего печи, я, закрытый с головою одеялом с зажмуренными глазами как раздевался, поспешно надевал чулки и, надев и застегнув шароварчики, я, бодро открыв глаза, сбрасывал с себя одеяло, вскакивал с постели и не боялся уже ничего. Не понимаю, отчего на меня надетые шароварчики имели такое магическое влияние. Если приписать это страху быть высечену, оставив постель без защиты шароварчиками части тела, определенного судьбою на страдания за шалости хозяина, – не может быть, потому что у наших родителей никогда не употреблялось никакое телесное наказание.

Место, которое занимал наш родитель, было такое, в котором предшественники его не только наживали себе хорошее состояние, но и богатство, а он был беден и всю долгую службу существовал одним своим жалованием и оставил службу совершенно без всего. Честь моему отцу была дороже всего. От начальника комиссариата зависело тогда снабжение всех полков армии государства – пехоты, конницы и всех казаков и артиллерии, конной и пешей гвардии, всех гарнизонов городских и крепостных – всеми материалами, необходимыми для полной обмундировки солдат; отпуск денег на жалование офицеров и солдат; отпуск сумм на содержание всех военных ошпиталей[10]. Пост, на котором можно было порядочно нажиться. Но честь не допускала нашего отца поступать таким образом, за что большая часть начальствующих выгодными местами жестоко его укоряла. В шведскую войну на суше и на море, не помню, в котором году начавшуюся[11], батюшка для удобнейшего и скорейшего действия комиссариата был переведен в Выборг и был помещен там в шлоссе[12] старинной шведской крепости. И сверх того батюшка был сделан главным начальником всех военных лазаретов – место, на кото-

ром другой в эти три года, в которые продолжалась война, составил бы себе большое состояние, а присоединив к этому, окроме обыкновенных операций комиссариата, действия его по случаю войны, какие огромные суммы должны были переходить через батюшкины руки. Передвижение войск, поправки и устройства крепостей и других укреплений, снабжение их всем нужным не могло обходиться без комиссариата, от которого получали деньги. Ко всем этим превосходным средствам для наживы себе великолепного состояния надобно было, чтобы случился еще в одну ночь и пожар в шлосе, в самой той его части, где помещалась казначейская часть комиссариата. Батюшке было очень скоро [дано] об этом знать, так что он, взяв с собою своего камердинера, самого верного и весьма расторопного человека, приехал первым к месту пожара, бросился в казначейскую, возле которой горело, и спас с камердинером все до копейки наличные деньги и все важные документы, которые сохранил у себя в доме до утра, в которое представил деньги и документы главнокомандующему Мусину-Пушкину[13], который был тогда тоже в Выборге. Приняв деньги, которые были все сполна, он, будучи приятельски знаком с батюшкою, сказал ему: "Ну, что бы тебе стоило из этих денег отложить мильенчик-другой себе, которые бы пошли за сгоревшие, а награду получил бы ты все ту же, что получишь теперь". Батюшка получил за это Владимира на шею[14]. Все тогда удивлялись такой бедной награде.

Великий князь Павел Петрович[15], бывший в Финляндии при армии, требовал от батюшки из комиссариата двадцать или пятнадцать тысяч, но батюшка ему отказал в этом, так как ему было дано особое письменное приказание от императрицы, чтобы он ни под каким видом не давал Павлу Петровичу комиссариатских денег, за исполнения чего он дорого поплатился при вступлении на престол императора Павла I.

Из жизни нашей в Выборге очень мало что осталось у меня в памяти. Помню, что мы жили против вице-губернатора, которого по утрам видали почти всякий день подходящего к окну в белом пикейном халате с пришпиленным к груди Владимирским крестом в петлице, над чем все очень смеялись. Дом, в котором мы жили, должно быть был на горе, потому что мы всякий день проезжали по улице, идущей по довольно крутой и довольно возвышенной горе, когда отвозили старшего брата в единственный пансион, там существовавший. Других старших братьев Владимира и Константина в Выборге [не было]. Они уже были помещены в Шляхетний кадетский корпус[16]. Нас возили также часто к бабушке с матушкиной стороны, которая жила в Выборге со вторым сыном,

еще очень молодым, но уже бывшим на службе в Выборге, – кажется, по юридической части, потому что впоследствии он был определен при Комиссии свода законов[17]. Я помню, что у бабушки в передней комнате небольшого ее домика висели часы, в которых каждый час вверху открывалось маленькое окошко и выскакивающая оттуда маленькая кукушка прокуковывала наступающий час, что меня чрезвычайно интересовало и забавляло. И я очень любил ездить к бабушке, разумеется более [из любви] к кукушке и разным сластям, которыми бабушка нас всегда кормила, нежели к ней самой. У матушки был еще старший ее брат, горный инженер, весьма хорошо знающий инженерную часть. Он был определен императрицею с чином полковника начальником всех рудокопных устройств в Сибири и служил там с большою похвалою до смерти более 30 лет, не выезжая из Нерчинска, и был чрезвычайно любим подчиненными и всеми ссыльными, работавшими в шахтах. Так что он ездил и по разным горным заводам и спускался в шахты один без всякого конвоя, несмотря на то, что все работники в горных заводах состояли из преступников, приговоренных к каторжной работе и по большей части сеченных кнутом и клейменых за смертоубийство, разбои и другие криминальные преступления; чего до него и после никто не осмеливался делать. Все сказанное теперь об нашем дяде, Егоре Егоровиче, я узнал гораздо позднее, еще до моего определения в Морской корпус[18] от горных офицеров, привозивших из Сибири в Петербург транспорты с золотом и серебром и посещавших всегда нас во время проживания в Петербурге.

У меня осталось также в памяти, что батюшка с матушкой и старшей сестрою ходили на вал смотреть на флотское сражение между русскими и шведами[19]. И это все, что я мог о Выборге запомнить.

Еще у меня очень сильно запечатлелись разноцветные блестки, рассыпанные по снегу яркими лучами солнца по обе стороны дороги, когда мы возвращались в Петербург, что было в весьма ясный зимний день, и я ими всю дорогу восхищался. Смутно помню, что дорогою говорили о горе и опасном спуске с какой-то высокой горы к деревянному маленькому мосту на Сестре реке.

Как возвратились мы в Петербург в нашу квартиру в комиссариат – совсем не помню. А по приезде помню, что нас возили раз смотреть народное празднество, обыкновенно даваемое императрицею[20] простому народу при необыкновенно радостных событиях, как, например, при замирениях, рождениях и бракосочетаниях великих князей и княжен. Это торже-

ство состояло из рвания жареных быков и устраивалось на большой Дворцовой площади, между им и двумя огромными совершенно одинакими домами, идущие противу дворца полукругом, с большими мраморными балконами и с бронзовыми вызолоченными балюстрадами[21]. Один из них, что в правой стороне от дворца, из которого мы смотрели на это увеселение народа, был дом графа Брюса, а другой – князя Репнина или графа Румянцева. Это увеселение для народа, как я сказал выше, устраивалось всегда на Дворцовой площади. Оно состояло в том, что на средине Дворцовой площади отделялось огромное четырехугольное пространство для арены народного увеселения, оставляя только между дворцом и домами, образующими Дворцовую площадь, и ареною широкие промежутки для помещения народа до открытия празднества. Эта арена ограждалась веревочною преградою, которую в день самого торжества до открытия его держали в руках буточники[22], довольно часто расставленные один возле другого. По линии, разделяющей арену на две равные части параллельно фасаду дворца, ставили два огромных пиедестала сажени[23] полторы вышиною тоже параллельно фасаду дворца в равном расстоянии от поперечных сторон арены и между собою; от верхней площадки этих пиедесталей все четыре стороны не спускались вниз перпендикулярно к мостовой площади, как обыкновенно, а крупными уступами расширялись к земле, на подобие лестниц, на которых размещены были с низу до верхней площадки всякого роду готовые съестные припасы: огромными частями жареная говядина, целыми четвертями жареная телятина, жареная баранина, свинина, поросята, копченые окорока, большие колбасы, гуси, утки, тетерева, куры, зайцы и другая крупная дичь. Также калачи, сайки, валеницы[24], пироги и другие всякого роду печения и всего в таком количестве, что почти не видать уступов, на которых они были разложены. На площадках этих пьедесталов ставили на ногах по одному цельному жареному быку, головами друг против друга, у одного рога позолоченные, а у другого – посеребренные.

Между ими по перечной средней линии арены, в равном расстоянии между собой и от больших сторон арены были устроены из дерева с резьбою и позолотою два круглых [бассейна] сажени в полторы в диаметре и в вышину от мостовой не менее полуаршина[25]. В центре этих бассейнов возвышались украшенные тоже резьбою и позолотою фонтаны в сажень, коли не более, в вышину, из которых вместо воды довольно густою массою вверх четверти[26] на три из одного выбивало красное, из другого – белое вино во все продолжение празднества.

Когда мы, приехав, вошли на балкон (день был ясный и тихий), все пространство от самого дворца и всех домов, образующих Дворцовую площадь (и от Адмиралтейской площади), было покрыто совершенно одною сплошною пестрою массою народу вплоть до веревочной преграды, которую держали бутошники и которою определялось и охранялось от народа по самой средине Дворцовой площади пространство, образующее большую четырехугольную арену, на которой устроены были увеселения для народа. Но ни пиедесталей с готовыми съестными припасами, ни жареных цельных быков мы не видали, потому что они сверху до земли были покрыты шелковою красною камкою[27] и представляли собою два огромных шатра, а между ими видны были два бассейна с фонтанами, но из которых не выбрасывались ни вино, ни вода. Совершенно плотно стоявшую к веревочной ограде массу народа нельзя было принять за стоящих людей, а точно какой-нибудь разостланный бестолкового узору пестрый ковер, по которому видно местами у самой веревки различной величины и формы пятна – красные, синие, голубые и белые. Эти пятна образовывались народом, пришедшим на царский праздник особыми партиями в несколько человек, чтобы общими силами удобнее было достать ту или другую голову быка, то есть с золотыми или серебряными рогами, которую какой партии удастся. Иные партии доходили чуть ли не до двадцати человек, и каждая партия имела особого цвету рубаху, то есть красные, голубые, белые и синие. Эти партии составляются обыкновенно из мясников разных боен, которым гораздо сподручнее добывать головы жареных быков, нежели другим по ловкости, расторопности и силе этих людей, с молоду привыкших к работе, требующей всех этих способностей; к тому же, как жареные быки обыкновенно приготовлялись и ставились мясниками, то им и хорошо было известно, как удобнее можно отделять головы быков от их туловищ, которые прикреплялись к ним винтами. Итак, поэтому всегда только между одними мясниками и бывает состязание на добычу той или другой головы, то есть с позолоченными и посеребренными рогами. За голову жареного быка с позолоченными рогами полиция платит доставшему ее 50 рублей, а с посеребренными – 25. В то время это была довольно значительная сумма.

Порядочно долго пришлось нам ждать начатия торжества, и во все это время беспрерывно стекалось множество народу к Дворцовой площади, так что стала покрываться почти и вся Адмиралтейская площадь. Все окна, балконы и даже крыши

домов, окружающих Дворцовую и Адмиралтейскую площади, наполнены были любопытствующими. Несмотря на это бесчисленное множество народа, на площади была совершенная тишина и непоколебимость. Казалось, что ожидание торжества оцепенило весь собравшийся народ. Наконец, не знаю, в котором часу, вошла императрица со всем своим семейством и двором на средний балкон дворца. Только что она на нем показалась, как во всех местах загремела музыка и раздались в народе оглушительные крики "Ура!". После этих восторженных изъявлений привязанности к обожаемой царице минут через десять, тотчас за сигналом ракеты, раздался пушечный выстрел, по которому буточники, державшие веревку, не допускавшую стоящий около нее столпившийся народ вступать на арену, опустили [ее] на мостовую площади, и народ мгновенно с ужасным стремлением и криком бросился внутрь арены, кто к быкам, кто к фонтанам, которые по тому же пушечному выстрелу вместе с опущенною веревкою стали выбрасывать вино: красное – против дворца, а белое – против нас.

Первый момент открытия торжества представлял чудно-красивую и великолепную картину, когда эта огромная масса народа, стоявшая совершенно неподвижно до сигнала, так что нельзя было ее принять за стоящих людей, при выстреле из пушки вдруг заколыхалась и бросилась опрометью внутрь арены поодиночке и кучами. Особенно же восхитительно было видеть, когда по огромной арене, с высокими на ней красными шелковыми шатрами и украшенными позолоченною резьбою фонтанами, бившими белым и красным вином, с разных сторон и разными направлениями неслись, как бешеные, с криком и грозными движениями рук густыми массами разные партии удальцов, решивших во что бы то ни стало добыть себе ту или другую голову жареных быков. Каждая из этих партий имела свой особый цвет рубах, и каждая стремилась опередить другую или оттеснить другую силою своей массы и не допустить прежде себя до общей их цели – голов жареных быков. Причем нередко завязывались между партиями сильные драки, так что полиция принуждена была разнимать их водою из пожарных труб.

Первая картина действия народа более всего праздника обратила [на] себя мое внимание, и как я еще не был мал, она поразила меня своим каким-то воинственным величием. И хотя я хорошо знал, что народ тут собрался с тем, чтобы повеселиться на царском празднике рванием жареных быков и попить вдоволь дарового царского вина, но это первое быстрое движение партий показалось мне чем-то воинственным,

грозным. И я помню, что у меня сильно билось сердце, когда я с чувством особого благоговения радостно любовался этою величественною для меня картиною, которая так сильно запечатлелась в моей памяти, что и теперь она у меня перед глазами со всеми подробностями.

Вторая картина, хотя и была для меня занимательна, но далеко не так интересна и красива, как первая. Когда партии удальцов, достигнув шатров красной камки, которая в одно мгновение была ими сорвана, разодрана в клочки, разбросана в разные стороны и с помощию небольшого ветра разлетелась по воздуху над головами народа, наполнявшего всю арену и ловившего эти лоскутки. Сорванная камка от[крыла] зрителям, хотя на самое короткое время, пьедесталы с готовыми съестными припасами и стоящих на площадках вверху их жареных быков с золочеными и посеребренными рогами. Потому на короткое время, что добравшиеся до пьедесталов удальцы с такою же быстротою, как добежали до них, стали взбираться по уступам как на штурм крепости к быкам, сбрасывая с большою силою в народ съестные припасы, мешавшие им подыматься вверх и сталкивая на площадь одной партии удальцы удальцов других, не заботясь о том, что падающие на мостовую, а особливо с верхних уступов, очень легко могли переломать себе шеи. Как и летавшие по их милости по воздуху и падающие на головы кишевшим на площади зевакам окорока, большие части жареной говядины, целые четверти телятины, баранины, свинины, гусей, пирогов, калачей, поросят, кур и всего, что лежало на уступах для угощения народа своею тяжестию не одному изуродовали совершенно физиономию, своротили на сторону носы, вышибли глаз, перешибли руку, ногу, проломили череп, а, пожалуй, иного положили покоиться навсегда.

Это действие продолжалось недолго. Вскоре взобравшийся на платформу пиедестала народ из партии красных рубах, преследуемых белыми и синими рубахами, закрыли от наших глаз всего быка и самый пиедестал, и мы не могли ничего видеть, кроме двигающихся красных, белых и синих пятен, а что эти пятна делали, невозможно было разобрать, а еще менее видеть, как отделяли голову быка от его туловища. Внимание наше, когда была сорвана с быков камка, было обращено на того, который находился в левой от нас руке, как ближайший к нам. Потом, как там все слилось в одну массу, в которой ничего нельзя было разобрать, я обратил мое внимание на ближайший к нам фонтан, выбрасывающий белое вино, около бассейна которого толпилось много народу с ковшами, кружками, плошками и стаканами, кото-

рыми они из бассейна черпали вино и пили. У фонтана много было смешных проделок: окроме народа, пившего из разных сосудов, было несколько, которые пили вино по учению Диогена[28] горстьми, а еще более, которые, опустив головы в бассейн, тянули вино прямо из него, из коих некоторых подгулявшие забавники сталкивали в бассейн, совсем не давая встать на ноги, что сопровождалось криком и бранью валяющихся в вине, а также гамом и хохотом окружающих бассейн. А иные добровольно влезали в бассейн и, сидя в вине у фонтана, закинув вверх головы и разинув рот, с ужасными гримасами ловили брызги струй с сильным стремлением падающего сверху вина, обливавшего им лица и одежу. Один забавник, уловчась, влез на самый верх фонтана и там у самого источника упивался вином, некоторые пытались его стащить, но он ловко от них отбивался и увертывался, давая повод к хохоту окружающих; наконец, он вздумал лечь брюхом на отверстие фонтана, протянув руки и ноги, и, таким образом заткнув собой трубу фонтана, остановил выбрасывание вина. Это действие, возбудившее сильный смех с криком и бранью, возбудило и сильнейшее рвение стащить дерзкого злодея, отнявшего у всех царское вино, что и исполнили двое или трое поднявшихся к верху фонтана; причем один из них, вооружившись отодранным из бассейна фальцем или планкой, препорядочно попотчивал по спине этого смельчака. Около фонтана производилось пьяными много глупых и смешных неловких фарсов и шуток. Наскучив смотреть на суматоху около фонтана, я взглянул на площадь. На ней все еще толпилось взад и вперед много народа: кто с огромным куском жареной говядины, кто с четвертью телятины, баранины, окороком на плече, кто с калачом, кто с пирогом, кто с кувшином, с бутылкою, штофом[29] красного и белого вина или с другим каким припасом, которым угощали на этом празднике. Народ по большей части с подбитыми глазами, разбитыми в кровь носами, выбитыми зубами, с раскроенными до крови лбами; буточники вытаскивали из арены мертво пьяного, выводили кого с перешибленною ногою, рукою, проломленною головою или до полусмерти избитого; а в ином месте подгулявшие проходили веселыми кучками с громким смехом и восклицанием, а которые и с лихими русскими песнями, с бубнами и лошаками[30]. В одном месте двое мужиков, порядочно угостившихся царским вином и с разбитыми в кровь рожами, крепко обнявшись руками, которыми за несколько минут пред сим на рожах друг друга они развели кровавые узоры, с веселыми выражениями орали во все горло ужас-

ную сумятицу и сильно качались из стороны в сторону, прищелкивая руками и, думая пристукивать ногами, как [бы] пускаясь в пляску. Это было карикатурно и смешно. Также очень насмешил меня один пьяный немец, проходящий близко нашего балкона с уморительно неловкою прискочкою и кривлянием, что у него, вероятно, должно было заменять пляску. Махая над головою окороком ветчины, со смеющеюся рожею, несмотря [на то], что у него длинный его нос был совсем сворочен в сторону, громко кричал: "Я шинкен[31] достал". На площади еще продолжался шум, крик, смех, брань и драки, без которых у русских мужиков редко проходят общественные забавы.

На арене пьедесталы были уже пусты, на них не было ни народу, ни кусочка припасов; на платформах их торчали вверх только по четыре железных кола, посредством которых держались на ногах жареные быки, а в толпе бродящего по площади народа видна была одна плотная масса соединенных мужиков в красных рубахах, подвигавшихся медленно от пьедестала левой от нас стороны к выходу с площади, тщательно скрывая в средине себя, надо полагать, голову быка с золотыми рогами, храбро отбиваясь от натисков окружающих их партий в белых и синих рубахах с намерением отнять у красных рубах добытую ими голову. Перед выходом их с площади явилась к ним на помощь пешая и конная полиция, которая отогнала нападающих и под своим прикрытием таким же тихим шагом повела их к обер-полицмейстеру для получения награды 50-ти рублей, суммы в то время довольно значительной.

Императрица после опустошения пьедесталов пробыла на балконе еще несколько минут, любуясь веселящимся народом, а потом со всем своим семейством и двором удалилась с балкона, чему последовали и все, смотревшие с балконов и окон, окружавших Дворцовую площадь домов и прилежащих к ней. И мы тоже отправились домой.

По какому поводу было устроено это празднество я не помню, и в записках, мною в детстве начатых, тоже не нашлось; но надо полагать, что по случаю замирения со Швециею[32].

Учителем моим в детстве русского языка, грамматике, арифметике, начального понятия о географии, естественной истории был один молодой человек из бедных дворянских детей по фамилии Федоров, очень неглупый молодой человек, хорошо учившийся, не знаю где, и знавший очень хорошо русский язык, но не имея никакой протекции, попав в писаря в канцелярию Кригс-комиссариата, протянул бы там, как

говорится, очень долго лямку до офицерского чина. Батюшка, узнав его способности и образованность, пригласил его обучать меня с сестрой и меньшим братом, которые только что еще начинали читать.

Федоров был высокого роста, хорошо сложен и недурен собою, почему батюшка тогда же чрез одного из своих приятелей сделал [так], что его приняли в кавалергарды, что давало ему прямо чин капитана армии. Кавалергарды при Екатерине были не то, что теперь. Во-первых, каждый рядовой кавалергард должен быть непременно офицерский сын и имел капитанский чин. Их была только одна рота, капитаном которой была сама императрица, а поручиком, который и управлял ротою, был всегда кто-нибудь из первых вельмож, в это время был Потемкин[33]. Должность их состояла только в том, чтобы ходить во дворец в караул и стоять по двое на часах у дверей Кавалергардской, в которую во время выходов имели право входить из военных только генерал-аншефы, генерал-адъютанты, а штатские – действительные тайные советники[34] и первые придворные чины; а когда в большие торжественные дни императрица принимала кого на троне, они стояли у трона.

Учитель мой летом водил меня (не помню, в какой день) в Академию художеств на публичные лекции естественной истории, читанные профессором, кажется Прокофьевым, и в Кунст-камеру[35], где показывал зверей, о которых говорил профессор. И я очень любил своего учителя.

Я помню, что приезжал раз к батюшке молоденький, немного постарее моих лет конной гвардии офицер граф Рибопьер с своим гувернером получать жалование. О рождении и чине этого дитяти – гвардии офицера было в Петербурге и Москве всем известно следующее. Любимая фрельна[36] императрицы Бибикова, очень умная и очень бойкая девица, по тогдашней моде иметь непременно парихмахером француза, имела у себя в этой должности приехавшего из Парижа мастера причесывать волосы – молодого, красивого и, как оказалось, очень ловкого малого, потому что очень скоро фрельна Бибикова призналась императрице, что она имеет уже право звания штатс-дамы[37]. Императрица, любя очень Бибикову, взялась поправить дело и послала искусника парихмахерского дела в Италию с флотом под начальством графа Орлова[38], отправленного за княжной Таракановой[39]. Этот молодой человек, не знаю чрез сколько месяцев, явился в Петербург пример-майором графом Рибопьером. Вскоре при дворе была сыграна и свадьба фрельны Бибиковой с пример-майором Рибопьером и, стало быть, все устроилось как нельзя лучше.

Только обыкновенное следствие свадеб – младенец вздумал выскочить в свет, далеко не дождавшись назначенного природою срока после обвенчания полных девяти месяцев. Это обстоятельство заставило сильно заговорить весь двор и город. Чтобы прекратить эту молву, императрица изъявила желание лично крестить во дворце младенца графа Рибопьера и при этом пожаловала его корнетом[40] лейб-гвардии конного полка. И толки об его рождении при дворе умолкли. Этот младенец-корнет во время долгой своей жизни оставался все при дворе, не занимая особых должностей ни по штатской, ни по военной службе, всегда был любим двором, как добрый, честный и благородный человек[41].

Матушку нашу очень любила штаст-дама графиня Румянцева[42], весьма уважаемая в городе и при дворе, и потому матушка должна была часто быть у нее. Графиня вследствие старости и слабости под конец не ездила на лето с двором в Царское Село[43] и в Петергоф[44], а жила в Летнем саду во дворце Петра Великого[45]. Когда матушка туда ездила, то часто брала и меня с собою. Помню очень хорошо эту почтенную старушку, сидящую в больших креслах, одетую по последнему придворному этикету, в большом кружевном чепце с большими бантами, читающую с матушкой или играющую в карты. Помню, как я плакал и жаловался матушке, что попугай бранится дураком, когда [был] в первый раз у графини, и помню, как я заигрывал с ее карлицей, которую по ее росту я принимал за свою однолетку. Карлица, карлик, болонка, моська и говорящий попугай были необходимыми принадлежностями знатных барынь, а у их мужей – забавный дурак и шут по природе или разыгрывающий из своих выгод роль того и другого. Эти последние по большей части бывают умны, хитры, при резком насмешливом характере, с способностию замечать малейшие слабости, недостатки, ошибки и проступки других и выставлять их в самом смешном виде для потехи и забавы своих патронов, как и их самих, по праву дурацкого колпака.

В это время в Петербурге славился шут графа Левашова, человек с большим умом, обладавший даром слова, хитрый, проницательный, верно и ясно на все смотрящий. И мог ли быть шутом другой у такого умного, любящего правду и веселого человека, как граф Левашов. Он, когда хотел обнаружить черное дело какого-нибудь сильного господина, осмеять глупые поступки, осрамить подлость и низость, напускал своего шута, и тот исполнял это самым тонким и искусным образом.

Окроме шутов и дураков, привязанных к одному дому, [были] в городе и вольно практикующие шуты и дураки, из коих

самый замечательный и знакомый всему петербургскому дворянству – Тимофей Патрикеич Ямщиков, отставной армейский унтер-офицер, про которого Державин сказал:

Натуры пасынок,
Чудес ее пример,
Пиита,[46] философ
И унтер-офицер[47].

После этого определения нечего уже говорить, что такое Тимофей Патрикеич – он имел вход во все дома, не исключая и самых знатных вельмож, всем подносил свои уморительные стихи во всех формах поэзии и одно смешнее другого по своей глупости. У меня долго хранилась его длинная ода или послание митрополиту Платону[48], которое невозможно [было] читать без смеха. Писал к Потемкину, к Безбородке[49] и всем, как знатным, так и другим дворянам, вплетая всегда при конце: "А мне за труды следует синяшка или красняшка, или беляшка", смотря по знатности и богатству, кому подносятся стихи. Синяшка, красняшка и беляшка по цвету красок означали 5-, 10- и 25-рублевые ассигнации[50]. Он писал трагедию в семи действиях с осьмушкой[51]. Над ним смеялись, его дурачили – и давали требуемые им деньги. Окроме од, посланий и других стихов, он написал объяснение, почему разные размеры стихов так называются. Например: "Александрийские стихи называются так потому, что пишутся во весь александрийский лист"[52]. Он часто бывал и у нас и подносил стихи не только родителям и старшей сестре, и меньшой даже, четырехлетнему ребенку, из которых я помню три следующие строчки:

Две ручки как тучки,
Сходятся и расходятся
И при своем лучезарном корпусе
находятся.

Не помню, каких я был лет, когда мы из комиссариата переехали на дачу на Карповке в маленький дом с мезонином, в котором помещался наш учитель и где были наши классы. В соседстве нашем на Аптекарском острову жили: начальник Аптекарского заведения и Ботанического при нем сада с молодыми девицами, приятельницами старшей нашей сестры, [а] также княжны Одоевские и Апраксины – родственницы и приятельницы сестры. И они почти всякой день бывали у нас: вместе всегда катались по окрестностям Аптекарского острова на лодке по Карповке и ходили гулять в Ботанический

сад[53]. К нам много приезжало [народа] и из города, и мы жили на даче весело, как мне казалось.

С дачи вернулись мы уже не в нашу квартиру в комиссариате, а в дом Шенина в коротенькой улице между Большим театром и собором Николы Морского – в среднем этаже. В этом же доме жил в верхнем этаже Александр Семенович Шишков[54], тогда известный по своим сочинениям.

Тут родители жили уже не так открыто, как прежде, однако же у нас бывали гости окроме приятельниц старшей сестры – Апраксиных, Закревских, княжен Одоевских и других. И они сами выезжали в гости, а иногда в театры; а сестра, которая была очень хороша, ездила на балы в Благородный клуб с приятельницами матушки, потому что тогда уже матушка в публичные собрания не ездила. Ездили в театры, брали иногда и меня с меньшою сестрой. Я видел трагедию "Олег"[55], и помню из нее только сцену, в которой Олег быстро входит на сцену в рыцарском одеянии, как тогда называли, и в роде которых я сам рисовал на карточках и вырезывал богатырей из сказок – иванов-царевичей, бова-королевичей и тому подобных, будучи трех и четырех лет. На нем был чешуйчатый панцирь и юбочка, кругом от пояса до борта юбочки висели красные вышитые золотом ремни, как и кругом плеч, голых рук; ноги тоже голые в сандалиях, переплетенных красными ремнями. На голове – золотой шлем, на гребне которого торчали страусовые перья красного и белого цвета, в коротенькой через плечо красной мантии, обшитой галуном и бахромою. В левой руке он имел овальный щит, обтянутый синею фольгою, округленный золоченым бортом, и в середине [со] скачущею во всю прыть рельефною вызолоченною лошадью. Олега играл тогда знаменитый наш трагик Дмитриевский[56], и в чужих краях известный по своему таланту и по знаниям драматического искусства.

Видел оперу, редкая вещь, переведенная с итальянского, в которой отличались игрою и пением также весьма талантливая актриса Сандунова[57]. Видел балет "Дезертир", сочинения балетмейстера нашего театра Le Pick[58], где помню сцену, когда ведут дезертира расстреливать, окруженного четырьмя солдатами, и он идет по сцене трагическим шагом с расстановкою после каждого переступа. Этот странный ход, меня удививший, получил свое начало в Париже, кажется при Людовике XIV[59], утвержденный трагическим шагом не только в балетах, но и в трагедиях, был принят на всех театрах Европы и держался на сцене до революции[60].

Нас часто брали с собою родители, когда ездили гулять в Летний сад летом и на Англинскую набережною весною, ког-

да уже лед совершенно исчезал на Неве и были теплые дни. Это были самые модные гулянья. Костюм детей – мальчиков на этих гуляньях, как и дома, был довольно прост и весьма приличен для детей: простая курточка какого-нибудь цвета, белый жилетик и шароварчики, на ногах башмаки, с открытою шеею в отложных круглых воротниках с манжетами, волосы в локонах и небольших круглых шляпах, а в руках камышевая тоненькая палочка с костяным набалдашником. А у меня на палочке набалдашником было бельбоке[61], что было в моде и у молодых девиц и дам, которые и на гулянье в садах играли в эту игру. Также мода была, ездя в гости с детьми, мальчиками шести и семи лет, одевая их в те же платьица, убирать им волосы, взбивая на висках и деля прямые длинные волосы на тоненькие и нежные пукли, а сзади волосы оставляли падать по спине и плечам локонами во всю их длину, но совершенно без пудры. Эдак и я бывал иногда причесан. Эта мода взята была с великих князей, которые первые показались так причесанные. Мода эта продолжалась не долго.

Нас возили в Царское Село, где мы встретили в одной аллее императрицу в простом зеленом капоте[62] и шляпе бурачком такого же цвета, гуляющую вдвоем с какою-то дамою. Возле императрицы бегала меленькая англинской породы собачка. Окроме этой встречи осталось у меня в памяти о Царскосельском саде – большой пруд со стоящими посреди маленькими судами, оснащенными и просто без мачт. По озеру плавало много лебедей, которых мы кормили; на лугу дворца – столб в память Орлова[63], видели спуск (pente douce) на сводах сбоку дворца, идущий на сводах из среднего этажа дворца в сад[64], уставленный по обеим сторонам мраморными бюстами замечательных людей[65]. Возили в Петергоф, в Ораниенбаум[66], где катались с горы на гору[67].

В это время никто почти, а особливо знатные и богатые, не ездили в церковь ни к вечерни[68], ни к всеночной[69], ни служить молебны. Все эти службы исполнялись дома: у кого были домашние церкви – то в них, а у кого не было – то в залах, и кто был в состоянии, имел для этого постоянного священника. И как у высшего сословия все производится по предписанию моды, то и тут мода избрала в исполнители этих треб непременно монахов Невского монастыря[70], и между этими монахами более всех модный – ризничий[71] Невского монастыря иеромонах...[72] – молодой, очень неглупый ловкий человек с хорошей фигурой и весьма красивым лицом. Он почти во многих знатных домах служил всенощные и во многих семействах вскружил головы или самой барыне, или ее доче-

рям. Этот монах мастерски пользовался своею красивою наружностию и модою на монахов.

В большой ограде Никольской церкви был устроен сад, в который прежде водили гулять детей, а теперь [он] сделался модным гуляньем молодых дам и девиц и местом свидания любящихся. Там видели и модного иеромонаха, прогуливающегося с дамами. Впоследствии, по приказанию митрополита, ограда была заперта для больших и малых.

В это время, как мы жили в доме Шенина, вспыхнула Французская революция, так сильно перепугавшая всех царствующих особ, в том числе и нашу императрицу.

Старший брат мой, со дня крещения сержант Семеновского полку, учившийся в пансионе, бывшем при кадетском корпусе, в генваре месяце [1791 г.] по старшинству должен быть представлен в офицеры гвардии; но как еще так молод (ему [было] только четырнадцать лет и притом он [был] очень мал ростом), то командующий Семеновским полком и штаб полка боялись его представить, чтобы императрица, которой надо было непременно представлять каждого, жалуемого в офицеры гвардии на утверждение ее Величества, во-первых, не утвердит этого представления да еще и сделает выговор. Но чтоб избавить батюшку, которого все любили, от огорчения видеть сына исключенным из списка представляемых в офицеры, а самим избавиться [от] замечания, они придумали сделать так: дать сержанту графу Александру Толстому за два месяца до представления, то есть до первого генваря, на год отпуск. Тогда государыня, не видав его, подпишет утверждение. Так точно оно и исполнилось, и первого генваря на брата надели мундир светло-зеленого сукна, обшитый по борту, фалдам, карманам, воротнику и обшлагам золотым галуном[73] в два пальца, надели шпагу с золотым темляком[74] и дали в руки треугольную шляпу, обшитую таким же галуном, как и мундир, с белым бантом и белым небольшим султаном[75]. С каким восторгом и удивлением смотрели мы с меньшой сестрой и братом на Сашу в мундире с галунами, не пересказать. А что было с самим 14-летним гвардии офицером?.. Скажу только одно, что наш новый гвардии офицер не пил, не ел в тот день, все ходил от одного зеркала к другому, любуясь своим мундиром, то надев, то скинув шляпу. И на ночь, ложась спать, не хотел расставаться со своею офицерскою амунициею и, легши в свою постелю, на стульях возле себя разложил и мундир, и шпагу, и шляпу.

В сержанты гвардии записываться могли только дети столбовых дворян[76], по постановлению нельзя было вступить в гвардии офицеры, не имея шестисот душ. Но это по-

становление не строго исполнялось, и многие, как мой брат, были гвардии офицерами, не имея ничего. Гвардии офицер не мог иначе ездить, как четверкой в карете, и потому большая часть, получив офицерский чин, выходили в армию. Выпускались из сержантов гвардии в капитаны армии, из прапорщиков – в секунд-майоры, из порутчиков – в примермайоры, из капитан-порутчиков – в подполковники, из капитанов выходили на службу в армию в полковники, а в отставку – бригадирами. Но чтоб быть выпущену в армию этими чинами, надо было выслужить положенное число лет в том чине, из которого желаешь выйти в армию. Из сержантов гвардии дворянам надо было иметь совершеннолетие, чтобы быть выпущену в капитаны армии. Только по особенной протекции выпускали и детей в капитаны армии. Это злоупотребление не было очень вредно, потому что эти случаи, вопервых, были редки, во-вторых, подобные выскочки, не имея личных достоинств и не принося своею службою надлежащей пользы отечеству, оставались на всю жизнь в чинах, полученных протекциею.

Около этого времени старшая сестра моя вышла замуж за полковника Дмитрея Семеновича Шишкова, брата Александра Семеновича, жившего над нами; он вышел полковником, не помню которого из гвардейских полков, и тотчас получил Егерский полк, стоящий где-то в сибирских краях, и вскоре после свадьбы поехал с женою в Сибирь, чтобы принять полк.

Не знаю, сколько времени прошло после свадьбы сестры, мне был уже девятый год, я был увезен внучатым дядею, графом Петром Александровичем Толстым[77] в Польшу. Он был прислан из действующей армии против последней польской конфедерации[78] курьером к императрице с донесением о каком-то весьма значительном действии, чуть ли не взятии Костюшки[79]; знаю только, что за известие, с которым он приехал, получил Егорьевский крест на шею[80]. Не знаю, был ли он уже полковником или получил тоже и этот чин за привезенное им известие. Так как все очень хорошо знали, что императрица за хорошие вести щедро награждает, то главнокомандующие армиями обыкновенно посылали курьерами к императрице молодых людей, покровительствуемых сильными при дворе вельможами, чтобы угодить им, или своих любимцев, а когда уже нельзя иначе, то посылали и особенно отличившихся своею храбростию и действиями против неприятеля. Конечно, не все главнокомандующие так поступали, как, например, Суворов – никогда не посылал к императрице донесения о своих победах иначе курьерами, как офицеров, наиболее отличившихся в этом

деле, которые бы могли ей основательно объяснить все действие.

Граф Петр Александрович был племянник графа Николая Ивановича Салтыкова[81] и Натальи Владимировны, его супруги, не знаю[82]. А эта фамилия – одна из самых важных при дворе. А потому он, окроме того, что за привезенное из армии известие получил такую огромную награду, не сделав никакого подвига, который был бы известен в городе. Не имея состояния, он был сосватан с одною из богатейших невест в России – с фрельною княжною Мариею Алексеевною Голицыною. Три сестры – Марья, София и Елизавета и брат Егор – совершенные сироты, то есть, без отца и матери, с огромным имением, воспитанные под особым покровительством императрицы по всем строгим правилам приличий двора, умения жить в свете и страхе Божием. Научное же образование ее, как всех дочерей знатных придворных особ и всех богатых людей высшего дворянства, ограничивалось только умением **говорить** хорошо по-французски, написать **по-женски** довольно правильно письмо, записочку на этом языке, совершенным незнанием русского языка или весьма плохим умением говорить на отечественном языке. Что касается до наук, то они, по слухам, знали название некоторых из них и могли рассказать кой-что о бывшем парижском дворе Людовика XVI[83] и Париже, о Лондоне, Вене и Берлине по сведениям, тоже по слухам приобретенным. Своей женитьбой на богатой княжне Голицыной получил он один из двух только во всей России четырехтысячных полков – Псковский драгунский полк, чтобы он деньгами своей жены поправил положение полка. Тогда говорили, что этот полк был дан Петру Александровичу потому, что никто его не принимал, так он был расстроен в финансовом отношении братом Петра Александровича, командовавшим тогда этим полком.

После свадьбы перед отъездом к полку Петр Александрович чрез Апраксиных предложил родителям отпустить меня с ним в полк, что он берет на себя попечение о моем воспитании и образовании из меня хорошего конного офицера и проложении мне по этой службе хорошей дороги, на что родители, разумеется, не могли не согласиться.

Горько мне было расставаться с родителями, сестрой и братьями и перейти в дом, где мне было все чужое, незнакомое, – люди, предметы, образ жизни – все, все! Но постепенно я ознакомился и привык к новому моему положению.

Не помню, сколько времени мы ехали до постоянного места жительства. Проезжали несколько небольших городов, из коих помню, что были в Риге, Митаве[84], где оставались по два

дни, и в последнем дядя купил мне оловянных солдатиков и дюжину медных, очень хорошо сделанных пушек на полевых лафетах, которые долго у меня были целы. Из Митавы приехали мы в Вильну[85], а из нее поехали прямо в местечко Ошмяны в 7 милях[86] за Вильною – место штаба полка, где был приготовлен для Петра Александровича довольно большой деревянный дом.

В этом путешествии из Петербурга встречались нам ужасно скверные дороги, а особливо в одном месте, кажется, по дороге к Невелю[87], [когда] ехали мы несколько станций по совершенно избитой бревенчатой дороге из неровной толщины бревен. Окроме беспрерывных толчков, которые мы должны были переносить, колеса наших экипажей, которых было три (две кареты и коляска), окроме кибиток и телег, беспрерывно вязли в глубокой грязи между переломанных бревен, так что принуждены были почти на каждом шагу сзывать кучу мужиков вытаскивать из грязи и выбоин дорог наши экипажи, а вечером и в ночь во все время провожало нас около двадцати человек с факелами.

Когда мы приехали в Ошмяны, дрянное местечко, наполненное жидами, полк стоял еще на квартирах[88]. Этот полк, как я уже и сказал выше, один из двух самых больших полков в России: имел четыре тысячи солдат и состоял из 10 эскадрон драгун, 5 эскадрон гусар и эскадрона конной артиллерии о десяти пушках, первого и тогда единственного во всем российском войске.

При императрице Екатерине II-й полки, даваемые по протекции молодым двадцатидвухлетним людям, едва вышедшим из юношеского возраста, как и этот полк был дан Петру Александровичу, не только неопытным, но даже не имеющим должного понятия об управлении полком, а потому в эти полки определялись всегда старшими подполковниками люди уже в летах, давно служащие, опытные, знающие совершенно хорошо, как следует управлять полком по административной и хозяйственной части и держать полк в надлежащей дисциплине. Также и в Псковском драгунском полку старшим подполковником был человек весьма честный и благородный, отлично знавший обязанность полкового командира и к тому очень хорошо воспитанный, известной дворянской фамилии; почему Петр Александрович, предоставя ему управление административною, экономическою и хозяйственною частью, сам занимался строевыми учениями полка. Вскоре по приезде нашем в Ошмяны приехал к Петру Александровичу с визитом очень богатый и знатный [пан], живущий недалеко от Ошмян в своем загородном замке, в бо-

гатой парадной карете цугом[89], в богатых шорах[90], с взводом гусар перед каретою и с таким же взводом сзади кареты, с двумя лакеями в богатых ливреях. Он был в синем мундире с малиновым воротником, лацканами, обшлагами и с защиленными на крючки на конце фалдами малинового цвета. Треугольная его шляпа была с белою кокардой, с белым пером и золотыми кистями, как и темляк на шпаге; нижнее платье – белое, сапоги с раструбами, в золотых шпорах. Этот ясновельможный пан был, кажется, граф Пототский или Протопотский.

Петр Александрович и Марья Алексеевна были со мною ласковы, и я скоро привык к новому моему положению и не скучал уже так сильно, а особливо когда меня посадили на лошадь и стали учить верховой езде, к которой с первого разу появилась у меня страсть. Главный берейтор[91] полка майор, фамилию которого не могу вспомнить, заметил у меня необыкновенную способность и смелость в этом искусстве, чем дядя был очень доволен, и я имел волю всякое свободное время быть на лошади. Своей собственной лошади не было, и когда уже я стал ездить один, берейтор с намерением сажал меня все на разные солдатские лошади, чтобы я не приучался к ходу и манере езды и привычкам одной лошади, а садился бы на всякую, не затрудняясь ни ее ходом, ни ее привычками. Уже в начале лета я ездил с Петром Александровичем в лагерь, который разбит был слишком за версту от местечка, и на охоту. Дядя с охотниками полка для травли зайцев и лисиц отправлялись каждый [со] своими собаками на эту забаву, в которой моя цель была только верховая езда. В этих поездках я сначала сопровождаем был младшим адъютантом, который при мне [был] в этих случаях в роде дядьки, а потом ездил уже один.

Чрез несколько времени по выходе полка в лагерь приехал к нам какой-то уже немолодой, очень значительный генерал, фамилию которого не могу вспомнить, делать осмотр полка. Когда дядя с тетушкою, этим генералом и его адъютантами собирались ехать в линейке[92] в лагерь, я, приказав оседлать себе лошадь, надел свой сержантский мундир Преображенского полка по всей форме с тесаком[93], и когда они поехали, я, надев внутри лакированную треугольную шляпу, сел на лошадь и поскакал во всю прыть и, догнав их, поехал с той стороны линейки, на которой сидел генерал, чтобы быть им замеченным, что, разумеется, не могло не случиться. Увидев десятилетнего мальчика в полном мундире Преображенского полка, скачущего на большой солдатской лошади возле линейки, [он] удивился и, узнав [от] Марьи Алексеевны, что я

племянник Петра Александровича, чрезвычайно смеялся. А когда дядюшка спросил меня, зачем я надел мундир, я отвечал: "Как же мне можно было показаться генералу, приехавшему смотреть наш полк иначе, как в мундире?" – что подало повод еще к большему смеху, и генерал, подозвав меня ближе, поблагодарил за исправность, отчего я был в восторге.

Верховой езде учили меня очень внимательно и хорошо, и даже впоследствии приучали управлять тройкою в пошевнях[94] и переганиваться[95] с офицерами. Что же касается до наук, все они состояли только в том, что французскому языку поручено было меня учить **камердинеру** дяди, французу, Monsieur Boulogne, так его величали. Читать по-французски и писать с прописей я уже знал довольно хорошо еще дома, а **чему** меня учил камердинер, я не знаю, хотя при моей любознательности и желании учиться я бы мог что-нибудь запомнить, если бы меня чему-нибудь учили. Он заставлял меня всякий день прочитывать вслух по нескольку страниц из какой-то его книжки, в [которой я] ничего не понимал (может быть, трактовавшей о прихмахерском искусстве и чищении сапогов), и списывать из нее же в тетрадку, не слушая и не обращая никакого внимания, как я читал и произносил слова. А понимал ли я, что читал, об этом он не заботился, да и не мог, потому что он, француз, не мог запятнать себя знанием варварского языка, как не заботился и Петр Александрович знать, что я делаю у его камердинера и чему и как он меня учит. И не только ни разу не пришел взглянуть, но даже ни разу об этом не спросил ни меня, ни его.

В то время все делалось по моде, как и теперь, в знатных и богатых домах большого света. Как и теперь, не было в моде, чтобы родители заботились сами и следили за нравственным и умственным образованием их детей. Они полагали, что делали уже все для своих детей, когда для мальчиков выписывали из Парижа гувернеров по рекомендации французов, не знающих России и ее требований, для которых рекомендуемые ими гувернеры должны приготовлять детей русских бар, или брали из приезжающих в Россию кучами гувернеров, не находящих у себя на родине куска хлеба, между которыми иные и за неимением мест в кучера, камердинеры и тому подобного, едут к нам гувернерами и нередко, к стыду нашему, находили себе места, а особливо вне столиц. А девушкам [брали] француженок – гувернанток, которым отдавали своих детей в полное распоряжение, будучи уверены, что их дочки, выростя, будут хорошо говорить по-французски, играть койчто на фортепьянах, [смогут] пропеть несколько франц-

ских романсов, ловко танцевать, не любить и презирать все русское, как их маменьки, и восхищаться лишь всем иностранным, а особливо французским, как натолковывали им их гувернантки, а мальчики так же хорошо говоря по-французски, будут уметь в гостиных ловко фразировать, переливая из пустого в порожнее, не любить своего отечества, не знать его и не уметь понимать ничего, достойного уважения в своем отечестве. Эти почтенные родители, воспитанные по большей части так же, как воспитываются их дети, видели своих детей только по утрам, когда гувернеры и гувернантки приводили их к родителям сказать bonjour[96], а ввечеру – bonne nuit[97], где, пробыв с полчаса, уводились гувернерами и гувернантками в их половины. Модным и знатным людям во весь день не только следить за воспитанием детей, но и вспомнить об них [было некогда] – маменькам по утрам по обязанности развозить визиты с пересудами и с городскими и придворными сплетнями, а в остальную часть дня [проводить] за обедами, поездками в театры, на вечера и балы, а папенькам [приходилось тратить время] по утрам, если не по обязанностям службы, то по обязанностям затеянных ими интриг, а остальное время – за завтраками и обедами, вечером тоже за театрами, любоваться хорошенькими актрисами и танцорками, а более всего – за карточными столами у приятелей и в клубах. А никто из них и не думал, что главная их обязанность состояла в том, чтобы хорошим образованием своих дочерей они обязаны доставить отечеству в них добрых, благородных и истинно образованных жен и матерей, а в сыновьях – умных, образованных, честных, справедливых, любящих свое отечество и вполне полезных ему слуг.

Не знаю, где и как воспитывался граф Петр Александрович – [он] был неглупый человек, но и не отличался своим умом; образование получил также совсем не отличное, он и по-французски говорил плохо. Он, кажется, полагал, что более того, что он знал, более и знать не нужно. Я никогда не видал, чтобы он занимался чтением, не знаю, учился ли он топографии[98], но впоследствии я видел, что он, быв уже петербургским генерал-губернатором, иногда рассматривал топографические атласы с его приятелями, генералом Вердеровским и другими, причем мне не один раз был случай убедиться, что ни он, ни его приятели совсем не знают математики. Зато он был очень добр, правдив, щедр и честен в высшей степени и за правду готов был стоять перед чем бы то ни было непоколебимо.

Не знаю, сколько времени спустя после нашего приезда в Ошмяны, я был отвезен в Полоцк для учения в школе при ко-

стеле иезуитского[99] Полоцкого монастыря, в то время очень славившейся, в которой было более 700 учеников, находившейся под особым распоряжением патера Грубера, начальника монастыря, весьма ученого человека и по необыкновенному уму и обширным познаниям весьма уважаемого во всей Европе[100]. Но я не жил в школе, а помещен был дядею для жительства в доме у коменданта Полоцка, полковника Дуве, которому я и был поручен, а ходил только в классы школы учиться у особых учителей[101] иезуитов наукам, нужным для меня, по распоряжению патера Грубера, который по просьбе Петра Александровича с удовольствием [взял] меня под свое покровительство и особый надзор по наукам и развитию ума. Грубер меня очень полюбил за мой нрав и прилежание. И я к нему был привязан, как к отцу родному. Рисовать он меня учил сам и находил у меня к этому искусству большую способность. Если бы это учение под особым надзором такого человека, как Грубер, могло быть доведено до совершенного окончания, то, разумеется, могло бы принести большую пользу. Но судьба все переиначила. Окроме учения в школе иезуитов, я ездил два раза в неделю [учиться] немецкому языку у лютеранского пастора вместе с племянником Дуве, одной с ним фамилии, которого я терпеть не мог за его ужасную жестокость к собакам и кошкам, которых тиранить он считал для себя лучшею забавою.

Через несколько дней по моем переселении в Полоцк Дуве ввел меня в дом губернатора Лопатина и познакомил с его детьми, с которыми я тотчас подружился, несмотря на то, что два первые были гораздо меня старее – первому было лет шестнадцать, второму – 14-ть. Меньшой был моих лет, но был гораздо меньше меня ростом и уже далеко не так крепок и силен как я. Чрез них и семейство Яренгрос, с которым также старший Дуве познакомил [меня], как и с домом вице-губернатора, где была одна дочь лет 15-ти. Я познакомился с несколькими русскими домами военных и штатских, служащих в Полоцке, где были сыновья наших лет. Так как Полоцк стоит на самой границе Польши и разделяется от нее рекою Двиной, то, когда сделалось восстание конфедерации, на большой площади (на конце которой стоит главным фасадом костел, по правую же его руку – дом коменданта) напротив костела в глубине площади выставлена была осадная батарея из 8-и или 10 пушек; и иезуитам было объявлено, что если они каким бы то ни было образом [будут] помогать конфедератам и входить в какие бы [то] ни было сношения, то при первом об этом известии в костеле не останется ни одного цельного кирпича, а в монастыре – ни одного живого иезуита.

Менее, нежели через неделю, дядюшка прислал мне хорошенькую верховую лошадь, а другую – в сани, с солдатом, ходившим за ними. Разумеется, что, сколько у меня было свободного времени от учения, я был на лошади со своими приятелями, которых у меня набралось до десяти, над которыми, не знаю как, я сделался главою. Все кавалькады делались по моему предложению и под моим распоряжением, в которых встречались иногда и небольшие шалости. Эти совершенно безвредные шалости, делаемые только для смеху над жидами, которых не любили за их плутовство и обманы, и иезуитами, которых ненавидели за их действия, которые они себе позволяли для обогащения и властолюбивых видов их ордена. Нет порока, нет даже преступления, сделанного иезуитом даже только под одним видом пользы ордена, которое ему не прощалось. Разврат и все страсти им позволялись. Но ослушание и неисполнение приказаний начальства ордена очень строго наказывались, а также неисполнение монастырских постановлений и [не]соблюдение вне монастыря наружного вида благочестия и смирения.

Увидя в конце какой-нибудь улицы идущих кучкою жидов, мы пускались на них во весь карьер, и, не доскакивая до них сажени две или три, мы все вдруг по моему сигналу останавливались на месте, как вкопанные. Жиды же, издали завидя нас, на них скачущих, вместо того, чтобы разбежаться по сторонам, со страху останавливались среди улицы и, подняв только кверху руки, кричали во всю мочь: “Вайми, вайми”[102], – и это нас смешило. Других же, то есть иезуитов, при всяком удобном случае мы старались разным способом бесить.

У Полоцкого иезуитского монастыря в окрестностях этого города было в то время двадцать тысяч душ крестьян. Влево от костела, с середины площади, на которой стоял костел, шла спуском очень длинная и довольно широкая городская улица к деревянному мосту через маленькую речку или канавку, где оканчивался город. А за мостом по обе стороны дороги [стояло] несколько деревянных домов форштадтов[103]. А за ними по обе стороны большой почтовой дороги, шедшей на большое расстояние одною прямою линиею с большой городской улицею, шла большая иезуитского монастыря дача, в одном месте которой [была] устроена большая монастырская прачечная, [где] и жили, как говорили, прачки, по большей части молоденькие и хорошенькие. [Следить] за исправностию их работы ходили всякой день иезуиты, не знаю, назначенные к тому или все поочередно. В самой даче – огромный сад, хорошо расположенный, в котором [были] устроены для учеников разные забавы открытого воздуха: разных манер каче-

ли, кегли, воланы, мячи и другие всякого роду гимнастические упражнения. Также много цветов в саду, а особливо тюльпанов разных колеров, одинаких и полосатых всех сортов, которыми довольно большие лужайки [были] устланы различными фантастическими узорами. В это время в Европе была большая мода на этот род цветов.

У иезуитов положено было несколько раз в неделю водить всех учеников гулять на дачу, и они туда их водили попарно по площади, большой городской улице и большой почтовой дороге. Впереди обыкновенно шли тихим шагом два иезуита, а по бокам учеников по обе стороны – по одному [иезуиту] в нескольких шагах один за другим, со сложенными руками, как на молитве, с наклоненными к земле головами, постными лицами и потупленными глазами. Другой дороги, кроме этой, не было. Мы, чтобы сердить лицемеров иезуитов, зная, что поведут учеников на дачу, собирались верхами в одной из прилежащих к площади улиц, и когда шествие иезуитов с учениками приближалось, чтобы вступить с площади на большую улицу, мы у самого входа на нее [на] лошадях гусем один за другим, не оставляя ни малейшего между собою интервала, которым бы можно было человеку пройти, перерезывали им дорогу и заставляли их остановиться и дожидаться, пока мы всей нашей компанией из десяти человек, а иногда и более, самым тихим шагом переедем улицу. Проехав ее, мы боковыми улицами во весь карьер въезжаем в ближайшую от входа на большой проспект поперечную ему улицу и дожидаемся, пока шествие учеников, вошедших по нашем уезде на проспект, не приблизится к нам. Тогда мы тем же порядком и тихим шагом, как у площади, перерезываем им опять дорогу и заставляем их ждать, пока переедем проспект. Эдак провожаем мы их до их дачи. При всем их мастерстве притворяться и умеьи не выходить наружно из аттитюда[104] смиренного монаха, когда душа волнуется злобою и местью, они при наших проделках останавливались каждый раз, не изменяя нисколько своего положения с так же сложенными руками, понуренными головами и опущенными вниз глазами, но на лицах их невольно выражались нетерпение и сильная досада, которые нас забавляли.

В Полоцке жили довольно весело: в зиму каждую неделю бывали три постоянных бала – у губернатора, вице-губернатора и в клубе; а летом только в клубе бывали постоянные балы, а вместо других устраивались гулянья, разные катанья в экипажах и на шлюпках, пикники и partie de plaisire[105] за город. Еще веселее бывало в Полоцке, когда окружные помещики, между которыми были и очень богатые, съезжались в По-

лоцк на контракты[106]. Разумеется, что и мы, несмотря на нашу молодость, участвовали на всех делаемых в это время увеселениях.

Не знаю, сколько прошло времени, как приехал за мною гусарский сержант, бывший бессменным ординарцем при Петре Александровиче, с письмом от дяди, чтобы я, оставя все, приехал немедленно к ним в Ошмяны, о чем дядя писал и к Дуве, и патеру Груберу. Так как у меня никаких не могло быть сборов, то я на другой [день] утром в 10 часов был отправлен в путь. Вызывали меня в Ошмяны по случаю родов Марии Алексеевны, чтобы быть преемным отцом ее дочери.

Я вздумал воспользоваться моим неожиданным и скорым выездом, [чтобы] блеснуть перед моими товарищами и всеми знакомыми, проскакав курьером по городу. Почему, уезжая, я надел мой широкий пояс с парою пистолетов, подаренный мне дядею еще в Ошмянах, так как он вместе с верховой ездой заставлял учить меня стрелять в цель из пистолета, привесил на грудь, как у курьеров, кожанную сумку. От дому коменданта, стоя на ногах в кибитке, как я слыхал ездят иногда лихие курьеры, запряженной тройкою поскакал я во всю прыть лошадей, имея на облучке гусарского сержанта в полной форме, по площади; с нее – по главной улице, перерезывающей весь город прямою длинною улицею, идущею склоном к концу, как и по всему форштадту до почтовой дороги, довольно далеко идущей прямою линией, в полном убеждении, что все, меня видящие, принимали за курьера, посланного с важным донесением.

Приехал я в Ошмяны хотя вовремя, но по пустякам, потому что за несколько часов до моего приезда приехал туда камергер[107] князь Егор Алексеевич Голицын, брат Марии Алексеевны – волонтером[108] в действующую армию против конфедератов. Этот, много что восемнадцатилетний волонтер, был услан по тогдашней моде знатных богатых фамилий воспитываться в Париж по двенадцатому году с гувернером, разумеется, французом, которому в полное распоряжение был отдан 12-летний князь Голицын для морального и научного образования русского князя. Этот мерзавец, как и большая часть того времени гувернеров, дозволял мальчику, не достигшему юношеского возраста, посещать все увеселительные места, которыми наполнен Париж, и пользоваться всеми слишком ранними для такого молодого мальчика, каким был Голицын, забавами и наслаждениями. Зато и возвратился он в Петербург, окончив свое парижское воспитание, совершенно уже отжившим юношею, не умевшим ценить и уважать достоинств ни женщин, ни мужчин, ничего

не любивший, всем скучавший, не будучи ничему научен его гувернером, кроме французского языка и манерам, и приемам большого круга; вся его образованность и научность состояла в том, что он знал все любовные проделки и интриги королевы, придворных и всего знатного дворянства при способности во всяком отыскивать какую-нибудь смешную сторону и, увеличивая ее, ловко насмехаться над всеми. А как и у нас в модных, высоких кругах вся образованность только в том и состояла, то Егор Алексеевич, молоденький, недурной собою, обладатель огромнейшего состояния был принят в этих кругах с восторгом. К тому еще, хотя не имея настоящего понятия об изящных искусствах, не умея рисовать, он чертил пером, по большей части чернилами, очень ловко карикатуры, подкрашивая их красками без теней; умел представить в смешной карикатуре всякое лицо, даже очень красивой женщины, удержав так хорошо сходство, что с первого взгляда нельзя было и узнать, что это карикатура; и в этих карикатурах он очень искусно умел выставлять и моральные недостатки, привычки и слабости тех, над которыми смеялся. С двенадцатилетнего возраста, быв полным властелином своих поступков по корыстолюбивым расчетам мерзавца-гувернера, который не только не старался останавливать развертывающиеся страсти своего воспитанника, но, напротив, поощрял его к тому; так что он с 18-ти или 19-ти лет уже отжил и потерял все ощущения наслаждений как физических, так и моральных. Что такое занятие, он не понимал, ничего не любил, всем скучал, потому что все уже ему надоело. Он умер 24 лет от истощения физических и моральных сил. Этот молодой человек погиб от модного воспитания, к которому ему давало средства его богатство. Будь он иначе воспитан и как следует образован, он бы мог быть полезным человеком, будучи от природы неглуп и со способностями, и прожил бы гораздо долее.

Князь Егор Алексеевич [был] прислан волонтером совсем не с тем, чтобы служить волонтером, потому что он ни к какой службе не был способен и служить не мог, а для того, чтобы императрица имела придирку дать покровительствуемому ею молодому камергеру Егорьевский крест четвертой степени, который по положению статута давался волонтерам, сделавшим кампанию против неприятеля и отличившимся на службе усердием и храбростию. Князь Егор Алексеевич Голицын, как и я, не видел неприятеля, потому что во все это время не выезжал из Ошмян. Подобные проделки встречались не раз при Екатерине Алексеевне, и офицеры Псковского полка, когда приехал Голицын, говорили: "Этот молоденький камер-

гер прислан сюда не служить, а за Георгиевским крестом". Они же рассказывали анекдот, всей армии известный, про молодого офицера, господина Обрезкова, покровительствуемого каким-то весьма знатным и сильным при дворе вельможей, присланного волонтером в действующую армию и бывшего прикомандированным к одному конному полку. При первой по его приезде стычке наших войск с конфедератами и завязавшемся довольно горячем деле полковой командир, дав Обрезкову под команду пол-эскадрона, послал его в дело. Обрезков поскакал, но, не доскакав до неприятеля, струсил, поворотил назад и ускакал со своею командою далеко от места сражения и заперся в какой-то дальней корчме. По окончании этого порядочно значительного дела, где конфедераты были совершенно разбиты, вышли награды всем, отличившимся в этом деле, в том числе и волонтер Обрезков получил Егорьевский крест за спасение полуэскадрона, находящегося под его командою. Впоследствии я не раз видел, что над этим смеялся Петр Александрович со своими офицерами и приезжавшими к нам полковыми командирами.

Егор Алексеевич впоследствии, по совершенном уничтожении конфедерации, получил также Егорьевский крест, даваемый за отличную храбрость, не только что никогда не быв ни в каком против неприятеля деле, но совсем не видав ни одного вражеского солдата, даже пленного.

Как ни был я еще молод в то время, но меня чрезвычайно удивляло, как могла императрица Екатерина, [чей] великий ум и мудрость правления, всеми прославляемые даже за границею, могла подобными наградами дозволять и даже сама унижать такой важный и почетный орден по его статуту, как Егорьевский крест, который [она] же и учредила.

В это время в Ошмянах по утрам я должен был читать вслух псалтырь[109] или святцы[110] старухе графине Апраксиной, тетушке Марии Алексеевны; кроме этих несносных для меня нескольких часов я занимался рисованием, которое очень любил, а более всего и по утру, и после обеда главною моею страстию – верховою ездою. Я уже ездил хорошо, сидел чрезвычайно крепко на коне и знал все правила верховой езды, так что главный берейтор полка употреблял меня при обучении горских диких лошадей, которыми были снабжаемы при императрице все полки легкой кавалерии. Приводимые ремонтерами[111] лошади долго гонялись на корде[112] и приучались к седлу, а потом уже сажали на них человека, продолжая гонять на корде, пока не перестанет беситься и стараться сбросить с себя ездока. А [так] как в полках знают все привычки горских лошадей, то по этим привыч-

кам их и обучают. Когда горская лошадь приручена уже к седлу, сажают на нее хорошего ездока из солдат и начинают гонять на корде; желая сбить с себя седока, она начинает яростно беситься, становиться на дыбы и делать лансады[113], брыкать и бить передними и задними ногами, бросаться в стороны или, остановясь, упершись передними ногами и стоя так несколько секунд, как вкопанная, вдруг делает сильный прыжок и сверху ударится всеми четырьмя ногами так сильно о землю, что весьма трудно удержаться в седле. Случается иногда, что от этого прыжка лопаются подпруги, и седок вместе с седлом сбрасывается наземь. Стараются, чтобы лошадь с первого разу не сбросила ездока, после чего она становится тише, а после второй неудачной попытки сбросить ездока она уже перестает совсем беситься; а [так] как известно, что легкого ездока всякой лошади гораздо труднее сбить, чем тяжелого, то берейтор при обучении горских лошадей Петра Александровича сажал меня на седло объезжаемой лошади. Зная мою ловкость, умение крепко держаться на лошади и мою смелость, он рассчитывал на мою легкость, что и оправдалось, потому что я при этих выезжаниях ни разу не был выбит из седла. А падал я с лошади много раз, и на скаку во весь карьер падал вместе с лошадью, но всегда так счастливо, что ни разу не ушибался серьезно, чему пособляло мне много врожденная ловкость ко всем гимнастическим упражнениям. Не раз случалось мне, что лошадь, взбесясь, вставая на дыбы, не удержав екилибра[114], со мною опрокидывалась назад, и я почти инстинктивно бросался во время ее падения в сторону, и раз только нога моя попала под лошадь и довольно больно придавила пальцы ноги. Два раза я был с лошадью во рву, но тоже счастливо, [так] что нисколько не ушибся. Берейтор, когда он учил кадет, приписываемых к полкам (это почти то же, что теперь юнкера – молодые недостаточные дворяне[115], не воспитанные в корпусах, а желавшие служить в военной службе, вступали в полки кадетами с семнадцатилетнего возраста и более, где обучались военной службе и через положенное число лет и по способности получали офицерские чины. Они носили офицерские мундиры, только без эполет, и на саблях не имели офицерских темляков), брал всегда и меня с собою и, разъезжая с нами по полям, заставлял нас перегонивать друг друга, и когда встречались заборы, каменья, рвы – перепрыгивать их. Когда приказывал он нам, увидя впереди канаву, ров или ручей, перепрыгнуть их, то обыкновенно все наперед подъезжали к этому рву, канавке или ручейку, чтобы убедиться, в состоянии ли его лошадь перепрыгнуть его или нет, и потом

уже пускались прыгать. А я так никогда этого не делал, а когда только берейтор покажет на то, что надо перескочить, я, перекрестясь, в ту же минуту пускался во весь карьер к назначенному рву, канавке или ручейку и перескакивал; и за это не раз я попадал в ров вместе с лошадью, но так счастливо, что ни разу не ушибался сильно, скоро вскакивал на ноги, пособлял вставать и лошади, выводил ее из рва, садился на нее и ехал вместе со всеми. Этому счастью пособляло много то, что я был очень способен к вольтижировке[116] и необыкновенно легко прыгал, и при подобных случаях или когда лошадь подо мною взбесится. Я не пугался и не терял присутствия духа, а, увидя, что лошадь не в состоянии перепрыгнуть и должна упасть в ров, я бросался с нее в ров [в] противную сторону ее падения и старался попасть на ноги, и попасть под лошадь уже никак не мог, что не могло обойтись без весьма сильного ушиба, если не самой смерти.

В войну с французами в 1807 году[117] брат мой Константин Петрович был в десанте на одном корабле с полковником конного полка, бывшим берейтором в Псковском драгунском полку. Узнав фамилию брата, [тот] спрашивал его, не знает ли он, не родня ли ему молоденькой по двенадцатому году граф Толстой, бывший в последнюю польскую конфедерацию в Псковском драгунском полку с дядею Петром Александровичем Толстым, командовавшим этим полком. Узнав, что я его родной брат, он очень интересовался знать все обо мне, потому что он очень любил меня. Он говорил брату о необыкновенной моей смелости на коне и что я, несмотря на такие молодые лета, уже ездил верхом как хороший ездок, рассказывал брату все мои проделки на лошадях, рассказывал и то, что я на лошади, перекрестясь, пускался, не задумываясь, на все, что он приказывал, и на что большие и давно в полку служащие кадеты никак не решались. Он говорил брату, что меня назвали в полку “головорезом на коне”.

В это время в Ошмянах я проводил время, как и прежде: читал псалтырь старухе Александре[118] Борисовне Апраксиной, рисовал, ходил к камердинеру Булонью, как говорилось всеми, учиться по-французски; только я не знал, чему меня учил камердинер, а он не знал, чему учил меня. Остальное время я проводил на лошади. Меня посылали то на фланкерские учения[119] гусар, то на скачки и на полковые учения; ездил с Петром Александровичем на охоту за зайцами, как я уже сказал, только для одной верховой езды.

В полку майора Нотгафта была прекрасивая лошадь, смесь английской с арабским жеребцом. Окроме хороших статей, главное ее достоинство состояло в быстроте скачки и легко-

сти, с которою она перепрыгивала высокие заборы и широкие рвы. Майор Нотгафт сам на ней не ездил, потому что, будучи очень большого росту, был чрезвычайно толст. Он в это время давал иногда мне на ней ездить, и я был влюблен в эту лошадь. Просить дядю, чтобы он ее мне купил, я не мог, потому что у меня уже была верховая лошадь в Полоцке.

Однажды, сидя у открытого окна против Анны[120] Борисовны, читал [я], разумеется, с ужасною скукою псалтырь, тем более, что в это время дядя собирался ехать в лагерь на ученье. Проезжая мимо окна, где я сидел, дразня меня всегда "Анны Борисьниным послушником", он сказал мне, смеясь: "Ты, видно, хочешь быть лучше дьячком[121], нежели конным офицером. А я бы на твоем месте кинул бы псалтырь, выскочил в окно и прискакал бы в лагерь". Сам поехал далее, но мне довольно было этого – я исполнил это: потихоньку положил псалтырь на стул и мгновенно выпрыгнул из окна, хотя оно было от земли аршина на четыре; побежал на конюшню, велел оседлать себе лошадь и поскакал во весь карьер в лагерь, и явился к дяде с объявлением, что хочу быть офицером, а не дьячком. Петру Александровичу понравилась моя проделка, и он, зная, как мне понравилась лошадь Нотгафта, купил ее мне за четверку лошадей из ремонта, а верховую лошадь, что у меня была в Полоцке, велел отдать племяннику Дуве. Вскоре после этого я опять был отправлен в Полоцк продолжать учение у иезуитов, куда была приведена и новая моя лошадь.

В Полоцке я жил по-прежнему – ходил учиться к иезуитам, к пастору учиться немецкому языку, ездил верхом, танцевал на балах. А на контракты съезжалось много окрестных помещиков, семейных и холостых, между которыми были и богатые, и потому в это время всегда живут в Полоцке еще веселее, окроме балов устраиваются катанья в экипажах и шлюпках, делаются partie de plaisire и другие увеселения, на которых и я принимал деятельное участие.

Богаче всех из приехавших на контракты был пан Глазко, приведший с собою несколько лошадей в разных экипажах для катаний и верховых – для скачек. Он был небольшого росту, сутуловат, с заметно большим носом, далеко не красив, но думавший очень много о своей красоте и любезности с прекрасным полом, что его делало очень смешным и давало повод, а особливо молоденьким девицам, его порядочно дурачить. Играя на скрипке более плохо, нежели хорошо, он на музыкальных вечерах всегда играл какую-нибудь весьма незначительную пиесу в полном убеждении, что все удивлены его искусством. Оно было очень натурально при самолюбии

Глазки, принимавшего за чистую монету громкие рукоплескания дам и девиц, производимые для смеха. Глазко был cavalie de bataille[122] нежного пола на всех увеселениях.

На трех конских скачках, которые в это время были, в действии находилось четыре лошади: одна Глазкина, три лошади других господ и моя красавица Лыска (так звали эту лошадь), которая уже была известна всем в Полоцке за необыкновенного скакуна и прыгуна. Я на ней обскакал всех лошадей и доехал до цели за несколько минут до первой, после меня прискакавшей. И на всех трех скачках (в каждую скачку у Глазко были разные лошади, а у других – все те же) меня больше всего радовала обскачка лошадей Глазко. Они были лучшие изо всех других, а особливо на последней скачке [лошадь], прискакавшая к цели через две с половиною минуты после меня. Окроме удовольствия обскакать хорошую и дорогую лошадь, меня забавляла злость Глазко, он выходил из себя и говорил: "Я застрелю лошадь этого мальчика". Я и без того всегда, где только мог, подшучивал над ним; и с помощью моих товарищей я бесил его разным манером и на гуляньях, и на балах.

Я думаю, не прошло и двух лет, после того как я приехал во второй раз в Полоцк, как пришло известие о кончине императрицы и о восшествии на престол Павла I, и не более полутора недель, как я получил приказание от дяди возвратиться в Ошмяны. Как мне не было весело жить в Полоцке, я выехал из него без особенно большой горести, хотя очень жалел, что расстаюсь с патером Грубером, которого одного я искренне любил изо всех иезуитов. Мне жаль было и моих товарищей, а особливо Лопатиных, с которыми более всех я был дружен. К старику Дуве я не имел никакой привязанности и потому расстался с ним весьма спокойно.

Но коли что стоило мне горьких и продолжительных слез, так это то, что я должен был расставаться с моей лошадью, которую любил больше всего, и она была необыкновенно ко мне привязана, она не позволяла никому, кроме меня, на себя садиться, а если кому и случалось на нее садиться, то она немедленно его сбрасывала с себя, а когда приходил к ней садиться [я], то стояла совершенно смирно. Она ходила и бегала за мною как собака. Когда случалось, что она, водимая через площадь на водопой, вырывалась у драгуна, и поймать ее было невозможно, так стоило только мне явиться на площадь и позвать ее, как она тотчас прибегала и останавливалась, и терлась об меня головою, и без всякого сопротивления давала себя взять и передать конюху. Она играла со мною – если я ее пощекочу у конца гривы, где она была щекотлива, и побегу от нее, она пускалась за мною, догоняла и хватала легко

зубами за рукав или куртку и теребила. Мог ли я не любить от всей души такую лошадь? За то я ее и баловал. Она любила сахар, и [я] ей его приносил два раза в день, а иногда и чаще, любила сладкие яблоки, и я давал ей их. Расставание с этой лошадью еще более было для меня грустным, [потому] что [я] должен был по приказанию Петра Александровича подарить ее племяннику Дуве, которого я (и все) терпеть не могли и презирали и который, будучи дрянным ездоком, никогда не осмелится на нее сесть и [мне оставалось только надеяться], что она будет продана человеку, который будет уметь с ней обходиться и ценить ее достоинства.

В этот самый год Петром Александровичем при покровительстве графа Николая Ивановича Салтыкова было сделано вместе с другими представлениями по гвардии и представление в выпуск и из сержантов Преображенского полка в капитаны армии и определении моем в Псковской драгунский полк, а через год граф Салтыков брал бы меня к себе в флигель-адъютанты[123], и я по четырнадцатому году был бы примьер-майором. Вот что делалось в военной службе при императрице Екатерине II. Но мне судьба не судила воспользоваться этим злоупотреблением.

По приезде моем в Ошмяны в скором времени Петр Александрович должен был сдать свой полк, из которого было сформировано три конных полка, по пяти эскадронов, и ехать в Петербург, но он, будучи племянником графа Салтыкова, нисколько не потерял своего покровительства, потому что Николай Иванович как воспитатель императора Павла I был очень любим и уважаем сим монархом.

Приехав в Петербург часу в шестом, я был тотчас отправлен к родителям в Семеновской полк, в дом купца Сиренкова, где после, при императоре Александре I, был помещен С.-Петербургский университет. Дома была только матушка с старшим моим братом и меньшою сестрою и братом. Батюшка был под арестом, как и многие во время восшествия Павла Петровича на престол.

Радость встречи с родителями, с братьями, сестрою сильно чувствуется, но описываться не может. Какими бы словами я ни выражал ее, все [же] не в состоянии был бы высказать, что ощущал. Также с большою радостию встретил [я] старшую нашу сестру, [бывшую] замужем за Шишковым; старушку нянюшку, ходившую за всеми нами, которую я очень любил и которая любила меня чуть ли не более всех других. Ее необыкновенная привязанность к родителям и ко всему нашему семейству заставляла Матрену (так ее называли) почитать другом нашего семейства. С такою же любовию и радостию я

обнимал и всех наших старых слуг и женщин, служивших родителям. Как ни был я счастлив, живучи в Ошмянах и Полотске, где мне были доставляемы удовольствия, которых я уже никак не мог иметь у родителей, как верховая езда, которую я так любил, и санные катания, правя тройкою, но я скоро забыл их в нежных, горячих объятиях родителей и дружбе и ласках сестры и братьев.

С родителями жил, окроме сестры и меньшого брата Петруши, только старший брат Александр, служивший подпоручиком в лейб-гвардии Семеновскому полку, а второй брат по нем Владимир, выпущенный из Сухопутного корпусу в Кексгольмский полк, жил на Васильевском острову, где стоял его полк; а третий брат Константин, тоже выпущенный из Сухопутного корпусу в...[124] полк, стоял в Вильманстранде[125]. На другой день я увидел брата, который много возмужал и вырос против того, как я его оставил, уехав в Польшу, в красивом, богатом легком мундире светло-зеленого цвета, обшитом золотым галуном и сшитом по талье, в красиво сложенной шляпе, тоже обложенной золотым галуном. [А теперь он был] в широком неуклюжем темно-зеленого цвета кафтане, вплоть до пояса застегнутом, с широкими фалдами, спереди весьма немного скошенными в стороны, со стоячим голубым узеньким воротником, с широкими рукавами одного цвета с воротником и также, как и на воротнике, с двумя вышитыми золотом петлицами в виде цифры осьми с несколькими маленькими листочками на одном конце, в белых суконных штанах и в черных суконных щиблетах выше колен, застегнутых с боков часто маленькими медными пуговицами, в весьма некрасивой уродливой треугольной шляпе с огромною золотою петлицею, с большою остроконечною восьмиугольною звездою к концу, где пуговка, а вверху петлицы, где в прежней гвардейской шляпе был красивый бант из белой атласной ленты о четырех петлях с двумя концами, [и] на концах (мелкими зубцами обстриженных) была сделана круглая розаса[126] из черной тесьмы с оранжевыми узкими полосками в три четверти вершка[127] ширины; а вместо белого султана торчала неуклюжая небольшая серебряная кисть, воткнутая вверх концами с двумя короткими пуклями, одна за другою на обоих висках; а сзади от самого затылка шла длинная коса, свитая черною лентою. Шпага на нем была надета не сбоку, как всегда я видел, а совсем сзади, и эфес, которой с серебряным темляком [выглядывал] из левой задней фалды. Я не мог [не] расхохотаться над этим смешным костюмом. Сначала мне пришло в голову, что брат для смеху так нарядился, но это был форменный мундир гвардейского полка. Еще больше

я удивился и насмешило меня, когда брат сверх этого широкого мундира стал надевать точно такой мундир. Я не мог понять, зачем это; мне растолковали, что первое его одеяние был мундир, а второе, называемое юберрок, был сюртук, надеваемый, когда была холодная погода. Брат шел в этот день куда-то в караул; на руках у него были белые перчатки с большими раструбами, как у нонешних конных. В правой руке у него было оружие в роде старинного бердыша[128] и называемое ешпантом[129]. Долго я не мог привыкнуть к этому одеянию и не смеяться при встрече с братом в мундире.

В этот день после обеда матушка меня с сестрою и меньшим братом привезла на гобвахту Зимнего дворца, где, как генерального чина, содержался батюшка. Тут же содержались два брата – генералы князья Горчаковы[130] и атаман донских казаков граф Платов[131]. Меня довольно часто возили к батюшке. Горчаковы и Платов меня очень полюбили. Весна была ранняя и очень теплая, и скоро сделалось сухо, и меня отправили пешком к батюшке со старым слугою нашим Осипом. Я был одет, как ходил в Польше – в курточке и шароварах, без галстука, с распущенными волосами в локонах и круглой шляпе. Войдя в Гороховую улицу, я был остановлен полицейским офицером, который, спросив мою фамилию, сказал: "Пойдите домой и переоденьтесь". Я отвечал, что я не хочу идти домой, а хочу идти к батюшке. И что он ни говорил, я настаивал на своем и не воротился домой. Тогда он, видя, что со мной не сговориться, обратился к Осипу и объяснил ему, что государь, несмотря на лета, запретил носить куртки и шаровары, ходить без галстука и носить круглые шляпы. Тогда Осип повел меня домой. На другой день надели на меня сделанные из шароваров короткие штаны, вместо куртки – что-то вроде французского кафтанчика со стоячим воротником, надели высокие сапоги с обрубленными носками, повязали галстук; у круглой моей шляпы поля с трех сторон пришили к тулье, которая более полувершка выходила выше полей, чтобы сделать ее похожею на треугольную. Я не мог удержаться от смеха, смотря на брата в гатчинском мундире[132], а увидев себя в уродском костюме, не мог удержаться, чтобы не заплакать.

Раз, бывши у батюшки, услышали мы, что пришел к гобвахте Аракчеев[133], игравший такую важную роль при Павле I и известный по своей ужасной жестокости. Я подошел к окну, чтобы увидеть этого человека. Он пришел, приведя с собою преображенского унтер-офицера, который по оплошности не успел вовремя отдать ему должной по форме чести. Он поставил его перед фронтом караула, вышедшего к нему для от-

дания чести, вызвал двух ефрейторов и приказал бить его палками. Увидев это, я со слезами бросился от окна и убежал на набережную дворца, чтобы мне не слыхать стонов и просьб несчастного о помиловании. Но у этого человека помилований не существует. Он его бил, как говорили караульные офицеры, чрезвычайно долго, и когда он стал ослабевать от побоев, то он велел другим ефрейторам его держать. Наконец, он потерял совсем чувства и замертво упал, и тогда, дав ему, лежащему, несколько ударов, приказал свезти его в ближайший лазарет, где он через два часа умер. Но это не первая и не последняя жертва его варварской души. И вот какой изверг [был] другом и первым любимцем Павла Петровича.

В той же улице, где жили мы, через два или три дома жил весьма замечательный человек, господин Радищев, возвращенный Павлом I-м из ссылки в Сибирь, куда он был сослан Екатериною II за написанную им книгу под заглавием "Путешествие из Петербурга в Москву", где он выставил все ее ошибки по управлению государством и все ее скандалёзные проделки. Павел Петрович, ненавидевший свою мать, возвратил его в Петербург и поручил ему писать проект сочинения законов, который он вскоре и представил его величеству. В этом проекте чуть ли не в самом первом параграфе он сказал, что там, где существуют именные указы, не могут существовать законы. Павел Петрович приказал ему сказать, чтобы он вспомнил, что он недавно возвращен из Сибири. Это так перепугало Радищева, что он в тот же день, как ему были сообщены слова государя, в вечеру принял яду и в ночь умер[134], оставив жену с малолетними детьми. Старший его сын был определен в Морской корпус[135].

Когда Павел I-й вошел на престол, то все, кто имели только возможность существовать без службы, вышли из гвардейских полков в отставку. Он, не любя дворянство и считая его своим врагом, посадил на их места безграмотных глупых офицеров его гатчинского баталиона, вышедших из простых солдат. Немногие оставшиеся в службе из екатерининской гвардии презирали их и никак не сходились с ними. Даже между ними название "гатчинским офицером" было бранным словом наравне с "невежею" и "пошлым безграмотным дураком". Государь, переведя гатчинских офицеров в гвардию, [давал] каждому прапорщику по 100 и 150 душ крестьян, а там – по чинам – двести, триста и далее; капитаны получили по 500 душ, а полковник – по тысяче душ. Приближенных своих, как брадобрей его величества Кутайцов[136], с огромным богатством получил титло графа[137] и Андреевскую ленту[138]. Лопухин, дочь которого была главной любов-

ницей Павла[139], в честь которой, когда был готов Михайловский замок[140], он приказал его выкрасить по цвету ее шведской перчатки[141], построил в честь ее 100-пушечный корабль и назвал ее именем, [что] в переводе на греческий язык [означает] **благодать.** Немудрено, что тогда многие полагали, [что] Павел Петрович не совершенно в полном уме. И как иначе понимать подобные приказания срывать круглые шляпы с головы у ходящих по улице, приказания снимать шляпы, проходя дворцы его величества, несмотря ни на холод, ни на дождь, а при встрече на улице с царем, когда он объезжает, останавливаться, выходить из карет и всех других экипажей на улицу, несмотря ни на грязь, ни на снег, ни на слякоть, сбрасывать с себя на мостовую шинель, шубу и всякое верхнее платье и кланяться в пояс, и пешим также. И не одним мужчинам, и дамы обязаны были тоже выходить из экипажей на улицу, сбрасывать с себя на мостовую салопы, шубы – шел ли в то время снег, дождь или была бы сильная вьюга, ехали ли они разряженные на званый парадный обед или на бал – и, стоя в тоненьких шелковых башмачках в грязи или снегу, делать низкие реверансы его императорскому величеству. И не только лакеи, но и кучера, и форейторы[142] должны были также снимать шляпы. В разсуждение не бралось, что кучера, снимая шляпы и шапки, должны были держать вожжи в одной руке, а лошади, почуя слабое управление, могли броситься в сторону, могли и понести, изувечить барыню или барина, ехавшего в экипаже, и передавить не одного, попавшегося на дороге. После половины своего царствования он сжалился над дамами и дозволил им, выходя из карет, не сходить на улицу, а останавливаться на последней ступеньке откидной лесенки кареты. За неисполнение этого приказания взыскивалось строго, и говорят, что не один за это уехал и в Сибирь.

Что тут мудреного, когда все четырехгодовое царствование состояло почти в одних только арестах, выключках из службы и ссылках в Сибирь. Он раз, прогневавшись на ученье на конногвардейский полк, прямо с ученья скомандовал всему полку со всеми офицерами: **"Марш в Сибирь"**, – и полк немедленно вышел из городу, как был на ученье. Кажется, уже на другой день полк был вернут в казармы[143].

Брат мой полюбил фрунтовую[144] службу и в короткое время изучил все гатчинские строевые ученья и скоро был замечен Павлом как отличный офицер; и в продолжение первых трех лет его царствования не был ни разу арестован, тогда как не только старые гвардейские офицеры, но и гатчинские, переведенные в гвардию, были по нескольку раз арестованы.

И офицеры гвардии говорили: "Толстой – не офицер, потому что не был ни разу арестован". В последний же год и он попался под арест. Это было зимой на вахт-параде[145]. Когда государь проходил по фрунту, брат, делая ему честь ешпантоном, как-то поворотил поперечный рожек ешпантона не в ту сторону, которую должно по форме. Увидев это, император закричал: "Как такой отличный офицер мог сделать такую ужасную ошибку! Арестовать его и посадить в крепость". Брат находившимся тут своим офицерам сказал: "За то, что он меня арестовал, я сделаю его моим камердинером". Надобно сказать, что брат был такого характера, что ничто не могло его испугать или расстроить, все он обращал в шутку и любил при всяком удобном случае подшутить над другим, чтобы посмешить, к чему имел необыкновенную способность. Несмотря на это, он был очень любим в полку, потому что подшучивал не зло, а смешно и остро. Всегдашние его cavalie de batally[146] были гатчинские офицеры.

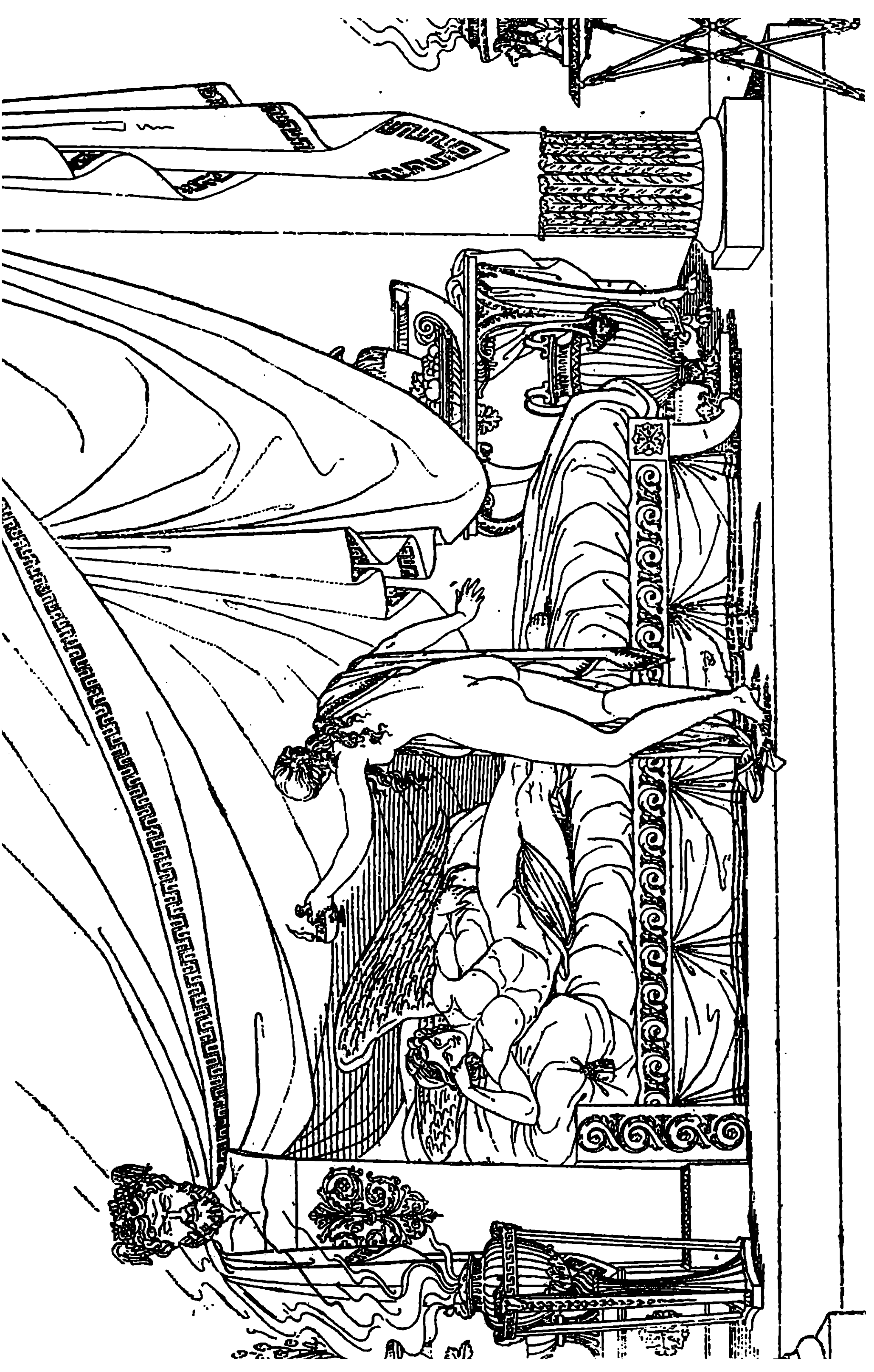
Когда по приказанию Павла Петровича прибежал к нему дежурный флигель-адъютант, чтобы исполнить повеление, брат не дал ему шпаги и, оттолкнув его, пошел строевым тихим шагом с ешпантоном в руках прямо к царю и остановился перед ним во фрунт, вытянул руку с темпом и подал ему ешпантон. К удивлению всех Павел Петрович, не говоря ни слова, пресерьезно взял ешпантон. Брат отстегнул знак и подал ему. Он взял. Брат развязал шарф и также подал ему, и шарф также молча был взят царем, как и шпага, и отдано было все стоявшим за ним генерал-адъютантам; после чего брат, сделав направо кругом, пошел к полку тем же строевым шагом, каким пришел к нему. Вероятно, государь принял эту фарсу за отличное знание службы. Вот еще случай, доказывающий, что Павел Петрович считал его за самого исправного офицера. Раз стоял брат в карауле на гауптвахте Царицынского луга у канавки Летнего сада недалеко от угла Рибасова дома, что теперь дом принца Ольденбургского. У него под караулом содержался какой-то комиссариатский чиновник, осужденный на лишение чинов, дворянства и ссылки в Сибирь на вечную каторжную работу. И сентенция[147] ему была уже прочтена и исполнение было отложено до другого дня. Но он не дождался этого и в вечеру, когда стало темно (это было осенью), успел потихоньку выйти из караульной так, что никто из солдат не заметил и, спустясь к самой воде канавки, перерезал бритвою себе горло и упал в воду. На шум прибежали солдаты и вынули его из канавы мертвого. Батюшка был тот же час об этом уведомлен. Можно себе представить, в какое горе и огорчение ввергнуло наших родите-

лей это несчастье. Батюшка тотчас поехал к коменданту города полковнику Свечину[148], с которым был знаком. "Я сделаю все, что могу. Буду говорить в пользу Вашего сына, но скажу Вам, что все, что можно ожидать лучшего, если государь будет в хорошем расположении духа, так это только то, что его разжалуют в солдаты". Вся ночь прошла у нас в слезах. На другой день часу в одиннадцатом полученная записка от Свечина всех чрезвычайно обрадовала и удивила, в которой он писал: «Сего дни поутру, представив рапортички по городу о караулах, я дожидался, когда он прочтет рапортичку об случившемся в караульной Царицына луга, и, если можно будет, сказать в пользу Вашего сына. Но государь, прочтя рапортичку, сказал: "В карауле был граф Толстой?" – "Да, Ваше величество, – отвечал я, – славный офицер. Это несчастие, оно могло бы случиться и со мною". "Оставить это так и не арестовывать его"». Часу в первом или втором, сменясь с караула, явился и брат без малейшего наказания. Только наследник Александр Павлович[149], бывший шефом Семеновского полка, приказал его арестовать домашним арестом на три недели.

В это время родители наши жили очень тихо и бедно. Батюшка был выпущен из-под ареста и получил отставку с половинным жалованием. Батюшка выезжал иногда к своим знакомым и родным, а матушка ездила раза два в неделю только к вдове княгине Мещерской, с которой она была дружна, а то все дома сидела и занималась беспрестанно разными работами, на которые была большая искусница – хорошо клеила картины из соломы (которую для этого сама приготовляла и красила), которые всем очень нравились, делала превосходно красивые портфели и другие вещи. Но серьезной ее работой было вышиванье по тонкой холстине, как шьют по канве en petit pointion[150] небольшие картины, пейзажи, группы фигур и цветов. Эти ее работы всем очень нравились. Днем матушка занималась своим рукодельем, и каждый из нас после уроков занимался своим любимым занятием. А старший брат любил токарное искусство и свободное от службы и от других занятий время посвящал этому искусству, а я более рисовал, будучи очень любопытен знать, как делалось все, что обращало на себя мое внимание. Я столярничал и слесарничал, но более всего занимало меня все действующее посредством механики: и разбирание карманных часов, и составление их опять. Это занимало меня чрезвычайно и дало мне некоторое поверхностное понятие о механике, и я делал разные вещицы, приходящие в движение посредством часовых и других, мною приготовляемых, пружин.

Вечером же, когда дни делались коротки, мы все садились за большой круглый стол, матушка или батюшка читали нам вслух книги, большею частью путешествия и разные открытия. Это было любимое для нас чтение, и каждый из нас занимался любимою своею работою. Этих часов мы всегда ждали с большим нетерпением.

Мы не могли [не] чувствовать тяжелого положения наших родителей, учась примеру нашей матушки, беспрестанно проводившей время за трудом. Мы после уроков проводили все время за любимыми нашими занятиями, а у меня их было так много, что у меня не доставало времени на исполнение того, что я затеивал сделать. Мы были всегда заняты полезным и любимым нам делом и были совершенно счастливы.

Глава вторая

В Морском кадетском корпусе

Родителей очень заботило мое образование. Двоюродный брат наш, Перфильев, майор Морского корпуса, присоветовал родителям определить меня в этот корпус; на что батюшка тем охотнее согласился, что он считался лучшим из корпусов по наукам и нравственности. Павел Петрович перевел его из Кронштадта в Петербург и поместил на Васильевском острову в здании Греческого корпуса, который был уничтожен. Кадеты Греческого корпуса, которые были из дворян, были определены кадетами в Морской корпус, а не из дворян – гимназистами в тот же корпус[1]. Император очень любил Морской корпус и посещал его почти каждую неделю.

Директором корпуса был адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов[2] в такой старости, что уже ходить не мог и вместо него управлял корпусом его сын контр-адмирал Логин Иванович лет тридцати, очень умный, отлично образованный человек и чрезвычайно начитанный и, можно сказать безошибочно, что единственный в аристократическом кругу[3]. Он имел жену, считавшуюся по уму, образованию и познаниям первою в Петербурге дамою. Она очень хорошо знала, кроме французского языка, английский, немецкий и итальянский, а что удивительно в то время, что она любила и знала русскую литературу, и все это было при здравом основательном уме и прекрасном теплом сердце[4].

Логин Иванович употребил все средства, чтобы сделать прежний запущенный Морской корпус одним из лучших учебных заведений по нравственности и наукам. Как ротные капитаны, так и дежурные офицеры были отличные

учителя, между которыми были люди, известные своею ученостию в Европе, как профессор математики Фус, преподававший в корпусе высшие вычисления и механику[5]. Точно так же известный и уважаемый в Европе ученый историограф и профессор статистики Герман[6]. Инспектор классов, капитан-командор Платон Яковлевич Гамалей, также весьма ученый и известный в Европе своими математическими познаниями, написавший много книг весьма замечательных касательно флотских наук[7]. Написал теорию морского искусства в четырех частях ин-кварто[8], навигацию в таких же двух частях, практику морского искусства тоже в двух частях в четвертку[9], астрономию для мореплавателей в двух частях и механику тоже.

Не прошло и двух недель, как я был определен в Морской корпус. Я принялся за науки, преподаваемые в корпусе, очень деятельно.

Когда я определился в корпус, там находился уже кадетом двоюродный брат мой, граф же Толстой, определенный давно, еще в Кронштадте, в малолетнее отделение. Он был тогда уже лет 16-ти или 17-ти. После меня в корпус вскоре был определен младший мой брат Петр 14-ти лет, и также определены были двоюродные же братья – три брата графов Толстых моих лет и двоюродный брат Арсеньев и внучатный брат Дохтуров. Мы все 7 человек были помещены в одной комнате первой роты, которая и называлась комнатою графов Толстых.

В корпусе положено было на первом курсе, то есть на кадетском, по субботам из каждого класса, в котором каждый кадет учится, давать особые рапортички о прилежании. До поступления в гардемарины[10], о прилежании которых особые рапорты от учителей в класс не подавались, так как предполагалось, что гардемарины должны быть прилежны и считаются на службе.

По прошествии первой же недели в классах я был в субботу представлен прилежным из всех классов. Так [как] я был первый, которого из всех классов подали прилежным, то Логин Иванович и инспектор представили меня директору, который меня чрезвычайно обласкал и оставил у себя обедать. С этой субботы я во весь кадетский курс до вступления в гардемарины подавался прилежным всякую субботу из всех классов без исключения, и потому, когда не было по воскресеньям отпусков из корпуса, я всегда обедал у директора нашего корпуса, почтенного, глубокой старости человека.

Учебное плавание в Швецию. 1800 год

1800 году 26 февраля по экзамену я пожалован был в гардемарины. В том же году 17 июня были мы отправлены на корпусных катерах в Кронштадт, куда приехали в 10 часов вечера и тотчас были посажены на назначенный для нашей кампании фрегат "Богоявление" под командою капитана первого ранга Федора Васильевича фон Моллера. Корпусным же нашим начальником был у нас двоюродный мой брат майор корпуса Андрей Яковлевич Перфильев. Кампания наша назначена в Штокгольм и другие порты Балтийского моря. 21 июня в 10 часов утра снялись мы с якоря, прошли Кронштадт и пошли в море.

Путешествие это я выписываю из журнала, веденного мною во время кампании и уцелевшего до сих пор[11]. Здесь я не стану говорить о всех мелочах, которые тогда записывал, и называть небольшие острова, которые [мы] проходили.

24-го числа я занемог и не помню дней. Мне нездоровилось, и я пролежал в койке и не писал моего журнала, и потому не помню, которого числа поутру прошли мы в очень близком расстоянии остров Готланд, с которого я снял вид. Потом прошли вдали на левой руке Ревель[12] и далее на горизонте острова Даго и Езель. После того дня четыре мы лавировали около шведских шхер[13] и не могли в них попасть. Но, наконец, 7-го числа июля стали мы на якорь в 30 верстах от шведских маяков. Посланный на берег за лоцманом мичман привез его на фрегат 8 числа в 10 часов при очень крепком ветре, и в полдень снялись мы с якоря и пошли к шхерам, в которые вошли в пятом часу пополудни. При входе в шхеры прошли мы лоцманскую деревню, построенную на голых камнях. Избушки этой деревни все выкрашены красной краской, как почти и все деревни по шведским берегам и в шхерах. Есть в этой деревне и два каменных дома, вероятно принадлежащие начальствующим над лоцманами. За этою деревнею, стоящею на голом каменном острову, прошли мы несколько островов голого камня, покрытых мохом, а частию кустами можжевельника и ельником. Между этими островами из голых каменьев встретили мы два довольно хороших вида, а особливо мыза[14] одного стокгольмского пивовара, которую мне очень хотелось нарисовать, несмотря [на то], что эту мызу очень портила красная краска, которою выкрашены все на ней строения. Но, к сожалению, [я] не мог этого сделать, потому что при свежем попутном ветре мы шли шхерами очень скоро. За этою дачею мы уже более ничего не видали, кроме

голых каменных островков и на них несколько самых бедных избушек.

В 8-мь часов приехали к нам на фрегат какие-то чиновники из таможни и сказали провожавшему нас лоцману, чтобы он объявил капитану фрегата, что никакому военному судну не дозволено давать лоцманов для провода шхерами в Стокгольм без особого на то разрешения из столицы, почему мы тотчас и бросили якорь.

9-го числа приехал к нам на фрегат из крепости Ваксгольм шведский капитан для объяснения с нашим капитаном. Поутру в этот же день по отъезде шведского капитана уехал Андрей Яковлевич Перфильев в Штокгольм к нашему посланнику Будбергу[15]. А в 9-м часу вечера приехал к нам другой капитан из той же крепости и привез нам позволение идти в Штокгольм.

На другой день капитан, взяв меня и еще трех гардемарин, поехал в крепость Ваксгольм. По приезде туда были мы очень хорошо приняты комендантом этой крепости господином Ережгольмом. Он показал нам всю крепость и все ее внутреннее устройство и магазины[16], после чего зашли [мы] в дом коменданта и, пробыв у него несколько времени, возвратились назад. Из крепости нам салютовали из пушек четырьмя выстрелами, а мы прокричали им четыре раза: "Ура!" – и, приехав на фрегат, стали сниматься с якоря и в девять часов пошли к крепости, и как скоро с нею поравнялись, то она нас приветствовала 22-мя пушечными выстрелами, а мы отвечали 23-мя и, прокричав друг другу несколько раз "Ура!", от нее удалились. Прошедши несколько времени буксировкою, стали на якорь. Переночевав тут, на другой день, то есть 11-го числа поутру, подняв якорь, пошли к Штокгольму. Перфильев в это время возвратился от посланника и привез с собою двух кавалеров[17] нашего посольства, которые с нами на фрегате вошли на стокгольмский рейд. Пройдя таможенную крепость, по салютовке с обеих сторон, стали мы на якорь. Часу в девятом завезли верпы[18] и подтянулись к крепости, где и играли вечернюю зорю[19].

12-го числа после утренней зори, когда мы и они подняли свои флаги, то мы им салютовали из 7 пушек, и они отвечали нам тем же числом. Погода была прекрасная, совершенно тихая и ясная. Большой залив, на котором стоит Стокгольм, освещенный утренними лучами солнца, был гладок, как зеркало. Вскоре после заревой пушки, вошед на шканцы[20], я увидел на этой гладкой серебристой поверхности огромное множество черных силуэтов крошечных лодочек с одним человеком, сидящим посредине, или двумя по концам лодочки, с

раздвинутыми в стороны и поднятыми от локтей кверху руками, беспрестанно качающихся из стороны в сторону. Это странное действие стольких сотен людей меня чрезвычайно удивило, и я никак не мог понять причины этого действия, но мне объяснили это. По этому заливу, на котором стоит Стокгольм, в некоторые времена лета проходит огромными массами по всему почти заливу и не на один аршин в толщину маленькая рыбка, вроде наших килек. Рыбаки, сидящие в маленьких лодочках, имеют каждый в правой и левой руке коротенькое (около трех четвертей аршина) удилище, то есть палочку, к тому приготовленную, к концу которого прикрепляется самая бичеватная или волосяная уда длиною в две или более аршина, как кому удобнее для ловли рыбы, из тоненькой бичевки или по большей части свитой, как обыкновенно из конских волос. На концах этих удок прикрепляются коротенькие тоненькие, вершка в два [удочки], сплетенные из конских волос, на концах с крючками, как у обыкновенных удочек, и прикрепляются по четыре, по пяти и по шести и даже более таким образом, что эти коротенькие удочки одна от другой расходятся в разные стороны. От этих удочек, прикрепленных к главной, то есть двухаршинной уде, вверх по ней на полтора или два вершка, а может быть несколько и более, прикрепляется опять такое же число коротеньких с крючками удочек, как на конце этой главной удочки или более, что, разумеется, зависит от рыбаков, кому как по его опыту удобнее, как вообще вся пропорция этих странных удочек, и прикрепляются таким образом, что от главной уды, от одного места они идут во все стороны, а под ними на таком же расстоянии по главной удочке вверх прикрепляются еще такие же маленькие с крючками удочки. И таким манером это повторяется по шести и восьми раз, как какому из рыбаков удобнее. Вообще все размеры этих странных удочек зависят от произвола рыбаков. К концам главных удочек прикрепляются также свинцовые гирьки, чтобы опущенные в воду удочки находились в воде в вертикальном положении и посредством довольной тяжести этих гирек могли удочки свободно проникать толщину массы плывущих рыбок.

Рыбаки, как я об них уже сказал, сидя в своих крошечных лодочках, держа в разведенных в стороны руках удочки, опускают их в воду за правый и левый борт своих лодочек, которые посредством тяжести гирь на удочках опускаются в глубину массы плывущей рыбы и остаются внутри ее. Каждый рыбак, сидящий в своей лодочке, наклоняется сперва на одну сторону, погружая еще более в толщину массы плывущей рыбы держимую им в той руке удочку, потом быстро и сильно

вздергивает кверху, не вынимая совсем из воды удочек, так что удочки с крючками остаются все внутри плывущей массы из миллионов крошечных рыбок. В то время, когда рыбак вздергивает кверху одну руку, он немедленно наклоняется на другую сторону и погружает глубже в воду удочку, держимую им в другой руке, и вздергивает ее точно так же, как делал это первой рукою, а вздернув эту руку, рыбак немедленно наклоняется к первой стороне и погружает уду глубже в воду. Это действие повторяется им довольно быстро, несколько секунд сряду, представляя издали, где совсем нельзя видеть удочек, весьма странное и смешное действие многих сотен людей, беспрестанно качающихся из стороны в сторону. Каждый рыбак, покачавшись таким образом несколько секунд, и, зная по опыту время, которое нужно, чтобы крючки маленьких удочек на концах длинных удок при вздергивании их кверху могли зацепить полное количество рыбок по числу крючков, вытаскивает из воды удочки с рыбками, висящими на крючках – одна за брюхо, другая за бок, за головку и хвостик, а когда и по две на одном крючке. Рыбак поспешно сцепляет с крючков рыбку, кладет ее в приготовленное для того на лодке [ведро] и немедленно принимается опять за свою ловлю. Не знаю, сколько времени продолжается такая ловля этой рыбки и когда она начинается, а сегодня, когда я в пятом часу вошел на шанцы, почти весь залив был уже усыпан лодочками, а часов в 10-ть уже почти ни одной не было видно.

Вид на город не имеет ничего особенно замечательного и красивого – он плоскок, богат водою, видны во многих местах большие здания, между которыми более всего бросается в глаза большое четырехугольное здание королевского дворца, выступающее в залив.

В этот день наш майор Андрей Яковлевич Перфильев с капитаном нашим Федором Васильевичем фон Моллером поехал на обед к нашему посланнику при шведском дворе барону Будбергу.

13-го числа в 9 часов утра повели нас в адмиралтейство. У пристани встретил нас контр-адмирал Розенштейн и повел показывать нам все: где строятся галеры[21], канонерские лодки[22]. Я все ходил с одним тамошним морским капитаном, который был со мною весьма приветлив, и, видя мое серьезное желание основательно знать все, что мне показываемо было, по моим вопросам (что ему очень понравилось) он, обласкав меня, предложил мне ходить с ним и все преподробно объяснял [мне], как что делается и для чего. Все, что я видел, и это особенное принятое во мне участие, меня чрезвычайно радовало, и [я] душевно привязался к нему. Показали нам вновь

изобретенные краны, посредством которых подымают на корабли пушки и все большие тяжести. Потом повели нас в морской [арсенал] – большое здание, в котором много оружий всякого рода, и все очень хорошо устроено и размещено, но ничего нет особенно замечательного. Тут мы расстались с контр-адмиралом, которому майор Перфильев передал от нас искреннейшую благодарность, а я доброму капитану, обратившему на меня свое особое внимание, высказал, как сумел, мою глубокую благодарность и душевное к нему уважение.

Отсюда пошли мы к нашему посланнику, который очень ласково нас принял и поздравил с благополучным приездом. От него пошли мы к пристани. Там выбрали из нас 7 человек, между которыми [был] и я, к посланнику на обед; но [так] как у посланника обедают в пятом часу, то наш майор повел нас в англинский трактир и велел подать нам масло с хлебом и сыром позавтракать, где мы оставались до обеда. Перфильев рекомендовал меня посланнику особенно. Он нашел, что я очень похож на моего батюшку. Через четверть часа сели за стол. Обед, как разумеется, был очень хорош, как и десерт. После обеда, напившись кофею, вскоре мы откланялись и возвратились к себе на фрегат.

14-го числа после обеда в 4-е часа водили нас осматривать королевский дворец с его галереями, которые не отличаются особенно важными произведениями ни по живописи, ни по скульптуре. Из последней хорошо большое собрание античных бюстов почти всех римских императоров. Хороша лежачая статуя Эндимиона[23], раскинувшегося от утомления, Минерва[24] с 9-ю музами, черного мрамора конь, несколько древних ваз, треножников, мраморных умывальников и других подобных вещей. Все это размещено в трех или четырех комнатах. Входили в комнату, где хранится фарфоровый сервиз, расписанный Рафаэлем; хотя живопись, по-моему, и не отличается особою красотою, но эта коллекция фарфора важна тем, что произведена таким великим мастером.

Потом повели нас в церковь, в которой хоронят королей шведских, которых тут находятся гробницы. Тут же хоронят и кавалеров ордена Серафима[25] и оставляют в самой церкви их гербы, между которыми видел я российский герб и вензель императрицы Екатерины II. Вышедши из церкви, пошли мы в большое здание, моделькаморою называемою, в которой хранятся модели вновь изобретенных машин, орудий, инструментов касательно хлебопашества, садоводства и вообще всякого рода хозяйства и также самые машины и модели по другим частям разных фабрик, заводов и технических

производств. Тут были кресла для больных, севший в которые больной может весьма свободно и легко катиться по всей комнате по всем направлениям и поворачиваться во все стороны, как на здоровых ногах, посредством пружины, действовать которою больному чрезвычайно легко и удобно. Тут же есть и кровать, на которой лежащий больной по надобности с помощию шнурка весьма легко [может] сделать себе стул.

15-го числа в воскресенье поутру пошли мы в русскую церковь, где, отслушав обедню, возвратились на фрегат. В Штокгольме наш священник в черном французском кафтане, в локонах при пудре, как и здешние. Сего числа от королевы[26] был сделан бал в Карлсберге, в называемой так части города, в которой находится шведский кадетский корпус. В нем только 120 кадет, из которых 20 морских. Как нас повезли сюда, так [и] их в Петербург.

В 4 часа пополудни приехали мы к пристани; вышед из наших судов, пошли мы к другой пристани, у которой дожидались нас шведские шлюбки. Севши в них, поехали [мы] в Карлсберг, где на пристани было множество народу, а кадеты их стояли во фронте. Также и мы, вышед из шлюбок, построились во фрунт. Потом нас и их распустили, и мы пошли осматривать их камеры[27], где все очень хорошо устроено и очень чисто. В камерах, в которых они ночуют, по стенам висят картины, на которых изображены разные сражения выигранных ими побед, а над каждой кроватью висело ружье и сума. Показали нам классы и столовую, а потом повели нас в отделение, где каждый кадет обязан непременно учиться какому-нибудь ремеслу по своей способности и вкусу. Там устроены особые небольшие отделения каждого мастерства с полным собранием нужных для того ремесла устройств и инструментов, и в каждом отделении есть свой учитель. Тут я видел отделения столяров, слесарей, басонщиков[28], резчиков из дерева, орнаменты и разные украшения для мебелей и картинных рам, переплетчиков, ружейного мастерства, серебряных и золотых дел мастерства и других ремесл. Это показалось мне странным, и я спросил у одного из офицеров, показывавших нам корпус: “По какой причине в военно-учебном заведении введено учение простым мастерствам?” Он сказал мне: “Так [как] кадеты этого корпуса выходят в военные офицеры, а во время войны может случиться, что иной офицер попадется и в плен, то, чтобы не быть обязану унижаться и выпрашивать себе кусок хлеба и жить праздно на счет другого, что всякий шведский офицер должен считать низким для себя и неблагородным, а зная хорошо какое-нибудь ремесло,

он во всякой стране, куда бы война его ни занесла, может своим искусством и трудом добыть себе содержание до освобождения из плену". Как это умно, как это благородно! Я в восторге от этого учреждения. И как не благоговеть пред правительством, которое старается с самой ранней молодости внушать воспитанникам своих корпусов такие благородные правила. Немудрено, что шведские офицеры, которые во время мира в своем отечестве имеют обыкновение для практики отправляться служить волонтерами в полки во все государства Европы, где есть война, заслужили общее мнение как об искусных, храбрых военных и образованных, благородных людях.

Осмотрев все, ввели нас в большую залу, где уже собралось много дам и кавалеров и все из знатных фамилий, как мне говорили. Здесь я был опять удивлен костюмами дам. Они почти все были в одних тафтяных[29] дикого цвета[30] и почти совершенно одинакового покроя платьях. Мне объяснили, что это придворный костюм и здесь много фрейлин (и дам, и девиц), имеющих приезд во дворец. Не знаю, который из шведских королей учредил этот одинакий для всех дам при дворе костюм, в котором они должны являться во дворец и являться в публике. Есть два рода дамских придворных костюма. Одни – парадные, употребляемые в торжественные дни при церемонных выходах во дворце царской фамилии, на парадных балах, придворных, публичных и даже на больших частных балах, вечерах и обедах. Эти дамские костюмы состоят из черного атласного платья с убранством из малинового бархата по подолу, вверху на рукавах, у плеч, открытого ворота и пояса; у всех – почти совершенно одинакого покроя, очень напоминающего средние века. А вторые – вседневные костюмы, те серые, которые при входе в залу меня удивили. Говорят, что это положение о дамских костюмах при дворе поставлено было, чтобы остановить роскошь дамских платий и уборов, начинавшую в Стокгольме очень сильно развиваться между здешних дам. Кавалеры, бывшие на бале, одеты были все в их, как они называют, национальном костюме, то есть в том самом, в каком одеты все военные офицеры, – в голубых куртках со стоячими, не очень высокими воротниками, обшлагами, с короткими с боков к заду отвороченными фалдочками, вроде покроя мундиров уланских[31] офицеров, только без эполетов и вечных шнурков. Куртки всех, как я уже сказал, одинакие – голубые, только воротники, обшлага и отвороты фалдочек различных цветов по полкам и роду их службы, в панталонах совершенно в обтяжку, входящие в коротенькие ботинки, также плотно обхватывающие ногу, зашнурованные с боков, как теперь носят дамы. Панталоны у

многих – белые, суконные, а у других разных светлых колеров, а немало было и в панталонах из шелкового трико, тоже очень разных светлых колеров, одни со шпагами, другие – с саблями. Был ли у шведов в старину такой костюм, не знаю, но они называют его своим национальным костюмом. Шляпы у военных тоже совсем особые. Они круглые с высокими, кверху несколько суживающимися тульями и весьма короткими полями, не шире как в два пальца. С правой стороны шляпы одно поле загнуто прямо и плотно приложено к тулье шляпы. Надо сказать, что эта сторона полей не такая узкая, как всей шляпы, а загнутая у тульи по прямой линии к заду и на перед, имея вид лопасти, внизу широкой суживающейся кверху от краев узеньких полей до конца тульи, где эта лопасть, совсем суженная, прикрепляется к верху тульи пуговкою, за которой виден небольшой белый бант, и подымается вверх небольшой из коротких перьев султан белого, голубого и желтого цвета. Не знаю, какие у них отличия чинов, у генералов на узеньких полях их шляп сверху положен белый плюмаж[32]. Костюм этот идет к молодым офицерам, а [на] стариках-генералах кажется странным.

Костюм придворных чинов камергеров, надо думать, такой же, потому что мы [ни] тут, ни во дворце не видали других костюмов. Придворная ливрея точно такого же покроя, только спереди и сзади с белыми вышитыми королевскими гербами. Во дворце я видел несколько человек с такими гербами, вышитыми серебром.

Вскоре после того, когда мы вошли в залу, музыка заиграла контраданс[33] и кавалеры пустились ангажировать[34]. Я танцевал с очень хорошенькой молоденькой фрельной королевы, фамилию которой мне назвали, но я тогда забыл ее написать в моем журнале. Бал был довольно великолепный. Беспрестанно обносили оршад[35], разных сортов лимонады и другие напитки, также подавали фрукты и конфекты. Из нас танцевало только пятеро, которые уже были знакомы с большими балами и с их условиями, и могли разговаривать с придворными дамами, зная по-французски, а другие гардемарины были только зрителями. Этот бал был очень оживлен, и я танцевал очень много и по большей части с той хорошенькой фрельной, которой меня рекомендовали, когда мы пришли в залу и с которой я танцевал первую кадриль. Она несколько раз приходила ко мне меня ангажировать. Мне было на этом бале чрезвычайно весело. В 10 часов ударили барабаны сбор, и танцы прекратились. Их кадеты построились во фрунт, заиграли марш и их повели в столовую залу, а мы пошли за ними. За столом нас посадили через человека – русского гарде-

марина со шведским кадетом. Ужин состоял из пяти блюд, хорошо приготовленных. Когда мы отужинали, на котором одно было уже совсем не по нашему вкусу, – это то, что хлеба было положено каждому по одному очень тоненькому ломтю белого хлеба и далеко не так хорошего, как у нас в Петербурге, и несколько очень тонких, крепко засушенных небольших круглых ситных лепешечек, которые называются кнакебрет[36], а мы привыкли к хорошему и мягкому хлебу, которого едим много и за обедом, и за ужином. Подали нам вина, предложили выпить за нашего императора и здешнего короля. После нашего ужина все дамы и кавалеры, бывшие на бале, и наши офицеры пошли ужинать к директору корпуса, а мы пошли на улицу и там сидели до тех пор, как пришли наши офицеры, с которыми мы возвратились на свой фрегат.

16 числа в 8 часов утра поехали мы в Рыцарский дом, как нам его называли, в котором хранятся [вещи] до эпохи рыцарских времен. В первой комнате стояло 12 конных статуй, одетых с головы до ног в латы разных форм, металлов и цвету – железных, стальных, синих, вороненых и черных; разных форм и разных эпох рыцарских веков, с полными оружиями, употребляемыми рыцарями в сражениях в те эпохи, от которых идут латы каждой статуи. Некоторые из них украшены по краям узкою позолотою, другие – насечкою и чеканною работою. Все ремешки, пряжки, застежки, сохранившиеся на латах тех времен, к которым латы принадлежат, или у которых они были временем истреблены, сделаны со всею точностию археологического знания, как и седла, чепраки[37], муштуки[38] и все принадлежности верховой рыцарской сбруи, принадлежащие той эпохе, к которой принадлежат сидящие на них статуи, совершенно верно. На иных лошадях, которые у всех рыцарей были всегда большие и сильные, были тоже железные латы – у иных только спереди головы, на щеках и ушах, а у двух или трех – на шее и груди. А на одной лошади были полные латы, покрывающие всю голову, шею, грудь, спину и бока так, что только одни ноги вниз колен не были защищены латами. Мне очень хотелось знать, какого времени каждая из этих статуй, какой нации или рыцарского ордена, и [я] спрашивал показывавшего нам рыцарский дом, но, к моему удивлению, он мне не мог сказать; вероятно, это был какой-нибудь из служителей. В этой же зале стоят разные рыцарские знамена. Тут же под стеклянным чехлом находится в натуральную величину в сидячем положении статуя Густава Адольфа III[39] в вседневном его платье, голова и руки из воску. В небольшом шкапу показывают платье, в котором этот король был убит на придворном маскараде. В этой зале хра-

нится сделанная с пружинами из железа рука, которая какому-то из здешних генералов служила 30 лет. Показывают еще, вероятно железный, шлем, имеющий форму совершенно обыкновенной круглой шляпы, с круглой невысокой тульею, как теперь встречаются на здешних мужиках, которую будто бы носил король Густав, кажется I-й[40], которая так тяжела, что [я] с большим трудом ее поднял. В следующей комнате расставлены разные знамена и штандарты[41], взятые шведами в сражениях с разными державами в разные времена. Между ними я видел и наши. За этою комнатою стоят завоеванные разные флаги, где также есть и наши, приобретенные ими в последнюю с нами войну. Тут же стоит и ялик[42] работы Петра I-го в бытность его в Голландии, а как он им достался, они сами не знают. Наверное, [полагаю], что взято было ими то судно, на котором его везли в Петербург.

В следующих комнатах расставлено [много] седел, чепраков и других конских уборов, очень богатых, и других вещей, подаренных разным шведским королям разными монархами, между которыми отличается богатством седло с чепраком, вышитым так обильно и великолепно золотом, что почти совсем не видать бархату, по которому оно шито, а уздечка и мунштук усыпаны очень крупным жемчугом. Это седло, чепрак и мунштук с уздечкой присланы Петром Великим в подарок Карлу 12-му[43]. В следующей комнате стоит статуя знаменитого графа Польрншейна, точно в том виде, как он был на похоронах Карла X-го[44]. Лошадь покрыта большою широкою попоною черного бархата, чуть ли не до земли, на котором довольно часто вышита золотом шведская корона. Он сидит на ней в полном рыцарском вооружении с головы до ног, в ярко вызолоченных латах, держа в правой руке огромное траурное знамя тоже черного бархата с обеих сторон и вышитое тоже с обеих сторон золотыми коронами, как и попона. Знамя это так тяжело, что два человека, очень сильных, никак не в состоянии его приподнять, а этот граф во всю церемонию погребения вез его в одной руке. В этой же комнате находится подарок императрицы Марии-Терезы[45], сделанный ею королю Густаву III-му. Это – сани, украшенные очень хорошей резной работой; как сами сани, так и полозья, все они вызолочены, внутри же обиты голубым бархатом. В одной комнате показывали нам платья, в которых Карл X и Карл XII были убиты. Последний убит в шанцах[46] при осаде какой-то крепости, когда он смотрел в амбразуру на действие осады, собственным его адъютантом-французом, который, находясь сзади его, выстрелил из пистолета в затылок. Пуля прошла от затылка по правому виску и вышла над глазом. Тут же

показывали кинжал, которым [кто]-то из королей – Густав-Адольф III или Карл X – был убит. Он сделан так, что пораженный им непременно умрет, вонзив его в грудь или спину и не попав в сердце. Стоит только подавить в головке рукоятки возвышающуюся небольшую пуговку, как у лезвия кинжала, у самой рукоятки, отделяются в обе стороны две боковые острые части лезвия, образуя с лезвием самого кинжала у рукоятки углы более 45 градусов. Когда этот кинжал вонзится внутрь тела и пружина будет подавлена, то отскочившие в стороны части лезвия, которые были почти равны самому лезвию, такую же внутри тела производили огромную рану. Этот кинжал нельзя было просто вытащить из тела. Этот кинжал выдуман, чтобы убить Густава III-го. Показывают и нож, напитанный ядом. Показывали большое собрание старинных, очень странных огнестрельных оружий, весьма странных и по теперешнему очень неудобных, а также множество обыкновенных оружий.

Видели чучелу льва, [который был] приучен к Карлу XII и ходил по воле в кабинете Карла XII-го, когда он занимался в своем кабинете делами, но у него всегда лежали на письменном его столе два заряженные пистолета. Не знаю, сколько лет жил у короля этот лев, но в один день, когда Карл XII в своем кабинете занимался делами, вдруг лежавший прежде спокойно [лев] встал и начал ходить по кабинету из стороны в сторону, ускоряя шаги, что показывало, что он в ненормальном состоянии, потом стал сильно бить себя по бокам хвостом и бросать такие взгляды, что король, следивший за его движениями, счел за нужное пустить ему пулю в лоб, что он [и] сделал, положив на месте своего любимого льва. Осмотрев здесь все, мы отправились на наш фрегат.

После обеда в три часа пошли мы во дворец, который мне не очень понравился, хотя в нем есть много картин и несколько, как говорят, довольно хороших. Ходили мы по всем комнатам, которые довольно просто убраны, даже и самая тронная зала. Но не видели ничего замечательного, чтобы стоило записать. Осмотрев дворец, отправились мы к себе.

17-го числа поутру в 8 часов поехали мы в загородный королевский замок – Дротенгольм[47]. Там нашли мы шведских морских кадет, возвратившихся из Петербурга. Каждый из них взял под руку нашего гардемарина и повел к королевскому замку. Нас рекомендовали начальнику этого дворца. Потом пошли вместе с шведскими кадетами осматривать замок, который мне по всему гораздо более понравился, нежели городской дворец. В нем находятся портреты почти всех шведских королей и королев, между которыми есть и портреты

Петра Первого и Екатерины Второй и вытканный на петербургской гобеленовой фабрике на обе стороны портрет короля шведского Густава III-го. Тут же стоит шестиаршинное зеркало, отлитое на петербургском стеклянном заводе и подаренное императрицею Екатериною II герцогу Сюдерманландскому, дяде нынешнего короля[48]. Перед этой комнатой видели [мы] серебряный чайный прибор превосходной работы, сделанный в Петербурге. Проходили много комнат, в одной из них видели три картины времен Екатерины Великой, хорошо написанные. В одной представлен сбитенщик[49] с баклагой[50], кувшином с молоком, связкою кренделей и со стаканами по поясу, а другие – одна изображает Екатерининский канал, на берегу которого мужики носят дрова, а по улице едут разные экипажи, третья картина изображает Английскую набережную, по которой прогуливается генерал в шитом по борту, воротнику, обшлагам и карманам [мундире] с дамою в нарядном того времени костюме и другие прогуливающиеся господа во фраках с дамами и одни; вдали виден монумент Петра Великого.

Мы ходили довольно долго по этому дворцу, но не встретили ничего особенно замечательного. В кабинете редкостей, состоящем из нескольких комнат, есть собрание редких раковин, очень интересное собрание всяких окаменелостей, между которыми особенно замечательны несколько окаменелых раков, скорпионов и некоторых других инсектов[51]. Тут же крошечная ножка, не более вершка, должно быть, породы газелей, оправленная золотом; морская раковина, в которой внутри находится много прядей вроде волос коричневого цвета, и связанные из таких же волос чулки. В этой же комнате висит иконописный русский образ Богоматери; почему он тут и как попал, никто не умел мне сказать. В следующих комнатах стоят модели развалин Помпеи[52] и какого-то храма, а также какие-то окаменелости. В следующей комнате стоят модели развалин, которых название никто мне не мог сказать. Мы прошли еще много хорошо убранных комнат, но в которых нет ничего замечательного. Из замка пошли мы в сад, который очень велик и хорош. Погуляв в саду, вошли мы в китайскую беседку, в которой все вещи и убранство – китайское или сделанное [в виде] моделей, как они строятся и украшаются в самом Китае, то есть обои, столы, стулья, скамейки, клетки для птиц, и расставлено множество фарфоровых куколок. В этой беседке и служитель одет в китайское платье.

Наши и шведские офицеры с некоторыми из наших и шведских кадет остались в беседке, а другие пошли в сад, что

сделал и я, взяв с собою шведского кадета, с которым [мы] очень хорошо сошлись и по дворцу ходили все вместе. Он повел меня к большой площади, где бывают всякои год карусели, на которых присутствует и король со своим семейством. Площадь обнесена перилами, позади которых в одном месте сделаны особые места для короля, его фамилии[53] и приближенных, а по сторонам – [для] других господ. Возвратясь в сад, мы увидали, что все остававшиеся в китайской беседке шли к большой башне, находящейся в саду, и мы присоединились к ним. Она очень высока, и с нее вид очень обширен и хорош на весь сад, замок, как [и] на все окрестности этого места.

Отсюда повели нас в один отдельный дом, в котором для нас от королевы был приготовлен очень хороший обед, за которым кушали как наши, так и шведские офицеры. За обедом, как обыкновенно, пили за здоровие императора, короля и королевы и еще за нашего посланника и других, так что мы вышли из-за стола немного навеселе, хотя мы пили за здоровье очень маленькими бокалами.

Почти тотчас после обеда сели мы в наши катера, а шведские кадеты – в свои [и] поехали в город. Приехав к пристани, вышли на берег. Тут нас разделили по 8 человек – 6 русских и 2 шведских кадет – и повели в театр, где посадили нас в ложи так, как мы были разделены на берегу. После чего через полчаса приехала королева. Заиграла музыка и подняли занавес. Были играны две пиесы, разумеется на шведском языке, потому что здесь нет театров на других языках. Сюжеты этих пиес пересказывал мне мой новый приятель, с которым я все ходил и который в ложе сидел возле меня. Судить об игре артистов я не мог, не знавши шведского языка, хотя и знал содержание пиес, но вообще казалось, что артисты исполняли свои роли недурно. По окончании комедий давали балет "Арлекин", состоящий из одних фарс, танцоры довольно хороши.

Об королеве я не могу ничего сказать – из нашей ложи ее почти совсем не было видно. Она тотчас после балета уехала, а мы, вышед из него, отправились к себе на фрегат.

18-го числа приезжал к [нам] на фрегат один из шведских морских кадет по фамилии Зумберг, родившийся в Петербурге и живший там до 12-ти лет; [он] еще не совсем разучился говорить по-русски. Пробыв у нас с полчаса, [он] уехал. После него приехал к нам на фрегат шведский гардемарин, с которым я так хорошо сошелся и везде вместе ходил, чтоб провести время. Я ему показал весь наш фрегат, объяснил ему его конструкцию и нашу морскую дисциплину. Потом наехало и

много морских кадет – человек с 15. Мы их угащивали винными ягодами, черносливом, изюмом с миндалем, кофеем со сладкими сухариками и лимонадом, а более не могли ничего достать. Побыв довольно долго с нами, перед отъездом были они у нашего капитана и у Перфильева. Пробыв у них по несколько минут, они уехали, а мой приятель остался еще с час со мною. Я с ним провел [время] в разговорах так приятно, что не видал, как оно пролетело. Расставаясь, мы дали один другому записки наших имен.

19-го числа поутру приезжали к нам разные шведские офицеры, которым мы и наши офицеры показывали фрегат, вооружение и все, что на нем находится, а после обеда поехали мы с офицерами, капитаном и Перфильевым на катерах к пристани у арсенала, где на берегу дожидались нас экипажи нашего посланника Будберга, на которых мы и офицеры отправились к нему на дачу. Дом его мызы не очень хорош, но местоположение очень большое и красивое. Когда мы вошли в сад, нас поставили на довольно большой площадке перед довольно большой беседкой. Когда вышел к нам посланник, майор Перфильев скомандовал: "Шляпы долой!" – что тотчас и было исполнено. Он, подошед к нам, произнес несколько весьма лестных нам приветствий, повел нас к одной палатке, где поставлено было на столах кислое молоко, творог, пирожки, разного рода фрукты и конфеты. Он предложил нам быть у него, как у себя – без церемонии и ходить кому куда вздумается. Сад этой дачи так велик, что очень сильно устанешь, обойдя его весь. Он мне очень понравился тем, [что] везде видна чистая природа и не видать людского чванливого желания украшать природу – нет ни прямых аллей, ни шпалер[54], ни куртин[55], ни поддельных гротов из раковин и из каменьев, которых тут по свойству и грунту земли быть не может; нет фигурных красивых мосточков через сухие канавки, через которые можно перешагнуть. В этом саду видны человеческие руки только в дорожках, извивающихся по саду, да в нескольких беседках, устроенных в приличных местах для отдохновения и убежища от неожиданного дождя. Мыза эта находится на озере Мелер; здание дачи и сад находятся на каменной скале. Вид с дачи, хотя простой, но красивый. Пробыв на даче посланника до 8-и часов, мы и офицеры приехали к пристани в тех же экипажах, [в которых] ехали на дачу посланника, а с пристани – домой на катерах.

20-го числа наш майор позволил нам, десятерым гардемаринам, ехать в город для нужных нам закупок. Мы сели на катера и отправились к пристани. Вышед на берег, мы пошли сперва в лавки, где продают лучшие шведские женские

перчатки. Я купил только 4 дюжины, а более хороших не мог найти во всем городе. В одной лавке купил я несколько пар очень хороших дамских перчаток, между которыми была пара таких тонких, что проходили в кольцо с моего мизинца. С нами ходил как чичероне[56] один русский, поселившийся в Штокгольме. Закупя все, что нам нужно, из лавок пошли мы во французский трактир, один из лутчих здесь, где мы пили шоколад, а я и завтракал. Из трактира все пошли в конфетную лавку, а я с Апухтиным – во французскую книжную лавку. Я купил себе книг на 5 талеров[57]. Отсюда пошли мы к пристани, где другие наши гардемарины, и мы все поехали к себе.

21-го поутру в 7 часов снялись мы с якоря и пошли из Штокгольма к большому для нас огорчению, и тем более, что королем, который сегодня возвратился в Стокгольм, приказано было устроить к завтрашнему дню для нас праздник и большой фейерверк. Но наш капитан, известный по флоту немецкий педант Федор Васильевич Моллер, никак не соглашается, как его ни упрашивали как свои, так и шведы, потому что у него в инструкции сказано быть в Стокгольме 7 дней, несмотря [на] то, что король очень хотел нас видеть. Оставшись здесь еще два дни, никто бы по нашем возвращении в Адмиралтействе не вздумал бы спросить об этом, к тому же в морских экспедициях столько случаев, которые в подобных мелочах могут изменять предписываемое инструкцией.

Прошед крепость Ваксгольм, в 10 часов стали мы за противным ветром. В 4-е часа после обеда приехал к нам комендант крепости Ваксгольм, пробыв с полчаса, уехал.

Все время, что мы были в Стокгольме, погода была прекрасная, и принимали нас везде ласково и дружелюбно. Когда нас водили вместе показывать город, везде военные часовые отдавали нам честь, а где проходили гауптвахты, то караульные солдаты выходили из своих караулен, становились во фрунт и по команде своих офицеров делали нам на караул[58], а [мы] отвечали им снятием шляп.

На другой день в 5-м часу [мы] стали сниматься с якоря, а в седьмом часу пошли в путь; в 9-м часу прошли между островов Чаге и Унтерчаге, где мы, идучи в Стокгольм, стояли на якоре. По полудни в первом часу вышли мы из шкер в Балтийское море, лавируя два дни.

25-го числа в 11 часов утра фрегат "Александр" при выстреле из пушки [дал] нам сигнал, что терпит сильную течь. Наш капитан как флагман приказал "Александру" подойти под корму нашего фрегата, а сам стал на дрейф. Моллер приказал командиру фрегата "Александр" Ефимовичу, нашего

корпуса капитану, буде можно, идти за нами и чиниться на ходу, а если нельзя, то идти в один из ближайших портов России.

В 9-м часу пополудни стали мы на якорь.

26-[го] в 6-м часу утра снялись мы с якоря и пошли под всеми парусами к портовому городу Нордкепингу, пролавировав два дня по случаю противного ветра и темноты. 28-го числа в 1/2 осьмого часа пополудни стали мы на якорь.

29-го в 10 часов утра снялись [мы] с якоря и пошли к Нордкепингу. На пути видели маяки Лодскар и Ефртен. В 5-м часу пополудни при пушечном выстреле подняли [мы] на фок-мачте[59] англинской гюйс[60] как сигнал, требующий лоцмана. Тут вскоре стали на якорь, и так как лоцман не являлся, то капитан послал одного из мичманов на катере за лоцманом на маяк. В 9-м часу лоцман приехал. Тотчас подняли кливер[61], чтобы мичман воротился, который в десятом часу в исходе был уже на фрегате.

30-го пополудни в исходе второго часа снялись мы с якоря, а в исходе четвертого вошли в шхеры и, поравнявшись с маяком, за противным ветром стали на якорь. В этот день и следующий [капитан] посылал нас по секрету промерять фарватер шкер, сделать планы ближайших островов к проходу и определить между ними расстояния.

31-го числа в 9-м часу наш капитан и корпусной майор с 4 гардемаринами поехали к тому острову, на котором стоял маяк. Капитан велел мне взять с собою черной масляной краски – написать на маяке, в котором году были здесь два русских фрегата, что я и сделал, написав фамилию нашего майора, а также и мою. После чего вскоре мы возвратились на фрегат. Остров этот довольно велик, но все почти один камень; в одном месте виден небольшой лесок и три или четыре избушки, в которых живут лоцманы, питающиеся рыбою.

В три часа пополудни снялись [мы] с якоря и шли шкерами то на буксире, то на парусах до восьми часов и бросили якорь.

1-го августа в первом часу утра снялись с якоря, а в 3-м часу стали опять на якорь против местечка, называемого Неве-Кварен, принадлежащего отставному датскому майору господину Зилветшпару, который неподалеку от своей мызы имеет железные рудники. В 5 часов Моллер послал нашего подпоручика Апухтина к владельцу мызы для испрошения позволения осмотреть его рудники и заводы. По получении позволения повезли гардемарин с обоих фрегатов на мызу, где нас встретил хозяин и повел на свой завод, прежде всего – на кузницу, где все молоты и меха приводятся в движение водою. Отсюда

пошли мы в литейную, где льют и сверлят пушки, потом – в токарную, где точат из стали и меди всякого рода вещи – крупные и мелкие, [и] где они полируются. В токарной стоит [станок], на котором работает сам хозяин. Везде, где нужно, механическое действие приводится в движение посредством воды. Видели горны, в которых плавят, очищают от шлаку и добывают чистый металл. Осмотрев на заводе все, пошли мы опять к дому. Капитан с Перфильевым и хозяином вошли в покои, а мы пошли в сад, хорошо устроенный и содержимый; погуляв в нем с час, велели нам садиться на катера и ехать на фрегат.

2-го числа 8-мь гардемарин с нашего фрегата и 7-мь с "Александра" – повезли нас в 7-мь часов опять на мызу, где мы были вчера. Вышед на берег, были мы опять встречены господином Зилветшпаром, который приготовил четыре коляски и одну линейку. Хозяин с офицерами сели в коляски, а мы в линейку и поехали в рудники, которые отстоят от мызы на полторы шведских миль (около десяти наших верст). Ехали мы по большей части все лесом, изредка подымаясь на незначительную высоту по этой дороге. Хотя и нельзя было ожидать встретить тут хорошие виды, но в некоторых местах нам попадались небольшие довольно хорошенькие пейзажи.

Часу в 10-м приехали мы к рудникам. Вышед из экипажей, хозяин, пройдя несколько больших сараев, привел нас к колодцу глубиною слишком 80 сажен, в который стекает вся вода из рудников. Но ее нельзя видеть, потому что она на самом дне, а когда скопляется ее много, то [ее] выкачивают насосами, приводимыми в действие машинами. Потом сошли мы с горы по лестнице и увидели на левой стороне огромное ущелие. Это был вход в шахты самого рудника. Вошедши в ущелие и пройдя немного, стали мы спускаться в глубь шахты по высеченной из камня неровной лестнице – то порядочно широкой, то очень узкой, то отлогой, то очень крутой, а иногда прерывающейся маленькими площадками. А в других местах спускались и по приставным лестницам, как нужно по ходу жил, находящихся в этой каменной горе.

Вскоре [после того], как мы вошли в сказанное ущелие, мы потеряли дневной свет, и нас по спуску провожали более ста человек с факелами, светя нам и предостерегая каждого от встречающихся ям и камений, на которые, оступясь, можно сильно расшибиться. По сторонам шахты видно по всему спуску множество на разных высотах трещин, пещер, ям, углублений разных форм и величин и странных фантастических фигур, образованных выступами и обрывами скалы, происшедших от взрывов пороха при добывании руд, которые

при переменяющемся освещении факелами кажутся движущимися чудовищами, принимающими на себя различные формы, одна другой страшнее. При этом по временам разражался ужаснейший треск, как сильный гром, растилающийся по извилинам шахт, пещер, глубоких ям и трещин от этого прохода, которым мы спускались в глубь земли. Есть в некоторых местах еще шахты, идущие в стороны скалы – одни горизонтально, другие, спускаясь вниз или подымаясь кверху; в них довольно слабо мелькали и двигались огни факелов, исчезая в глубине шахт.

Мы, идучи вниз, все спускаясь, где очень круто, где отложе, дошли до одного обширного весьма неровного места, изрытого ямами, глубокими трещинами, пропастями, обрывами и во многих местах покрытого разной величины осколками гранитной скалы, в которой добывается руда. Кругом все стороны и верх над нами точно так же неровны, как и основание, на котором мы стояли и которое отстоит по вертикальной линии от поверхности земли на 60 сажен. Страшный путь до этого места, занимавший так сильно мое воображение своею необыкновенною странностию и новизною, потерялся почти совсем и [все] исчезло в сравнении с тем, что я увидел тут. Кругом нас на разных высотах видно было несколько больших и странных разной величины глубоких впадин, проходов, пещер и трещин, где добывается руда, в которых по приказанию хозяина были помещены, судя по их величине, по нескольку человек, в иных и более десяти, с факелами в обеих руках. Эти люди в их странных черных горных платьях (с также странными гротескными позами и аттитюдами) – то в лежачем положении, то группами на коленах, то кучею; стоя, подняв кверху руки, старались [раскапывать] те глубокие ямы, в которых [они] находились, а сами на свету рисовались черными силуетами. В темных гротах на горном фоне они обливались ярким светом держимых ими факелов, и сами казались огненными. Эти необыкновенных странных форм углубления, ямы и пещеры, сильно и разнообразно освещенные, наполненные не менее странными фигурами с факелами в руках в странных аттитюдах и движениях, походящих к карикатурам, человеку и с самым слабым воображением скорее могут показаться чертями, нежели людьми. И потому немудрено, что я, смотря на эту страшную картину, воображал, что я нахожусь в аду греческой мифологии. К этому частые взрывы с ужасным громовым треском, как молнии освещая скалы этого места, состоящие из рытных трещин, обрывов, висячих обломков гранита, давали огромную пищу моему воображению вырисовывать себе из них страшилища,

которые только один Тартар[62] может создать. Чего не доставало мне, чтобы вполне видеть себя в аду, где вечно мучатся Танталы[63] и другие, так это Плутона[64] и Прозерпины[65] с их неразлучными спутницами. Но я ждал их появления и назначил им их места. Колодезь, который мы видели на верху горы и который [был] виден и здесь, пропуская слабый луч света на груду камений и осколков гранита, подал мне повод представить это место входом в Плутоново царство, стерегомое трехглавым Цербером[66], которого я не преминул из груды камней представить лежащим у входа в ад, где так и ждал я, что покажется Меркурий[67], ведущий длинную вереницу грешников на суд Миносу[68], сидящему у ног Плутона с развернутою огромною книгою.

Нам в коротких словах объяснили главные действия горного производства и дали с полчаса времени осмотреть необыкновенно-любопытную и страшную картину, представленную нам рудником. После чего повели нас из рудника тою же дорогою, которою мы в него вошли. Есть ли бы это было в века паганизма[69], то можно было бы подумать, что нам показали все ужасы Тартара с тем, чтобы мы, устрашенные им, бежали от порока [и] прилеплялись к добродетелям. Но шедший впереди нас наш капитан с воткнутою назади почти поперек в одну из фалд мундира [шпагою], в смешной треугольной на голове шляпе был сильным отводом от всякого роду мечтаний, а особливо изящных и поэтических.

В руднике воздух чрезвычайно тяжелый, спертый и сырой до того, что, вышед из шахты в свежую чистую температуру летнего дня, мне не доставало воздуху для дыхания, и я так ослабел, что должен был просидеть несколько минут, чтобы придти в себя.

Этот рудник, как я уже сказал, доставляет и медную, и железную руду. Попадается и кобальт – полуметалл, который употребляется при делании финифти[70] и эмали; и из него делают и краску для масляной и акварельной живописи. После рудника показывали нам одну машину, приводимую в действие водою, [удаленною] за 300 сажен, еще молотильную машину, также приводимую в действие водою. Осмотрев здесь все, сели мы [в] те же экипажи, в которых приехали, и отправились назад на мызу. На дороге остановились мы у нескольких избушек и, вышед из экипажей, пошли на гору, где также есть рудник одного мелкого кобальта. Мы, однако же, в него не входили, а осмотрели только снаружи. Здесь кобальтовая руда находится в гранитной скале, в мелких кусочках. Вырывая куски гранита, содержащие в себе кобальт, толкут их на молотильной машине, здесь находящейся, в мелкие кусочки,

вроде дресвы[71] или крупного песку, и добывают чистый кобальт посредством просеивания, что делается также машиною, приводимою в действие водою, как и все здесь машины. [Так] как кобальт гораздо тяжелее камня, то употребляемый здесь способ отделения кобальта от измельченного камня весьма удобен. Осмотрев здесь все, поехали [мы] к мызе, но, не доехавши несколько миль, остановились опять осмотреть огромные ямы, в которых приготовляют уголья, но здесь видели мы только большие кучи угля, покрытого золою.

Приехав на мызу, мы, распростясь с хозяином и поблагодаря за то поучительное удовольствие, которое мы имели, осматривая рудники и все машины, отправились на наш фрегат.

В 3-м часу Перфильев поехал опять на мызу и привез с собою господина Зилветшпара с его семейством. После обеда в шестом часу показывали им артиллерийское учение с порохом обоих фрегатов. В восьмом часу наши гости с Перфильевым и капитаном нашего фрегата поехали на мызу, где они и ужинали.

3-го числа в 9-ть часов поутру снялись мы с якоря, а в 3-м часу пополудни за усилившимся ветром должны были остановиться против почтового двора.

4-го числа после обеда были мы на берегу, и я много ходил по горам, где я много находил земляники, малины, черники и голубицы. В десятом часу вернулись мы на фрегат.

5-го числа такой был сильный ветер, что мы целый день простояли со спущенными брам-реями[72] и другими обр...ленными[73] в бейдевинд[74].

6-го числа ветер несколько утих. В 4 часа пополудни поехали мы на берег в другую сторону. Там вскоре мне захотелось есть, я попросил нашего штабс-лекаря, который там был с нами, который знал шведский язык, чтобы он достал мне в деревне, если можно, молока и хлеба. Распрося встретившегося нам крестьянина, [он] привел меня к одному хорошенькому крестьянскому домику, где мне дали хорошего кислого молока со сметаной, хорошего масла и очень хороших булочек, что здесь редко встречаешь. Я пригласил лекаря со мной пополдничать, попросив его приказать себе карафинчик водки, без которой он, как нам было известно, не приступает ни к чему съестному. Утолив свой голод и заплатив за все по требованию хозяина, пошел я ходить по скалам, оставив лекаря доканчивать карафинчик с водкой. Весьма странно, что у нас на военные корабли-фрегаты и другие суда, где так необходим знающий и деятельный медик, посылаются по большей части самые плохие нетрезвые лекаря, а священников посылают на корабли из монастырей в наказание за пьянство и

дурное поведение. Я не понимаю, как флотское начальство, вооружая корабли в морские экспедиции, [может] допускать такое зло, а особливо на суда, в которых делают кампании молодые гардемарины, более взрослых людей, подверженных разным болезням. Это невнимание в отношении здоровья воспитывающихся в корпусах, в которые родители отдают своих детей в полном убеждении, что правительство, вызвавшееся воспитать их детей, позаботится и об их здоровье. Но тут ожидание их нисколько не выполняется. И не менее непростительна беспечность начальства насчет их нравственности и религии.

Ни в каком учебном заведении учащиеся не сходятся так близко со священниками, как гардемарины на кораблях, где они всякий день по нескольку раз встречаются. Если бы эти священники были образованные, благочестивые люди, истинные пастыри, то какую бы огромную пользу [могли они] принести гардемаринам в продолжение четырех месяцев, которые они проводят вместе. Своим умным, приветливым с ними обращением и ласкою они бы легко могли бы привязать их к себе и приобрести полную их доверенность, а своими поучениями и объяснениями религии могли [бы] принести чрезвычайно благодетельное действие на гардемарин не только со стороны религии, но и вообще на всю их нравственность. А у нас теперь на флагманском фрегате, на котором 20 человек гардемарин, священник – необразованный, глупый мужик-монах, почти всегда пьяный, дозволяющий шалунам из гардемарин за стакан грогу[75] дурачить себя и делать над собою всевозможные шалости. Можно ли иметь уважение к такому проповеднику слова Божия! А сделав посмешищем проповедника и учителя слова Божия, они постепенно теряют уважение и к самой религии.

В первых днях нашего помещения на фрегате, как я увидел нашего священника и лекаря всякой день пьяных, мне тотчас пришло в голову, что я теперь написал здесь. Как же капитан фрегата, строгий немецкий педант, принимая фрегат, назначенный для кампании гардемарин, и наш добрый и умный майор Перфильев не подумали об этом? Никто так, как молодые ученики, а особливо гардемарины на кораблях, из коих по крайней мере наполовину весельчаков, любящих подтрунить и посмеяться, не способны так скоро тех, которых они могут сделать игрушками своих потех, одурачивая их, выставлять всем на посмешище. У нас теперь на фрегате два существа, осужденные гардемаринами на их забаву. Это – священник и лекарь. Первый как глупый, необразованный мужик-монах из какого-то монастыря, напивающийся с самого утра

почти до бесчувствия пьяным, не представляя никаких шансов их изобретательности на забавные, смешные [и] затейливые над ним шалости, очень редко выводится на арену их потех. Зато лекарь, так уже вполне удовлетворяет их способности дичать. Он, кажется, как будто для того и сотворен, как физически, так и морально, чтобы быть игрушкою гардемарин и забавою офицеров экипажа. Сухая длинная фигура [его] на длинных тоненьких, как жерди, ножках, с преуморительною, совершенно немецкою физиономиею, с огромным носом, изображает своею фигурою латинскую букву "S". На счет же моральных его свойств и учености, то он, как почти все эти немецкие, занятые собою клопы, сотнями вползывающие в Россию, чтобы высасывать ее деньги и вредить ей всеми средствами. Надменность этой нации до такой степени глупа, что каждый из них думает, что достаточно только родиться немцем, чтобы быть уже и умным, и ученым. Да как этого и не думать, потому что каждый, приезжающий к нам немец и без малейших достоинств, посредством протекции при дворе, который наполнен немцами, тотчас [получает] преимущество перед русскими, как бы они ни стояли выше немцев и по уму, и по способностям. Здесь далеко от покровительства немецких покровителей, ему ни в чем не пособляет быть немцем и никак не защищает его от гардемаринских над ним проказ и насмешек. Не проходит ни одного дня, чтобы гардемарины самым смешным образом не одурачили его.

Вышед из домика, любя дикую природу, я пошел лазить по скалам. К вечерней заревой пушке мы уже были на фрегате.

7-е число. Сделался штиль. Мы снялись с якоря и начали верповаться.

8-е число. После обеда Андрей Яковлевич съездил в Нордкепинг.

9-е число. Поехали и мы туда же. Вышед из катеров против трактира под названием "Трое принцев" и взяв себе в провожатые по городу трактирщика, пошли мы осматривать город. Сперва повел он нас [туда], где строят купеческие суда и большие ост-индские[76] корабли. В это время строились только два корабля. Лес на постройку судов получается из внутренних провинций Швеции. Потом пошли в главную их кирку[77] святого Алая, в которой короновался Густав IV, король шведский. Она теперь переделывается; в ней нет ничего замечательного. Есть довольно хорошо написанный образ тайной вечери[78]. Из церкви пошли мы к медному заводу. Проходя один мост, видели очень красивые пороги реки Мошал, на которых почти в одном месте более десяти водяных мельниц, каждая о 4 или 5 колес, которые еще более придают красоты

этим порогам. Прошед одну башню, ввели нас на двор, на котором много кузниц, действующих водою. Возле одной кузницы есть небольшой фонтан, на отверстие которого кладут деревянный вызолоченный шар и пускают воду фонтана, которая подымает его наверх и держит его там во все время, пока фонтан извергает воду. В иных кузницах куют разные вещи, в других тянут проволоку. С башни, через которую [мы] проходили, входя на двор, виден весь город и его окрестности, который представляет довольно красивую панораму.

Осматривали бумажнопрядильную фабрику одного купца, действующую посредством воды. Проходя одну улицу, зашли мы в дом к одному купцу, который долгое время жил в Петербурге, но во время войны переехал в Нордкепинг. Он и жена его говорят еще по-русски, но очень худо. Король во время своего здесь пребывания бывал очень часто у этого купца в гостях. Дом его очень хорошо убран. Возле этого стоит большой каменный дом, в котором жил король. Но мы в него не входили, а были в том, где собран был нонишний сейм[79]. Он состроен в 15 дней. Видели залу, где производился сейм и где король обедал. Эта зала не очень велика, вокруг ее сделаны хоры[80], с которых господа и дамы смотрели на обедающих; видели тронную и много других комнат, которые все очень просто убраны. Отсюду возвратились мы опять в трактир, из которого вышли, выпив шоколаду. Я пошел гулять один по городу и обошел его весь. Этот город очень невелик и должен быть один из новейших городов по расположению улиц и кварталов, которые совершенно все прямые и совершенно одной ширины и перекрещиваются между собою под прямыми углами, которые разбивают весь город на правильные параллелограммы кварталы. Все улицы этого чистенького городка по бокам усажены деревьями и кажутся аллеями сада, а не улицами. Воротясь в трактир, я нашел всех уже собравшихся. Андрей Яковлевич заказал нам ужин, состоящий из масла с хлебом и молока, после которого, походя еще несколько, легли мы спать в назначенной для нас комнате.

10-е число. Встали мы в 6-ть часов. Напившись чаю, я пошел опять гулять по городу, который по своим правильным, красивым, чистым улицам и домам очень нравится, хотя в нем нет ничего особенно замечательного. До обеда мы все порознь кому куда вздумалось гуляли. Обед наш, по заказу майора в трактире, состоял из трех очень хорошо приготовленных кушаньев.

Погуляв до ужина и возвратясь, поужинав тем же, чем ужинали вчера, мы собрались уже ложиться спать, как Андрей Яковлевич просил придти к себе в комнаты гардемарин, уме-

ющих петь наши национальные песни. Я, хотя и не пою, но [так] как мне не хотелось спать, то пошел с ними. У майора нашего тогда были в гостях два шведских капитана. Первый – г. Стаплениар – был прежде содержателем казенных магазинов; после последней войны со шведами при размене пленных он привозил в Ревель русских пленных офицеров. Другой – капитан фон Стернеман, нынешней смотритель здешних магазинов. Наши гардемарины пели довольно хорошо разные песни и кантаты, и г. Стернеман пропел нам шведскую благодарственную песню. Когда же гардемарины стали петь известную песнь в честь и многолетие капитану нашего фрегата Федору Васильевичу фон Моллеру, то капитан фон Стернеман поднял Моллера на руки и начал его носить по комнате. У шведов [это] в обыкновении, что когда кого с чем-нибудь поздравляют, то берут его на руки, качают его и носят по комнате. И потом все разошлись.

11-е число. Встав в 6-м часу, напившись чаю, а в 10-м часу и позавтракав хорошенько, поехали мы на фрегат, куда приехали в 6 часов пополудни, почти к ужину, за ужином подали нам сладкое вино, присланное нам от шведского капитана.

До 16-го числа за противным ветром мы ничего не предпринимали, а в этот день в 6-м часу утра снялись мы с якоря и, поверповавшись с полчаса, подняли паруса, а в 9-ть часов сделался противный ветер и мы стали опять на якорь.

17-е число. Поутру в 8 часов снялись с якоря и пошли под парусами, а в 12 часов стали опять на якорь. В три часа после обеда ездили, кажется, на катерах.

18-го числа в 4 часа утра снялись мы с якоря, а в 9-м часу стали опять на якорь. А в 4 часа после обеда с обоих фрегатов гардемарины на 5 катерах под парусами посланы были для практики – делать разные морские примерные корабельные эволюции[81]. Я был на флагманском катере с нашими капитаном и майором. С нашего катера по повелению капитана подымались сигнальные флаги, по которым производились разные ордера[82], баталии[83] и другие эволюции. После нескольких часов экзерциции[84] возвратились мы на фрегат.

19-е число. После обеда ездили кататься на катерах и сами гребли, взяв с собою только троих матросов, чтобы берегли катера, когда понадобится выйти на берег. Мы приставали к некоторым [из] шкер, на одни – чтобы погулять, а на другие – добыть себе молоко или чего-нибудь поесть, потому что очень проголодались и порядочно устали от беспрерывной гребли в течение нескольких часов, но нигде ничего не нашли. Готовясь уже к возвращению, увидели мы на фрегате сигнал, требующий нашего возвращения. Мы немедлен-

но исполнили повеление капитана. Как скоро мы вошли на наш фрегат, нам велено было переодеться в новые мундиры, потому что у нас были в гостях хозяин местечка Неве Кварен господин Зилветшпар с женою, дочерью и племянницею, и еще две дамы с молодым человеком.

Как я оделся, то пошел в каюту капитана, где сидели гости. Андрей Яковлевич рекомендовал меня им. Гардемарины, которые поют, были уже там. Часу в восьмом вечера наши гости отправились к себе, и с ними наш капитан и майор. На шлюпке поехали их провожать с песнями гардемарины, хорошо поющие русские песни, с двумя мичманами и корпусным офицером на катере, и сами гребли. Проводя гостей версты полторы, мы и певчие воротились, а капитан и наш майор поехали на мызу, где провели весь остальной вечер.

20-е число. Поутру, когда я пришел к Андрею Яковлевичу пить чай, то он мне сказал, что г. Зилветшпар зовет меня, Чихачева, Игнатьева и Сухотина к себе обедать, почему в 12-м часу мы с нашим майором, капитаном нашего фрегата, капитаном фрегата "Александр" и с одним лейтенантом с нашего фрегата поехали на мызу Зилветшпара. Хозяин встретил нас у пристани и повел к себе в дом, где нас приняли хозяйка, дочь и племянница; когда майор нас к ним подвел, они нас очень обласкали. Через час накрыли на стол и сели обедать. Я сидел подле хозяйки. После обеда пошли в сад, который только что начинает разводиться. Дошед до площадки со скамейками кругом, где все сели и где всем подали кофе. Я сидел возле племянницы и все время с нею разговаривал. Она довольно хорошо говорит по-французски. Из этого вновь составляющегося сада вошли в их старый сад. Погуляв в нем и рассмотрев его, возвратились в дом и сидели там до чаю, после которого отправились на фрегат, куда приехали в 7 часов.

21 число. Мы нигде не были.

22-е число. В 4 часа утра стали сниматься с якоря, но не успев поднять его на апанир[85], как принуждены были его опять отдать – за переменою ветра.

23-е число. Поутру подняли якорь и вышли из шкер в шестом часу пополудни.

24-е число. Отделившийся от нас еще у мыса Гангута [фрегат] под командою нашего же корпуса капитана господина Щулепникова опять с нами соединился.

25-е число. Увидели мы российское военное судно, которое, так же как и мы, лавировало всю ночь.

26-е число. Он нам открылся довольно близко – это был фрегат "Архипелаг", на котором командиром был также наш корпусной капитан Ефимович; он вскоре к нам подошел и

стал на якорь и простоял целый день; а ввечеру уже поздно снялся с якоря и пошел в Ревель.

29-е число. Прошед мимо нас наш военный катер "Нептун", ищущий английских кораблей и российской эскадры, находящейся под командою вице-адмирала Баратынского[86].

30 число. Наш капитан решился идти в Ревель, потому что у нас оставалось очень мало воды и та так протухла, что с большим трудом можно было пить, да и провизии оставалось у нас очень мало. Увидев сегодни Долфордский маяк, мы пошли к нему и в 8 часу вечера стали на якорь.

31-го числа оказалось, что у нас для команды и на день не станет воды, почему капитан велел спустить на воду три катера и послал с ними артиллерийского офицера на берег за водою, но как другие наши фрегаты, узнав о недостатке воды на нашем фрегате, прислали нам воды на целые сутки, то и воротили катера. В 11 часу утра снялись мы с якоря и пошли в Ревель, лавируя до 8-ми часов, стали на якорь близ Суронского и Долфордского маяка.

Сентября 1-го числа в 7 часу утра снялись с якоря и в 8-м часу вошли в Ревельскую губу[87]. И подходя к городу, салютовали мы 7-ю выстрелами из пушек контр-адмиралу, стоящему с его эскадрою на ревельском рейде, а он нам отвечал 5-ю выстрелами. Пройдя эту эскадру, мы стали тоже на якорь.

2-е число. В 8-мь часов утра повезли с нашего фрегата половинное число гардемарин, а с протчих фрегатов – всех, в город. Приехав туда, Перфильев повел нас к тамошнему командиру над портом, вице-адмиралу Спиридову[88], и рекомендовал ему меня. Он знаком с моими родителями, много об них расспрашивал. Спрашивал также, где теперь находится дядя мой, Василий Андреевич, с которым он был вместе в Морском корпусе.

Вышед от него, спросили нас, кто хочет из нас обедать в городе на свой счет, почему я и еще несколько гардемарин остались в Ревеле. Мы вместе пошли осматривать город. Потом пошли в Витов трактир, где заказав себе обед, пошли опять ходить по городу. Были в церкви Алая, где показывают огромное ребро, вероятно какого-нибудь зверя или кита, за человеческое. Заходили еще в церковь, в которой в особой комнате со сводами лежит какой-то умерший принц[89], живший в Ревеле в царствование Петра I-го, наделавший больших долгов, не заплатя их; почему Ревельская ратуша присудила его бальзамировать и не хоронить до тех пор, пока долги его не будут уплачены. Он уже около ста лет, как стоит тут совершенно высохший. Отсюда заходили [мы] в лавки и возвратились в трактир обедать. В 6-м часу пошел [я] с двумя на-

шими учителями в Екатериненталь[90], царский загородный дворец, довольно удаленный от Ревеля, выстроенный Петром Первым, как и хороший и довольно большой сад, в котором есть огромные дубовые деревья и перед дворцом прекрасные огромные каштановые деревья, посаженные Петром Великим. Пришли мы в Катеринталь уже в восьмом часу в исходе, когда ревельское общество, которое здесь собирается только по воскресеньям, начинало уже расходиться. В 9-м часу пришли мы к пристани, где нас уже ждали. Едучи на фрегат, мы слышали пушечную пальбу и узнали, что это была салютация пришедшей из Англии эскадре под предводительством адмирала Баратынского.

3-е число. Мы никуда не ездили, как и 4-го и 5-го, наливвшись в эти дни водою и приняв на фрегат провизию. 6-е число в 7 часов утра снялись с якоря, а в третьем часу опять стали на якорь.

10-го числа в 5-ть часов снялись с якоря, а [в] 6-м часу посреди моря стали опять на якорь.

11-е число. В 5 часов утра снялись с якоря и пошли к шкерам шведского берега, но по сделавшемуся опять крепкому ветру наш капитан поворотил назад к острову Наргену (недалеко от Ревеля) и стал близ него на якорь.

12 число. В 6 часов поутру подняли якорь и пошли к ельсинфорским[91] шкерам. В первом часу показались нам в горизонте эти шкеры, а в 5-м часу пополудни мы в них вошли. Проходя первую крепость, салютовали ей из 7 пушек, а она отвечала нам из 4-х. Пройдя ее, стали мы на якорь.

13-[е] число. В 6-ть часов поутру поехали мы на катерах в крепость Свеаборг; приехав туда, пошли мы к коменданту этой крепости и начальнику этой части Финляндии, полному адмиралу, графу Кронштету, почтенному старцу. Мы остановились на площади перед его домом, а капитан и майор вошли в него. На этой площади стоит четыреугольная гробница генерала Еренсверта[92], основателя Свеаборга. Она высечена из дикого камня, с двух сторон в ней вставлены белого мрамора доски, на которых золотыми буквами сделаны надписи. Наш майор, вышед из дому, поставил нас во фрунт. Тотчас после него пришел и генерал Кронштет с нашим капитаном. Отдав ему честь снятием шляп по команде, после которой он, сказав нам несколько ласковых приветствий, повел нас смотреть крепость. Он довольно высокий, худощавый человек, с совершенно белыми на голове волосами. Осматривали укрепления крепости, видели ворота, сделанные для входу кораблей. Из крепости пошли к большому колодцу и резервуару, в который со всех сторон стекает дожжевая вода, кото-

рая, проходя чрез песок, делается совершенно чистою и свежею; у резервуара сделаны печи, дабы [и] в зимние морозы вода не замерзала. Она чрез трубы проходит в город и там – в разные колодцы. Жители крепости пользуются этою только водою, а другой пресной воды здесь нет.

Отсюдова пошли к дому подполковника морского командира господина Кремера, у которого опять остановились, а Моллер и Перфильев вошли в дом. Вскоре они вышли с подполковником, который уже очень стар. Будучи чем-то очень занят, он извинился, что не мог сам показать нам часть, которою командует, а дал одного морского офицера, который повел нас по всем сараям, где стоят галеры и много разных гребных судов, между которыми видели 24-х весельную шлюпку Густава III-го, в которой он во время войны ездил по шкерам. Она хорошо построена. Видели сараи, где хранятся дубы для постройки судов, были в арсенале, где между протчими вещами хранится весь такелаж[93] трех русских фрегатов – "Екатерины", "Александра" и "Константина", взятых в последнюю с нами войну. Видели док, в котором чинят военные суда. Тут же стоят под крышею 15 больших гребных судов. Отсюду нас повели опять к дому господина Кремера, где Перфильев выбрал из нас 11 человек, в числе которых был и я, к нему на обед, а протчие гардемарины поехали на фрегат.

Вошед в дом, мы были очень приветливо встречены хозяином с его супругою и племянницею. Там нашли мы много армейских шведских офицеров. Посидя несколько, пошли за стол, из-за которого вышли уже в исходе третьего часа. В 6-м часу подали чай, после которого вскоре мы возвратились на фрегат.

14 число. После обеда в 3 часа мы поехали на катерах в Ельсинфорс с адъютантом генерала графа Кронштета. У пристани были встречены шведским майором сухопутной артиллерии; он повел нас за город к построенным по случаю прошедший с нами войны редутам[94] и шанцам. Оттуда пошли к сараям, в которых хранятся разные обозные лошадиные сбруи, понтоны, завоеванные у нас барабаны, медные единороги[95] и мушкатоны[96]. Были в сарае, где хранятся у них запасные ружья. Осмотря все, возвратились на фрегат.

15-е число. В первом часу утра поехали 6 человек с нашего фрегата, в том числе и я, в Свиабург. Приехав, пошли к коменданту, от него – к одному тамошнему полковнику, а потом и к разным значительным здесь офицерам, но никого из последних не застали дома. Капитан наш и майор оставляли везде свои визитные билеты. Потом опять пошли к коменданту и вместе с ним пошли в один дом, где был приготовлен для

нас обед. Тут было много шведских офицеров, между которыми был подполковник, сын коменданта Кронштет; он был волонтером у нас в полону и знает хорошо дядю Андрея Яковлевича и многих господ в Костроме. Тотчас после обеда поехали домой, а я – на фрегат "Александр". Там я нашел двух шведов, из коих один – артиллерийский офицер, бывший у нас в плену. Возвратясь на свой фрегат, увидев, что некоторые из гардемарин с нашим офицером Апухтиным собираются кататься, поехал и я с ними.

16-е число. В первом часу пополудни повезли наших гардемарин, которые еще не были в Свиаборге и не были на обеде, вчерась для нас приготовленном здешними офицерами. Я остался на фрегате с гардемаринами, с которыми был вчера у шведских офицеров на обеде. После нашего обеда прислали за нами катер и мы поехали в Свиаборг. Подходя к дому подполковника Кремера, встретился нам комендант с нашим капитаном и майором, и многими шведскими офицерами, и нашими гардемаринами. Мы присоединились к ним и вошли в один дом, ярко освещенный, в котором офицеры, угощавшие нас вчера обедом, дали нам севодни бал, на котором было много дам и шведских офицеров. Протанцевав довольно, я пошел в другую комнату отдохнуть. Тут пришел ко мне подполковник Клерк и, сев возле меня, сказал: "Я узнал, что Ваша фамилия – граф Толстой. Я хорошо знаю Вашего батюшку, когда он был в Выборге. Я был им очень обласкан и очень много одолжен. Прошу Вас по приезде Вашем в Петербург поклониться ему от меня. Я бы очень желал его еще раз увидеть и выразить ему мою благодарность". Я проговорил тут с ним довольно долго; наконец, он ушел, а меня позвали в залу танцовать. Танцевали очень много. Потом предложили нам итти ужинать. С нами за столом были только одне наши офицеры. После ужина опять танцовали кадриль и несколько контрдансов, после чего стали все разъезжаться. Мы приехали на фрегат уже в третьем часу пополуночи.

17 число. В 7 часов утра снялись мы с якоря, а в 9 часов вышли из шкер, а в три часа пополудни стали опять на якорь.

19 число. Поутру в 9-м часу снялись с якоря.

20 число. Пополудни в 7 часов бросили якорь, потому что за сильным противным ветром нельзя было лавировать.

21 число. В 6-ть часов утра снялись с якоря и пошли к Гогланду и в 10-м часу в исходе недалеко от него стали на якорь.

22 число. Поутру в 6-м часу мы подняли якорь, в начале 10-го часа прошли маяк Луппа. В 11-м часу прошли на траверзе[97] маяк Кранк. В начале 12-го часу прошли брант-вахту[98] корвет[99] "Ловей". В том же часу прошли крепость Порт-

слав, которой мы салютовали семью выстрелами, и она нам отвечала тем же числом. Пройдя несколько эту крепость, стали мы на якорь против Роченсальма.

23-го числа. Сели мы на катера и поехали на берег. Там повели нас к вице-адмиралу маркизу де Траверзье[100]. Он поздравил нас с благополучным приездом. От него пошли к артиллерии генерал-майору Воронову; на дороге встретился нам генерал-лейтенант комендант Роченсальма господин Болотников, давнишний хороший приятель батюшки. Я его тотчас узнал, но не имел случаю дать ему знать о себе. После нескольких комплиментов между им и нашими начальниками, продолжали мы идти к Воронову, к которому пришед, наш майор нас представил. Тут дали нам одного артиллерийского капитана, который повел нас к малой гавани, где стоит кран для перекладывания пушек на канонерские лодки, который действует тяжестию четырех человек. В этом месте находится до 100 канонерских лодок, множество пушек, ядер и лафетов.

Отсюду пошли мы к маяку. На дороге видели выстроенный в поле в одну линию большой парк сухопутной артиллерии из медных пушек; прошли место, на котором стояли наши войска, когда строили город Роченсальм. Тут недалеко от маяка все гардемарины переправились на лодках чрез залив, потому что обходить его было [бы] очень далеко. Но меня и еще четырех гардемарин оставили, и мы пошли с нашим корпусным офицером Апухтиным к капитану над портом господину Темерязеву. Но его не было тогда дома, а была только одна его жена. Тут мы должны были дожидаться нашего капитана и майора. В 12-м часу капитан над портом пришел домой с Моллером, Перфильевым, капитаном Шулепниковым, а потом пришли еще два офицера с тремя гардемаринами. Во втором часу пошли все вместе к маркизу де Траверзье, и мы были им очень обласканы. Он имеет прекрасную жену и сына 10-ти лет, который уже 7-мь лет [зачислен] мичманом, и теперь – адъютантом у отца и командиром его яхты. В третьем часу сели за обед, который продолжался два часа, вышед из которого нашел я случай сказать о себе генералу Болотникову. Он очень рад был меня видеть, расспрашивал многое об моих родителях, с которыми давно был очень дружен. Он просил меня им очень, очень кланяться; он сказал мне, что брат мой, Константин Петрович, находится близко отсюдова с полком в Фридригсгаме и тот же час послал туда нарочного, чтобы он сюда приехал.

В 4-е часа приехала какая-то дама с дочерью, потом генеральша Воронова и жена капитана над портом. В 6-ть часов

пошли мы все в клуб, сначала было мало дам в клубе, а потом наехало их довольно, так что танцовало до 18-ти пар. В 12-м [часу] майор повел нас в особою комнату и приказал нам подать холодный ужин, после которого пошли мы опять танцовать. Я ни на одном шведском бале так много не танцовал, как здесь. В первом часу стали все разъезжаться и мы пошли к дому, где живет капитан над портом. Там отвели нам комнату, где мы провели ночь по-походному, на сене.

24 число. Встав в 6-м часу и напившись кофею, пошли к пристани, но не нашли там нашего урядника с катера. Немного походя по городу, вернулись к пристани, где катер был готов к отъезду, и в 9-ть часов приехали на фрегат. В 11 часов утра увидели мы шлюбку с флагом на носу, едущую к нам. Когда она пристала к борту, вошел на фрегат маркиз де Траверзье, комендант и генерал Болотников с многими офицерами, флотскими и армейскими. [Так] как он подъезжал к нам под вице-адмиральским флагом, то на фрегате была отдана честь по уставу. Капитан встретил их у трапа и повел их к себе в каюту. Мы же между тем сели за наш обеденный стол. Немного спустя маркиз [вышел] со всеми из капитанской каюты и, подошед к нам, попробовал наше кушанье, очень хвалил, и пошел смотреть фрегат. Возвращаясь с осмотра фрегата, он должен был проходить мимо нас, сидящих еще за столом; тут мы пили [за] его здоровье. Когда он уехал, то приказали мне и еще троим гардемаринам быть готовым к генералу Болотникову обедать, куда мы в час и отправились, а после обеда у Болотникова поехали мы на фрегат, взяли всех гардемарин и с ними поехали в крепость, форт Славу. Она построена совершенно круглая, на ней в два яруса пушки: в верхнем ярусе – 48 пушек 18-ти фунтовых[101] на деревянных станках; в нижнем ярусе – тоже 48 пушек, но 30-ти фунтовых и на чугунных станках. В стене крепости устроены солдатские казармы, а в средине крепости – большой хороший колодезь. Из этой крепости поехали мы в крепость Елизавету, на которой не помню сколько пушек разных калибров и на разных станках и три мортиры[102]. Тут водили нас в пирамиду, в которой хранятся разные припасы, принадлежащие этой крепости.

25 число. В 2 часа пополудни снялись мы с якоря и стали верповаться, в половине 5-го часа прошли на траверзе еще одну крепость, а в исходе 8-го часу по усилившемуся ветру стали на якорь. С полудня шел довольно сильный дождь.

26-е число простояли мы на якоре.

27-е [число]. В три часа пополудни увидели мы яхту маркиза с флагом на носу, хотя должно бы было его иметь на форстеньге[103], но как маркиз называет свою яхту шлюпкою, то и

ставит флаг свой на носу. Чрез очень короткое время приехал к нам на фрегат с яхты маленький маркиз, адъютант вице-адмирала, с письмом к капитану; в это время я был в каюте капитана и рисовал вид Стокгольма. Прочтя письмо, капитан с Перфильевым поехали в катере к маркизу, и, вошед на яхту, она стала лавировать, что продолжалось довольно долго. Иногда она держала рейсы очень близко к нашему фрегату. Во все это время у нас отданы были марсели и натянуты марсафалы[104], а матросы стояли по вантам[105], а когда яхта к нам подходила, то матросы кричали три раза: "Ура!", – а яхта отвечала нам по одному разу. Часу в 6-м капитан наш и майор возвратились на фрегат, а яхта ушла. Погода была дурна, и накрапывал дожжик.

28-е число простояли мы на якоре, к вечеру сделался очень сильный ветер, так что хотели отдать другой якорь, но, к счастию, [ветер] скоро утих.

29-е число. По утру в 8-мь [часов] подняли якорь и начали верповаться, и, пройдя 20 кабельтов[106], мы верповались почти целый день и в 8-м часу пополудни стали на якорь.

30-е число. В 10 часов подняли якорь и стали верповаться, в 7-м часу в исходе стали опять на якорь.

31-го числа[107] весь день простояли на якоре, и во весь день шел большой дожжик. Прочее же время похода погода была всегда хороша, исключая 5-и или 6-и дней в разные времена.

Октябрь месяц

1-е число. В 8 часов поутру снялись мы с якоря и пошли под парусами. Ветер был нам попутный. Часа через полтора вышли мы из шкер в море и шли по 6-ти узлов, что составит около 10-ти верст в час. В 8-м часу в исходе пополудни пришли к Красной горке и стали на якорь.

2-е число. Поутру в 7-м часу снялись с якоря и пошли под парусами к Кронштату, который вскоре нам и показался, но ветер так стих, что мы принуждены были буксироваться, и в третьем часу только что прошли брант-вахту.

Пришед в Кронштат, стали мы на якорь на Кронштатском рейде. Чрез день приехали в корпус и распущены были на несколько времени к родителям. Говорить нечего о радости свидания с ними, сестрою и братом после четырехмесячной отлучки. Это можно только чувствовать.

В зиму этого года приезжал в Петербург шведский король по поводу затеивавшейся, как тогда говорили, свадьбы великой княжны Александры Павловны со шведским королем. Он

был принят Павлом Петровичем с большим почетом. Он здесь осматривал все корпуса, все военные и гражданские учебные заведения, все женские институты и все достойные замечания заведения. Оставалось ему еще осмотреть наш корпус и горный[108].

Для осмотра нашего корпуса назначен был и день, в который мы с 10-ти часов уже ожидали его приезда. Мне заранее было приказано приготовить оконченный рисунок вида Дуотингольмского замка и, когда король будет осматривать наш корпус, поднести этот рисунок его величеству. Тогда был распространен, не знаю откудова, общий слух, что я получу от короля какой-то знак отличия, которое будет поводом [к тому], что я буду выпущен в офицеры прежде положенного срока; и надежда на это меня очень радовала. Но надежда моя была обманута (судьба с самого начала моей службы положила, чтобы я не получал награды случайные). Накануне того дня, в который мы ждали к себе короля шведского, интригами какого-то двора из западных государств соединение короля шведского с великою княжною Александрою Павловною было расстроено, и Павел Петрович, взбесясь на шведского короля, приказал ему выехать из Петербурга [в] 24 часа и без кухни. Обыкновенно, когда кто из королевской фамилии или принцев выезжают из России, то до границы провожает их придворная кухня и прислуга, а наш император, прогневавшись на короля шведского, вздумал, выгоняя его из России, наказать его, как наказывают школьников, оставив без обеда. Каково![109]

Учебное плавание в Данию и Норвегию. 1801 год

После экзамена, на вторую кампанию[110] я был пожалован в ундер-офицеры одним из первых.

Не помню, чрез сколько времени я был дежурным ундерофицером по корпусу, когда пришло рано поутру объявление о кончине императора Павла Петровича. Странно, что как только мною получен был пакет о кончине императора и восшествии на престол Александра Павловича, мне пришла в голову настоящая смерть Павла І-го, а не апоплексическим ударом, как было объявлено[111]. В это утро все кадеты, офицеры и учителя были в полной форме собраны в огромной обеденной нашей зале. В 11 часов вошел в залу из своих комнат директор корпуса Иван Логинович Голенищев-Кутузов, почтенный глубокой старости полный адмирал, давно уже не встававший [со] своих кресел, в полном мундире, ведомый под руки своими

двумя сыновьями – контр-адмиралом Логином Ивановичем и майором нашего корпуса Александром Ивановичем, и в горьких слезах объявил нам о кончине Павла Петровича.

В тот же день после присяги мы были распущены по домам. Когда мы шли с братом домой, Петербург уже принял совершенно другой характер. Прежде встречающиеся на улицах имели пасмурный, унылый вид с отпечатком какого-то страха на лице, не зная, воротится ли он благополучно домой или не улетит ли куда-нибудь, не успев во время снять перед царем шляпы. А теперь, идучи, мы увидели большое движение по улицам – народ сновал толпами взад и вперед без малейшего страха и с веселыми лицами, кучками останавливался на улицах, разговаривал, смеялся, не прячась от бутошников и полицейских офицеров, чтобы и самому, не зная за что, не попасть в полицию, как это было часто при Павле. Беспрестанно встречались нам выражения радости; видели, как некоторые из простого народа, сходясь между собою, крестились, обнимались и целовались.

Второй поход наш был в Данию и Норвегию на фрегате "Архипелаге" под командою капитана первого ранга господина Малеева, одного из лучших флотских офицеров. Под командою его был с нами и транспорт с такелажем для корабля "Петр", который, отправясь из Архангельска в Кронштадт, дорогою был застигнут в Атлантическом океане ужаснейшим штормом, продолжавшимся слишком 20 дней. Корабль в первые дни урагана потерял мачты, бугшприт[112] и руль. И в этом отчаянном положении при сильном ветре он блуждал по океану более двух недель, рискуя быть брошену на скалу или попасть на подводный камень и погибнуть. Но, к счастию его, северные рыбаки, возвращаясь на своих кораблях с ловли, увидели бедствующий корабль, пришли к нему на помощь и привели его в Берген, где он стоит уже третий год, не возвращаясь в Россию под предлогом недостатка необходимого такелажа, который мы ему теперь и везем. Капитану нашему приказано взять под свою команду капитана корабля "Петр", корабль оснастить и привесть его в Кронштат. Корпусный офицер с нами едет – мичман Писарев, очень хороший и хорошо воспитанный молодой человек.

Я не показываю здесь чисел – когда что случилось, потому что полного журнала этой кампании, мною веденного, не отыскалось, а нашлись только одни черновые записки, по которым и описываю эту вторую кампанию.

Из Кронштата мы вышли в двадцатых числах июня 1801-го года, мир с Англиею еще не был тогда объявлен, но говорили, что он улаживается[113].

Только что прошли мы остров Гогланд, как нагнал нас военный катер с объявлением о мире с Англиею. Мы прошли Ревель, не заходя в него, прошли [мимо] островов Езель и Даго на левой руке. Проходя остров Гогланд[114], мы увидели впереди нас на горизонте фрегат под англинским флагом, держащим [курс] на нас. Когда он стал приближаться к нам, мы услышали на нем барабанный бой и увидели в телескоп большое движение на фрегате, которое чрез несколько минут представило нам этот фрегат в полном боевом положении: солдаты на палубе стояли во фрунте с ружьями на плече, а канониры[115] – по пушкам, наготове к действию, с фитилями в руках. Немедленно доложено было об этом капитану, который приказал, чтобы никто, кроме одних вахтенных, не был ни на палубе, ни на шканцах и чтобы никак не показывали, что замечают действия англинского фрегата. Этот фрегат, подошед к нам на боевое расстояние, пошел параллельно с нами и, сделав сигнал, что желает переговорить с нашим капитаном, стал становиться в дрейф и спускать шлюбку. Ответ согласия был тотчас сделан, и мы тоже стали в дрейф. Чрез несколько минут шлюбка пристала к левому борту нашего фрегата, и англинский офицер вошел на палубу. Его немедленно проводили [в] каюту капитана. Что он говорил с капитаном, нам неизвестно. Они были в каюте вдвоем. Малеев говорит по-англински как англичанин. По отъезде этого лейтенанта капитан нам сказал, что в конце их переговора он спросил его о причине, почему их фрегат приближался в боевом порядке, или они не знали о заключении мира между Россиею и Англиею. Он отвечал, что знали, но что французы в военное время с какою-нибудь державою ходят часто под чужими флагами. Их капитан, думая, что не французский [ли] это фрегат, только под русским флагом, подходил к нему, готовый к бою, так как они во вражде с французами. Англичане должны были очень хорошо знать, что в Балтийском море никакого французского военного судна нет и быть не могло, а капитану англинскому хотелось показать нам свою исправность и осторожность в море. Капитан и мы все очень смеялись над этой фарсой. Когда лейтенант вернулся на свой фрегат, на нем пробили отбой, солдаты и канониры разошлись, подняли шлюбку и пошли от нас под всеми парусами, и мы тоже снялись с дрейфа и пошли своим курсом.

Пройдя Готланд[116], мы пошли к острову Бронгольму, который Карамзин в своем путешествии сделал так интересным[117]. Не доходя до острова, подошел к нам англинский трехмачтовый люгер[118] и после сигнала, что имеет от главнокомандующего своего адмирала поручение к нашему капи-

тану, стал в дрейф, что сделали и мы. Он спустил шлюбку, и командующий люгером приехал к нам на фрегат. Он объявил нашему капитану, что адмирал Нельсон[119], зная, что мы едем в такой дальний путь, и полагая, что ему может встретиться надобность [послать] куда-нибудь известие или какое другое поручение, а при нас нет для этого никакого легкого судна, то адмирал предлагает капитану удержать при себе командуемый им люгер для исполнения приказаний нашего капитана и для посылок, куда ему будет нужно, хотя бы то было и в Америку. Капитан наш отказался от этого лестного внимания со стороны адмирала и, выразив свою благодарность командиру люгера, отпустил его, объявив, что адмирала приедет сам благодарить. Люгер ушел, и мы стали держать к острову Ман, за которым стоял английский флот, за несколько дней прошедший Зунд[120] в самом жалком положении – несколько кораблей совсем без мачт, другие – с одною-двумя или с отбитыми стеньгами[121], пробитыми бортами и ни одного цельного. Если бы англичане не успели вовремя заключить мир с Россиею, и наш флот пришел бы вовремя на помощь датчанам, то есть к подходу английского флота чрез Сунт, то весь этот флот частью погиб бы или [был бы] взят в плен. Говорят, что английское правительство не жалело денег, чтобы заключить мир с Россиею, и он стоил им ужасных сумм.

Подошед к острову, мы стали на якорь так, что почти весь английский флот был нам виден. Тотчас спустили катер, и капитан поехал к адмиральскому кораблю. Погода была довольно тихая. Покуда наш капитан был у Нельсона, мы услышали на одном корабле барабанный бой, что обратило наше особое внимание на этот корабль, и мы увидели на палубе всю команду. Чрез несколько минут был сделан пушечный выстрел с этого корабля, и мы увидели вздернутый желтый флаг на ноке грота-реи[122] и вслед за ним вздернутого за шею человека. В Англии не только уголовные, но [и] все преступления наказываются очень строго; например, за воровство у них по сие время существует закон, что человек, укравший на сумму, на которую можно купить веревку, на которой можно бы было его повесить, осуждается на эту казнь. Вероятно, что этот закон нониче не исполняется буквально, но за большое воровство у них постановлена смертная казнь. А известно, что на кораблях исполняются наказания гораздо строже, а телесные наказания на кораблях в Англии очень жестоки. Осужденного за какой-нибудь проступок на известное число ударов линьками[123] не отсчитывают ему их вдруг, а раздев виновного до пояса, привязывают его к козлу, устроенному на баркасе; если это [происходит] на каком-[нибудь] рейде, где

есть военные суда, то привозят его к каждому судну и у его борту перед собранною на нем командою дают ему столько ударов, сколько по числу судов, тут стоящих придется по сумме ударов, определенных наказываемому. Этот образ наказания [осуществляется] с большими промежутками времени, покудова его возят от одного судна до другого, что гораздо жесточе для перенесения как физической боли, так и морального страдания от беспрестанных ожиданий физических истязаний.

Когда капитан наш воротился от Нельсона на фрегат, мы тотчас снялись с якоря и пошли к острову Зеланд и стали на якорь перед Копенгагеном, от которого до Ельзинора[124] и за ним по всему берегу находятся как постоянные укрепления, так и временные, составленные из судов и устроенные на плотах, а также и земляные на берегу укрепления. Видно, что мимо этих укреплений недавно проходил по Зунду флот очень сильного неприятеля.

У Копенгагена простояли мы дни три и ездили всякий день его осматривать – все, что было там замечательного: музеум, публичную библиотеку, зоологический кабинет, в котором находится очень замечательная чучела взрослой большой коровы о двух головах, и Академию художеств. Из Копенгагена пошли мы к Ельсинору, где должны были за противным и весьма тихим ветром, вскоре обратившимся в совершенный штиль, стать на якорь.

Ельсинор – очень большая крепость и кругом укрепления и несколько временных батарей. Не помню, сколько дней мы тут простояли, в которые скопилось перед Ельсинором более 200 разной величины купеческих судов, стоящих на якоре в ожидании попутного ветра, как и мы.

При совершенном штиле погода прекрасная, теплая, ясная, ни одного облачка на голубом небе. Многим, а вероятно и всем, ожидающим в канале попутного ветра, несносен этот штиль и прекрасная погода. А мне, которого не заботил никакой ветер, так очень приятно, что погода стояла тихая и теплая, и я от души наслаждался, любуясь видом противуположного шведского берега и гладкою поверхностью пролива, облитого яркими лучами солнца с рассыпанными по нем сотнями кораблей, со стены высокой крепости на довольно высоком берегу, где я [гулял] во время нашей здесь стоянки на якоре по благосклонности капитана, который трактовал меня[125], как офицера, а не как гардемарина. Я имел право брать четверку[126] всегда, когда она была свободна, и ездить на берег. Обыкновенно я по утрам любовался на эту обширную панорамическую картину, и корабли каза-

лись мне скорее какими-то черными щетинистыми насекомыми.

Наконец чрез несколько дней после нашего сюда прихода в утро, когда я на берегу с высокой стены крепости любовался панорамою пролива с рассыпанными по нем корабликами, вдруг подул легкий благоприятный ветерок стоящим на якорях судам, а до того по гладкой недвижной поверхности пролива, блестящей от солнечных лучей так сильно, что невозможно было смотреть на пролив, вдруг побежали по разным местам легкие струйки, которые, беспрестанно расширяясь, покрыли весь пролив мелкою голубою рябью, по которой там и сям сверкали лучи солнца золотыми блестками. Вдруг в одно время, как по сигналу, на всех судах засуетились матросы, и не прошло и получаса, как на всех судах поднялись белые, как снег паруса, ярко блестящие от солнечных лучей, и как магическою силою в одно время тихо двинулись по направлению к Зунду. Эта минута была превеликолепная. Я очень жалел, что не было вместе со мною человека, хорошо владеющего пером, – как восхитительно мог бы он передать бумаге это чудное явление, или искусного живописца, чтобы выразить на полотне эту грандиозную прелестную картину.

Корабли, приближаясь к самому проливу, все сгущались и, наконец, казалось уже, что какая-то плотная белая масса протекала Зунд. Часа через два стали и мы сниматься с якоря, и, подняв его и поставив брамсели[127], пошли мы по тому же курсу, но по просторному пути и, пройдя залив Зунда, вошли в Категат попутным ветром. Когда мы шли Категатом, ветр стал крепчать. Не помню, сколько времени шли мы этим каналом до мыса Ютландии Скаген-Горн, где прошли острова Ангельст[128] и Лессе, обогнув его, вошли мы во второе колено Категата – в Скагеррак, потом вышли в Северное море. Ветр все крепчал. Наконец, вдруг мгновенно набежал ужаснейший шквал, сломавший у нас грот-стеньгу[129]. Капитан, вышедший на шканцы, приказал немедленно одному из опытнейших лейтенантов с его вахтою, в которой был и я, итти на грота-марс[130], обрубить ванты сломанной стеньги и другие снасти, которыми она держалась у марса, вися вниз, и от ужасного качания фрегата и порывов ветра сильно билась по борту его и грозила повредить другим снастям и зашибить кого-нибудь из работающих на палубе матросов. Приказание капитана было немедленно исполнено, лейтенант первый полез на марс и приказал мне и команде спешить за ним, конечно, не с тем, чтобы я мог сколько-нибудь содействовать успеху спуска стеньги, а для того, чтобы я видел и узнавал, как это делается. Что странно, что я, который при всяком волнении, не

только при таком, как было в это время, страдаю сильно от морской болезни, а тут не чувствовал нисколько ее влияния, вероятно от сильной заботы и страху опасности. Войдя на марс, команда по распоряжению лейтенанта немедленно приступила к работе. Я держался на вантах, обхватя крепко эти снасти руками и ногами между выблинков, чтобы не быть сорвану ветром или какою-нибудь снастью. Огромные волны подымали фрегат вверх то носом, чуть не вертикально, так что бухшприт был выше марсов, качая при том фрегат из стороны в сторону, то погружали его носом в бездну моря и подымали [его] корму [так, что она], казалось, выше марсов. И я при каждом перевале фрегата с одной стороны на другую был над самою водою; каково у меня было при этом на сердце, легко можно представить, и делается понятным, что это состояние вместе с заботою и вниманием к делу, за которым были посланы, не допускало морскую болезнь действовать на мою организацию.

Кончив благополучно поручение капитана, лейтенант, пришед на шканцы, и я с ним отрапортовали капитану, что стеньга спущена. Капитан, поблагодарив его, обратился ко мне с вопросом: “Отчего у тебя, Толстой, все в крови?” Я не мог отвечать, потому что не чувствовал ничего. “У тебя и левая рука вся в крови”. Тогда я, подняв руку, увидел, что на большом пальце левой руки сорван совсем ноготь. Я совсем не знал, как и когда это случилось, потому что не чувствовал боли. Но когда увидел палец без ногтя, вдруг почувствовал пресильную боль. Меня отвели к лекарю, который перевязал палец и велел лечь в койку.

На фок-мачте и бизани[131] были спущены брамсели, и мы шли под одними стакселями[132]. По длине палубы были протянуты леера (тонкие веревки) одна от другой в полутора аршинах; при такой качке, только держась за эти веревки, и можно было ходить по палубе и действовать снастями.

На другой день я не выходил на шканцы, но не от боли пальца, а уже от морской болезни, как и следующие дни, покуда продолжалась буря, а сколько дней, не помню. И чрез несколько дней мы вошли в шкеры Бергена и очень скоро кинули якорь против очень ветхого небольшого строения, которое тут называют трактиром, в котором ничего нельзя достать съесть, кроме ужасно соленых и дурных сельдей, которые и могли мы есть только жареные, да круглые раки, которые в изобилии тут водятся. Нам не было никакой нужды в трактире, потому что наш казенный стол был очень хорош, и ели мы сельди и раки только из прихоти, а чай и кофей у каждого из нас были свои.

Через день по входе в шкеры ветер совсем почти стих, и мы рано поутру съехали на берег (где [был] трактир), чтобы погулять по земле, которую несколько времени совсем не видали. Мы были на берегу всякий день, потому что фрегат стоял близехонько от трактира. Раз в хороший день мы рано утром поехали на берег с тем, чтобы полазить по скалам, у подошв которых стоял трактир. Мы все пошли на одну скалу, возвышающуюся над другими. Кто-то из гардемарин предложил, желая показать свое искусство, лазить по горам и войти первому на верхушку этой скалы. Разумеется, что это предложение было всеми принято, и мы полезли. Желая быть первым, я карабкался по скалам без устали и точно был не только первым на вершине скалы, но еще оставил других очень далеко за собою. Увидя впереди возвышающуюся почти такую же скалу, я вздумал похвастаться перед товарищами, покуда они влезут на верхушку первой горы, быть уже на верхушке второй. И с тем же рвением, не заботясь о времени и тщательном замечании пути, которым взбирался наверх, [чтобы воспользоваться им] для возвратного пути, думал только о том, чтобы быть как можно скорее на назначенном мною месте. Вошед туда, я уже не видал никого на оставленной мною верхушке первой скалы и вздумал их дожидаться, сев для отдыха на камень, покрытый мохом. Но ни один из товарищей не показывался. От скуки я стал рыться во мху и тощей траве и искать раковин улиток и жучков, которых любил всегда собирать, и, как нарочно, попадались мне прекрасные жучки и улитки. Отдохнув немного, я, встав, стал бродить вокруг, отыскивая и тех и других, забыв, что нигде нельзя так скоро заблудиться, как на скалистых горах. Завлеченный этим занятием, я забыл и о времени, и о товарищах, и где я был, как и о возвращении на фрегат. Но голод напомнил мне обо всем и о времени, в которое я давно уже должен бы быть на фрегате. Оставив мое занятие, я стал думать о возвращении, но, к удивлению моему, я увидел, что нахожусь не на том месте, где я сидел, дожидаясь товарищей, и что я сбился с пути, которым я вошел на эту гору. Это меня ужасно смутило, не зная, где и по какому направлению спускаться со скалы. Но [так] как спускаться было надо, то я стал сходить по направлению, которое по моему предположению вело к месту стоянки фрегата, поспешая пробираться между обрывов и выступов скал. Мне открылась вода, находящаяся между шкер, и я увидел наш фрегат на противной стороне, в правую руку [от той], где был сам, тогда как полагал, что иду прямо к нему. Это ужасно меня перепугало; я вздумал кричать. Но кто мог меня услышать на таком расстоянии и между скал? Рассчитав, что

ежели я буду спускаться, держась правой стороны, то скорее всего приближусь к трактиру, у которого стоял наш фрегат, я ускорил еще мой ход и совсем не замечал и не помышлял о времени, заботясь только, как бы скорее добраться до фрегата. Страх заблудиться в скалах придавал мне силы переносить усталость и жару, которые я испытывал, спеша спускаться и пробираться между скал. Иногда приходилось мне невмочь, и я бросался на землю, то есть на покрытый мохом каменный грунт скал, но этот отдых продолжался самое короткое время. Страх подымал меня на ноги и заставлял спешить отыскивать фрегат, но [я] не видал ни его, ни воды и не встречал ничего, похожего на жизнь. Пробираясь по склону скалы, я спустился на небольшую площадку, на которой был шалашик, составленный из трех тоненьких жердочек, связанных вверху и покрытых рогожей, а возле по оставшимся горелым головешкам и углям видно было, что тут недавно готовил кто-то себе пищу. Мне стало легче на сердце, что я нахожусь не совсем на безлюдном месте. Немного сбодрясь, стал спускаться, полагая, что это – шалаш рыбаков и что я, вероятно, встречу кого-нибудь из них. И точно, чрез несколько минут я увидел вдали какую-то фигуру в лохмотьях и поспешил к ней, чтобы узнать, как дойти до трактира, но, увидя меня, к ней идущего, эта фигура пустилась бежать во всю мочь и мгновенно исчезла между обрывов скал. И я опять остался один, не зная, куда итти отыскивать фрегат. Это возобновило мой прежний страх остаться на ночь в скалах, и я пустился по принятому мною в начале пути не скорым шагом, а бегом, где позволяли рытвины и обломки скал, которые я должен был перелезать, тем более, что, хотя солнце было скрыто за облаками, но заметно было, что оно уже склонялось к горизонту.

Пройдя не знаю сколько времени, наконец я увидел воды шкер и наш фрегат справа от меня у противоположного берега, как мне казалось. Это еще более меня смутило и напугало, и я потерял всю надежду добраться до фрегата прежде ночи. Но этого быть не могло, потому что против трактира, у которого стоял фрегат, никакого берега не было видно, а что берег от трактира шел небольшим изгибом к месту, где я стоял на скале, и что мне не было видно этого изгиба за скалою, на которой [я] находился; почему я и расчел, что самое вернейшее и скорейшее средство придти к трактиру и фрегату, спускаясь со скалы, – держаться правой стороны. А [так] как фрегат был, по-видимому, очень далеко, то я должен был всеми силами спешить, несмотря на усталость и изнеможение от поту, который не капал, а лился с меня. В этом трудном спуске со скалы и мучительном положении от страху и усталости

сколько времени я прошел, не останавливаясь ни на минуту, не знаю, как вдруг, не ожидая, я услышал свое имя и опрометью побежал на этот голос. Это были два матроса из команды, посланные капитаном меня отыскивать. Волнение сильной радости, не менее как и усталость, привели меня в такую слабость, что я не мог держаться на ногах и, наверное, упал бы, если бы матросы меня не подхватили. Они сказали, что ищут меня с самого полудни, а что теперь уже 8-й час вечера. Капитан чрезвычайно удивился такой быстрой во мне перемене – видя меня совсем мокрым, он думал, что я попал где-нибудь в воду. Капитан поручил меня медику фрегата. Меня раздели, вытерли всего вином, надели нагретое чистое белье и уложили в койку. Я тотчас уснул и проспал до восьмого часу следующего утра.

Проснулся я на другой день опять весь в поту, но хотя и чувствовал утомление и слабость и небольшую головную боль, но не остался в койке, а, переменив белье, надел свой высушенный мундир и пошел благодарить капитана за попечение обо мне. Я чувствовал себя нехорошо – небольшую головную боль и по временам то небольшой жар, то озноб, но не ложился в постель, чтоб не разнемочься к завтрему дню, потому что в этот день капитан назначил вести гардемарин в Берген, а мне очень хочется видеть этот город.

[На другой день] в пятом часу мы поехали в Берген на катерах: фрегат не мог туда идти за противным ветром. Не знаю, в котором часу мы туда приехали: между трактиром и городом около 20 верст. Первое, что бросилось нам в глаза, когда мы въехали в бухту, это был 70-пушечный корабль "Святой Петр", стоящий здесь посредине бухты перед городом уже третий год, без мачт, бугшприта и снастей. Бухта эта довольно велика и на ней довольно много разной величины судов, по большей части вроде финляндских лайб[133], в которых они возят в Петербург мелкие дрова, [а сейчас] наполненных рыбою, по большей части штокфишью[134], более двух аршин выше борту. Надобно было близко к ним подойти, чтобы догадаться, что это – рыба, а не дрова; она и сложена одна на другую как дрова, сверху только покрыта досками.

Вид города нисколько не привлекательный. Он стоит на самом берегу и состоит из очень меленьких каменных домов, нескольких церквей и немногих побольше строений, вероятно каких-нибудь заведений. Прежде всего нам показали наш корабль, который оснащивается такелажем, привезенным нами на транспорте; потом водили нас по городу, в котором мы ничего интересного не видели. Наконец, ввели нас в дом, в котором был приготовлен для всех нас очень хороший обед

с таким хорошим десертом, какого трудно было ожидать в Бергене. Но ни обед, ни десерт были не для меня. Головная боль и жар с самой поездки в город все увеличивались, и я не мог ничего есть, а к концу обеда не мог и сидеть за столом. С корабля был призван нашим капитаном лекарь и другой – городской, там славящийся, которые сказали капитану, что мне опасно возвращаться с другими гардемаринами на катерах на фрегат, и потому из-за стола наш лекарь привез меня на корабль "Петр" и положил меня в койку. Я уже стал забываться, а к вечеру совсем потерял память, сделался со мною сильный бред и открылась гнилая горячка[135]. Мне все казалось, что по моей койке ходят олени, а надо мной какие-то люди дерутся на шпагах. Чрез девять дней сделался кризис, и я стал понемногу приходить в себя, но был так слаб, что долго еще не мог приподнять головы. Не знаю, сколько времени прошло, как я уже мог садиться в койке и чувствовать аппетит, который со дня на день увеличивался. Скоро дозволили мне вставать с постели и ходить в кают-компанию с помощью урядника и матроса, приставленных ко мне. Здоровие мое довольно быстро поправлялось, и скоро уже ходил я один в кают-компанию, где оставался почти целый день, разговаривая с офицерами, с которыми познакомился и от которых я узнал о плавании "Петра", и как он попал в Берген.

Этот корабль был построен в Архангельске, там спущен, занайтовлен[136] и отправлен в Кронштат. Пройдя благополучно Белое море, Северное и Ледовитое, идучи к Норвегии при довольно крепком ветре, был настижен ужасным шквалом, обратившимся в жестокий шторм, как описан мною выше. От этих же офицеров я узнал, что во время этого плавания "Петра" завязалось между капитаном и капитан-лейтенантом[137] несогласие, обратившееся в явную ссору, так что, стоя на шканцах, разгорячась, капитан сильно оскорбил капитан-лейтенанта, который в пылу горячности вынул из ножен шпагу до половины, за что капитан приказал его арестовать и велел заковать в железо и посадить его в каюту и приставить к ней часовых, не выпуская его и не позволяя никому к нему входить. Даже когда по нуждам природы надо было ему выходить из каюты, то провожал его солдат с ружьем. В бытность мою на "Петре" я его только и видел иногда, как он выходил из своей каюты в сопровождении солдата с ружьем. Эта ссора была причиною [того], что на корабле "Петр" было очень скучно. Офицеры разделились на две партии: одна держалась стороны капитана, а другая – капитан-лейтенанта, и потому они не сходились никогда вместе и не говорили друг с другом. Кают-компания на кораблях, в которых обыкновенно

все офицеры соединялись и в общих разговорах и шутках проводили приятно время, а здесь на "Петре" кают-компания почти всегда была пуста. Только изредка [бывало] в ней видно по два, по три человека отдельных партий, вместе говорящих.

Экипаж "Петра" в эти три года очень разбогател, получая двойной провиант, считаясь в экспедиции. Они не могли всего издерживать и более половины его продавали, а хлеб и вино здесь очень дороги. Нас чрезвычайно удивило, когда мы в Бергене вошли на корабль "Св. Петр", что все матросы были в куртках и шароварах из тонкого синего сукна с частыми посеребреными мелкими пуговицами с шипиками в два ряда, в цветных шелковых платках на шее, по-матросски повязанных, в разных цветных жилетах, в хороших круглых пуховых шляпах, как носят господа во фраках. Разумеется, что капитан корабля для собственных выгод не поправлял корабля и откладывал его вооружение, представляя адмиралтейству [рапорты] о невозможности достать нужного такелажу, почему адмиралтейство и послало все нужное для этого.

Не помню, сколько времени продолжалась эта оснастка и сколько длилась моя болезнь. Наконец корабль был вооружен и приведен к тому месту, где стоял на якоре наш фрегат. Тут меня перевели на него. На другой день подул благоприятный ветер для нашего возвращения в Россию, и мы все снялись с якорей и вышли из шкер. Потеряв записки этого похода, я не могу сказать, сколько времени шли мы до Копенгагена, встречая иногда и противные ветры. Но более всего ветры были нам благополучны, и мы пришли в Копенгаген в конце августа при довольно крепком с океана ветре. Двадцать девятого числа августа рано поутру снялись мы в очень крепкий ветер, желая воспользоваться попутным для нас его направлением. Но ветр очень быстро усиливался и через часа два или три, отклонясь от попутного для нас румба[138], обратился в сильный шторм. Капитан принужден был войти в ближайшую бухту шведского берега, чтобы не подвергнуться какому-нибудь несчастию и стать со всеми тремя судами на якоря под защиту высоких берегов этой бухты.

На другое утро, то есть 30 августа, в день тезоименитства[139] государя императора Александра Павловича, при таком же, как и вчера, крепком ветре, мы все и я, в первый раз после болезни надевший мундир, и офицеры корабля "Петр" и транспорта с их капитанами съехались в церкви нашего фрегата для слушания обедни и молебствия о здравии и благоденствии его величества, что происходило с пушечною пальбою на всех судах. После священной литургии Малеев пригласил к себе в каюту всех, бывших за обеднею офицеров, в

том числе и меня, одного только из всех гардемарин. Он меня очень любил и не отличал от офицеров (хотя я был годами моложе многих из гардемарин) и поручал мне часто исполнять офицерскую должность. Когда мы вошли в капитанскую каюту, в первой комнате стол уже был накрыт, за который скоро и сели. Наш капитан как хороший хозяин, любящий угостить своих гостей, дал офицерам великолепный обед, на котором лучшие разных сортов вина и шампанское рекою лились, а особливо удивило всех на корабле во время похода видеть такой роскошный десерт из лучших и самых свежих фруктов. При питье за здоровье государя императора и его фамилии, как надо было палить из пушек, наш капитан сказал, что императора Александра I нельзя поздравлять из пушек холостыми зарядами, и приказал производить пальбу с корабля и фрегата полными зарядами с ядрами. Обед был очень весел и, как следует, очень шумен. После обеда офицеры качали обоих капитанов среди говора, смеха и пения.

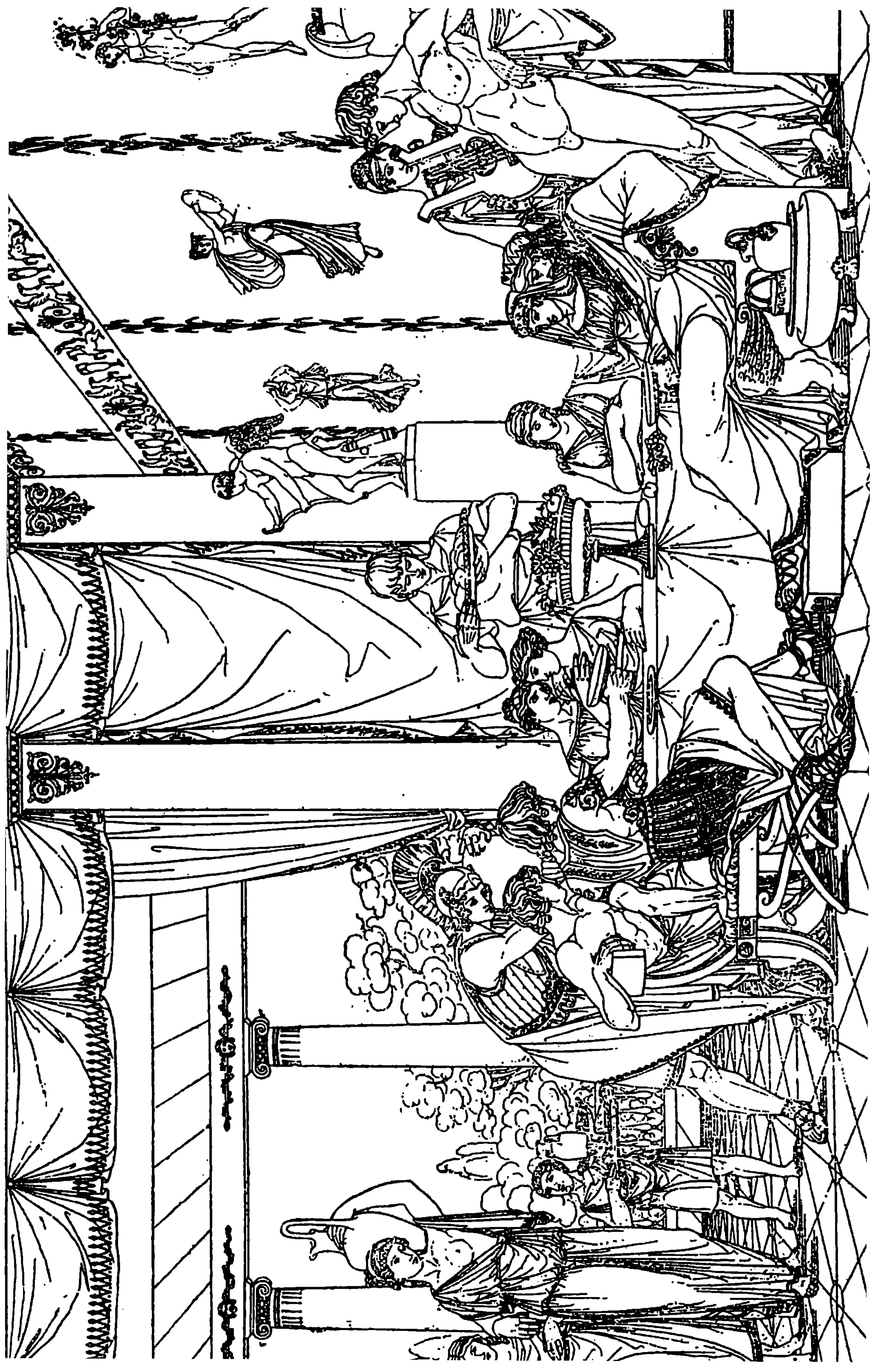
Около восьми часов капитан наш и все по приглашению капитана корабля "Петр" поехали к нему провести вечер. На фрегате нашем остались только старший лейтенант да я. Все время пирования наших офицеров на "Петре" мы с лейтенантом были в беспрерывной заботе и страхе, чтобы чего не случилось, и тем более, что по повелению капитана была выдана для праздника двойная порция вина всему экипажу, почему и было довольно много пьяных матросов. Главная забота наша была насчет ветра, который не утихал, и огня. Лейтенант приказал погасить везде огни, оставив только фонари в самых необходимых местах и при больных гардемаринах, которых лежало в койках пятеро. Взяв всевозможные предосторожности и надзирая беспрестанно за всем, мы за свой фрегат не так еще боялись, как за празднующий иллюминованный корабль "Петр", а еще более, когда стали жечь на его шканцах фейерверк. Эта неблагоразумная на корабле забава, музыка и песни, доходившие до нас, показывали, что праздновавшие на нем были в таком расположении духа, что должно было за них бояться. Когда наши офицеры воротились домой, то некоторые из них были так пьяны, что их принуждены были подымать с катеров на корабль на гарденьках[140].

На другой день рано поутру пришел к нам из Копенгагена военный катер, где, услышав пальбу с ядрами с кораблей у шведского берега, подумали, что не завязалась ли у нас какая-нибудь стычка с английскими кораблями, которых еще несколько оставалось в Балтийском море, и его послали узнать о причине пальбы с ядрами. Осведомясь обо всем, он тотчас и ушел.

Вчера в ночь шторм стал уже стихать, и есть надежда, что к вечеру или завтре к утру нам можно будет поднять якорь.

1-е сентября снялись мы с якоря и отправились в Кронштат. Противные ветры и штормы очень задерживали наше плавание, и мы стали на якорь в Кронштатском рейде уже 3-го октября. На другой день возвратились на наших катерах в корпус и были распущены на несколько дней к родителям.

Я с самого детства любил рисовать, и страсть к нему беспрестанно усиливалась, так что я все свободное время от классов и приготовлений к ним проводил с карандашом или кистью в руках. Из наук в корпусе более всего занимала меня математика, как важнейшая для морского офицера, так и по особой привязанности к этой науке.

Во имя святыя Троицы.

Глава третья

“Я избрал для служения отечеству неблагородную дорогу художника”

В начале пути

В 1802 году июня 23 числа по окончании курса в Морском корпусе я был произведен мичманом[1] в гребной флот и потому оставался жить в Петербурге, что мне давало средство продолжать учиться математике, которую я особенно любил.

Вначале, вышед из корпусу, посещая театры, я более всего восхищался прекрасными балетами [*господина*] Дидло[2]. Имея [*способность*] ко всем гимнастическим упражнениям, я скоро пристрастился к балетным танцам и учился у Дидло очень прилежно. Он всем тогда говорил, что если б я посвятил себя совсем этому искусству, то мог бы в нем быть замечательным артистом[3]. Я изучил основательно хореографию[4].

А когда вошло в моду у молодых офицеров в некоторых конных гвардейских полках учиться вольтижировать на лошадях, то старший брат мой[5], офицер Семеновского полка (учившийся и хорошо вольтижировавший на деревянной лошади, когда был пансионером в кадетском корпусе), ездил тоже в манеж, где учили вольтижировать на настоящих лошадях. Увидев раз это учение, которое мне очень понравилось, и я стал тоже учиться вольтижировать, зная хорошо верховую езду, со всеми ее наездническими хитростями. Почему, будучи совершенно свой на лошади и при моей врожденной ловкости и легкости прыгать, я скоро сделался первым вольтижером между всеми учащимися. Свободно и легко делал [я] на полном карьере лошади все штуки, обыкновенно делываемые в цирках, и один из всех учащихся ездил, стоя на лошади.

Вначале учащихся вольтижировать было очень много, все почти одни военные и по большей части из конных полков, почему и разделены были на четыре партии по разным дням недели. Я почти один из последних начал ездить в манеж, а не прошло и месяца, как я перегнал всех [*там учившихся*].

Как все, что делается по влиянию моды, а не [по] настоящему побуждению узнать и научиться, бывает всегда непродолжительно и проходит вместе с модою, а еще более избалованная модная молодежь не выдерживает ни учения, ни занятий, где требуется постоянный труд, которого они боятся, как физического, так еще более – морального. Может быть, некоторые из них и хотели бы чему-нибудь выучиться, если бы можно было какую-нибудь науку вдруг проглотить, как ложку лекарства, немного поморщась от горечи принятого, у них, вероятно, стало бы духу [*приняться за науку*].

Из большого количества бросившихся учиться вольтижировать на лошадях богатой избалованной молодежи чрез очень короткое время не осталось никого. Одни должны были кинуть учиться вольтижировать по совершенной их неловкости, другие, увидя, что сделаться искусными вольтижерами в несколько дней невозможно, а что на это нужно много времени и много постоянного труда, которого они боятся, как огня, оставили манеж.

Остались учиться вольтижировать я с братом да еще человек десять не военных. Но это продолжалось очень недолго, к крайнему моему сожалению, потому что содержать лошадей для такого малого числа учащихся было очень невыгодно берейтору[6], почему он продал лошадей и уехал в [*свою*] родину.

Я был [*также*] страстный охотник биться на рапирах. Вначале я учился биться на еспадронах[7] у Вальвиля, но я всегда предпочитал рапиры эспадронам и саблям, потому что в asseau[8] на рапирах, при большом проворстве и искусстве владеть рапирою, надобно иметь гораздо более тонкости в соображении действий при нападении и обороне, более хитрости в уменье заманить своего противника на то действие с его стороны, которое тебе выгодно для нанесения ему решительного штоса[9]; надобно уметь читать в глазах и на лице, что намеревается делать твой противник и предупреждать его во всех его действиях, скрывая тщательно от него свои собственные [намерения]. В рапирном asseau[10] гораздо более игры [*и соображения*], нежели на еспадронах и саблях, где первенство зависит более всего от проворства и быстроты действий.

На рапирах первоначально я учился у Разинкина, Данилова и Тарасова, фехтмейстеров в корпусах, бывших лучшими

учениками Севербрика, считающегося одним из первых фехтмейстеров в Европе[11]. Я [*и теперь*] не пропускаю ни разу офицерских фехтовальных классов, устроенных в флигелях Михайловского замка, и ко мне продолжает ходить биться два раза в неделю Данилов, который бьется очень проворно, но я ему не уступаю.

Когда Севербрик видел меня, бившегося в офицерском классе, и зная мою страсть к этому искусству, был так добр, что предложил мне давать окончательные уроки, которые продолжались с полгода. (Впоследствии я дошел до того, что прослыл хорошим рапирным бойцом и мог биться с Горголи[12], считавшимся вторым бойцом на рапирах после Севербрика, и с самим Севербриком.)

Прежде этого, вскоре по выпуске моем в офицеры, известный своею ученостию по математике в Европе академик нашей Академии наук профессор Фусс, преподававший у нас в Морском корпусе на французском языке высшие вычисления и механику, узнав от меня о моем желании продолжать учиться математике, был так добр, что предложил мне ходить к нему продолжать учение, без всякого возмездия. Он меня и в корпусе очень любил за мое прилежание[13].

В одно время батюшка привез домой стеклянный камé[14], изображающий портрет генерала Наполеона[15]. Эта вещица мне очень понравилась, и я, на моем рабочем столе взяв огарок чистого воску, подкрасил его тельным цветом и вылепил с помощию ножичка и булавки копию, и очень верную, с этого камé.

Когда в следующее свидание Фусс увидел у меня на столе эту вещицу, ему она понравилась, и когда он узнал, что это делал я, и каким способом, то очень удивился и сказал, что я имею много способности к художествам и чтоб я не оставлял заниматься художеством как самым приятным препровождением времени. В следующее свидание он мне дал бронзовую медаль, выбитую в честь одного германского ученого[16] с изображением его портрета – скопировать для пробы, что я и исполнил, скопировав этот портрет на круглой аспидной дощечке.

Фусс, увидев эту копию, нашел, что у меня есть решительный талант к художествам, и советовал непременно идти в Академию художеств, спросить там медальорный класс и познакомиться с которым-нибудь из учеников этого класса, чтобы узнать у него, как приготовляется и красится воск для лепления и какие на то потребляются инструменты.

Я не замедлил отправиться в первое свободное время в Академию художеств и отыскать медалиорный класс, где познакомился с учеником Шиловым[17], который научил меня

приготовлять воск для лепки из него моделей и красить его в приятный тельный цвет и снабдил меня пальмового дерева стеками[18] разной величины, которыми очень ловко лепить, и дал мне профильную модель для копирования дома[19].

С этих пор я стал посещать медальорный класс всегда, когда занятия науками мне только позволяли. Работа из воску мне очень понравилась, и не прошло и трех недель, как я совершенно хорошо изучил все тонкости механизма лепления из воску. Но об академическом знании рисования я не имел понятия, и все мое познание художеств ограничивалось умением лепить из воску головки и портреты с натуры. В медалиорном классе я учился резать и на стали.

С месяц после того, как я начал ходить в этот класс, в одно утро зашел туда профессор скульптуры Прокофьев[20], весьма талантливый художник, и, удивленный, видя молодого флотского офицера, занимающегося лепкою из воску, подошел ко мне, внимательно рассмотрел мою работу и, узнав мою фамилию и с которого времени я начал заниматься лепкою, нашел во мне очень большие способности к художествам.

Узнав от меня о моем страстном желании учиться художествам, [он] спросил меня: "Скажите, как вы хотите учиться художеству – основательно, как художник, или как все ваши братья-дворянчики только для забавы?"

[*Тут я почувствовал настоящее призвание, и что в нем я могу по моему всегдашнему желанию быть обязанным только самому себе и отвергнуть всякие покровительства и протекции, и с этих пор я решился посвятить себя в художники.*] Я отвечал ему, что хочу знать и научиться художеству основательно и сделаться, если буду в силах, настоящим художником.

"Когда так, то оставьте теперешнее ваше занятие, а попросите у вице-президента (которым был тогда действительный статский советник Чикалевский[21]) билет на право посещать художественные академические классы и начните учиться с самого начала по принятому в Академии курсу".

На другой день я уже имел этот билет и в пять часов после обеда явился в рисовальный класс.

Натуры классы начинаются в пять часов и оканчиваются в семь часов – самое удобное для меня время по моим занятиям. И я всякий день в положенные часы из Семеновского полка, где мы жили[22], ходил в академические классы, не оставляя дома в свободное время от учебных занятий лепить из воску портреты с натуры.

После первого пробного рисунка с оригиналов[23] головы Аполлона я был помещен в рисовальный класс с оригиналов

цельных фигур, а через недели две или три перешел в гипсовый класс с бюстов. В этом классе учили академики, к тому определенные, по дежурствам на всю неделю[24]. Тут я познакомился с одним из лучших рисовальщиков натурного класса, получившего обе серебряные медали, – Орестом Адамовичем Кипренским[25], который, зная обычай академических профессоров и академиков приходящих учеников считать за что-то ничтожное, не заслуживающее никакого внимания, и никогда ничего не показывающих посторонним ученикам, пришел в гипсовый класс в первый день моего туда вступления, чтобы быть моим руководителем в этом трудном деле для начинающего – в первый раз рисовать с гипсовых голов. А с этого дня, видя мое необоримое желание учиться, приходил ко мне в класс каждый вечер и чрезвычайно деятельно толковал мне о лучшем способе рисовать с гипсов, так что не больше, что недель через шесть[26], я был переведен в класс [рисования] с гипсовых фигур. Орест Адамович и в этом классе не оставлял меня посещать и давать свои умные и так полезные наставления, и я собственно ему и его благоразумным советам обязан моими быстрыми успехами в гипсовом классе, которым так удивлялись.

Месяца через два, не более, я был переведен в натурный класс, в котором учили уже профессора по очередному дежурству на одну неделю, в которую дежурным профессором ставился натурщик совершенно в новую позу. Рисунок с натурщика должен был быть в неделю готов и представлен в субботу на екзамен, в котором назначались на рисунках нумера по достоинству рисунка. Имена учеников, выставляющих свои рисунки на екзамен, были скрыты от екзаменаторов. А каждую треть года ставится на натуру группа из двух натурщиков на две недели, за которые получившие первые нумера получают серебряные – сперва вторые медали, а потом первые[27]. Рисунки во всех классах Академии, покуда рисуются, не выпускаются из класса, чтобы ученики не могли за себя давать свои рисунки другим ученикам, лучше их рисующим.

Кипренский, продолжавший рисовать в натурном классе, подходил ко мне показывать и учить, как должно рисовать с натуры. А вначале так приходил раза по два и по три в течение двух часов, в которые длились классы, потому что господа профессора, дежурившие также по неделям и в натурном классе, еще с большим пренебрежением смотрели на посторонних, приходящих учиться художествам, и никогда не останавливались у них, чтобы сделать какое-нибудь замечание насчет их работ, а проходили мимо, не взглянув ни на их занятия, ни на них самих, как на что-то недостойное их внимания, а показывали только одним казенным ученикам, окроме

одного только профессора скульптуры господина Прокофьева, который во время своего дежурства не пропускал никого в классе, не смотря, в казенном ли он платье[28] или постороннем, и равно всем показывал и объяснял, что надо наблюдать при рисовке и лепке с натуры.

Это странное недоброжелательство господ профессоров к посторонним ученикам меня чрезвычайно удивляло и, не касаясь до личных достоинств каждого в художественных занятиях, сильно уменьшало во мне уважение к ним как учителям. На меня, первого из дворян, а к тому еще с титлом графа и в военном мундире, начавшего серьезно учиться художеству и ходить в академические классы, они смотрели с каким-то негодованием, как на лицо, оскорбляющее и унижающее их своею страстию к художеству, а особливо скульптор Мартос[29], который везде с насмешкой и пренебрежением говорил о моем желании, будучи графом и в военной службе, сделаться и художником, до чего, как он утверждал, никогда никакой дворянчик достичь не в состоянии. Я не смотрел на эти глупые суждения Мартоса [и] продолжал прилежно посещать натурные классы, не пропуская ни одного.

Освоясь уже с рисованием с натуры благодаря советам Ореста Адамовича, я стал размышлять, как бы мне увеличить время, положенное для рисованья с натуры, – двух часов в день казалось мне мало, – то, как для усовершенствования себя в механизме рисования с натуры, так и для изощрения памяти на изучение натуры в разных ее движениях, я придумал у себя дома заготовить папку и точно такую же бумагу, как у меня в натурном классе, чтобы, приходя из Академии, рисовать на ней на память натуру, поставленную в классе. И так продолжал рисовать всю неделю, что повторял при каждой новой позе натурщика, как и по третям при постановке групп. Позже я завел у себя большую деревянную доску, выкрашенную черной краской и вылакированную, на которой я рисовал мелом тоже наизусть в натуральную величину те модели, которые ставились в натурном классе. Этот изобретенный мною учиться способ принес мне много пользы, ускорял и [*много пособлял*] изучению натуры.

Я также много рисовал с гипсовых анатомий, [которые] существовали в академии. В продолжение моего учения в натурном классе я не раз получал нумера на моих рисунках, за которые казенные ученики получали серебряные медали, но как в статуте Академии на этот счет ничего не сказано о вольноприходящих учениках, то им их и не давали, почему не получал и я.

Для изучения женских форм и красот форм античных греческих статуй я ходил рисовать с них в античные галереи

Академии, собранные по повелению Екатерины Великой. [*Рисуя там,*] восхищаясь изящною красотою форм и позами этих превосходных произведений древности, я не мог не увлечься ими и, полюбя высокие произведения Греции, как в статуях и барильевах[30], так и во всех скульптурных того времени их произведениях, как[-то]: саркофагах, жертвенниках, вазах, чашах, канделябрах, лампах, мебели, колесницах и прочем, – с которых я также много рисовал и [которые] изучал.

Я полюбил и самую Грецию того времени, я стал читать и изучать все, что было писано об нравах, обычаях, образе жизни внешней и домашней этого знаменитого, с необыкновенно изящным вкусом, образованнейшего в то время народа, их храмах, публичных зданиях, их жилых домах, необыкновенно изящно украшаемых, как [и о] всей домашней утвари, прекрасных женских костюмах и их головных уборах. Мужские обыкновенные их одеяния так же изящны, как и военные, только гораздо проще в форме и изящности украшений, тогда как шлемы военных, их щиты, рукояти и ножны мечей украшаются богатыми [и] изящными рельефными работами, при необыкновенно грациозных формах, как [и у] их колесниц. Необыкновенной формы и искусно украшены даже самые последние утвари домашнего тогдашнего быта, как весы, безмены, молотки и даже гвозди. А о бронзовых и мраморных вазах, столах, треножниках, курительницах, жертвенниках и канделябрах, всякого рода лампах и тому подобном и говорить нечего – все в них превосходно хорошо. Музыкальные разнообразные инструменты тоже отличаются [*всегда*] красивыми [*формами*].

В это время из Петербурга перевели меня в гребной флот, стоящий в Роченсальме, и [я] получил приказание туда явиться[31]. Это меня очень встревожило, потому что лишало средств продолжать мои занятия и [потому] что в Роченсальме никого почти нет, кроме морских офицеров, а в то время все занятия их состояли в карточной игре, в беспрестанных попойках и в развратных забавах. Родители мои точно так же были встревожены этим переводом, как и я.

На другой день после получения приказания ехать в Роченсальм я просил графа Петра Александровича, который был тогда генерал-губернатором в Петербурге[32], у которого я в доме, по-прежнему, как [и] в Польше, принят был как сын, чтобы он попросил исправляющего должность морского министра вице-адмирала Чичагова[33], чтобы меня оставили в Петербурге. Он, зная о моих занятиях, на другой же день обещался говорить с Чичаговым и был уверен в исполнении его просьбы. Через день Петр Александрович велел мне явиться к Павлу Васильевичу Чичагову.

В первое [же] утро в 8 часов, когда министр принимает, я был у него. Он тогда жил на Васильевском острову по набережной, недалеко от Горного корпусу в собственном доме. Когда доложили ему о моем приходе, он велел мне войти в кабинет, где он расспросил меня о моем учении в корпусе и о моих занятиях по выходе в офицеры (что было сделано, как я видел, с намерением испытать меня и проверить то, что, как кажется, было ему хорошо известно из отчета корпуса, [где] обо мне было сказано корпусным начальством). Переговорив со мною, он отпустил меня, сказав: "Вы останетесь здесь". Совершенно счастливый, я не пошел, а полетел домой[34].

Обрадованный словами Чичагова, я спокойно занимался моим делом, несмотря на то, что три раза получил письменные приказания от начальника гребного флота и последнее, в котором сказано, что ежели я чрез 24 часа не отправлюсь на Котку[35], то завтрешний день буду туда отправлен с фельдъегарем[36]. Это приказание я получил сегодня и с этим приказом я тотчас поехал к Чичагову и получил от него в ответ: "Я вам сказал, что вы не поедете на Котку, отправляйтесь спокойно домой".

Приказы, отдаваемые по войску государем, были по вечерам приносимы брату фельдфебелем его роты [и] читались всегда батюшкою вслух. Каким неописанным удовольствием и радостью мы все были поражены, когда батюшка в сегодняшнем приказе прочел следующее: "1804 года 23 июня[37] гребного флота мичман граф Толстой назначается атютантом к вице-адмиралу Чичагову, исправляющему должность министра морских сил". Это было тем удивительнее, что при вступлении на трон Павла I-го все личные генеральские атютанты были вовсе уничтожены во всем русском войске, а оставались только атутанты при штабах и полках, и царские генерал- и флигель-атютанты, что не было отменено и при вступлении на престол Александра Павловича. Этим назначением меня атютантом к Чичагову я делаюсь первым и единственным генеральским атютантом во всем русском войске нашем с кончины Великой Екатерины.

[*В 1809 году добрая наша матушка скончалась*[38], *батюшка уехал в Москву к бабушке*[39], *а я с сестрою – к дядюшке Петру Александровичу*[40], *который тогда был петербургским военным губернатором*] и жил на Дворцовой набережной в казенном доме, бывшем прежде графа Остермана[41].

В доме графа Петра Александровича, бывшего в родстве и в самых тесных связях со всею знатью, я имел возможность узнать по наружности тех, которые составляли двор императора Александра Павловича. [Не буду] называть имен людей,

составляющих этот двор, – разумеется, что все из старинных знатных фамилий, – да и на что мне. Передавать же бумаге их портреты тоже ни к чему, во-первых, потому что между ними я ни одной замечательной физиономии не видал. Да и между ними нет ни одной фигуры, которая была [бы] достойна[42].

Что же касается до моральных качеств народа, составляющего эти массы [дворов], то они всегда всюду одинаковы, начиная с императорских дворов и до дворов германских владетельных князей, даже и таких, которые с надменностью выезжая шестеркою в карете из своих дворцов, передними уносными лошадьми стоят на границе другого владетеля. Разумеется, я не включаю в это число придворных государственных людей, отличающихся своими достоинством, и умом, и пользами, принесенными Отечеству – **где они есть**!

Эти дворы состоят обыкновенно из людей знатных фамилий, избранных не по достоинствам, а по прихоти властелинов или по проискам и интригам, без настоящего образования, ума и сердца, без познаний, необходимых каждому истинно просвещенному человеку, которыми бы повелителям должно бы было себя окружать, тогда как они всегда бывают окружены народом; с наружною только полировкою салонных воспитаний. Вся их наука и познания состоят в уменье искусно льстить, ловко подличать и хитро интриговать. Как себялюбивые эгоисты не любя друг друга, а при встречах дружески пожимая один другому руку, тут же стараются изобрести надежное средство, как бы хорошенько надуть приятеля и очернить его для своей выгоды перед их властелином, надувая и обманывая сообща самого властелина[43].

Петр Александрович жил открытым домом, и потому у него бывали окроме родных и близких приятелей за обедами и на вечерах и посторонние знакомые.

Почти ежедневными посетителями были две сестры Марьи Алексеевны[44] – фрельна София Алексеевна[45] и Лизавета Алексеевна[46] (Лизавета – миниатюрное, довольно интересное существо, от природы доброе, неглупое, но со всеми причудами и странностями всех наших знатных и богатых барышен высших кругов, а особливо приготовляемых ко двору, [вышла] за графа Остермана-Толстого[47]; а Софья – высокая, худощавая, очень дурная лицом, на котором в самых неприятных чертах выражаются душевные ее качества, – она очень капризна и зла. На ней женился меньшой брат из графов Сен-При, перешед из гвардии в камер-юнкеры[48]), Егор Алексеевич[49] и княжна Турхистанова[50], самая короткая приятельница обеих сестриц и любимица Марьи Алексеевны и ее мужа, [*не первой уже молодости,*] уже порядочно взрослая девушка,

очень умная, хитрая, ловкая, веселая и [*весьма*] занимательная в салонных беседах. Почтенный дядюшка, как мне казалось, очень за ней ухаживал, и она скоро, по его просьбе, была сделана фрельною большого двора. Также окроме тетушек[51] Марьи Алексеевны и других близких родных, как родная сестра Петра Александровича, [бывшая] замужем за генерал-майором Пашковым[52], весьма богатым и также глупым и без малейшего образования человеком, но, как говорят, хорошим конским заводчиком, [*фельдмаршал граф Николай Иванович Салтыков, вельможа екатерининского времени, воспитатель императора Павла I и дядя Петра Александровича бывал также у нас, но очень редко, как и супруга его, Наталия Владимировна, которую все при дворе боялись и которая умела приобрести право всех бранить за все, что было делано не по ней.*

Не говоря ничего о наружности всех родных и посещавших дом Петра Александровича, я не могу не передать карикатурную фигуру графа Николая Ивановича. Он был невысокого роста, очень сгорблен, худощав и с большим носом, в военном мундире [и] *ходил, всегда поддергивая штаны, как будто боялся, что они свалятся, что было очень смешно и карикатурно.*

Он был большой ханжа и носил на шее, кроме креста, множество маленьких финифтяных образков и имел во всех карманах своей одежды по нескольку небольших образов разных святых, даже в карманах штанов. Он, впрочем, был человек очень умный и играл большую роль в свое время].

Ездил к ним очень часто камергер князь Александр Николаевич Голицын[53], воспитанный при дворе и только для двора, от природы острого ума, с большою способностию передразнивать и говорить голосами других до того верно, что в другой комнате нельзя [было] не обмануться и не принять его за того, кого он передразнивает. В то время он был прокурором святейшего Синода и нередко подшучивал над черными и белыми клобуками, с которыми заседал, передразнивая и говоря их голосами.

Бывал часто, как домашний, знаменитый наш воин, князь Багратион[54] и граф Виткенштейн[55], которые были очень хорошо расположены ко мне.

[Бывал] граф Остерман-Толстой, очень неглупый человек, но чрезвычайно рассеянный, гордый, напыщенный знатностию и чрезвычайно жестокий со своими крепостными людьми.

Также [бывал] Михайло Алексеевич Обресков[56], об котором я уже говорил, описывая мое житье в Ошмянах, теперь уже генерал-маиор, но все [*такой же*], как был волонтером.

Только по своему родству, будучи неглуп и богат, сделался членом всех модных кругов, в чем и состоит вся его служба отечеству.

[Бывал] генерал Уваров[57], тоже член модных кругов, шеф Кавалергардского полку, порядочно глуп [*и необразован*], но не так, как Башудский, комендант нашей столицы[58], который кроме фрунтовой для парадов службы ничего не знает и [*ничему*] не учился.

Бы[ва]л также князь Менщиков[59], прославивший себя в модном свете своими остротами, каламбурами и язвительными насмешками над всеми.

Из эмигрантов, наехавших в Петербург из Парижа во время французской революции[60] при Екатерине II-ой и Павле I-м, бывших в это время в большой моде у нашей знати, а особливо у придворных дам, были очень хорошо приняты в доме Петра Александровича и бывали у нас часто маркиз Грамон[61], барон или граф Мастен, седой и очень недалекий умом старик, с своим [*молодым*] сыном, который [состоял] прапорщиком в Семеновском полку [*в роте*] у брата Александра Петровича[62], два брата графа Сен-При, также офицеры Семеновского полку[63], и еще несколько других эмигрантов, менее значительных.

Часто проводил у Марьи Алексеевны по целым утрам патер Грубер, [*бывший*] настоятель иезуитского монастыря в Полоцке, в котором находилась замечательная школа из 700 учеников, и попечению которого было поручено мое учение, [*а теперь – генерал иезуитского ордена, находится в Петербурге и живет в иезуитском доме, где школа при католической церкви на Невском проспекте*]. Она его очень любила, и он был очень уважаем в Петербурге. [*Полоцкий иезуитский монастырь со школою был переведен в Петербург при императоре Павле Петровиче и помещен в зданиях католической церкви.*]

Этот высокого ума и обширных познаний во всех науках человек, в которые входит математика, астрономия, физика, химия и все естественные познания, [*и был большим политиком*[64]], тем более замечательным, что, будучи иезуитом, он [*был*] прямого характеру, справедлив и добродушен.

При обширных занятиях его по своему сану и наукам, любя художества и будучи хорошим миниатюристом на [*слоновой*] кости, он находит время заниматься этим искусством.

Вышед из корпусу и узнав, что патер Грубер в Петербурге, я тотчас явился к нему. Он очень обрадовался, увидя меня, и с прежнею ласкою и радушием принял, пригласил меня ходить к нему как можно чаще и [заверил], что он с радостию будет мне помогать и давать свои советы по моим занятиям в науках

и художестве. И с этих пор я редко не был у него двух раз в неделю, что я и продолжал [делать] до самой его смерти. Его советам я много обязан в моих занятиях по образованию.

Окроме общих знакомых, посещали Петра Александровича шефы стоящих здесь полков – нонишние генералы, которых все познания ограничивались вытягиванием носков, ружейными приемами и полковыми учениями. Не могу понять, как могут производить генералами людей, которым в войне вверяются распоряжения войсками, без малейших познаний в науках, к тому необходимых. Мне случилось [*однажды*] быть при их собрании в кабинете Петра Александровича, где они рассматривали географические карты и разные планы, которых у Петра Александровича богатое собрание, причем зашла речь об определении расстояния[65] предметов на дальнем, недоступном расстоянии, а также и о размерении высоты гор. Причем никто из них, не исключая и дядюшки, не мог объяснить, как это делается. И когда при всей моей стыдливости [я] решился вступить в их разговор и объяснить некоторые правила геодезии, по которым составляются топографические карты, тогда Петр Александрович с большим удивлением, разделяемым и другими, спросил меня: "Да почему же ты это знаешь?" – "Потому что флотский офицер обязан знать все, что касается математики в полном ее объеме – как навигацию, астрономию и механику". Как мой ответ заставил господ в генеральских еполетах смотреть на молоденького мичмана другими глазами, как он был ими встречен, как простодушный вопрос Петра Александровича заставил [меня] в душе смеяться. Очень похоже было, что и самое название сказанных мною наук они слышат в первый раз[66].

После кончины матушки, последовавшей в 18... году[67], батюшка уехал в Москву, а меня с сестрою взяли к себе граф Петр Алексеевич[68] и Мария Алексеевна, который тогда был генерал-губернатором Петербурга[69] и жил на Дворцовой набережной в доме графа Остермана, откуда мне ходить в Академию было недалеко и очень удобно – по утрам в медалиорный класс, а вечером от 6-ти до 7-ми – в натурный класс, которого я ни разу не пропускаю, сочиняю и рисую третные рисунки, задаваемые казенным ученикам по исторической части и представляю их в Совет на екзамен. А у себя дома в свободные часы от занятий, посвященных на мое образование, я леплю из воску портреты, которые все находят очень похожими, сочиняю и леплю из воску и глины группы или полные барельефы, выбирая сюжеты из древней истории, греческой мифологии и преданий, так богатых интересными сюжетами гомерических веков Греции.

Вскоре после того как я стал ходить в медальорный класс Академии художеств, я познакомился с старшим учителем этого класса Леберехтом[70], человеком слишком далеким от умного, совершенно без всякого образования, просто ничему не учившимся евреем, приехавшим в Петербург в царствование императрицы Екатерины II-й для резания печатей на стали и крепких камнях, в чем был [он] очень искусен и хорошо знал техническую часть этих искусств, но в протчем, окроме резания на стали, камнях [и] искусства, привилегированного этому племени – [*способности*] к пронырству и искательству, – он [был] совершенный невежа [во всем], что касается до научных познаний и сведений, как и в изящных искусствах. Он не только что не умел рисовать, но и не знал, как надо начертать простой профильный глазок[71].

Леберехт, приехав сюда, вскоре сумел открыть себе дорогу к некоторым знатным и богатым господам для резания их печатей и угодил им, и был определен медальором на Монетный двор, где и стал резать штемпеля для медалей во вкусе весьма плохого времени медальорного искусства, остающегося почти и теперь в той же степени развития, как оно было в 17-м веке, по рисункам, доставляемым медальорам Монетного двора лицами, их заказывающими. В царствование Павла Петровича Леберехт был сделан главным медальором Монетного двора и учителем резьбы штемпелей на стали и резьбы на крепких камнях во вновь учрежденном медальорном классе в Академии художеств.

Несмотря на всю ничтожность Леберехта как художника, над которым в Академии все смеялись, знакомство его мне было очень полезно – не по его искусству резать по стали, – эту премудрость я приобрел в первую неделю моего посещения медальорного класса, а тем, что в его доме я встретил двух очень умных и ученых немцев – профессора нумизматики и члена Академии наук господина Круга и Адлунга[72], которым я с первого раза понравился и был очень обласкан, а особливо Кругом, который был так добр, что предложил мне свое руководство в нумизматике. Этот умный [и] добрый ученый, заметив во мне сильное стремление к приобретению познаний, познакомил меня с Паротом, Клапротом, Моргенштерном и Келлером[73], антикварием и археологом Эрмитажа, которых обширные познания чрезвычайно благодетельное имели влияние на мое образование. В их сообществе я выучился хорошо и немецкому языку, которого, вышед из корпуса, совсем не знал. Этому также много пособило и частое мое посещение немецкого театра, который я очень любил.

Первый немецкий театр в Петербурге был устроен господином Коцебу[74] в здании Академии художеств в царствование императора Павла Петровича и рушился в то же царствование, в 1800 или 1801 году, с отъездом Коцебу в чужие края, и был возобновлен в царствование Александра Павловича в одном из двух великолепных домов против Зимнего дворца антрепренером господином Мире[75].

Как представления этого театра, так еще более способствовало быстрому моему изучению немецкого языка мое знакомство с одною очень красивою, весьма умною молодою вдовою, баронессою Штейн, не знавшею ни слова по-русски, имевшею свою ложу противу генерал-губернаторской, которую дядюшка отдал мне.

С первой встречи наших взоров сердца наши поняли друг друга, поняли, что любовь уже связала их. А познакомясь с нею и войдя к ней в дом, не прошло и двух недель, как мы уже вполне принадлежали один другому. Мы были молоды – мне было двадцать три, а ей не более двадцати одного, а в любовных делах молодость действует быстро. Она жила в Большой Миллионной очень близко от нас, и я все свободное время от занятий для своего образования и занятий по художеству, которых никогда не оставлял как главную цель моего стремления, проводил у Штейнши, наслаждаясь полным блаженством взаимной страсти.

Сегодня умерла жившая в Большой Миллионной одна госпожа по фамилии Ааружи. Вчера она выехала из своей квартиры после обеда совсем здоровою, а в первом или во втором часу ночи была привезена в наемной карете и внесена в ее квартиру, и оставлена в первой комнате в совершенном бесчувствии в одной изодранной грязной рубашке. Эта женщина была в коротких связях с генералом Бауром[76], безнравственным подлым кутилою, фаворитом и другом великого князя Константина Павловича[77]. Его высочество, узнав об этой связи и увидев Ааружи, пожелал ее иметь. Услужливый подлец охотно уступил ему свою любовницу, но она, любя Баура, с гордостию отринула предложение любви Константина Павловича, и что он ни делал, она не поддавалась. Озлобленный презрением к его страсти, великий князь придумал ужаснейшее наказание для Ааружи. Он приказал своему любимцу вчера пригласить эту несчастную женщину к себе на квартиру, где было приготовлено с дюжину конногвардейских солдат, которым по ее приезде приказано было поочередно изнасиловать эту жертву неслыханного зверства, исполненного, как утверждают, в присутствии самого изобретателя наказания. В городе всюду громко говорят об этом происшествии, жестоко негодуют, а оно остается без наказания[78].

Страдая ужасно сильно от морской болезни при малейшей качке в морских походах, я никак не мог оставаться на этой службе и искал перейти в сухопутную конную службу. Командир Кавалергардского полка Уваров, знавший, как я езжу верхом, предложил мне перейти к нему в полк, на что я, разумеется, с большой радостию согласился. Вскоре Уваров об этом доложил государю, который изъявил свое на то согласие. Но [так] как существовало тогда постановление не переводить прямо из флотской службы в сухопутную, а только через год по выходе из оной, почему я и подал Чичагову просьбу об отставке. Он уговаривал меня остаться, говоря: "Смотрите, чтобы не обманули вас эти господа". Но я представил ему все причины, побуждающие меня оставить флотскую службу, [и] получил отставку с чином лейтенанта в 1804 году[79].

Павел Васильевич [Чичагов] очень умен и очень образован. Будучи прямого характера, он удивительно свободен и прост, как ни один из других министров в присутствии и разговорах с царем и царской фамилией. Зная свое преимущество по наукам, образованию, твердости и прямоте характера над знатными придворными льстецами, он обращается [с ними] с большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что он ненавидим почти всем придворным штатом и всею пустою и высокомерною знатью. Но государь и императрица Елизавета Алексеевна[80] его очень любят. С низшими себя, со своими подчиненными и просителями, которых всегда принимает без всякого различия чинов и звания, обращается весьма приветливо и выслушивает просьбы последних с большим терпением.

Получив отставку, я мог вполне [*посвятить*] все время моим занятиям, а особливо в художестве, к которому час от часу прилеплялся [все] более.

Выставляемые мною [*на академических выставках барельефы и группы из воску и глины*] в довольно большом виде и скульптурные работы были всегда одобряемы Советом[81], и говорили уже об них и в городе.

Спустя около восьми или девяти месяцев после [моей] отставки государь опять обедал у Петра Александровича. После обеда Марья Алексеевна показала его величеству собранные [*у нее*] разные мои из воску работы. Был призван и я. Когда я вошел, государь, любуясь и хваля мою работу, сказал мне: "Я обещал перевести вас в Кавалергардский полк, но [*так*] как у меня много кавалергардских офицеров, и я могу их нажаловать сколько захочу, а художников нет, то мне бы хотелось, чтобы вы при вашем таланте к художествам пошли по этой дороге".

После таких слов мне более ничего не оставалось, как отвечать так, что воля вашего величества будет исполнена.

Как мне всегда ни хотелось служить в коннице, [но] это предложение более всего согласовалось с моею привязанностью к художествам и с твердыми принятыми мною правилами быть по службе обязану только самому себе полученными наградами и повышениями, а отнюдь не с помощью протекции и покровительства, для чего я был слишком горд.

Года два с лишком после этого я все оставался никуды не определенным на службу и принужден был добывать себе для своих нужд скудную деньгу своими работами. Хорошо еще, что я имел квартиру в доме дяди, хоть и прескверную – в подвале, состоящую из двух очень небольших комнат и сеней, по случаю перемены генерал-губернаторского дома.

Небогатые люди, которых фортуна вздумает и сделает богачами посредством неожиданных наследств или свадеб на богатых, и к тому [же] еще и на знатных невестах, как Петр Александрович, скоро забывают прежнее свое положение. Взяв меня от моих рóдителей на свое попечение и воспитание, но не будучи ничему учен сам, он не имел понятия, в чем состоит воспитание мальчика по десятому году и что от этого зависит вся будущая судьба [*этого ребенка*]. Петр Александрович составил себе идею сделать из меня хорошего конного офицера, привез меня в Польшу, где стоял его полк, посадив на лошадь и поручив меня берейтору, полагал, что [он] уже все сделал для образования из меня хорошего конного офицера, и более обо мне и не думал. Ему не приходило на мысль, что одно уменье хорошо управлять конем не составляет еще хорошего конного офицера. После уже присоветовали ему отправить меня в иезуитскую школу в Полоцке.

Переехав уже офицером к Петру Александровичу, он не только что ни разу не заглянул, как я у него помещен, а поручил это своему дворецкому из крепостных людей, величайшему плуту.

Петр Александрович, к удивлению многих, назначенный посланником в Париж к Наполеону, на днях[82] уехал со своим атютантом графом Бенкендорфом[83], очень обыкновенным человеком, покровительствуемым императрицею Марией Федоровною[84] и графом Нессельроде[85], в качестве первого секретаря, как очень способный человек. Граф Петр Александрович хотел взять с собою и меня, но по случаю поспешности, с которою [он] должен был выехать из Петербурга, меня оставил, а хотел прислать за мною. Марья же Алексеевна уехала в Москву, взяв с собою и мою сестру. А я оставался еще в доме.

Приятельница моя, которую я очень любил, и которая также любила меня, по семейным обстоятельствам должна была возвратиться на родину с намерением опять вернуться в Петербург. Эта разлука меня очень огорчила, но я не покидаю моих занятий и утешаюсь перепискою с нею[86].

В это время Николай Николаевич Навасильцов[87], умный, образованный и честный человек, был уже присоединен к "триумвиратству", как называют составленный государем в помощь себе по управлению государством совет из самого царя и двух его, как он называл,"друзей" – князя Черторижского и графа Строганова, сына Александра Сергеевича Строганова, президента Академии художеств[88]. Этому почтенному любителю и знатоку изящных искусств я сделался известен по работам моим, представляемым на академические выставки, и был им любим.

На днях, то есть в прошлое воскресенье, в которые дни всегда обедают у Александра Сергеевича его родные и знакомые, Николай Николаевич [*Новосильцов*], узнав, что я более двух лет, оставленный без всякого содержания, не могу добиться у [*дяди*] Николая Александровича, обер-гофмаршала[89], чтобы он доложил обо мне государю, расспросил меня подробно обо всем, как со мною поступлено по выходе моем из флота, и [о] предложении мне государем сделаться художником. [*И на другой день*][90] я уже получил указ о моем определении при Ермитаже с жалованьем 1500 рублей ассигнациями[91].

Это дает мне возможность оставить мое помещение в доме Петра Александровича. [*На другой день я*] уже переезжал в наемную квартиру к Летнему саду в Пантелеймanскую[92] улицу.

Здесь у меня жил меньшой брат мой[93], служивший в английском флоте шесть лет. И во все время он был только три месяца на берегу и то в разные времена, а то все в море. Был во всех сражениях, в которых Англия вела войну с Америкой, Францией и Ишпанией[94] под начальством адмирала Сидней Смита[95]. В знаменитое Трафальгарское сражение[96] был на флагманском корабле [*под командою лорда Нельсона*] и получил от этого знаменитого адмирала чрезвычайно лестные аттестаты. Служба его в английском флоте по его возвращении сочтена была за службу в отечестве. [*Так*] как ему недоставало только одного месяца, чтобы получить Егорьевский крест[97] за 18-ть шестимесячных кампаний, а как ему очень хотелось получить этот [крест], то он и поехал в Ельсинфорс на транспорте, отвозившем туда провиант.

Вот [уже] несколько месяцев, как я не выхожу из дому, занимаясь моим образованием и художествами. В это время я имел

несчастие получить известие, что транспорт, на котором брат ушел в Ельсинфорс, возвращаясь оттуда, погиб, будучи мерзавцем лоцманом и глупостию капитана разбит о подводный камень в четырех или пяти верстах от берега в октябре месяце ввечеру при довольно крепком ветре. Капитан, бывший в эту минуту в каюте, не успел из нее выскочить и потонул первый, а брат, бывший наверху с командою, [в ту минуту], как транспорт пошел ко дну, успел взлезть на гафель[98], а команда – на мачты, торчащие из воды. Брат, стоя на гафеле по пояс в воде, посадил часть команды на гребные суда, бывшие на бакштове[99], [и] отправил их на берег под командою младшего офицера, который тоже спасся на мачте, чтобы он, отвезя на берег команду, приехал за остальными, а сам остался, следуя морскому уставу, что командир в гибели судна спасается последним, а он был после утонувшего капитана старшим. Два раза приходил мичман за командою и отвозил на берег, а пришед в последний раз, когда и брат должен был сесть в катер, он его не нашел. Брат, простояв по пояс в воде около десяти часов в октябрьский холод, как-то сорвался и потонул, и как его ни отыскивали, не могли найти, и брат погиб.

Тяжело терять родных и расставаться с ними навсегда, а еще тяжелее терять брата, с которым с детства рос вместе и с которым я был так дружен и который, судя по его ученью в корпусе, где он вышел первым в мичмана, и по аттестатам, которые он имел от капитанов кораблей, на которых он служил в англинском флоте, даже лично от самого Нельсона, подавал большие надежды быть самым полезным отечеству слугою.

Морское министерство назначило его с нашим двоюродным братом Докторовым[100], вышедшим из корпуса вместе с братом и бывшим также на англинской службе, начальниками двух фрегатов – "Кастора" и "Поллукса", строящихся в Адмиралтействе, чтобы быть посланными на три года кругом света для каких-то розысканий и открытий.

[Живя] на этой квартире, я получил два первые перстня за восковые работы, поднесенные императрицами Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной, а после я много их получал. Потом, когда прусский король был здесь, я получал и от него[101].

В зиму я ездил на несколько месяцев в Москву в отпуск к батюшке, жившему в доме у своей матушки[102]. В Москве я совершенно нигде не был, не видал ни благородного собрания, ни театра, ни Англинского клуба[103]. Из родных был я только у дядюшки, графа Федора Андреевича[104], отставного бригадира, вышедшего из гвардии капитаном во время царствования [*Екатерины*], что давало ему право ездить шестеркою в карете, никогда нигде не служа[105], потому что гвардейская

служба не могла назваться службою (которой и той он мало исполнял, потому что все почти жил в отпуску), [и] давно уже женатого на единственной дочери ужасно богатого купца, старовера Дурасова[106], которого нет уже в живых.

Не знаю, каков был отец, а дочь невероятно грязна, скупа, без малейшего образования и воспитания, в полном смысле безграмотная женщина, и не знает ни читать, ни писать, совершенно как простая женщина, но нельзя сказать, чтобы она была глупа. Почтенный мой крестный отец[107] тоже чрезвычайно скуп, а особливо когда дело идет о пособии бедному в крайности и выручке из совершенной гибели, а для себя во всем не скуп: на свои прихоти, сообразные с его **умом**, он тратит огромные суммы. У него дом наполнен между богатыми канделябрами, люстрами, фарфоровыми хорошими вазами, бронзовыми статуэтками и другими вещами, украшающими дом богатого человека, [а между ними] видишь еще более столько вздорных безделушек и вещиц, втертых ему в руки под видом древностей и редкости плутами иностранными аферистами, которым подобные господа – сущий клад, как и торгашам картин, которым они слабые копии продают за оригиналы за хорошую цену. Из тщеславия на обеды и балы [он] также не жалеет ничего, и они у него в Москве были лучшие. И жена не препятствует. Зато за вседневным ее обедом совершенно нечего есть. У ней в первый раз я увидел, чтоб за обедом вместо жаркого подавали жареные в масле соленые огурцы. Я не понимаю, с чего же она такая толстая?

У них одна только дочка, лет 10-ти или 11-ти[108]. При ней англичанка.

Федор Андреевич сказал в присутствии жены, что он мне, как своему крестнику, после себя оставит в наследство подмосковную свою деревню Ивановскую[109] и с заводами, какие там есть, и это он говорил и всем родным, и тетушка, [*жена*], не перечила ему[110].

Еще я бывал у двоюродного дяди, графа Степана Федоровича Толстого[111], но очень редко. Чаще всего бывал у двоюродных сестер Толстых[112], живших у своей бабушки, Майковой[113]. Тут я познакомился с самой короткой приятельницею Александры Ивановны[114] и родственницей ее Майковой, родной сестрой одного замечательного поэта екатерининских времен, очень умной и превосходного воспитания, замужем за Хлюстиным, очень богатым человеком[115]. Отец этих Хлюстиных [так] был умен, что умел разбогатеть и выйти, как говорится, в люди, то есть был статским советником из простых целовальников и жил в Москве роскошно, имел свой собственный очень хороший оркестр музыкантов.

Я очень тесно сошелся с Хлюстиной и почти каждый вечер проводил с нею у Александры Ивановны или у ее матери. По прошествии пяти месяцев, которые [я] пробыл в отпуску, воротясь в Петербург, мы по крайней мере два раза в неделю переписывались[116].

Живучи в Пантелеймановской улице[117] у Летнего саду, мне далеко было ходить в Академию, [и] я переехал на Васильевский остров против академической литейной, где мне, вопервых, было менее тратить времени на ходьбу в натурный класс, иметь живые модели и другие необходимые пособия для сочиняемых мною восковых и глиняных барельефов, которые я выставлял на академических выставках.

Я был первый, который стал лепить из воску большие и многолюдные барельефы из древней истории и старинной русской, употребляя самые верные костюмы, что мне очень удобно, изучив хорошо эту часть и имея большое собрание [рисунков] костюмов древних народов всех стран, как и средних веков, и описание их образа жизни и утвари в разные века.

Боже мой, сколько мне надо еще учиться, чтобы сделаться хорошо образованным человеком и художником, но Бог даст, что терпение и прилежание мне в этом пособят.

Окроме нужных мне для образования положительных наук, любя русскую литературу, я прилежно изучал наших русских поэтов и писателей времен Екатерины II и нонишних. С иными я лично знаком, с другими встречаюсь в литературных обществах, где [мы] вместе [состоим] членами[118], или в домах, где в известные дни недели по вечерам собираются литераторы, и известные в Петербурге своим образованием, учеными занятиями в разных родах талантливые художники и музыканты, как, [например], в доме Алексея Николаевича Оленина[119], известного своим образованием, любовию к искусствам и знатока в них, в доме Блудова[120], тоже очень образованного, умного, прекрасного человека, очень хорошо знающего русский язык и замечательного литератора, и в доме Муравьевой[121], также и в доме Петра Андреевича Кикина, статс-секретаря и докладчика писем, подаваемых на имя его величества, чрезвычайно доброго и прекрасного человека и большого любителя искусств[122].

Он нониче учредил Общество поощрения художеств, в чем участвовал и я по приглашению Петра Андреевича. Когда Общество было утверждено государем, председателем единогласно избран Петр Андреевич, секретарем общества избран Григорович, конференц-секретарь Академии художеств[123], казначеем – [*инженер-полковник*] Андрей Петрович

Сапожников[124]. Делами Общества заведывает комитет из 8-ми членов, выбираемых из членов на три года, а Бутурлин[125] и я – мы назначены постоянными членами комитета.

Гораздо прежде этого Петр Андреевич, часто посещавший меня и потому знавший хорошо затруднительное положение женатому [жить] на 1.500 рублей ассигнациями, выпросил у государя мне 3.000 пенсиону тоже бумажками[126].

В 1811-м году президент нашей Академии граф Строганов [скончался], а на место его [*поступил президент Академии Алексей Николаевич Оленин. При всем его образовании и познаниях и любви к искусствам и* [при том, что он] *пользовался полным авторитетом, так что каждое его мнение и слово было законом в высших кругах общества, он своим управлением сделал менее пользы, чем вреда, по его самонадеянности в своих познаниях и непогрешимости его идей.*]

[*В недавнее время явился здесь молодой художник, приехавший из Польши, господин Орловский*[127]*, бойко рисовавший карикатуры и так хорошо умевший передавать портреты, что тотчас же узнавались лица тех, кого он представлял в карикатуре, и* [до] *крайности смешно. Бойко рисовал* [он также] *казаков, башкир и лошадей, и только казацких, им хорошо изученных. Он имел много способностей, но никакого учения не имел, а об анатомии человека и понятия не знал, и голые фигуры никак нарисовать не мог, и вообще по художествам не имел никакого познания, но был очень неглуп и ловок в обществе.*

Вследствие своих односторонних способностей по художеству, уму и ловкости [он] *скоро вошел в моду между молодыми военными. Как ему ни хотелось, но Совет Академии не давал ему звания академика. Я его также очень любил и сожалел, что он не будет сурьезным художником.*]

[В] 1809 году я был избран в почетные члены Академии художеств, 25-ти лет, в чине отставного флота лейтенанта, за выставляемые мною на академических выставках мои работы. Тогда как [не было] ни одного из почетных членов Академии художеств, которому не было бы за пятьдесят лет и [который] не был бы в больших чинах, [*потому что в это звание выбирали из знатных людей, приносящих пользу художеству, тем страннее* [было] *мое избрание в почетные члены.*]

Большая часть старых академических профессоров молодых художников не жалуют и, преимущественно, как я выше уже сказал, вольноприходящих в Академию. [*Военный*] чин мой также заставил [*их*] много говорить, – а Мартоса более других, – как мог президент предложить флотского лейтенанта в почетные члены, а не в академики.

Вскоре по избрании моем в почетные члены Академии художеств я женился, с позволения батюшки, на бедной, благородной и очень доброй девушке по фамилии Дудиной, хорошо образованной и очень любящей русскую литературу[128].

Женясь, я переехал жить в дом матери моей жены[129], которой тяжело было расстаться с ее матушкой, для чего я и нанял половину небольшого деревянного дома, которая отдавалась моею тещею внаймы (на Васильевском острову, в 14-й линии)[130], и завел у себя по воскресеньям дни, в которые по вечерам собирается у меня очень небольшое число приятелей, но зато очень умных, истинно образованных (а не таких, как вся наша молодая аристократия, воспитанная только для салонных паркетов и салонной болтовни), любящих свое отечество, беспрестанно занимающихся науками, чтобы быть ему полезными. В числе этих постоянных наших посетителей большею частью – молодые литераторы и поэты[131].

Из близких моих родных бывал у меня еще двоюродный брат, которого я очень любил, и он меня, когда жил с родителями, несмотря на то, что мы совершенно разных характеров, – я тихого нраву, люблю занятия, а он – с очень умною, но ужасною головою, первый статейный повеса и дуэлист, почти не выходит из-под ареста. А со всем этим – как это соединить? – он чрезвычайно добр, готов отдать последнюю копейку бедному, честен – не обманет, не солжет, а тут же обыграет вас до нитки в карты – сколько у него было из-за карт дуэлей! Но его [сейчас] здесь нет[132].

Остальные же родные вооружены против меня, а особливо пожилые, за то, что я избрал для моего служения отечеству неблагородную **дорогу художника**, в чем меня многие из знатных фамилий тоже обвиняют, говоря, что я этим поступком бесчещу мою фамилию. Вот суждения высшего круга! А особливо когда я еще до женитьбы моей отказался принять звание камер-юнкера[133], которое мне предлагал брат Петра Александровича, обер-гофмаршал царского двора[134], по весьма основательным причинам. Во-первых, для занятия этого звания надо иметь очень порядочное состояние, а у меня нет никакого. Во-вторых, оно заставило бы меня нести пустую придворную полулакейскую должность на парадных придворных выходах, официальных обедах и балах, к чему я ни по душе, ни по рассудку не родился. Да и эта обязанность отнимала бы у меня большую часть времени, посвященного мною на свое образование и на изучение художеств, которым я определил себя на службу и которых ни за что не оставлю, и всего менее за золотошитую богатую придворную ливрею камер-юнкеров.

А главная причина моего отказа от предложенного мне звания есть та, что, [как] я полагаю, всякой честный благородных чувств человек должен добиваться чинов и наград своим собственным трудом, а не получать их протекциею случайных господ, которые нередко по своим прихотям или по просьбам друзей и приятельниц покровительствуют и пролагают дорогу к возвышению и наградам ничтожным, ни к чему не способным людям. И сколько у нас таких выскочек [по] протекции, занимающих и очень значительные места, в которых требуется, окроме основательного знания дела, им порученного, правдивого исполнения своей обязанности, неутомимой деятельности, как на всякой службе отечеству, еще и тонкая прозорливость ума, далеко не отличающихся ни в том, ни в другом! Сколько у нас было и есть губернаторов, вовсе не приготовленных ни наукою, ни опытностию к этим важным в государстве должностям, от которых зависит благосостояние стольких мильонов людей, а особливо из военных, которые, воспитываясь в военных заведениях и проведя в молодости время в занятиях по фрунтовой службе, не изучали и не могли изучать наук, необходимых для гражданской службы, и приобресть должных сведений и рутины. А многие удивляются, что в России внутренние дела [идут] плохо. Сколько у нас теперь военных генералов губернаторами! У нас, как видно, вполне убеждены не только определяющие, но и сами определенные, что с получением еполет с толстой бахромою приобретаются всевозможные знания и способности, и отважно принимают на себя управление должностями, к которым никогда не готовились и не знают. А казалось бы, честь запрещает принимать обязанность, с которой вовсе не знакомы. Надо ждать, придет же когда-нибудь время и для России, когда в ней будут служить верою и правдою на пользу дорогого отечества – не по чинам и по протекциям, а по личным способностям и знаниям дела, для которого поставлены.

Обвинения на меня сыплются отовсюду. Не только что почти все наши родные (окроме моих родителей), но даже и большая часть посторонних нам господ вооружилась против меня за то, что я первый из дворянской фамилии, имеющей самые короткие связи с многими вельможами, могущими мне доставить хорошую протекцию, и имея титул графа, избрал для своей деятельности дорогу художников. И везде говорят, что я, унизив себя до такой степени, наношу бесчестие не только своей фамилии, но и всему дворянскому сословию.

А из родных нашелся и такой, с позолоченным ключом назади[135], глупо промотавший два огромных имения, который написал в Москву к батюшке, что я, вероятно, сошел с ума –

отказался от камер-юнкерского звания, оставил всех родных и дома хороших знакомых, связался с какими-то немецкими и русскими профессорами и провожу с ними все время.

Жалкие пустые люди не понимают пользы, которую я от их сообщества приобретаю для моего образования, которого ищу достигнуть.

В удостоверение моего сумасшествия этот, ничему не учившийся чванливый пустой человек написал батюшке, что я хожу везде в детской суконной горохового цвету курточке, в белых канифасных[136] шароварчиках и в башмаках, без галстука, с отложным воротником от сорочки, с распущенными кругом головы длинными в локонах волосами.

В этом описании правда только в том, что я точно не одеваюсь по существующей теперь смешной карикатурной и неуклюжей неловкой моде, не только совершенно скрывающей фигуру человека, но и обезображивающей его до крайности, [а ношу] назначенный ею для обыкновенного домашнего и летом выхода на улицу и гулянья костюма; не ряжусь в длиннополый до каблуков сюртук[137] с высоким отложным воротником, в узкие в обтяжку панталоны, входящие в сапоги до половины икры, с гусарскою вырезкою и кисточкою напереди; не навертываю себе на шею несколько косынок, чтоб составить широкий и высокий галстук, который бы скрыл всю нижнюю часть моего лица чуть не до верхней губы; не трачу время на завязывание и расправление по моде, в виде розана, большого банта этого галстука; не стригу также себе затылка и висков под гребенку, оставляя на голове над лбом густой довольно высокий клок волос, называемый ["à la kok"[138]], который должно взбивать и причесывать в кольцы, на что требуется еще несравненно более времени, чем на бант галстука, а составил себе костюм гораздо проще, легче, покойнее и несравненно удобнее по моим занятиям, состоящий в коротком, по колени, однобортном сертуке с низеньким отложным воротником, сшитом гладко по моей талии, летом – светло-горохового сукна, [и] в широких длинных белых канифасных брюках и однобортном жилете, в чулках и башмаках, повязываю себе на шею небольшой кисейный платок, связанный напереди простым узлом, из которого выставляю воротник сорочки. Волосы у меня, от природы вьющиеся кудрями, не стригутся по моде, а свободно висят с головы кругом локонами до самых плеч, с одного боку разобранные. Зимою я хожу точно в том же костюме, только серого сукна.

Он писал также к батюшке, что я [не только] хожу в описанном им по-своему моем костюме по улицам, но и хожу в нем ко всем в гости, и что он видел меня летом на даче так

одетым, сидящим с президентом Академии художеств, графом Александром Сергеевичем Строгановым [*на его даче*].

Это правда, что летом, живучи на даче в Карповке, я часто бывал в моем вседневном костюме у нашего президента, который меня очень любил, ласкал и требовал, чтобы я приходил к нему как можно чаще, не замечая, как я одет, – по моде или нет. Но сущая ложь, чтоб я ходил всюду в гости в моем вседневном костюме, потому что, вышед из флота в отставку с мундиром, я в нем и ходил по гостям.

Письмо почтенного дядюшки так встревожило батюшку, что он тот же час собрался ехать в Петербург, но был остановлен приехавшим в Москву князем Егором Алексеевичем Голицыным, с которым здесь я всякий день видаюсь. Он успокоил батюшку как насчет моего костюма, так и всех моих поступков, убедив его, что все умные благомыслящие люди не только не порицают моих действий, но, напротив, чрезвычайно хвалят, и с презрением относятся о тех, которые смеются надо мною, что я, будучи с лишком двадцати лет, продолжаю учиться, как школьник.

После моей свадьбы через положенное природою время родилась у нас вчера дочь[139]. О небесной радости, которою мы с женою были исполнены при первом взгляде на нашего ребенка, говорить невозможно. Подобные чувства не могут быть переданы ни словами, ни пером, их можно только чувствовать, ими наслаждаться, но никогда – постигнуть через передачу их посредством письма и рассказов. Языка чувств, души и сердца мы не имеем, а язык же ума, которым мы владеем, слишком [для того] недостаточен, в лексиконе его нет слов, которые могли бы передавать в полной силе, как чувствуется душой и сердцем.

Служба в Монетном департаменте

В 1810 году я определен был по высочайшему повелению в Монетный департамент по медальерной части, во время управления Министерством финансов графом Гурьевым[140], который очень скоро по вступлении в министры показал России свои обширные сведения по финансовой части, доведя серебряный рубль в 4-е рубля меди ассигнациями[141]. Если он и во всех своих операциях как министр финансов не пользуется ни малейшим уважением, зато по кухмистерской части он достиг неувядаемой славы изобретением великолепной грешневой каши на мозгах из говяжьих костей, об которой не только во всем Петербурге и Москве известно, но и в са-

мых отдаленных краях России. А любящие покушать господа утверждают, что эта каша есть важнейшее изобретение нашего века.

Граф Гурьев, как говорят, сделался министром финансов за введение в счетные шнуровые книги Кабинета его величества, которого он был директором, различных цветов линеек – голубых, красных, синих, зеленых, розовых, малиновых. Насколько эти стольких красивых цветов линейки облегчают счетоводство шнуровых книг, знают бухгалтеры, но с наружного виду эти книги сделались гораздо красивее, а как у нас чрезвычайно высоко ценится наружность, то Гурьев по представлении этих книг был пожалован графом.

Спустя очень короткое время после моего определения в Монетный департамент министерство финансов нашло необходимым заменить существующую теперь медную разменную монету новою[142]. Утвержденный государем проект новой системы медной разменной монеты был немедленно публикован с назначением времени размена этих монет.

Господину министру не пришло в голову заранее, до докладу его величеству, осведомиться, может ли Екатеринбургский монетный двор, где всегда чеканится мелкая медная монета, к назначенному времени размена старой монеты [на] новую заготовить такое количество ее, чтоб не задерживать размена. А теперь, когда уже объявлено о введении в России новой мелкой медной монеты, оказывается, что Екатеринбургский монетный двор в теперешнем его составе никак не в состоянии к назначенному времени изготовить полное количество новой медной монеты, необходимое для размена. Почему министр для поправления этой важной ошибки, могущей поставить в самое затруднительное положение размен старой монеты на новую, и чтобы ускорить заготовку новой, приказал резчикам передела золотой и серебряной монеты[143], заготовляющейся здесь на Монетном дворе, оставя на время свое дело, заняться приготовлением матошников и штемпелей для грошей[144].

Но как этого пособия оказывается недостаточно, то мы, медальеры, не имеющие никаких сношений с монетными переделами, видя затруднительное положение Монетного двора, предложили и свои труды на резьбу матошников и штемпелей для грошей. И поэтому я нониче с семи часов утра до восьми часов вечера с другими медальерами провожу время в крепости, где находится Монетный двор, за резьбою матошников и штемпелей, которых каждый из нас в день приготовляет по восьми штук. Благодаря благоразумным распоряжениям министра с переменою медной монеты, которому не

было времени думать об этой финансовой операции, будучи озабочен потреблением знаменитой его каши со своими вельможными приятелями, производство заказанной мне Виленским университетом медали в честь графа Чатского[145], попечителя этого университета, не может быть мною начато прежде полутора месяцев, к которому времени работа моя в крепости должна, наверное, кончиться.

Когда я вступил на службу в Монетный департамент, я застал, что резьба штемпелей для отбивки медалей в металле производится таким способом, как за сотни лет [до того делалось] медальерами без малейшего художественного образования, по рисункам, по большей части, весьма плохо сочиненным и нарисованным, присылаемым в Монетный департамент для изготовления штемпелей медалей от разных правительственных мест, учреждений и заведений, для раздачи медалей в награду отличающимся по наукам и мастерствам или в почет и память полезных изобретений, открытий и вообще действий, долженствующих быть переданными позднейшему потомству.

Все медали, произведенные у нас с тех пор, как они появились в России до начала царствования Александра Павловича, несут на себе отпечаток самого дурного стиля и вкуса, существовавшего во Франции и всей Европе во время Людвига XIV и его преемников. Во Франции продолжались медали так до первой французской революции, во время консульства[146] которой в Париже впервые появились медали, хорошо сочиненные и художественно исполненные, с основательным знанием археологии, вычеканенные на победы, одержанные Бонапартом в Египте[147]. Они составлены и исполнены были особою комиссиею, тогда существовавшею для сего в Париже, – комиссиею под начальством господина Денона, генерал-инспектора Парижского музеума[148]. Тогда как у нас до этих пор сочиняются и приводятся на прежний лад с тем же самым понятием о художестве и совершенным неумением рисовать.

Все медали, выбитые до царствования Александра Павловича на Монетном дворе, как на разные случаи, так и в честь вельмож и военачальников, приносивших пользу и славу отечеству, также и отличившихся ученых, сановников, учредивших корпуса, училища благородных девиц при Смольном монастыре и другие подобные заведения, исполнены старинными медальерами с самым плохим понятием об изящных искусствах, не зная даже правильности форм ни человека, ни животных, а еще менее того – архитектуры и перспективы, не исключая и штемпелей, резанных главным медальером Лебе-

рехтом. Все эти медали вкуса времен Людовика XIV-го наполнены бестолковыми аллегориями из мифологических богов в карикатурных фантастических костюмах, каких наряжали в то время в театрах, зверями, птицами, породы которых не разберешь, уродливыми пирамидами с вензелями, портретами, на них висящими, увенчанными гирляндами из цветов, лавров и дубовых листьев, также уродливыми, ни на что не похожими храмиками, [так] же украшенными гирляндами, пылающими жертвенниками, колоннами и тому подобными. И все это изображено без всякого вкусу, неверно с натурою и без всякого понятия о художестве. И между всеми этими аллегориями из мифологических богов, людей, животных, зданий и разных вещей, без всякого толку и вкусу на медалях наставленных, во всех медалях по земле и воздуху по всем направлениям снуют по нескольку преуродливых купидончиков, одни – с гирляндами, другие – с венками, факелами, стрелами и даже с пылающими сердцами, [*с вензелями и портретами*] в руках.

Это смешное [и] жалкое положение медальерного искусства у нас на монетном дворе, вне всяких правил, требуемых теперешнею ступенью художественного образования, должно быть изменено.

Пройдя полный курс художника по скульптуре и рисованию и наук, необходимых каждому художнику, преподаваемых Академиею художеств, окроме этих наук я старался обогащать себя всеми науками, имеющими тесную связь с художеством. Теперь, сделавшись по воле государя медальером, окроме художественной части этого искусства, приобретенной мною, я изучил и грубую техническую часть, принадлежащую к медальерному художеству, как-то: ковку и закалку штемпелей, делание пунсонов[149], а также и всю операцию выбивания медалей из металла в исполненные медальерами штемпеля. Эти чисто механические производства не принадлежат к занятиям медальеров, и на Монетном дворе для каждого из этих занятий есть особые мастера. Но я считаю, что медальер должен знать, как делается все, что необходимо, чтобы произвесть отбитую в металле медаль.

Я составил себе план, которому намерен держаться на поприще медальерного искусства. Во-первых, я не буду резать штемпеля для медалей иначе, как по рисункам, собственно мною чиненным, и [по] моделям, мною же вылепленным из воску, по доставленным мне письменным сведениям, на какой случай или в память чего должна быть произведена заказанная мне медаль. Всякая медаль должна быть сочинена и вылеплена ей модель из воску так, чтоб всякой смотрящий на

готовую медаль мог, не прибегая к надписи, узнать, на какой случай она выбита.

Медали, которые будут мне доверять сочинять и резать штемпеля для отбивания их в металле, я буду производить в античном греческом вкусе, как лучшем в изящных искусствах. Если изображаемое медалью в память грядущим векам на какой бы то ни было предмет событие или действие по своему сюжету должно быть изображено группою людей, то она должна быть сочинена и вылеплена ей из воску модель, и вырезан штемпель с строгим исполнением красоты и верности с натурою, требуемых изящным искусством, строго соблюдая верность обычаев, костюмов, местности и страны в то время, когда совершилось событие, долженствующее быть изображенным в медали. В группах, где не препятствует этому сюжет медали, можно помещать и голые фигуры, как лучшее украшение в изящных искусствах.

Как людские группы и одиночные фигуры во всех аттитюдах и позах, так [и] аллегорические изображения и все, что представляется в медалях, должно быть помещено на фоне медалей на самой средине и представлять вообще треугольную форму, соблюдая, чтобы как можно менее оставалось пустого фона, излишество которого очень вредит красоте медали. Само собой разумеется, что для избежания этого ни под каким видом не должно наполнять медали посторонними вещами, не относящимися к объяснению, на какой случай производится эта медаль[150].

Если встретится надобность помещать в медалях диких и домашних зверей, птиц и пресмыкающихся и всякого роду животных, то они должны быть изображаемы совершенно верно с натурою, и все их движения и действия [должны быть] представляемы совершенно верно с породою и наклонностями изображаемого животного, почему художник-медальер необходимо должен быть хорошо знаком с зоологией.

Костюмы представляемых на медалях фигур, согласно представляемому ими званию, должны быть изображаемы археологически верно по времени и стране, в которой происходило действие. А как нередко встречается представлять на медалях различные здания, то необходимо [*должно медальеру*] хорошо знать основные правила архитектуры и очень хорошо перспективу, чтобы верно их изображать на медалях. Все здания и вообще все, что передается в медалях, должно быть исполнено изящно и строго верно с натурою[151].

Приняв должность медальера Монетного двора, я не оставляю деятельно заниматься вообще моим образованием. Окроме домашнего занятия и чтения, для этой цели я слушаю

все публичные лекции – [по] статистике, политической экономии, читанной профессором Германом, истории, физике, химии и вообще всему, что читается по естественным наукам. Лекции зоологии, читаемые ежегодно [*профессором*] Куторгой[152] в университете, я слушаю два года сряду.

Я стараюсь пользоваться всеми средствами, которые могут быть полезны для моего образования, не пропускаю ни одного собрания литературных обществ, здесь находящихся, в которых я почти во всех [являюсь] членом.

[Я] был весьма хорошо принят – и на короткую ногу – в доме Алексея Николаевича Оленина, бывшего тогда государственным секретарем в Государственном совете, человека весьма образованного, чрезвычайно начитанного и большого любителя наук, художеств и искусств. В назначенные дни недели у него собиралось все, что есть в Петербурге хорошо образованного, отличающегося своими дарованиями, умом и познаниями. Подобные дома могут считаться хорошими школами для молодых людей, ищущих просвещения. В это время слова Оленина считались неоспоримым авторитетом в столице.

У Оленина я познакомился и очень хорошо сошелся с Гнедичем[153], Крыловым[154], Жуковским[155] и Плетневым[156], а также и с Пушкиным[157], и с Гречем[158], издававшим журнал "Северная пчела"[159], умным молодым человеком, но большим болтуном, и с Александром Бестужевым[160], умным молодым офицером, отличавшимся тогда своими повестями, и [с] братом его, Николаем Бестужевым, тоже очень умным и хорошо образованным морским лейтенантом Балтийского флота[161], [с] Булгариным, поляком, выпущенным из кадетского корпуса в царствование Павла I-го в уланы, а теперь в отставке и пишет плохие романы, хотя совсем неглуп[162].

Вскоре после моего с ним знакомства я узнал, что он – в высшей степени мерзавец и подлец и большой трус, изменил нам, [*убежав из России в Польшу,*] и потом, попав простым солдатом в один уланский полк французской армии, он бежал от них [*обратно*] в Россию, что было до войны с французами седьмого года[163]. И Пушкин в одних своих стихах сказал про него:

Подлец, двойной присягою играя,
В двойную цель попал:
Он Польшу спас от негодяя
И братством русских запятнал[164].

Почему впоследствии я с ним совсем не сходился[165].

Я был также очень хорошо принят Дмитрием Александровичем Блудовым[166], предобрым, весьма умным и высокообра-

зованным человеком, любящим и занимающимся русскою литературою, и супругою его, чрезвычайно доброю женщиной, также очень ласково меня принимавшей[167]. У них в доме также собирались в назначенные дни наши литераторы, поэты и отлично образованные люди, как и в доме Муравьевой, которой дети – офицеры Гвардейского штаба, отличаются и умом и образованностию, и с которыми я очень хорошо знаком[168].

У Алексея Николаевича Оленина, любящего театр, как [и] все искусства, разыгрывались иногда некоторые сцены из русских пиес артистами нашей театральной труппы. Между прочим, раз наша первоклассная трагическая актриса госпожа Семенова-старшая[169] в одной довольно большой сцене, представленной в доме у Алексея Николаевича (не знаю, взятой ли из какой-нибудь пиесы или составленной нарочно для сего которым-нибудь из наших литераторов), играла роль веселой, хитрой, весьма забавной субретки, подшучивающей и выводящей из терпения сурьезную трагическую личность, которую представлял господин Сосницкий[170]. Сцена эта была исполнена превосходно хорошо и совершенно верно, хотя представлена была артистами [*совершенно*] противуположных амплуа тем ролям, которые они представляют на сценах театра[171].

Этою сценою оправдывается мое убеждение, что человек, по природе рожденный с истинным полным талантом в котором бы то ни было из трех искусств – сценическом, художественном или музыкальном, – будучи умным, вполне образованным и обученным в том искусстве, на которое судьба его обрекла, может с одинаковым успехом действовать во всех отраслях того искусства. Что госпожа Семенова, высокая трагическая актриса, доказала, представив так восхитительно шутливую, веселую и хитрую субретку в описанной мною выше [пьесе], разыгранной в доме Оленина.

А господин Ольрич[172], в бытность свою в Петербурге обворОживший как трагик дивным своим талантом всех истинных знатоков и любителей сценического искусства, также доказал справедливость моего мнения, разыгрывая так превосходно в трагедиях великого Шекспира короля Лира, Отелло и жида [*Шейлока*], в одной шутливой пиесе сыграл неподражаемо хорошо самую комическую и главную роль, на которой держится вся пиеса, где он представлял простого, но смышленого, забавного, любящего подгулять негра, служащего работником на ферме одного достаточного семейного американца.

Между прочим, в одной сцене, жестоко кряхтя под тяжестию огромной корзины на его спине, которую, внеся в дом

фермера и поставив в конце комнаты на скамейку, он подходит к авансцене, с удовольствием выпрямляя свою спину, освобожденную от тяжести и вытягивая руки. Нечаянно оборотясь к своей ноше, [он] видит вылезшего из корзины молодого красивого мужчину, в мгновение исчезнувшего внутри комнат, [и] сначала поражается удивлением. Потом, смекнув в чем дело, начинает хохотать от всей души так искренно и верно, что не возможно было зрителям не разделять с ним этого смеха. А получив за свой труд порядочную флягу водки, до которой негры большие охотники, выражает самым смешным образом свое удовольствие: любуясь своею флягою, из которой потягивал водку, постепенно, по мере [действия] винных паров, скопляющихся в его голове, он развеселяется. А когда хмель вполне овладел им, он предался полному восторгу радости, сбросил с себя на пол свою куртку, но не покидая фляги, начал петь и плясать уморительно смешно танцы своего племени, прерывая и то и другое то сильным без причины смехом, то чтоб насладиться глотком водки, что повторяя, доходит до того, что ноги развеселившегося негра отказывают служить ему, и он, полупадая, садится на пол.

Это постепенное охмеление – от радостной улыбки, произведенной первыми хлебками водки, до полного опьянения, – исполнено Ольричем превосходно – верно и до крайности смешно, но без всякой натяжки и пошлых фарсов. Напротив того, все его движения, производившие такой сильных смех в зрителях неловкостию опьяневшего негра, были деликатны, даже грациозны.

Когда он сидел в дремоте на полу [и] из внутренних комнат потребовали его [*прийти туда*] со свечою, как он преуморительно доставал свою куртку и, добыв ее, он с нею возился, отыскивая рукавов и, ощупав один, не мог долго попасть в него рукою, и наконец, кой-как вздернув его на правую руку, и, не отыскивая другого рукава, остолбенелый, не знал, что ему делать с его левою рукою. Но после многих ворочаний своей куртки, одно смешнее другого, нечаянно попадает и другою рукою в рукав и, обрадованный этим, вздергивает его на плечо не так, как следует – сверху куртки и как на правой руке, а снизу вверх. Но он этого не замечал, и когда из внутренних комнат раздался с угрозою вторичный призыв, спешил вставать, опираясь о стену, а ноги его не слушались, и не раз, когда случалось ему, опираясь о стену, вставать на ноги, и он, чтоб идти, отделял руки от стены, ноги не выдерживали качания торса опьянелого негра, скользя по полу, раздвигались в разные стороны, и он падал на пол самым смешным образом. А напоследок, поднявшись на ноги и не-

сколько укрепясь на них, пошел отыскивать шандал со свечою. Найдя его, желая взять, роняет, но подхватывает другой рукою наоборот и, не замечая этого, сует сначала шандалом в огонь лампы, висящей на стене. Поняв свою ошибку, со смехом над собою переворачивает шандал, но никак не может зажечь свечи и оканчивает тем, что гасит и лампу и, испуганный этим, выпуча глаза, разинув рот и растопырив руки и ноги, стоит в изумлении, как окаменелый.

Вся эта сцена, как вся пиеса, была исполнена господином Ольричем с необыкновенным умом, ловкостию, верностию и [так] комично, что нельзя было не хохотать без слез.

И [*во всех*] изящных искусствах [человек], точно так же одаренный от природы истинным талантом в душе, при сказанных выше условиях насчет образования наук, может быть совершенно одинаково замечательным художником по скульптуре, и живописи, и архитектуре (чему служит главным примером Михель-Анжело[173]), и заниматься в одно время скульптурою и живописью, стоит только приспособиться к технике каждого из этих искусств, что приобретается как чисто механическое дело очень легко. [В] скульптуре и во всех родах живописи [отличаются] только приемы исполнения. Собственно же само художество одно и то же в скульптуре и живописи, только способ выражать свои мысли, идеи, фантазии – [разный].

1812 год. Медальоны в память событий 1812–1814 гг.

Петербург, как и вся Россия, в ужасном волнении – Наполеон объявил нам войну и идет с соединенными силами всей Европы на Россию. По реляциям из армии, получаемым от Барклай-де-Толли[174], защищающего южные границы России, [он] отступает перед несметною армиею гениального воина к Смоленску.

Здесь все в большом унынии, все казенные места спешат вывозить свои драгоценности из Петербурга в безопасные места от неприятеля. Тысячи повозок для этого пригоняются в город для вывоза отсюдова внутрь России всех девичьих монастырей, институтов и двора.

Императрица Марья Федоровна [собрала] не только свои драгоценности, но [и] все, что ей принадлежит до простых медных шандалов[175], щипцов, разной глиняной посуды и тому подобного. Императрица Елизавета Алексеевна поступила иначе. Когда ее спросили, сколько ей нужно подвод для вывоза ее вещей, она отвечала, [что] так как нет возможности спа-

сти имущество всех жителей Петербурга и последней бедной, то и она должна вместе терпеть одну участь, – и оставила все свои драгоценности и любимые вещи, не трогая с места. Эта кроткая умная женщина во всех случаях поступала как истинная царица.

На днях в полном собрании дворянства последовало весьма шумное единодушное избрание Михайло Ларионовича Голенищева-Кутузова[176] начальником всего Санкт-Петербургского ополчения, что было причиною, что Александр Павлович, не обращавший прежде никакого внимания на Михаила Ларионовича, принужден был назначить его главнокомандующим всей российской армии.

Я часто до назначения его главнокомандующим видел этого знаменитого военачальника у Логина Ивановича Кутузова, с которым он близкий родня и очень дружен. Михайло Ларионович с гениальностию военачальника соединяет удивительную любезность и остроту в обществе, а особливо с дамами. По желанию Надежды Никитичны – [*супруги Логина Ивановича*], которую Михайло Ларионович очень любил и уважал, я вылепил ей его портрет из воску[177].

В последние дни, по назначении его главнокомандующим, он перед отъездом к армии провел оба вечера у Логина Ивановича и Надежды Никитичны, без других свидетелей, по его желанию, но где мне, ходившему в это время к ним каждый вечер читать Надежде Никитишне и Логину Ивановичу сочинения Пушкина и Жуковского, не было возбранено присутствовать, и со стороны Михайла Ларионовича, и я оба эти вечера провел в их беседе. Михайло Ларионович в эти вечера был очень весел, говорил много о Наполеоне и шутил. Говоря о своем отъезде на другой день в армию, он сказал, что если он застанет наши войска еще в Смоленске, то не впустит Наполеона в пределы России.

В последний вечер он сидел у них недолго, но был очень весел и, уходя, когда пошли его провожать в переднюю, последние слова, им смеючись сказанные Надежде Никитишне, были следующие: "Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона".

Из армии получаются реляции самые неутешительные – Наполеон вступил уже со всею своею армиею в пределы России. Кутузов не застал наших войск в Смоленске[178] и дал Наполеону первое сражение при Бородино, знаменитое по огромности сражавшихся сил и искусству, с которым Кутузов, командуя гораздо более, нежели вдвое, меньшею армиею против наполеоновской по числу солдат и более, нежели втрое, менее по числу пушек[179], сумел удержать свою пози-

цию, не уступив неприятелю ни клочка земли и заслонив Наполеону вход в наши хлебородные губернии. По неимению достаточного войска Кутузов не мог загородить Наполеону дорогу к Москве и оставил его туда итти, разослав летучие отряды для уничтожения по этой дороге всех средств к добыванию продовольствия наполеоновской армии.

Известие о вступлении Наполеона в Москву привело в большое уныние нашу столицу, и некоторые очень сильно стали нападать за это на Кутузова. Но Михайло Ларионович как умный, опытный, закаленный в боях военачальник, рассчитав, что пожертвовав Москвою и сосредоточив свои силы в хлебородных губерниях, он будет иметь средства не только с позором выгнать из Москвы Наполеона, но и уничтожить всю его огромную армию, вступившую с ним в пределы России, со всею артиллериею, оружием и багажом, – и исполнил это во славу отчизны и свою.

[Наполеон во]шел в Москву и умел продержаться в пустой полусгоревшей столице, в которой не осталось ни одного зерна хлебного для продовольствия его войска, до наступления морозов.

Выход Наполеона из ворот Москвы был уже просто бегством, а не выступлением, на котором Наполеон, гонимый со всех сторон Кутузовым, не думал уже о спасении огромной армии, введенной им в Россию, которая вся осталась в ней на вечный покой или взятая в плен, [а] поспешил спасать свою собственную персону и ушел за границу с несколькими уцелевшими маршалами и генералами не императором, командующим всеми силами всей Европы, а переодевшись, на крестьянских саночках, как говорят.

Кутузов, уничтожив всю армию, переступил за границу со всею нашею армиею, и государь с ним перешел тоже за границу. В Петербурге все ожило с первого известия о выступлении Наполеона и еще более – беспрестанно получая реляции об ужасной гибели всей французской армии.

Кутузов вскоре по переходе государя и наших войск за границу занемог и скончался [*в 1813 г. в Бунцлау*]. Вчера утром тело его было ввезено в Петербург через Петергофские триумфальные ворота[180], а в Коломне из похоронной колесницы, на которой ввезен был гроб с останками этого знаменитого вождя, лошади были выпряжены и она была везена до самой Казанской церкви, [*где он похоронен,*] огромною массою народа всех сословий, без разбору, в армяках, фраках, в штатских и военных мундирах, между которыми я видел нескольких в различных лентах через плечо и не с одною звездою.

Когда пришло к нам известие о совершенном разбитии всей собранной Наполеоном армии под городом Лейпцигом[181] и бегстве его с этого крепкого для него пункта, я убедился, что пришел уже конец величию и владычеству Наполеона над Европою, и тотчас начал лепить портрет нашего императора в военном древнем славянском костюме, в шлеме, с копьем в правой руке и круглым щитом в левой, – по борту которого в барельефе вылепил я пешее и конное сражение, а в середине – российский герб, изображая его в виде славянского божества Родомысла, имеющего качества Минервы и Марса[182]. Осьмиугольная внешняя форма этого медальона имеет в диаметре более четверти аршина, портрет внутри в кругу. Вылепив из воску этот портрет, я с него вырежу форму в крепком составе меди, чтобы отливать алебастровые слепки и пустить их в публику.

Работая этот портрет, я вздумал также по окончании войны (которая, я был уверен, скоро кончится совершенным низвержением Наполеона) представить всю эту войну с самого вступления Наполеона с его войском в пределы России.

Не очень долго пришлось мне ждать этого. После многих блестящих побед над Наполеоном, наконец в 1814 году пришла реляция, возвестившая о вступлении наших войск в Париж и пленении императора Наполеона[183]. Тогда я немедленно принялся сочинять и рисовать в величину [и] по такой форме, как был сделан мною портрет Александра Павловича, и все сражения по собранным мною реляциям, которые по моему соображению наиболее способствовали нашим войскам к вступлению в Париж и окончанию войны.

Для изображения Отечественной войны в медальонах я избрал нижеследующие сражения (а во главе всей коллекции медальонов, состоящей из 20 штук, должен быть портрет государя в виде Родомысла с надписью кругом: "Родомысл девятого надесять века"):

I-й медалион будет изображать народное ополчение,
II-й – "Битва Бородинская",
III-й – "Освобождение Москвы",
IV-й – "Бой при Малом Ярославце",
V-й – "Трехдневный бой при Красном",
VI-й – "Сражение при Березине",
VII-й – "Бегство Наполеона за Неман",
VIII-й – "Первый шаг Александра за пределы России",
IX-й – "Освобождение Берлина",
X-й – "Тройственный союз",
XI-й – "Сражение на высотах Кацбаха",
XII-й – "Битва при Кульме",

XIII-й – "Битва при Лейпциге",
XIV-й – "Освобождение Амстердама",
XV-й – "Переход за Рейн",
XVI-й – "Сражение при Бриене",
XVII-й – "Бой при Арсис сюр Об",
XVIII-й – "Сражение при Фершампенуазе",
XIX-й – "Покорение Парижа"[184].

По каждому из этих сражений, согласно реляциям, я при рисунках поместил краткие описания сражений, которые они изображали.

Это довольно огромное предприятие, окроме личного моего тяжелого и продолжительного труда по лепке всех рисунков из воску и резьбы с них форм в крепком составе меди для отливания гипсовых слепков, потребует такие издержки, на которые, живучи одним жалованьем, у меня нет средств. Но как больно будет мне, ежели не получу от правительства пособия, [*о котором*] хочу просить. Я принужден буду отказаться от исполнения так сильно меня интересующего художественного предприятия.

Государь император на днях вернулся из Парижа, и я через обер-гофмаршала двора графа Н.А. Толстого представил его величеству портрет его, вылепленный из воску в виде Родомысла, вырезанную с него в меди форму и гипсовый слепок, за что получил от государя брильянтовый перстень в полторы тысячи рублей ассигнациями.

Не знаю, от кого какой-то берлинский чугунный заводчик получил гипсовый слепок с вырезанной мною формы портрета Александра Павловича в виде Родомысла и отлил с него множество чугунных екземпляров, за которые получил до пятидесяти тысяч рейхсталеров[185]. Этот простой литейщик чугунных вещей, прислав один из вылитых им из чугуна Родомыслов с гипсового слепка моей работы, нашел средство через свою братию немцев, которыми наводнена Россия, представить его нашему государю, и получил от него брильянтовый перстень в пять тысяч и с вензелем его величества. Тогда как я, вылепивший этот портрет и вырезавший с него форму, получил простой перстень в тысячу пятьсот рублей – вот как награждают своих за их труды и произведения. Но что я говорю и как мне сметь огорчаться – разве я забыл, что живу в России, что я – русский, а не немец, которым ныне на святой Руси все предоставлено.

Многие из наших гвардейских офицеров накупили в Берлине этих вылитых из чугуна портретов нашего царя и привезли сюда в полном убеждении, что это – произведение берлинского артиста, а многие из них, покороче со мною знако-

мые, приносили мне показывать, чтобы поразить меня искусством прусских медалиоров. Я предложил им потрудиться, если они умеют читать по-русски, прочесть находящуюся под портретом подпись имени художника, произведшего этот портрет, и показал им вылепленного мною из воску Родомысла и вырезанную мною же с него в меди форму. Насчет же отливки из чугуна я объяснил им, что тут нет никакого особого искусства и что всякой чугунный заводчик так же отливает, как в Берлине и Париже, и Лондоне, и всюду.

Вскоре по возвращении государя из Парижа я нарисовал начисто сочиненные мною двадцать вышесказанных медалионов, представляющих Отечественную 1812, 1813 и 1814 годов войну, сделал надписи вокруг и короткие описания представленным в них сражениям, переплетя в книжку при письме к его величеству следующего содержания:

"Всемилостивейший Государь.

Горя усердием верноподданного, любя славу Твоего народа, благоговея к священному [имени] Твоему и удивляясь вместе со всей вселенною твердости твоего духа и великим соделанным Тобою делам и подвигам, дерзнул я в восторге души моей предприять труд, приличный воображению и руке величайшего художника; но во мне оный есть не иное что, как пламенное чувство засвидетельствовать пред Тобою, Великий Государь, пред отечеством моим и пред целым светом, что неслыханная доселе слава наших дней, поражая каждого ум и сердце, может и посредственный талант так одушевить, что он силою своего усердия отворит себе и внидет во врата грядущих времен. Исполненный сими чувствами, дерзнул я изобразить в медалях знаменитейшие события 1812-го, 1813-го и 1814-го годов.

Прости, Великий Государь, сие дерзновение. Рука моя слаба, но дух мой, удивленный Твоими делами, силен. Он подкрепит руку мою, Твое внимание даст ему возможность предстать с достоинством пред лице потомства.

Всемилостивейший Государь. Вашего Императорского Величества верноподданный Граф Феодор Толстой", – которые и были представлены государю государственным секретарем Александром Семеновичем Шишковым.

Александр Павлович, прочтя мое письмо и рассмотря рисунки, был очень доволен моею идеею представить в медалионах Отечественную войну и рисунками и приказал Шишкову, как председателю Российской Академии, составить комитет под его председательством, в присутствии членов Российской Академии, для рассмотрения, исторически верно ли определен мною весь ход сражений с вступления Наполеона с

своею армиею в пределы России [*и до окончания войны*[186]]. В этот комитет государь лично назначил: придворного антиквария и археолога Келлера и профессора истории и нумизматики Круга, а по художественной части Советом Академии художеств назначены были профессора скульптуры Мартос и Щедрин и исторической живописи [Угрюмов][187]. Комитет этот одобрил все, не сделав никакого замечания ни по ходу военных действий, ни по описанию сражений, [*ни по художественной части*], окроме некоторых поправок в слоге, сделанных самим председателем Александром Семеновичем.

На другой же день по утверждении комитетом представленного мною проекта медалионов и описаний к ним, Александр Семенович докладывал об этом его величеству, который и благоволил согласиться дать мне пособие вылепить из воску сочиненные мною медалионы и вырезать вовнутрь с них, в ту же величину осьмиугольные штампы для выпуска в свет гипсовых слепков и по моему представлению на печатание сделанных мною описаний с контурными гравюрами с моих рисунков всех медальонов на русском, французском и немецком языках для раздачи при выпуске коллекции в свет, под личным надзором Александра Семеновича Шишкова.

Не будучи знаком с делом печатания книг, и [так] как собственно мое дело – лепка больших медальонов и особливо резание штампов в крепком металле – должно взять не один год времени, я отказался от этого и просил Шишкова поручить тому, кто у него по Академии этим занимается. Он согласился и поручил это дело господину Соколову[188], секретарю Российской Академии, почему назначенные мне на пособие двадцать тысяч рублей были отправлены [*из Кабинета государя*] Александру Семеновичу в Российскую Академию и тем более, что главные издержки по изданию этих медалионов должны были выходить на печатание книг и гравирование рисунков, а собственно на мою работу восковых медалионов, приготовления металлических штампов для вырезывания мною в них форм с восковых моделей, приготовления стальных литер для наколачивания надписей кругом медалионов я издерживал всего только по двести рублей ассигнациями [*на каждый медалион из пожалованной мне суммы*], а остальные деньги пошли на печатание описаний медальонов на русском, французском и немецком языках, доставленных мною в рукописях в Академию, и гравюр в контурах к этим книгам[189], гравированных Утиным[190] по заказу Российской Академии с рисунков, представленных его величеству.

Кому и какой отчет подавал господин Соколов по этому поручению, я не знаю, вероятно президенту Российской Ака-

демии, которому и я по изготовлении каждого медалиона подавал отчет в употребленных мною на них денег[191].

Ф.А. Толстой и Закревские. Семейство Перовских

По выступлении французских войск из Москвы продавалось множество разных вещей, награбленных наполеоновыми войсками и по бегству кинутых, продаваемых за безделицы, как многое продавалось и самими жителями Москвы весьма дешево по крайности в деньгах в это тяжелое время. Дядюшка Федор Андреевич[192] тотчас по уходе врагов вернулся в Москву в свой дом, совершенно уцелевший, потому что в нем до последнего часу бегства Наполеона жил какой-то маршал. Владея большими суммами наличных денег, дядюшка скупил за бездельную цену много и хороших вещей. Ему присоветовали более всего обратить внимание на покупку книг старинной печати, которые плуты, бродящие торгаши, узнав, что есть господин, который скупает старинные книги, стали к нему таскать в большом количестве, растасканные и раскраденные из партикулярных[193] библиотек. Много скупал [дядюшка] у раскольников их церковных книг, библий, жития святых и других, так что он очень скоро собрал весьма замечательную коллекцию старопечатных книг и старинных различных актов и сказаний и тому подобного, которую впоследствии купил государь для императорской Публичной библиотеки за семь[*десят*] тысяч рублей серебром[194].

Чего не делают деньги! Пройдет несколько десятков лет после смерти Федора Андреевича, когда [умрут] все, знавшие степень ума и образования его, знавшие, что Федор Андреевич никогда ничему не учился, и что вся его образованность состоит в одном довольно плохом знании русской грамоты, и что он, покинув указку, до сих пор, кажется, не прочел ни одной книжки; а также не станет и тех, которые могли бы быть свидетелями настоящего состояния ума и познаний почтенного дядюшки. Чрез несколько десятков лет люди, занимающиеся историею русской словесности, прочтя заглавие огромного каталога старопечатных книг коллекции сенатора графа Федора Андреевича Толстого[195], не смогут не принять господина, владевшего такою замечательною коллекциею старопечатных книг, как за человека, занимавшегося этою частию, и потому за имеющего право называться ученым. Так и будут писать и печатать в своих ученых исследованиях, и так наш Федор Андреевич при его совершенном необразовании в продолжении нескольких десятков лет, пожалуй, прослывет

ученым человеком благодаря своей женитьбе на богатой раскольнице.

Дядюшка отдал единственную осьмнадцатилетнюю свою дочь, Аграфену Федоровну, за дежурного генерала Главного штаба [*Арсения Андреевича Закревского*[196]], человека немолодого, очень некрасивого, совсем необразованного, но неглупого от природы, очень деятельного и знающего по делам Главного штаба. Всю свою службу провел он старшим атютантом при графе Каменском[197], управляя канцеляриею его штаба; граф Каменский дал ему дорогу, которою он теперь и идет. Вступив на службу в Главный штаб [*при начальнике Г*[лавного] *штаба князе Волконском*[198]], [он] был сделан старшим атютантом, был пожалован флигель-атютантом и был дежурным штаб-офицером Главного штаба. Быв произведен в генерал-майоры, был сделан дежурным генералом Штаба. На этом месте, имея случай часто бывать с докладами у государя, понравился императору и вскоре своею деятельностию и точностию и ревностным исполнением начальнических приказаний приобрел полную доверенность его величества, был сделан генерал-атютантом. А впоследствии, когда князь Волконский, бывший в это время начальником Главного штаба, вышел из него, получил это важное место Арсений Иванович[199] Закревский.

Аграфена Федоровна, бывши невестою, не могла даже видеть своего жениха, он ей не нравился, а между тем все-таки была выдана за Закревского, потому что тщеславным родителям льстило иметь зятем человека, так близкого к особе его величества. А может ли она его любить и будет ли за ним счастлива, об этом почтенные родители нисколько и не заботились. Хорошо, что Аграфена Федоровна была такой нравственности, что с первых же дней после свадьбы умела найти себе утешение – у ее мужа были атютанты. Как Аграфена Федоровна любила своего мужа и дорожила его честию и своей, известно очень хорошо всем в городе. Расчетливый же муж молодой богатой жены, любивший гораздо более женины деньги, нежели ее самое и супружескую честь, не убивался ее развратом, которого она не заботилась и скрывать.

Раз, бывши у дядюшки, жившего вместе с Закревскими, мы собрались с дядюшкою куда-то вместе ехать, и для этого ему нужно было видеть дочь, и дядюшка пошел со мною в ее будуар. Нам сказали, что она в спальной. Дядюшка пошел к затворенной в спальную двери, чтоб переговорить с дочерью, но горничная Аграфены Федоровны, заступив ему дорогу, сказала: "Туда нельзя ходить, там теперь графский атютант". Дядюшка немного сконфузился – вероятно, мое присутствие было тому причиною, – но скоро оправясь, оборотясь ко мне,

преспокойно сказал: "Ну, так поедем". ...Видно было, что это дело ему не новое, а уже бывалое, и не с ним одним, как мне говорили, да и [с] самим мужем.

В скором времени тестю такого значительного человека, как Закревский, Федору Андреевичу захотелось значить что-нибудь и самому, почему и вздумал он посредством зятя получить какое-нибудь довольно видное место, сообразное с чином действительного статского советника, в которые он был переименован из бригадиров. Но как по уму и по познаниям почтенного нашего дядюшки, никогда нигде не служившего и никогда нигде и ничему не учившегося, никакой должности поручить [ему] было невозможно, Арсений Андреевич вздумал выпросить у государя ему звание сенатора, так как теперь в правительствующем Сенате много присутствуют подобных Федору Андреевичу сенаторов, которых по неспособности, не зная куды поместить (а отставить по протекции не хотят), пихают в Сенат.

Только не даром он брался за это дело, а потребовал от [*тестя*][200] подмосковную его деревню Ивановскую, назначенную дядюшкою после его смерти мне, как его крестнику, о чем Закревский очень хорошо знал. Сенаторское звание так льстило самолюбию Федора Андреевича, что он не постыдился и не посовестился изменить чести и отдал эту деревню бессовестному алчному зятю. В это время тетушка, супруга Федора Андреевича, года с два, как умерла; если б она была жива, то она не допустила бы мужа до такого бесчестного поступка. Она была ужасно скупа в мелочах, но была справедлива и не допустила бы своего мужа до бесчестного против меня поступка.

Новый сенатор, купивший себе у зятя место сенатора за назначенную мне деревню, сказал мне, что взамен этой деревни он назначает мне после себя большое в самой Москве место, называемое Ключище [*или Мытище*], снабжающее всю Москву самою прекраснoю и здоровою водою – по доходам нет сравнения, как меньше Ивановской деревни, – но до тех пор будет мне давать по тысяче рублей в месяц. Не имея ничего, мне бы это было очень кстати, но я не получал никогда ни одной копейки от крестного своего отца.

Года через полтора или два Федора Андреевича сенаторства, куда он ездил только **посидеть** на сенаторском стуле и с подобными ему сенаторами потолковать об их карточных подвигах и сплетнях Английского клуба, между которыми он видел не одного красующегося в лентах через плечо и звездах на доблестной груди, и ему захотелось пощеголять в ленте и звезде. Да почему же и не так – ведь и он имеет сильного покровителя в зяте и сумеет также важно рассесться в се-

наторских креслах и подписывать определения Сената, вовсе не поняв дела, а как шепнет ему секретарь или следуя которому-нибудь из деловых, настоящих сенаторов, с которыми не надо смешивать тех, об которых я говорю. И дядюшка, по зрелом размышлении, явился к случайному[201] зятю с просьбою об ленточке и звезде. И он как правдивый благородный сановник и верный слуга царский взялся выпросить у его величества своему тестю за важные полезные отечеству труды по делам Сената орден святой Анны первой степени[202]. Тогда как почтенный наш дядюшка по недостатку умственных способностей и совершенному необразованию умел только играть в карты и продремать назначенные для заседания в Сенате часы утра, он отправлялся в Англинский клуб, где и проводил целый день за вистом. И опять не даром, а потребовал за это от дяди Ключища, мне назначенные, о чем Закревский также хорошо знал, как и о деревне Ивановской, тогда отнятой им у меня. А теперь этот честный сановник, движимый также благородными чувствами, отнял у меня и Ключища, которые Федор Андреевич без всякого стыда и зазрения совести, подлым образом обманув меня, отдал Закревскому. Как могут подобные люди, не краснея, смотреть прямо в глаза честным людям! А они это делают со спокойными и даже надменными лицами.

Один из глупого тщеславия отдал [дочь] замуж за приближенного к царю человека, которого она ненавидела, а другой из-за богатства, которое получил за женою, спокойно смотрит, как она явно развратничает с его атютантами и [*другими*], хотя они оба хорошо знали, что это было всему городу совершенно известно.

На этот раз отданы были Закревскому Ключища уже без всяких оговорок и пустых мне посул.

Дядя расхаживает в блестящей звезде, уверяя себя, что люди смотрят на него со звездою на груди как на человека, приносящего пользу своему отечеству, тогда как известно, что этот человек во всю свою жизнь не мог ничего лучшего сделать, как пустить на свет самую развратнейшую дочку.

Если скажут: а коллекция старопечатных книг? Она собрана по совету профессора Строева[203], по его выбору, которым сделан и каталог. А почтенный зятюшка почтенного моего дяди поит Москву чистою здоровою водою, разумеется, не даром, а получая за нее гораздо более пятнадцати тысяч серебром ежегодного дохода, которые, отняв у меня при [своем] годовом доходе в триста тысяч рублей, не краснея, кладет себе в карман. А я, не имея ничего, этим низким поступком Закревского остался без всего.

Но я не должен сетовать – судьба исполняет мое желание с самых юных лет быть обязану всем лишь самому себе и своим трудам как средствами к жизни, так и возвышением по службе, наградами и известностию. Так должен трудиться и буду трудиться.

В 1813 году приехал в Петербург батюшка с нашею сестрою[204] из Симбирска. [Так как] нанимаемая мною квартира в доме моей тещи [оказалась] очень мала, чтоб поместиться и батюшке, то мы наняли на острову же по Большому проспекту между 14 и 15 линиями довольно большой деревянный дом, в котором по желанию батюшки и поселились мы и с нами два старшие мои брата – Александр и Константин, бывшие военные, полковники, старший – в Семеновском полку, а другой – в армии, а теперь оба служат советниками Ассигнационного банка[205]. Батюшка полагал, что одною семьею будет жить выгоднее[206]. Но [по] прошествии года Александр и Константин по каким-то нам неизвестным причинам нашли для себя неудобным жить с нами и переехали на особые квартиры на ту сторону Невы, а мы с батюшкою и сестрою переехали жить на Петербургскую сторону, где прожили года три, переменив две квартиры.

В последней поселились в особом домике на конце Большого проспекта, принадлежащем полковнику Жуковскому[207], служившему смотрителем за чистотою дворов, сараев, отхожих мест и тому подобного по зданию Главного штаба, [*бывшему*] под особым покровительством начальника Главного штаба, генерал-атютанта Закревского[208] за то, что при казенной его службе по штабу [он] служит и лично Закревскому, взяв на себя благородную должность сечь провинившихся слуг его превосходительства начальника Главного штаба и наказывать [его] крепостных людей и крестьян, ходящих здесь по оброку, и отдавать в солдаты нередко даже за очень легкие проступки, так как Закревский положил себе за правило всякого из своих людей три раза хотя легко провинившегося без всяких помилований отдавать в солдаты. Говорят, Жуковский возложенную на него Арсением Андреевичем должность исполнял с неукоризненным усердием. Дни через три по нашем переезде в его дом он за усердную и полезную службу был пожалован генерал-майором.

Чрез два или три месяца по переезде в этот дом родилась у нас вторая дочь, при крещении названная Мариею[209].

Брат Константин Петрович, давно уже вдовый, ныне летом сосватан вторично с побочною дочерью графа Разумовского (*Алексея Кирилловича*) Анною Алексеевною Перовскою[210], прехорошенькою собою, умною, воспитанною, как все побочные дочки знатных господ, то есть говорит хорошо по-

французски, ловко танцует, читает французские романы и любит рассеяние.

На днях я был рекомендован [*братом Константином*] матери невесты Марье Михайловне Перовской[211] и всему ее семейству, состоящему из трех больших сыновей. Старший – Алексей Алексеевич Перовский, начавший свою службу в гвардейском Уланском полку, а теперь в отставке и занимается литературою[212]. С ним я был уже знаком гораздо прежде по литературным обществам, в которых я был членом, и по масонству. Второй, Лев Алексеевич [, *поручик Штаба*][213], третий, Василий Алексеевич, [*офицер Измайловского полка*][214], и малолетний мальчик Боринька[215]; шести дочерей, из коих две замужем в Москве[216], третья – Марья Алексеевна – красавица собою, но, говорят, ужасно капризная, здесь замужем за комендантом Петропавловской крепости, генерал-майором Крыжановским, человеком очень добрым, очень простого ума и фельдфебельского образования[217].

Я очень понравился всему семейству, а особливо молодым девицам, то есть невесте брата и ее сестре Ольге[218], с которыми, проведя весь этот день вместе, мы так хорошо сошлись, что в тот же день расстались, будто давно и коротко знакомые, а через несколько дней я был у них в доме несравненно более свой, нежели жених.

Когда я увидел невесту брата, меня очень удивило, как такая молоденькая, хорошенькая девушка, как Анна Алексеевна, могла решиться выходить замуж за Константина Петровича, который, будучи добрым и честным человеком, должно сознаться, что он ни по наружности, ни по уму и образованию отнюдь не такой человек, который бы мог понравиться такой девушке, как Анна Алексеевна. Незаконные дочери богатых знатных отцов лишены права выбирать себе женихов, а должны довольствоваться теми, которых приищут им родители. И Анна Алексеевна, повинуясь этому обычаю, первому предложенному ей в женихи отдала свою руку, не взглянув и в лицо, не только не разбирая его качеств и достоинств. Но она не обманывала брата, она прямо ему сказала, что она его не любит и любить не может. Когда брат на это ей сказал, что он своею привязанностию и поступками надеется приобресть ее привязанность, она отвечала ему, что этого никогда быть не может. Обращение Анны Алексеевны с женихом не дает поводу думать, чтобы и впоследствии когда-нибудь она изменила этим словам. Она никогда не сходилась с своим женихом[219]. И когда он приходит к невесте, ему тотчас составляют партию в бостон, за которым, любя играть в карты, он проводит весь день.

Из сыновей Марьи Михайловны я сошелся очень хорошо с Алексеем Алексеевичем, старшим ее сыном, с которым я был уже знаком по одному литературному обществу, в котором мы оба были членами, с умным, очень добрым молодым человеком, занимающимся литературою, и меньшим его братом, офицером Измайловского полка Васильем Алексеевичем, и с первых дней были уже **на "ты"**.

А со вторым братом, офицером Генерального штаба Львом Алексеевичем только был знаком. Этот надменный человек почти никогда не бывает у матери и не показывает никакой привязанности к матери с родными братьями и сестрами, говорит [им] **"Вы"**, а с товарищами школ и сослуживцами – и подавно. Когда его спрашивали, отчего он с самыми короткими своими приятелями говорит всегда на "вы", – «Оттого, – отвечал он, – что если я теперь, будучи в одинаких чинах с моими товарищами, буду говорить на "ты", а завтра, может быть, я получу высший чин, а он останется в прежнем, мне нельзя будет дозволить ему быть со мною на такой короткой ноге». Какова гордость у этого человека! И с этою надменностию у него крутой, чрезвычайно капризный и недоброжелательный характер. Ничего не могу сказать насчет его образования, потому что никогда с ним не говорил, а полагают его быть очень умным, кто его ближе знает.

Я почти через день бываю у Перовских и очень приятно по целым дням провожу время с обеими сестрицами. И с каждым днем дружба наша усиливается более и более, а особливо с Ольгою Алексеевною, которая мне чрезвычайно нравится. Не будучи так хороша, как Анна Алексеевна, она очень мила, любезна, умна и необыкновенно привлекательна.

Свобода, которою пользуются обе сестрицы, порученные от матери надзору их тетки, женщины очень простой и совершенно необразованной, которая делает все, что захотят племянницы, дала возможность с первого дня нашего знакомства составиться моей с обеими сестрицами тесной дружбе, которая в скором времени, не знаю сам – как, между мною и Ольгою приняла другую физиономию, гораздо **нежнейшую**.

Эта же беспечность матери и глупость тетки, ничего не видевшей, давали нам возможность, когда я бывал у них, часа по два и более быть вместе, совершенно одним без свидетелей, что бывало обыкновенно после обеда, за которым почти каждый раз граф Алексей Кириллович проводил [время] со своим побочным семейством.

После обеда тот же час все расходились. Граф уходил на свою половину в большом его доме, Марья Михайловна – во внутренние комнаты отдыхать, тетка – в свою комнату, где

оставались до самого чаю. Гостей у Марьи Михайловны бывало очень [*мало и*] редко, а когда и бывали, то тоже после обеда тотчас уезжали.

Брата, любящего коммерческие игры, после обеда тотчас сажали за карточный стол с вседневными посетителями обедов этого дома.

Из больших сыновей Марьи Михайловны всякой раз, когда я у них обедал, – что бывало почти через день, как я уже сказал, один Алексей Алексеевич бывал всегда за столом, изредка – Василий Алексеевич, а Лев Алексеевич – никогда.

Алексей Алексеевич, чрезвычайно дружный с Анной Алексеевной, уходит сейчас [же] после обеда с нею наверх в ее комнату, будто бы [*заниматься чтением*] и там запираются, а мы остаемся с Ольгою в зале одни.

Пользуясь этим, мы под видом чтения, взяв первый попавшийся нам роман, уходим в небольшую диванную, в которую редко кто заглядывает, и, усевшись очень близко один возле другого на диване, оставя роман покоиться на столе, мы наслаждаемся сочинением своего романа. А чаще всего тоже с книжкою в руках, как щитом нашей тайны, уходим в сад, в который в послеобеденный час никто из здешнего семейства не ходит до чаю. И там остаемся совершенно одни и без опасения с кем-нибудь встретиться, обнявшись, гуляем, мечтая о блаженстве любви и удаляясь в более скрытые дорожки сада, прижимая один другого к груди, пламенными поцелуями и нежными ласками поверяли наши мечтания. Так, забывая все, проводили мы время до чаю, а когда подходило это время неволи и притворства, мы хватались за книжку и спешили в комнаты, чтоб быть уже там, когда все станут сходиться к чаю, который бы мы очень охотно совсем исключили из китайской флоры[220].

Алексей Алексеевич по вечерам нередко тоже уезжал, и Анна Алексеевна присоединялась к нам, и мы проводили остальной вечер вместе, в который она не оставляла меня почти ни на минуту. Увлеченный привязанностию к Ольге Алексеевне, потеряв совсем голову, я без всякого замечания глядел на обращение Анны Алексеевны со мною. Ее старания быть всегда со мною и возле меня, ее ласки, ее нежные взгляды, ее пожатия моей руки – все это я принимал как за обыкновенные ласки к будущему близкому и любимому родственнику, а вышло не то.

Оставшись раз с нею наедине, она уже очень ясно высказала мне свою привязанность, что меня сильно смутило. Как ни лестно было моему самолюбию признание в любви такой хорошенькой и милой молодой девицы, как Анна Алексеевна, но оно поставило меня в самое неприятное положение. Само собою разумеется, что отвечать ее любви я не могу, а как мне

было передать ей это? Какими бы нежными фразами я не передавал ей моего ответа, но как он, в сущности, был бы все [же] не что иное, как уклонение мое от предлагаемой ею любви, а потому все одинаково неприятно и больно для ее самолюбия, то, чтоб не дать ей испытать такого тяжелого и неприятного положения, я решился представиться принявшим ее действие за шутку с ее стороны и желание позабавиться надо мною. Я постарался дать моему положению самую карикатурную физиономию и, остря сам над собою, как будто с тем, чтобы ее смешить, поспешил дать другое направление нашему разговору. Не знаю, как приняла мое действие Анна Алексеевна – за истину или нет, но она замолчала. Молчал и я, когда подошли к нам другие.

Если бы не привязанность моя к Ольге Алексеевне, я бы с этого дня и до свадьбы брата не должен бы был показываться в доме Перовских. Но не видать Ольги, блаженства уединенных с нею свиданий в саду и диванной, а остаться при одной переписке, которую мы вели, я не мог решиться и продолжал бывать у них по-прежнему и по-прежнему наслаждаться блаженством наших с Ольгою уединений, избегая тщательно уединенных встреч с Анной Алексеевной.

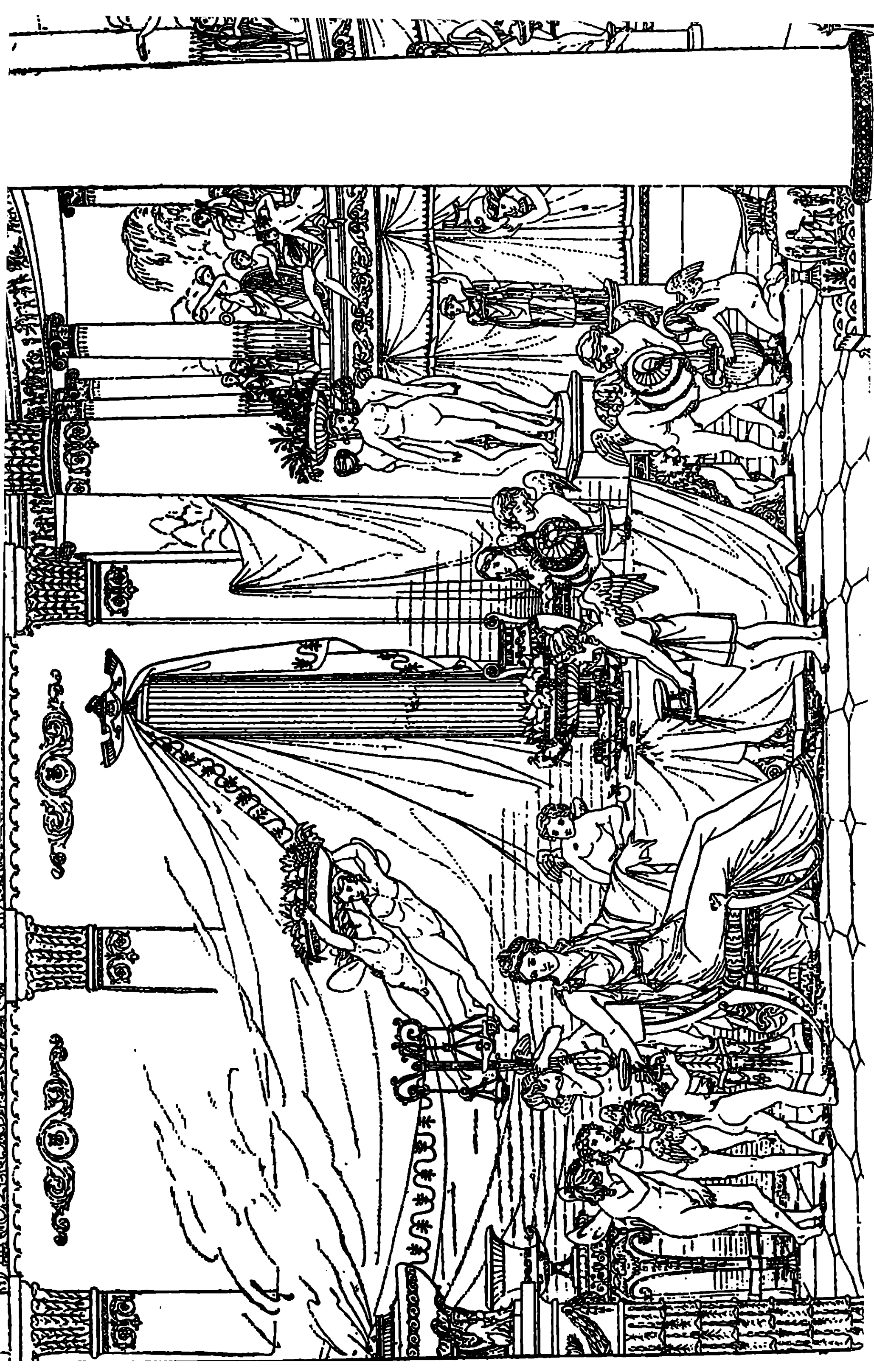
Месяца через полтора или два после описанного признания была свадьба брата с Анной Алексеевной. После венчания переехали они в приготовленную для них квартиру, где был бал.

После свадьбы брата, которая была 1817 году, а месяца не помню, я не переставал почти так же часто ходить к Марье Михайловне, где меня и окроме Ольги все любили. У брата же я бывал несравненно реже.

В 1818 году в положенные природою девять месяцев после свадьбы родился сын, названный Алексеем[221] – по имени брата, с которым у Анны Алексеевны еще в невестах была тесная дружба.

В это время граф Разумовский уехал в Москву, а за ним уехала и Перовская со своим семейством. Тяжела была мне разлука с Ольгою, как разумеется. Одним нашим утешением была переписка, которую мы вели посредством одной приятельницы Ольги Алексеевны.

Вскоре по уезде Перовских подозрительная всем тесная дружба Алексея Алексеевича с Анной Алексеевной открылась брату, как непозволительная между родными братом и сестрою **связь**. Брат, оставя жене письмо, тотчас оставил свой дом навсегда. Анна Алексеевна тоже скоро с братом и сыном уехала в деревню[222], и с этого времени я не встречался ни с нею, ни с Алексеем Алексеевичем[223].

Глава четвертая

В гуще общественной жизни. 1810–1830-е годы

Общество "Зеленая книга"

В 1814 году я получил за мои восковые работы первые два брильянтовые перстня от императрицы Елизаветы Алексеевны; впоследствии получил от нее еще пять перстней за восковые работы, разные рисунки водяными красками и медали. От императрицы Марии Федоровны – три перстня, а от великой княгини Александры Федоровны[1] – один перстень.

В 1816 году в бытность короля прусского[2] в Петербурге за исполненное для его величества художественное произведение получил я бриллиантовый перстень с вензелевым изображением имени его величества, короля прусского.

[*В 14-м году государем возвратившимся из Парижа гвардейским полкам сделан парад, на котором были розданы им медали за взятие Парижа, одинакие, как солдатам, так и офицерам, назначенные для всех войск, бывших в Париже. Эта медаль, как и 12-го года, сочинена и резана мною.*

Вскоре после параду государь разрешил офицерам гвардии вне службы для облегчения, кто хочет, носить гражданское платье, что, однако ж, ими было употреблено во зло, потому что офицеры, нарядясь в штатские фраки и сертуки, стали на бульварах и по улицам делать ужасные шалости, так что не было от них проходу не только одним ходящим по улицам женщинам, но даже идущим с лакеями и со своими мужьями, к которым они приставали со своими разговорами и оскорбительными предложениями и заводили скандалы с мужьями, которые иногда разрешались и дракой. И

когда полиция вступалась с намерением отдалить нахала, то они сказывались, что они – офицеры гвардии, которых полиция не имела права брать. Эти беспрестанно повторяющиеся бесчинства на бульварах, улицах и на публичных гуляньях были причиною [того], *что в самом коротком времени государь запретил гвардейским офицерам носить штатское платье. Но эта мера не уничтожила распутства и безнравственности. Фраки были сняты офицерами, а бесчинства и дерзости продолжались все так же. Правительством для искоренения этого не принималось никаких мер. Многие из офицеров гвардии были безнравственны и совершенно необразованны, тогда как образованность и нравственность в это время большей частью между молодыми людьми, военными и штатскими, всех сословий, особливо между дворянством, были в полном развитии.*

Некоторые из этих молодых людей, видя это распутство и злоупотребления чиновников по разным частям управления, вздумали составить тайное общество, посредством которого [хотели] *создать общественное мнение, которое бы выставляло все подлые, порочные и несправедливые действия чиновников, и, открывая их правительству,* [это общество] *пособляло бы ему к их уничтожению. Это центральное общество под названием "Зеленой книги"*[3] *состояло из 6-ти членов, из коих избирался ими один, первенствующий под названием головы. Чтобы иметь возможность составить общественное мнение, общество устроило так, что каждый из этих центральных членов обязан был особо от этого центрального общества составлять совершенно отдельные общества, на том же основании, как и первое, которые знали бы только свои 6-ть членов и его как главу, не зная ничего об центральном обществе. А члены этих новых обществ обязаны были составлять новые такие же общества, на тех же самых основаниях и также, основывая из себя опять точно такие же общества, не зная других, кроме своих членов, которые, разумеется, должны быть честными и благородными людьми. Так что со временем составилось бы огромное общество, двигателем которого было [бы] неизвестное им центральное общество.*

Главная цель первенствующего общества была обязанность узнавать везде производящиеся несправедливости и вредные действия чиновников и управляющих должностями. Почему все члены составившихся отдельных обществ, узнав какое-нибудь неправильное действие, должны объявлять об этом своему главе, а тот в своем обществе – своему главе, и таким образом это доходит до центрального общества, и

все эти донесения должны быть совершенно точно и верно представляемы главам, и центральное общество по полученным сведениям, убедясь в истине этих донесений, поручает всем членам обществ через их голов всем своим знакомым и всюду рассказывать об этом дурном и вредном поступке. Отчего в самом коротком времени по сделании поступка тотчас во всем городе заговорят об нем и будут осуждать его. Таким образом этот недостойный поступок дойдет до правительства, которое и примет свои меры для его уничтожения[4].

Успехи этого общества быстро распространились, так что каждый сделанный важный поступок немедленно делался известным всему городу. Так что благодаря этому действию общества многие и из значительных чиновников получили за их несправедливость и дурные поступки должное наказание.

В это центральное общество был также приглашен и я. Эти шесть членов центрального общества состояли из Долгорукого[5]*, трех братьев Муравьевых*[6]*, полковника Пестеля*[7]*, двух братьев Игнатьевых, офицеров Измайловского полка*[8]*, Федора Николаевича Глинки*[9]*. Вскоре после моего вступления в это общество меня выбрали головою, и действия его несколько времени продолжались очень успешно.*

Перевороты в Европе и образование конституций в некоторых государствах[10] *Европы были почти единственным разговором в городе, так что на балах, на обедах, везде образовывались группы, в которых слышались беспрестанно толки о конституции, а особливо у образованной и умной молодежи. Наконец я заметил, что и в нашем обществе начали заниматься более политикой, нежели делом, для которого это общество, хотя и секретное, но полезное правительству, было устроено. Почему я и предложил членам лучше совсем закрыть общество, а не вводить в него посторонних идей против его положения, на что они и согласились*[11]*. И я все бывшие у меня бумаги и книги этого общества сжег. И с тех пор я редко виделся с этими господами.*

Масонские ложи

Около этого времени я вступил в лучшую здесь масонскую ложу[12] под названием "Peterre zur Warheite"[13], в которой главным мастером (Maitre en chere[14]) – директор Обуховской больницы доктор медицины статский советник Элизин[15]. Я вступил в ложу, как все посвящающиеся в масоны, учеником,

а чрез два месяца был уже возведен в мастера[16] и избран в церемонийместеры, а потом очень скоро – в первые надзиратели этой ложи[17]. Потом последовательно я получил все высшие степени масонства, то есть обе степени шотландских лож, ложи тамплиеров, Rosencroix и других[18].

Окроме нашей ложи есть здесь еще ложа "Святой Елизаветы"[19], в которой работы производятся на русском языке. В ней мастером стула – камер-юнкер Ланской[20], очень обыкновенного ума молодой человек, образованный и воспитанный по одной мерке всех детей родителей, трудящихся при дворах и богатых и знатных фамилий, говорящих хорошо по-французски и еще лучше умеющих кланяться и шаркать по паркетам у случайных[21] и сильных при дворе.

Вторая ложа под названием "Меча"[22], в которой работы производятся на французском языке, а главным мастером [*стула*] тоже молодой придворный человек, граф Велгурский (Виельгорский), лет двадцати[23]. Взятые ко двору, не знаю, по какому случаю, еще очень молодыми императрицею Екатериною II, [лет] восьми, – их два брата, они – поляки, очень хорошо приняты при дворе[24], оба – камер-юнкеры и кроме этого не занимают никаких должностей. Старший, мастер ложи "Меча", занимается музыкой и поет на домашних вечерах при дворе, и вся его музыкальная ученость и дарования ограничиваются только этим. Второй, тоже нигде не служащий, лет 26, играет на виолончели при дворе, и всюду, где ему случается играть, он играет одну и ту же пиесу[25]. И вот теперь уже лет десять сряду, как я, так и никто из других, не слыхал никакой самой маленькой другой пиески, им сыгранной. Они при их музыкальных способностях говорят по-французски, как французы, да и только[26]. Да ведь для двора нашего больше и не требуется.

Обе эти ложи не имеют никакой суриозной цели для общего блага, а служат просто для забавы и развлечения пустому, не приготовленному ни к какому полезному занятию и труду эгоистическому чванливому люду знатных и богатых кругов, которыми наполнены обе эти ложи.

Главная ложа российского масонства, под названием "Главная провинциальная ложа Астрея"[27], находится в Петербурге. Главным мастером в ней граф Мусин-Пушкин[28]. В другие должности по масонским работам и управлению ложею выбирались из всех здешних лож [*мастерами стульев*] и должностными членами всех существующих здесь лож. Более всего теперь в "Астрею" избрано в должностные члены из ложи "Peterre zur Warheite", как изобилующей более всех других сурьезными, образованными и дельными людьми. Все рус-

ские, получившие хорошее образование, предпочтительнее вступают в эту ложу.

Исполняются ли у нас и всюду во всех других ложах с равным рвением и деятельностью главнейшие работы масонов [по] распространению всеобщего истинного образования души и ума – [это] под большим сумнением. Разве – в Швеции, где масонство держится еще в том положении, в котором оно составилось и действовало к истинному благу человечества. А в наших ложах так решительно можно поручиться, что, окроме ложи "Peterre zur Warheite", ни в одной другой ложе ни один из братий совсем не знает настоящие работы масонов и думают, что все таинство масонов состоит в аллегорических действиях, производимых в заседаниях лож.

В нашей ложе теперь скопилось почти наполовину русских, из которых многие плохо говорят по-немецки, а работы в ней производятся на этом языке, почему и положили мы, с разрешения "Великой ложи Астреи", отделиться от ложи "Peterre zur Warheite" и составить особую ложу, под названием **"Избранного Михаила"**[29], в которой масонские работы будут производиться по ритуалам ложи "Peterre zur Warheite" на русском языке.

Получив диплом от "Великой ложи Астреи" на организование[30] сказанной ложи "Избранного Михаила", приступили [мы] к избранию мастера этой ложи, которым был избран я, и всех должностных братий. Наместным мастером [стал] полковник Главного штаба Данилевский[31], оратором – полковник Ф.Н. Глинка, атютант военного генерал-губернатора Милорадовича[32], секретарем – Николай Иванович Греч, издатель журнала "Сын Отечества"[33], казначеем – Николай Иванович Кусов[34], первой гильдии купец, церемониймейстером – Александр Иванович[35], первым надзирателем – Николай Иванович Греч, издатель журнала "Сын отечества", вторым – Александр Иванович Уваров[36], секретарем – 1 и 2 надзиратели[37].

Немедленно по избрании должностных членов приступлено было к отысканию квартиры для ложи и нанят был бельэтаж в угольном доме Адмиралтейской площади и Невского проспекта против трактира "Лондона".

Все внутреннее устройство ложи я принял на себя и сочинил ей план, нарисовал внутренний ее вид со всеми ее принадлежностями и украшениями и дал всему шаблоны.

А как по контракту, сделанному нами с хозяином дома, мы обязаны при сдаче квартиры возвратить ее точно в том виде, в каком ее получили, а по принятому братьями сделанному мною плану огромная зала, назначенная для ложи, должна изображать со всех сторон открытую, без потолка, ионичес-

кого ордера с антаблементом[38] колоннаду, находящуюся в саду, почему эта колоннада по стенам залы должна быть сделана фальшивая, деревянная, а стены между столбами расписаны садом и воздухом, как и потолок сделан плоским фальшивым сводом, изображая небо. Я пригласил для исполнения этого театрального машиниста господина Тибо[39], что он и устроил, нисколько не повредя ни стен, ни потолка.

На столбах, гораздо выше их половины, повешена до самого полу голубого цвета драпировка из тонкого шерстяного материала, обшитая золотым галуном и бахромою, кругом всей залы прикрепленная к столбам небольшими золочеными розасами[40], чрез которые повешен по всей зале толстый золотой шнурок довольно низкими фестонами[41] по драпировке. А между столбов на средине каждого фестона внизу его снурок завязан так называемым кафимским узлом[42]. На полу между столбов на возвышении одной ступени стоят скамейки с подушками, покрытые тою же голубою материею и также обшитые золотым галуном и бахромою; на этих скамейках во время работы лож сидят братья.

Потолок залы, сделанный плоским сводом, долженствующий изображать небо, выкрашен голубым колером, сливающимся с воздухом, написанным по стенам залы. На нем изображены все созвездия Северного небесного полушария, видимые в ночи над Петербургом в Иванов день (большой праздник масонов[43]). Они изображены на своде, представляющем небо, стеклянными золотыми пятиугольными звездами первых пяти величин. Они размещены там очень верно по проекции, сделанной мною с очень хорошего сферического глобуса Северного полушария.

На поперечной стене, противу со входной дверью в ложу, между двух средних столбов, которых на этой и противуположной стене по четыре столба, выступает вперед от стены параллелограммная площадка, на которую входят тремя ступенями; на ней у самой стены стоят большие резные позолоченные кресла для Великого мастера ложи, обитые – как подушка, так и задок кресел – голубым бархатом. Над задком кресел, который довольно высок, изображено солнце стеклянным шаром вершков в шесть в диаметре, ярко освещенным изнутри, от которого по голубой драпировке во все стороны идут деревянные, хорошо резаные и позолоченные лучи.

Перед креслами мастера стоит правильной формы параллелограммный стол, равный большою своею стороною с переднею стороною возвышенной площадки, на трех углах которой в высоких бронзовых красивых шандалах горят три восковые свечи. Стол кругом, как аналой, обтянут голубым

бархатом и обит по всем сторонам золотым галуном и бахромою. [*На середине*] стола против кресел лежит в богатом переплете большое Евангелие и меч ложи с богатою золотою рукояткою в голубых бархатных ножнах с богатыми бронзовыми золочеными украшениями.

На столе перед самыми креслами лежит молоток управления мастера [*ложи*]; он белой слоновой кости с рукояткою из черного дерева. [*На столе*[44]] лежит белая бумага и стоит бронзовая чернильница с перьями.

Между двух крайних столбов по правой стороне кресел Великого мастера, на возвышении одной ступени стоят кресла наместного мастера, тоже резные и золоченые, только гораздо меньше и не такой богатой резьбы, но не бархатные, а той материи, из которой [сделана] драпировка на колоннах.

Пол и все ступени обиты зеленым сукном. У передних углов трех ступеней, ведущих на площадку, на которой стоит кресло и стол Великого мастера, поставлены на небольших пьедесталах два мужские скелета, держащие бронзовые небольшие канделябры о трех восковых свечах.

Перед столом мастера, отступя вперед аршина два с лишком, положен на полу по длине комнаты параллелограммной формы масонский небольшой ковер, на котором масляными красками изображены аллегории масонского ритуала. За ковром по углам его стоят также на возвышении одной ступени на правой стороне стул первого надзирателя, а на левой – стул второго надзирателя. На стульях – подушки, покрытые тою же материею, из которой сделаны драпировки на столбах.

На скамейках, что стоят по стенам, с правого боку против стола Великого мастера – место секретаря ложи, перед ним – небольшой четырехугольный стол, обтянутый голубою, как драпировки, материею и обитый внизу золотою бахромою. На левой стороне против секретаря устроено точно такое же место для казначея, по левой стороне секретаря сидит просто на скамейке оратор ложи, а на левой – церемониймейстер.

Наша ложа была гораздо красивее, богаче и приличнее сооружена для масонской ложи [из] всех здешних лож; она отличалась также и действиями своими в пользу ближних.

Наружные обряды во время работ масонов в ложах основаны на аллегории сооружения Соломонова храма.

Храм этот есть чистейшая нравственность и высшая образованность всего человечества и, стало быть, совершенного счастия, для достижения чего братство масонов должно непрерывно трудиться над обогащением себя всеми нравственными добродетелями, возвышающими душу и сердце, а ум –

познанием наук, – так необходимых средств, чтобы помочь человечеству соорудить в мире Соломонов храм.

Ложа наша с малыми своими финансовыми средствами устроила из своих членов особый комитет, которого обязанность состоит в том, чтобы нуждающихся, которые по своему положению не могут протягивать рук за милостынею, а терпят крайнюю нужду, отыскивать и, осведомясь подробно о нравственности, положении и нуждах таковых, представлять об них ложе, которая под председательством Великого мастера распоряжается, кому какое делать пособие: кто получает квартиру, кто – небольшое месячное содержание, кто – единовременное пособие дровами, съестными припасами и т. п.

Ланкастерские школы

Федор Николаевич Глинка, я и Греч, мы вознамерились составить Общество распространения ланкастерских школ в России[45]. Много из братий нашей ложи изъявили желание вступить в это общество. [*Написав устав статута общества, представили через министра народного просвещения к его величеству на утверждение.*]

Греч составил для этого легкого способа учения грамоты необходимые ланкастерские таблицы, [которые] и представлены были в министерство народного просвещения; министром же тогда был князь Александр Николаевич Голицын, жестокий мистик, посвященный в мистики в мартинской ложе[46], управляемой Александром Федоровичем Лабзиным[47].

По получении царского разрешения на составление Общества распространения ланкастерских школ в России, немедленно приступили к избранию председателя общества, которым и избрали меня.

Первую примерную школу положено было нами [*устроить*] здесь, в Петербурге, на виду всех. По нашим средствам мы должны были устроить эту школу в очень скромном виде в Коломне в одной из отдаленных улиц в деревянном простом доме, в котором весьма удобно могли учиться до ста и более учеников[48]. Эта невзрачная по наружности школа очень согласовалась с учениками, которые должны были в ней учиться, потому что эти школы устраиваются по правилам Общества только для крестьянских детей, бедных мещан и мастеровых.

Я слышу, что нас многие обвиняют и говорят, что лучше было [бы], если бы мы не набирали в нашу школу такую ватагу босоногих мальчишек, а взяли бы треть или четверть их да

устроили школу более в видном месте и более приличном для порядочной школы помещении, а не в старом, весьма некрасивом деревянном доме. Господа обвинители наши забыли, что наша главнейшая цель состоит в том, чтобы стараться о быстрейшем распространении грамотности в простом народе. Отечеству нужны учащиеся грамоте, а не здания, в которых они учатся. Министерство народного просвещения вздумало было учредить несколько времени назад ланкастерскую школу в Петербурге, ассигновав на это двести тысяч рублей, выписало из Америки учителя, знающего эту методу, приобрело для этого большой каменный дом на канаве против церкви Николы Морского. Не знаю, по какой причине, но эта школа не состоялась, и американский учитель уехал.

У нас каждый член платит 30 рублей в год. На эти деньги устроена и содержится школа, учит как хороший человек и добрый учитель, умеющий хорошо обращаться с мальчиками простого быта, которого Общество снабдило полною инструкциею, как преподавать грамоту этою методою.

Для соблюдения необходимого порядка при учении почти сотни всякой день приходящих в школу уличных мальчиков положено обществом, чтобы члены, которым положение их позволяет, по 4 человека каждый день дежурили в школе поочередно, наблюдая за поведением и прилежанием учащихся.

Вступающие в школу в первый раз должны быть приводимы в школу родителями, а коли их нет, то теми, у кого живут, где дежурными членами принимаются, записываются в алфавитную книгу их имена и фамилии, как имена их родителей, а также и место жительства, и назначают ему его место на скамейке в классе.

В назначенные часы классов ученики приходят в переднюю комнату школы, где встречают их дежурные и отводят в классы на их места. По окончании классов дежурные выводят их попарно на улицу, которою ведут их до первого перекрестка, где уже все [*ученики расходятся*] по своим жительствам. По временам посылаются дежурящие члены в жительства учеников узнавать [*от родителей, соседей и через дворников*], хорошо ли они себя ведут и послушны ли родителям и учтивы [ли они] со старшими. Хорошо себя ведущие и хорошо учащиеся получают награды, состоящие из обуви и, по возможности Общества и по степени прилежания, – фуражками и некоторыми частями одежды. За большие шалости и дурное поведение и непокорность родителям наказываются стыдом, что в нашей школе приняло большую силу. Быть поставлену у дверей класса со щеткою в руках, к счастию, очень страшит, и теперь очень редко встречаются наказанные.

Вредных больших шалунов, на исправление которых не предвидится надежды, мы отлучаем, чтобы не заражали своими шалостями других.

Мы так счастливы, что школа наша хорошо и успешно идет вперед.

Когда Общество наше сформировалось и школа [*вошла в*] свое действие, мы в первом собрании нашем избрали в почетные члены графа Кочубея[49], графа Разумовского и полного генерала Аракчеева, написали к ним письма от Общества, [*приглашая их принять звания почетных членов, и я*] поехал сам отвозить к ним эти письма. Два первые гордеца, так известные своею надменностию и чванством, отговаривались недосугом, меня не приняли, а попросили от меня письма, которые я и отдал. Не может быть, чтобы недосуг был причиною, что они меня не приняли, а, вероятно, мои 24 года[50] и чин отставного флота лейтенанта, председателя, избранного Обществом, когда они в этих званиях привыкли видеть генералов, поставляемых на эти места правительством.

От них поехал я к Аракчееву, от которого ожидал себе той же участи, но обманулся. Правда, трудно было мне добиться, чтобы обо мне доложили Его Высокопревосходительству.

Приехав к деревянному одноэтажному на Литейной дому, в котором живет Аракчеев, я отворил дверь на небольшую деревянную лестницу, ведущую в комнаты, перед которой встретил меня унтер-офицер в сертуке с галунами на воротнике и обшлагах с вопросом: "Кого вам надо?" – "Мне нужно графа Аракчеева, и потому покажи, как мне пройти в приемную – там я найду кого-нибудь, кто доложил [бы] его сиятельству о моем приезде". Со многими расспросами и предосторожностями впустил меня унтер-офицер на лестницу, по которой я вошел в небольшую переднюю, где меня встретил военный писарь унтер-офицерского чина с таким же вопросом, как и внизу: "Кого вам надо?" – и получил тот же ответ, что мне нужно видеть графа Аракчеева и передать письмо. – "Этого нельзя и пожалуйте ваше письмо, я передам дежурному атютанту, он передаст дежурному штаб-офицеру". – "Письма моего я ни вам, ни атютанту, ни дежурному штаб-офицеру и никому, кроме самого графа, не дам. Проведите меня в канцелярию, где бы я мог найти человека, который мог бы доложить о моем приезде".

Меня ввели в канцелярию, большую комнату, разделенную по длине пополам перегородкою – первая половина вроде приемной, а вторая есть канцелярия. Проводивший меня в приемную писарь исчез от меня в канцелярии. Через несколько времени пришел ко мне дежурный атютант [и спросил] довольно надменно: "Что вам от графа надо?" – "Что мне

надо от графа, это я скажу самому графу, когда буду иметь честь говорить с его сиятельством, а теперь я вас прошу доложить графу о моем приезде". – "Графу я не могу докладывать, а скажу дежурному штаб-офицеру".

Через несколько минут подошел ко мне господин в полковничьих эполетах с крайне удивленной физиономией, что какой-то молодой лейтенант осмеливается так настоятельно требовать, чтобы об нем доложили – и кому же? – графу Аракчееву! С теми же допросами, что и атютант, кто я и что мне от графа нужно, и [*требуя*], чтобы я отдал ему мое письмо, а он отдаст Клейнмихелю[51], а он доложит графу, и получил тот же ответ. Он два раза уходил от меня и возвращался опять ко мне убеждать меня отдать ему письмо, и что Клейнмихель непременно передаст мое письмо графу. Я видел через канцелярию, как он два раза хватался за ручку замка последней двери, вероятно ведущей в присутственную комнату Клейнмихеля. Наконец он исчез в этой комнате, а через несколько минут явился с заносчивым и гневным видом господин Клейнмихель и, подошед ко мне, довольно высокомерно спросил меня: "Что вам надо от графа?" – Я отвечал, что имею письмо к его сиятельству, которое хочу отдать лично графу. "И прошу вас, генерал, доложить графу, что председатель Общества распространения ланкастерских школ в России граф Толстой желает иметь честь лично вручить его сиятельству просьбу Общества о благосклонном принятии звания почетного члена Общества распространения ланкастерских школ во всей России, в которые в первое свое общее собрание [он] был избран".

Очень неохотно господин Клейнмихель, но должен был идти доложить графу о моем приезде, потому [что] я решительно ему сказал, что только в собственные руки графа я отдам это письмо.

Не прошло и четверти часа, как вернулся господин Клейнмихель ко мне совсем другим человеком. Куда девалась его генеральская надменность – он очень учтиво подошел ко мне и сказал: "Граф просит вас войти в гостиную, он сейчас к вам выйдет", – и, проведя меня туда, ушел.

Не прошло и 10-ти минут, как вышел из противуположных дверей [тем], в которые я вошел, и сам граф и, подошед ко мне, весьма ласково со мной поздоровался и сказал, что очень рад меня видеть, и при этом сказал несколько весьма лестных слов насчет моих занятий. Объяснив причину моего явления, я вручил графу письмо от Общества, которое он, прочтя, поручил мне благодарить Общество за сделанную ему честь и [сказал], что он будет благодарить и письменно. Потом повел меня в свой кабинет, где, посадив возле себя на

7 — 1839

диван, весьма подробно стал расспрашивать о составе, цели и средствах общества. Весьма подробно по его желанию я объяснил, как производится учение грамоте по методе Ланкастера и преимущество ее пред обыкновенным учением.

Я был чрезвычайно удивлен, с каким вниманием входил [он] в малейшие подробности ланкастерской методы и обещался непременно быть в нашу школу до отъезда его в Грузино[52]. При этом граф завел речь о Грузине, которое очень хвалил мне и, узнав, что я никогда там не был, приглашал меня непременно быть там нонишнее лето, как в самом замечательном месте около Петербурга в отношении священной истории, ибо полагают, что в Грузине был распят св. Андрей Первозванный[53].

– "Приезжайте, я вам покажу это замечательное место и военное поселение", – о пользе которого он мне много говорил.

Три раза подымался я уходить, но граф все меня удерживал, и я более трех четвертей часа пробыл у него, восхищаясь и удивляясь его умным и ласковым приемом, мне сделанным. Что умным немудрено – известно всем, как граф умен и сведущ, а что ласковым, то я бы не поверил, если б это не случилось со мною, потому что также известно всем, что **граф Аракчеев не отличается мягкостию сердца.**

Раскланявшись с графом [и] выйдя в гостиную, я хотел затворить за собою дверь, но не мог – граф был в дверях и шел за мною в гостиную, из нее вошел, провожая меня, в приемную, которую прошел всю, весьма ласково разговаривая, и со мною вместе вошел даже в переднюю, и оставался в ней, и смотрел как я, отдав ему последний поклон, стал сходить с лестницы.

Встреча и проводы, сделанные мне графом, привели в совершенное изумление всю его канцелярию.

Не прошло и недели после того, как я был у графа, как он приехал в утренние часы нашей школы, когда уже ученики сидели по скамейкам. Встретив графа в первой комнате с дежурными членами, с каждым из которых весьма ласково и подробно он говорил о его обязанностях. Когда началось действие школы, он с большим любопытством на все смотрел и обо всем расспрашивал. Видно было, как его сильно занимала эта метода учения грамоте, и [он] очень ее хвалил.

Входя в класс, [он] увидел одного мальчика, стоящего в углу с метлою в руках, и спросил меня, что это значит. "Он так тут поставлен в наказание за непослушание и грубость, сделанную родителям". Я объяснил графу, что в правилах Общества с учением грамоте детей бедных крестьян и других простолюдинов

у нас положено наблюдать и за их нравственностию и исправлять ее, сколько позволяют средства Общества, и вне школы, в их домашнем житье. Отпустив наших учеников домой, мы стараемся узнавать посредством дежурных членов, как учащиеся у нас до появления на другой день в школу вели себя. По собрании всех учеников учитель и дежурные члены вызывают мальчиков, которые сделали какой-нибудь проступок или сурьезную шалость, заслуживающую наказания, и тут, по мере проступка каждого, делается кому просто увещание, [кому] наставление и самое наставление, на стыде основанное.

Этот мальчик не хотел слушаться родителей и вдобавок нагрубил. Граф, с весьма серьезною физиономиею выслушав меня, прямо пошел в угол к мальчику (я последовал за ним) и стал ему объяснять все пагубные следствия неуважения и непослушания к родителям и старшим. Наставления его мальчику продолжались довольно долго и были так убедительны, что мальчик горько расплакался, прося прощения и обещаясь совсем исправиться и никогда не грубить и слушаться, – и на деле исполнил, потому что впоследствии он вышел из школы одним из лучших учеников.

Увидев на практике методу ланкастерского учения грамоте, граф нашел ее лучшею для детей простого народа и очень хвалил весь порядок, заведенный в нашей школе, а особливо надзор за учением и нравственностию учеников. Прощаясь, сказал нам много лестных приветствий насчет состава Общества.

Впоследствии он не раз бы[ва]л в нашей школе.

Мистики

Говоря о существовании здесь масонских лож, должно сказать о существовании здесь и одной тайной мартинистской ложи под управлением Александра Федоровича Лабзина, конференц-секретаря Академии художеств. Точно ли это такая мартинистская ложа и того же направления, как появившиеся в восемнадцатом столетии на Западе Европы мартинистские ложи, вышедшие из мистических и иллюминатских[54] сект, в то время во множестве существовавших в Европе, я не знаю, потому что масоны ни с мартинистами, ни с иллюминатами, ни с мистиками не сходятся.

Если я не знаю, что такое здешняя мартинистская ложа, то хорошо знаю главу этой ложи, господина Лабзина. Это очень умный, образованный, начитанный человек и хорошо владеющий пером – он некогда издавал мистический журнал “Сионский вестник”, перевел и написал несколько мистических

книг, человек властолюбивый, чрезвычайно занятый своим умом. И как все, принадлежащие к мистическим сектам, он старается выставлять себя одаренным свыше сверхъестественным откровением религиозных таинств и, чтобы убедить в этом кого им хочется и кого они надеются убедить в этом в разговорах с ними, они свои речи облекают в мистические формы, перемешивая с текстами священных писаний. Чрезвычайно надменного и деспотичного характера эгоист. В ложе, которою он управляет, с братьями он обращается совершенно деспотически не только при работах в ложе, но и вне ее в совершенно посторонних делах, никто не смеет ему ни в чем перечить и должен раболепно исполнять все его повеления, и даже делать значительные издержки в его угоду.

В Академии ходит очень много толков об очень нечестных проделках Александра Федоровича, которые все передавать считаю излишним, а для примера расскажу два или три очень разительных случая, определяющих его нравственные качества. У нас служил в академической конторе писцом очень бедный тихий и прилежный молодой человек, завербованный Лабзиным в его мартинистскую ложу и определенный в академическую контору. Раз, быв в конторе, Лабзин спросил, который час. Определенный им писец вынул свои часы, чтобы показать ему, Лабзину, который, увидев эти часы, с большим удивлением спросил, откудова у него такие дорогие настоящие брегета[55] часы? Чиновник [отвечал], что это – единственное наследство, данное ему на память покойным отцом. "Как ты это держишь такую драгоценную вещь у себя, тогда как знаешь, что есть столько нуждающихся даже в пище? По правилам нашей ложи ты хорошо знаешь, что братья должны свои излишние драгоценные вещи отдавать в ложу на пользу бедных, а ты можешь завести себе дешевые простые часы, чтобы знать время".

Озадаченный бедный чиновник со слезами отдал ему свои часы, которые не пошли на пособие бедным, а которые он без зазрения совести носил на виду всей Академии (очень хорошо знавшей эту бессовестную его проделку с самым бедным чиновником нашей конторы) до выключки его из службы и ссылки его в одну из дальних провинций под надзор полиции, и которые он увез с собою в ссылку, где он и умер[56].

Лабзин, любя домашние театры и считая себя отличным декламатором, устроил домашний театр из своих знакомых и некоторых членов его ложи, на котором играл иногда и сам, но более всего любил распоряжаться и учить играющих. А как играли у него, я не знаю, потому что ни разу не видел, а говорят, что все играют не по своему таланту, чувствам и способностям, а как приказывал Лабзин, и потому все, играющие в пие-

сах у Лабзина, говорят, ходят и действуют совершенно как один, и потому в их игре нету ни малейшей натуры. Но господину Лабзину это-то и нравится. Он говорит, что в игре каждого актера должно быть видно его глубокое изучение отличной школы, а представляя просто по внушению чувств действия, описанные в пиесе, они покажут публике, если и хорошо сыграют, просто само событие, а не представят на сцене это событие в особенно изящных формах, как требует того отличная школа, изобретенная Александром Федоровичем.

Но я заговорил о домашних театрах Лабзина не для того, чтобы высказать его мнение об сценическом искусстве, а чтоб выставить по поводу этих домашних спектаклей также порядочно грязную проделку его с одним молодым человеком, завербованным им в ложу мартинистов. Это сын одного недавно умершего очень достаточного московского купца, кончивший здесь, не знаю где, курс наук для вступления в службу, но по несчастию как-то познакомившийся с Лабзиным, который, обладая даром речи, совершенно завладел умом неопытного молодого человека, посвятив его в мартинисты, и сделал его совершенно своим рабом. Этот молодой человек имел на Васильевском острову свои три деревянные порядочно большие дома, которые он отдавал внаймы. Александр Федорович, затеяв давать домашние спектакли, не имея в своей казенной квартире довольно большой залы, заставил этого молодого человека один из его домов переделать в домашний для себя театр. Все это и декорации он должен был делать на свой счет, как и освещение и наем театральных работников для перемен декораций. Приглашенных на спектакли гостей своих Александр Федорович всегда угощал, за что тоже платил тот же молодой человек. Довольно долго нес он это бремя терпеливо, хотя оно было ему уже порядочно тяжело. Наконец, он увидел, что, продолжая так жить, ему придется расстроить свое состояние. Но Лабзин, пользуясь саном главы мартинистской ложи, умел так забрать его в свои руки, что он никак не смел и подумать высвободится из них, хотя вместе со многими ужасно жаловался на поступки Лабзина. Некоторые из его родных написали об этом к его родному дяде, который вскоре сюда приехал и увез его с собою в Москву, чем и избавил его от пагубной способности господина Лабзина увлекать и удерживать в своей зависимости неопытную молодежь и тупую и слабохарактерную зрелость.

Окроме главных его действий, в которые им с Магнитским[57] была пущена в ход мистика, чтобы посредством ее, при большом искусстве увлекательно говорить, выигрывать доверенность вельмож и употреблять ее для своих выгод. А

перед другими, от которых Лабзину не предвиделось получить существенную выгоду, он, из тщеславия отуманивая их умы, старался в них поселить о себе мнение как о человеке, одаренном свыше всеведением, и перед которым открыты и все сокровенные таинства религии.

Мистические проделки Лабзина не только что обирали и дурачили попадавших к нему в руки, но были иногда и совершенною гибелью для некоторых, как меньшой дочери старика Гловачевского[58], [*инспектора Академии художеств,*] девушки гораздо за двадцать лет. В одно время после тяжелой болезни она очень медленно поправлялась от слабости. Александр Федорович, посещавший ее, нашел, что ей нужна духовная пища, и начал ее потчивать мистическими своими учениями и доучил до того, что бедная впала в белую горячку, молилась на Лабзина, перекрестясь, целовала его руку и делала другие подобные глупости, а когда оправилась так, что могла всюду ходить, приходила всякой день поутру и ввечеру к двери лабзиновой квартиры и, перекрестясь, целовала ручку замка его дверей. Белая горячка вскоре обратилась в настоящее сумасшествие. Она стала ходить, сбросив с себя всю одежду, совершенно голая, [полагая,] что [одежда] – это плотское украшение, которое человек, посвященный духовной жизни, презирает, и, когда не усмотрят, убегала к лабзиновой квартире целовать ручку дверей. К счастию, она скоро умерла.

У нас нониче между знатными обоего пола расплодилось ханжей и мистиков довольно много. Злейший между ними это Александр Николаевич Голицын, министр народного просвещения, один из самых близких к царю сановников. Магнитский, Попов[59], Лабзин, Александр Тургенев[60] – это самые доверенные его особы и советники, как в его личной жизни, так и по управляемому министерству народного просвещения, которое в руках Голицына и его клевретов не только что не принимает никаких мер для распространения в России необходимого ей образования, но напротив того, где оно по собственному стремлению к познаниям и без помощи правительства показывается, стараются всеми силами препятствовать, представляя царю, которого также сумели сделать мистиком, что распространение образования может быть опасно.

Всякой, кто учится, кто жаждет образования, кто в службе идет прямой дорогой, кто не страшится никому говорить правду в глаза, кто не унижает себя лестию, кто не гнет спину ни перед кем, того они называют вольнодумцем и представляют царю опасным человеком.

Сюда недавно приехала из-за границы, как говорят, умная женщина, исполненная в высшей степени мистического уче-

ния, у которой все здесь знатные мистики и ханжи обоего пола собираются слушать ее поучения и даже принимать ее благословения, стоя на коленях, как от высшего существа. Князь Александр Николаевич Голицын смотрит на нее чуть ли не как на самого Христа. Добрый император наш, сделавшийся глубоким мистиком, ездит к ней слушать ее поучения и принимать ее благословения, как говорят, также становясь на одно колено. В самом ли деле она верит и предана учению мистики или под видом ее у ней есть какая-то скрытая цель, или приехала [она] только из тщеславия подурачить наших знатных ханжей?[61]

Между завербованными Лабзиным в его ложу находится один молодой, нам знакомый человек, по фамилии Прянишников[62], умный, порядочно воспитанный, хотя не обладающий никакою особою способностию ни к литературе, ни в других дарованиях, зато наделен большою сметливостию и умением снискивать к себе благоволение высших.

Зная очень хорошо, что посредством протекции гораздо легче и несравненно скорее можно проложить себе дорогу к чинам и наградам, нежели усиленным трудом при всем знании своего дела, и смекнув о выгодах, которые можно было приобресть от мистического направления министра народного образования и главного начальника почт, [он] поспешил приобресть особое благоволение Лабзина, который и ввел его в дом князя Александра Николаевича Голицына, где он сумел очень скоро сделаться домашним человеком. В это время князь был очень дружен с госпожой Хвостовой[63], как рассказывал бывало батюшка, знавший ее в молодости, что она тогда была такой разгульной жизни, что несмотря, что была очень хорошей фамилии и модного круга, ее ни в одном хорошем доме не принимали. А теперь, когда разгул отказался ей служить, она сделалась отчаянною ханжою и мистиком. У [нее] есть [дочь], лет 20-ти, очень невзрачная собою, худая, болезненная, плохо воспитанная и капризная[64]. Слухи носятся, что явлением ее в свет [*мать*] обязана Александру Николаевичу, а другие говорят Горголи. Вероятно, первому, потому что смышленый и рассчетливый Прянишников женился на ней, [*конечно*] будучи уверен получить в приданое протекцию министра (посредством которой впоследствии Прянишников получил весьма значительное место петербургского почтдиректора, получающего в свою пользу [*всю выгоду*] в газетной иностранной экспедиции почтамта, доходившую до 125 тысяч ассигнациями).

Появились здесь и другие религиозные скопища, как у госпожи **Татариновой**[65], где все церковные постановления и об-

ряды всех христианских исповеданий не признаются, а имеются свои, проповедуемые Татариновой, главою этой сумасбродной секты. В чем состоит сущность их религиозного верования, я не знаю, а обряды их во время молитв состоят в том, что обоего пола члены этой секты, сойдясь в одном зале татариновой квартиры, садятся на скамейках, устроенных кругом стен, и погружаются в молитвы и размышления, и остаются в этом положении, покудова на одного из них не сойдет свыше священное вдохновение. И тогда удостоенный этой благодати, оставив свое место, начинает бесноваться до совершенного изнеможения и потом уже начинает преважно нести какую-то высокопарную непонятную чепуху, перемешанную библейскими текстами и словами Спасителя; это говорится по большей части стихами или просто рифмами. Это – болтовня, которую, разумеется, никто из слушающих не понимает, но все принимают как послание свыше, а Татаринова, как вдохновенное свыше лицо, делает толкование и объяснения этому посланию. В секте Татариновой это наитие всегда сходит на одного **барабанщика** Преображенского полка[66].

Подобные секты существуют в Америке и существовали и в Германии. Татаринова, выдавая себя посредницею между своими единоверцами и Спасителем, объясняет им их недоразумения и дает решения на их к нему просьбы. Мало того, она завела и переписку с Христом. В важных случаях она пишет письма к Спасителю, кладет их за его образ и через несколько дней получает ответ, который и сообщает или всему братству, или только тем, до кого это касается. Ответы бывают неровные – иногда скорые, а иногда довольно продолжительные, вероятно по трудности работы, задаваемой Спасителю, или по отлучке его в отдаленные планеты на то время, а может быть, и по неисправности небесной почты, как наша.

Каковы должны быть люди, составляющие эту секту?! А между тем князь Александр Николаевич Голицын, министр народного образования, бывает иногда в их молитвенных собраниях. А что Лабзин с нею, как говорят, в сношениях, немудрено.

Мне очень хотелось видеть их религиозные обряды, но Татаринова никак не позволяет меня вводить, не знаю почему, тогда как некоторым позволяется – Ф.Н. Глинка был там не один раз.

Полиция вскоре открыла это общество и запретила им сходиться, а следствие, произведенное над этим обществом по повелению государя, открыло, окроме их глупых непозволительных религиозных верований и обрядов, описанных мною, еще какие-то под видом религии тайные, совершенно безнравственные действия, и Татаринова с некоторыми чле-

нами их секты отправлена [была] в Сибирь[67], а другие – в дальние города под надзор полиции.

В это же время открылась еще одна ужасная секта, не признающая догматов нашей церкви[68]. Не знаю в подробности, в чем состоит их учение, а известно, что они не признают некоторых таинств, а может быть, и всех, – не знаю. Но у них не только нету браков, но совсем нету парных связей мужчин с женщинами, но существуют только одни переменные плотские общие соединения, без всякого разбора родства. По их религиозному верованию дозволяется плотское соединение матери с сыном, отцу – с дочерью, брату – с сестрою. Как могла составиться и существовать в девятнадцатом веке такая гнусная развратная секта, я не понимаю.

Эта [*секта*] открыта по письму дочери статского советника **Попова**, члена этой секты, который требовал, чтобы она вступила в их секту, но [так] как она решительно отказалась, он вознамерился посредством строгих мер принудить ее войти в их подлое братство. Но она, несмотря на страшные страдания, постоянно отказывалась исполнить желание отца, державшего несчастную страдалицу скрытно в чрезвычайно тесном чулане на замке, от которого ключ [он] имел всегда при себе, – в тесном чулане без кровати, где она не могла и лечь, на хлебе и воде, и сверх того изверг-отец почти всякой день ее сек. Приставленный к ней сторож, [*наконец*] сжалясь над ней, по ее просьбе достал ей бумаги и карандаш и тайно передал ей. Она написала письмо к одним из своих родных или знакомых, не знаю. Этот же сторож и передал это письмо по адресу, а те представили письмо военному генерал-губернатору, по распоряжению которого полиция немедленно освободила несчастную страдалицу, захватила членов этого ужасного общества. По окончании следствия, как говорили в городе, Попов был сослан в Сибирь[69].

Около этого времени получил я от министра народного просвещения замечание, как мог я, производя портрет императора, представить его в виде Родомысла, славянского божества, хотя и баснословного, но все-таки божества. И впредь строжайше мне запрещается, как и всем художникам, представлять людей в виде каких бы то ни было мифологических богов. Прочтя в Совете[70] это замечание и запрещение господина министра народного образования, мы порядочно над ним похохотали.

Алхимик Алексеев

Раз появилась здесь розовая китайская краска с металлическим зеленоватым отблеском, слывшая под названием “ки-

тайских румян", которую мне хотелось иметь и которая, как мне сказали, находится только у одного продавца китайских чаев и некоторых москательных товаров[71], торгующего на Андреевском рынке Васильевского острова и мне хорошо знакомого человека. Явясь к нему, я уже не нашел у него этой краски – она была вся продана и ни у кого здесь не имеется.

"Если эта краска вам так нужна, – сказал он мне, – то здесь есть такой человек, который все знает и все может сделать и от которого на свете нет ничего скрытого. И он мог бы сделать эту краску, если бы можно было с ним сойтись. Но это невозможно, потому что он совершенно ни с кем не знакомится, ни к кому на свете не ходит и к себе в дом не пускает никого. Он живет совершенно один на своей фабрике на Петербургской стороне на конце Большого проспекта в Глухом переулке, где он запирается на всю неделю, выходя только раз в неделю по субботам в свой магазин различных китайских и других лаков, клеев, гумий[72], олиф, спиртов, разных настоек и других химических составов, употребляемых на различных фабриках. Продажею продуктов этого магазина и надзором за порядком и исправностию сидельцев заведует в продолжении недели жена этого необыкновенного человека, который приходит только по субботам к жене для свидания с нею и поверки счетов, а в воскресенье отправляется опять на всю неделю к себе на фабрику".

Все это было мне сообщено купцом с такою таинственностию, что породило во мне сильное желание покороче узнать эту интересную личность, и я просил купца познакомить меня с ним. Долго отнекивался он от моей просьбы под предлогом, что Алексеев решительно не хочет ни с кем не только знакомиться, но и видеться. Но наконец он по убедительной моей просьбе решился в первую субботу, в которую он по своим торговым делам увидится с Алексеевым в его магазине, говорить ему о моем желании с ним видеться и переговорить, и сообщить мне его ответ.

Недели через полторы я получил письмо от моего знакомого купца, что Алексеев очень хорошо меня знает по моим художественным занятиям и привязанности к естественным наукам и что он с удовольствием меня примет у себя на фабрике на Петербургской стороне в конце Большого проспекта в Глухом переулке в его собственном доме[73], где я могу его застать всякой день с 8-и часов утра.

На другой же день по получении письма в 8 часов утра я отправился отыскивать фабрику Алексеева. Это было в хороший ясный день к концу лета. Скоро нашел Глухой переулок – в настоящем смысле этого слова, потому что во все его продол-

жение по обе его стороны нет ни одного жилого строения – все одни высокие заборы. Пройдя весь переулок, я уперся в поперечный, еще выше забор, соединяющий между собою боковые заборы переулка. В этом заборе посредине находятся ворота, запертые изнутри, над которыми написано: "Дом мещанина Алексеева". В воротах есть небольшая калитка, запертая дверным замком, сбоку которой висит веревка колокольчика, в который я и позвонил, на что тотчас отозвался сильный лай большой собаки, но человеческого движения не было слышно никакого. Но наконец послышались легкие шаги человеческого существа, подходившего к калитке, а вслед за тем отозвался голос мальчика, лет 15 или 16: "Кто там?" – Я отвечал. – "Что вам надобно?" – повторил мальчик, все не отворяя калитки. Я, повторив мою фамилию, сказал, что желаю видеть господина Алексеева. "Ну так подождите, – возразил мальчик, – я ему скажу". И тем же шагом, как пришел, оставил калитку.

Минут через пять послышались опять шаги подходящего к калитке, но уже взрослого человека, защелкал замок и отворилась калитка, и я увидел в ней сопутствуемого огромною черною собакою средних лет человека, по виду лет 37 или 38...[74], довольно высокого росту, очень хорошо сложенного, стройного, с весьма правильными и довольно красивыми чертами продолговатого, очень умного и весьма кроткого лица, в темно-серых глазах которого отражается глубокая дума. Небольшая светло-русая борода и волосы его как нельзя лучше гармонируют с несколько бледноватым лицом этой фигуры, одетой в простой нагольный полушубок и широкие темного цвета шаровары.

Эта так сильно поразившая меня своею необыкновенною привлекательною физиономиею личность весьма ловко и радушно пригласила меня войти во двор, куды вошед, я не без смущения подошел к этому с первого взгляду так сильно меня заинтересовавшему человеку, чтоб спросить его, могу ли я видеть господина Алексеева (которого я представлял себе седым стариком с сурьезною строгою физиономиею). Каково же было мое удивление, когда этот еще в цвете лет стройный человек с открытым приветливым лицом, к которому я адресовался с моим вопросом, отвечал мне: "Граф, вы его видите перед собою".

Алексеев пригласил меня войти к нему в дом и, замкнув тщательно калитку, повел меня по большому четыреугольному двору, обнесенному очень высоким забором, совершенно сплошным, без всякого другого выхода, окроме того, которым я вошел на этот двор и в котором видно, что произво-

дится постоянная деятельность, и именно – по части химии, что доказывают устроенные на дворе отдельные небольшие горны и другие печи, сараи с припасами, относящимися к химическим операциям, чуланы с большими стеклянными банками с различными настойками и другими стеклянными сосудами с различными составами жидкостей, из которых в иных видны разные осадки.

Пройдя двор, хозяин привел меня к своему дому, маленькому, деревянному, находящемуся у противоположного входным воротам забора, в правой стороне которого отдельно находится обширная химическая лаборатория в полном составе, с плавильными печами, горнами, с паровыми и песочными ваннами, снабженная всеми необходимыми при химических производствах аппаратами, как-то: колбами, ретортами, круглыми бутылками с длинными горлышками разных форм и величины и другими сосудами белого огнепостоянного стекла, тигелями и горшками для плавки металлов, так и разными металлическими снарядами, необходимыми в химических работах[75].

Небольшими сенями в правой стороне одноэтажного, очень небольшого деревянного дома вошли мы одностворчатою дверью, находящеюся в левой стороне посредине сеней, в довольно обширную комнату о трех окнах с белыми кисейными занавесками на фасаде. На стене против окон посредине стоит старинное красного дерева [*канапе*[76]] с таким же столом, с подушками, обтянутыми волосяною материею, как и все стулья этой комнаты. По сторонам канапе стоят два довольно большие шкапа с книгами. В одном из них, судя по переплетам с застежками, по большей части священные. В одном углу стоят стенные гирные очень хорошие весьма старинные часы в высоком массивном чехле красного дерева. Над канапе находится большая полка с книгами новейших наших лучших литераторов и поэтов, а у одного окна на столике стоят гусли. В стене направо от канапе – дверь в следующие комнаты. При этой весьма скромной обстановке везде виден порядок и чистота.

Разговор наш, начавшийся еще идучи по двору и продолжавшийся на канапе, как разумеется, сперва о химических занятиях господина Алексеева по его фабрике, а потом и вообще о химии, в которой он выказал очень обширное знание, как и в физике и механике. В этом разговоре он, совсем не зная других языков, кроме русского, показал полное сведение о многих исследованиях и открытиях по этим наукам в Европе, в самое недавнее время появившихся в ученых журналах на иностранных языках, которых в переводах на русский

язык, по новизне, не могло еще нигде появиться, что меня чрезвычайно удивило, [*и я его спросил, как он мог, не зная иностранных языков, иметь эти сведения об новейших открытиях, появившихся в свет на иностранных языках. И он мне отвечал: "Кто истинно захочет что узнать, тот будет уметь до этого добиться"*.]

Переходя в разговоре от одного предмета к другому, в суждении о которых он выказывал так много ума и верных определений, коснулись мы и русской литературы, старинной и новой, которую он очень любит, а особливо поэзию, и знает очень хорошо все произведения наших замечательных поэтов.

Я проговорил с этим чрезвычайно интересным человеком, и вместе с тем обладающим даром красноречия, с 8 часов утра до трех часов пополудни, совершенно не заметив этого времени. Мы, кажется, друг другу очень понравились, и он, прощаясь со мною, просил меня посещать его и [сказал,] что он будет всегда рад моему приходу, что я с большим [удовольствием] обещал исполнять[77].

Пришед домой, мысли мои были беспрерывно заняты новым, так любопытным знакомым и всем, что у него видел и от него слышал.

На этой же неделе я уже был два раза у Алексеева и с таким же наслаждением проводил с ним время. Разговоры его обо всем делаются час от часу интереснее. Этот человек прекрасных правил, держась православия, очень набожен, но весьма благоразумно, и в нем нету никакого ханжества, а заметна небольшая наклонность к мистицизму. Он весьма интересно и любопытно выводит из писаний некоторых церковных книг законы химии и физики. Таинственность, с которою он занимается своими химическими работами, и совершенное его убеждение о влиянии планет и созвездий не только на Землю как все планеты между собою, но и на судьбы людей, наводят меня на подозрение, что Алексеев занимается не одною чистою химиею. А как он предложил мне быть в его лаборатории во время его работ, то я узнаю, справедливы ли мои подозрения.

Недели через три, в которые я почти всякой день был у Алексеева, подозрения мои оправдались – он совершенно верит в алхимию и убежден в возможности посредством ее добиться до открытия философского камня[78]. Не понимаю, как такой умный, образованный и рассудительный человек, как Алексеев, в девятнадцатом веке может верить бредням средних веков. А он верит, и верит от души. Много он говорил мне о своей любимой науке, в которой я ничего понять не мог, [о

том,] как алхимики в своих операциях соединяют вместе химию и физику, [о] влиянии планет и созвездий, и даже [о вере во] влияние некоторых таинственных слов. Нельзя не сожалеть, что такой умный, образованный и деятельный человек, так здраво о всем судящий, может до того заблуждаться, что верит в такую явную бессмыслицу.

Я довольно часто посещаю Алексеева и всегда с удовольствием провожу с ним время. Побуждаемый любопытством, бываю часто при алхимических его операциях, в которые, разумеется что не верю [и в которых] не могу ничего понять, хотя и получаю точные объяснения.

Вчера и третьего дни вечером я пробыл у Алексеева до второго часу по полуночи, наблюдая, как он собирал в какую-то жидкость в колбе белого стекла лучи Луны во время полнолуния и был очень доволен этою операциею, по окончании которой, показывая мне колбу с жидкостью, в которую он собирал лунные лучи, говорил, что в ней находится полное количество этих лучей. Как он их мог там видеть, не знаю, потому что жидкость эта, как оно и быть должно, оставалась совершенно тою же, как была и до операции.

Те же следствия были с некоторыми и другими его алхимическими опытами, в которых он видел результаты своих действий, а я ровно ничего. Все это, как и видимые его действия посредством паров соединения разнородных веществ с металлами, смешения жидкостей, спиртов, настоек, газов и эфиров, Алексеев производил по преданиям древних алхимиков. Он был убежден, что занимается не пустяками, а весьма сурьезным и важным делом, тогда как он тратил время, труды и деньги на несбыточные пустяки. Я с сердечным сожалением смотрел на это заблуждение умного, образованного и прекрасного человека. Воспитанный с самого юного детства стариком-дядею, во всю свою жизнь занимавшимся только одними алхимическими опытами, он, можно сказать, сросся с алхимиею и потому верит ей более, нежели здравому рассудку.

Месяца через три после моего знакомства с Алексеевым я должен был кинуть Петербургскую сторону и переселиться на предложенную мне правлением Академии художеств казенную квартиру[79], которую мне дали по той причине, что медальер академик Шилов, определенный по смерти Леберехта Академиею учителем ее медальерного класса, по несчастию, от совершенного расстройства здоровия не мог уже заниматься учением в классе и потому должен был лишиться места и остаться без всяких средств к жизни с своим семейством. Чтоб пособить ему, я предложил Совету, не дозволит ли

он мне вместо него обучать учеников медальерного класса, разумеется, безвозмездно, с тем чтоб не лишать Шилова занимаемого им места и получаемого по оному жалованья. Члены Совета были так добры, что согласились на мое предложение, и я с этого времени слишком четыре года с половиной усердно и рачительно исполнял взятую на себя обязанность.

Незадолго перед этим Ф.Н. Глинка, узнавший от меня об интересном Алексееве, будучи сам порядочно заражен мистикою, очень просил меня познакомить его с Алексеевым, что мне не без труда удалось исполнить.

Дом, назначенный мне для жительства Академиею, построен профессором архитектуры Воронихиным[80] для себя, где он и жил все время до своей кончины. Это – средний из трех деревянных домов, принадлежавших Академии, выходящих на Третью линию. Он невелик по фасаду на улицу и состоит только из четырех окон не очень больших размеров. Над ними большое полукруглое окно верхнего этажа. Боковые фасады, идущие внутрь двора, гораздо больше главного. По линии эти дома соединяются заборами с воротами. Для нас с женою, детьми и сестрою эта квартира очень удобна и хороша. Но для батюшки в ней не было достаточного и покойного размещения, [*почему*] он нанял на острову же особую квартиру, очень недалеко от нас, куды и переехал с братьями Константином и Александром, который тогда уже был в параличе.

Я своею квартирою очень доволен. У меня внутри всех наших комнат довольно большая высокая – в оба этажа – квадратная с куполообразным потолком мастерская, прекрасно освещенная сверху, где я поместил и свою библиотеку.

У нас всегда по вечерам, каждое воскресение, собираются все наши приятели, состоящие большею частию из молодых, теперь отличающихся поэтов, литераторов и отлично образованных некоторых молодых офицеров Главного штаба, и некоторых гвардейских офицеров, посвящающих свободное от службы время наукам и любящих русскую литературу и художества, и мы проводим эти вечера в чтении и разговорах, самым приятным образом.

С переезду моего в Академию я не мог видеться с Алексеевым более двух с половиною месяцев. Нониче Глинка, сошедшийся очень хорошо с Алексеевым, сказывал мне, что он познакомил его с флигель-атютантом князем А.Б. Голицыным[81], пустым, по-барски образованным человеком, который, не зная первых правил механики и никогда ей не учившийся, вообразил, что отыскал средство, как добиться до устройства машины вечного движения, над чем, разумеется, нельзя было не смеяться. А между тем он сумел войти в такую благосклон-

ность к нашему монарху, что имел право входить к нему в кабинет без доклада, когда он не занят государственными делами с министрами и другими государственными чинами. Надо полагать, что к такому сближению Голицына с царем подало повод мистическое настроение, так сильно здесь распространившееся благодаря врагам чести и истины – магнитским, лабзиным и другим, сумевшим втянуть в мистические бредни некоторых знатных особ обоего пола, даже и самого доброго нашего царя [до того], что приехавшая с Запада прехитрая женщина мадам Крюденер, разыгрывающая роль апостола мистицизма, которая окончательно утвердила в нем это заблуждение, и до того, что все единогласно говорят, что Александр Павлович, стоя на коленах, принимал ее благословение. Правда ли это – откроет история его, когда придет время, что можно будет писать **истинную** историю императора Александра I-го, со всеми хорошими и дурными его действиями, как монарха, [так] и человека, переданными потомству [со] строгою верностию с бывшими в его царство событиями.

Ф.Н. Глинка, говоря, что познакомил князя Андрея Борисовича с Алексеевым, рассказал, что Голицын ввел его в кабинет государя и что он очень понравился его величеству, что и не удивительно при уме, познаниях и способности красноречиво говорить этого человека. Алексеев часто бывает у царя, и они иногда очень долго разговаривают. Любопытно было бы послушать эти разговоры. Алексеев представлял некоторые опыты своей алхимической лаборатории к добытию “философского камня” его величеству, которыми он, как говорят, был очень заинтересован и от которых Алексеев, а за ним Андрей Борисович Голицын и даже Ф.Н. Глинка ожидают полного успеха. Можно охотно смотреть из любопытства и даже следить за алхимическими операциями [и] опытами этого очень умного, но, к сожалению, совершенно обвороженного бреднями средних веков [человека], но как им верить незаколдованным людям, не находящимся под влиянием этой науки, я не понимаю.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.

Глава пятая

Воспоминания разных лет

Чудеса графа Толстого

[Пользуясь моей большой мастерской, в которой я расположил свою библиотеку, увидев физико-механический увеселительный кабинет (до которых я большой охотник) так сильно занимающего петербургскую публику господина Робертсона, недавно приехавшего в нашу столицу, я вздумал устроить подобный кабинет и у себя в мастерской, что и удалось мне устроить с успехом, так что все, видевшие мой кабинет, находили его очень любопытным и интересным.]

Рассказывать, как он устроен и все собственно мною составленные увеселительные фокусные действия, заняло бы слишком много времени. Я расскажу только самые главные и более интересные вещи этого кабинета.

Входя в кабинет в единственные двери из нашей гостиной, по боковым стенам находятся шкапы с библиотекой, а на четвертой стене против самой двери находится футляр стенных часов в виде простой узкой пирамиды, круглый циферблат которых не имеет часовых стрелок, а назначены только одни цифры часов.

Я приношу к зрителям в натуральную величину бабочку, сделанную из воску с бумажными крылушками, и даю зрителям, чтобы они ее приложили к центру циферблата и отпустили ее, где она и остается. И по приказанию их она показывает час и минуты этого времени.

На правой от часов стороне стены, между ими и боковой стеною кабинета, находится небольшая четыреугольная до-

шечка, горизонтально поддерживаемая двумя весьма тоненькими подставками, на которой стоит на низеньком пьедестале фигура, сделанная из воску, не более шести вершков, изображающая арапа, держащего небольшой стальной молоток. У ног статуйки стоит тоненький фигурный столбик, на котором сверху находится медный, полушаром колокольчик. Я снимаю эту статуйку с пьедестала, даю рассмотреть ее зрителям, как и горизонтальную дошечку, на которой она стояла. Потом ставлю ее опять на то'место, с которого снимал. Потом предлагаю кому-нибудь из зрителей взять одну карту из цельной колоды и держать у себя, не показывая мне, и спросить статуйку, какая карта была им взята, и спросить следующим образом: во-первых, какой масти карта, называя порознь: червонная, пиковая, трефовая и бубновая. Статуйка при названии той масти, которой у него карта, наклоняет голову в знак того, что у него карта этой масти, а при названии других она вертит головой из стороны в сторону. При вопросе, какая карта, он молотком по колокольчику [отбивает] то число очков, которое она изображает. Ежели эта карта – одна из фигур, то он выбивает то число, которое обыкновенно приписывается этим фигурам: королю – 13, даме – 12 и валету – 11.

На левой стороне [от] часов находится такая же точно, как и вышеописанная, дощечка, также на двух тоненьких подставках и на таком же пьедестале, как и арап. [На ней] находится статуйка шарманщика, также сделанная из воску, на спине с небольшим красного дерева органом, как обыкновенно носят по улицам, держа правою рукою за рукоятку шарманки, которую я снимаю и показываю зрителям, как и дощечку, на которой она стояла, [и] которая, поставленная на место, по желанию присутствующих играет, вертя рукою, на органе. Весь механизм описанных вещей изобретен и исполнен собственными моими руками.

По самой середине этого кабинета находится купол, освещающий весь кабинет. Спускается с самой верхней его точки тонкий шнурок, употребляемый при занавесках, на котором висит чистого белого стекла шар величиною около половины аршина в диаметре, вверху с некоторым акустическим устройством, а внизу шара изнутри выходит наружу бронзовая труба в виде охотничьего рога с широким отверстием, из которого выходят звуки. К правой стене кабинета этот шар висит так, что труба находится на высоте почти человеческого роста. Около этого шара идут с полу четырехугольные самые тоненькие перила с тоненьким наверху карнизом, так что шар находится по самой средине их и своей нижней частию

находится почти в уровень с карнизом. От трубы, где она выходит из шара, [идет] такой же шелковый шнурок, на котором висит и сам шар, он прикреплен к углам перил, чтобы шар ни на которую сторону не мог быть сдвинут.

Я предлагаю зрителям делать этому шару какие им угодно вопросы, на которые они получают ответы посредством трубы. И ежели кому вздумается подставить свечку к трубе, то он ее задует. Это действие, производимое Робертсоном и известное другим, имеющим увеселительные физические кабинеты, названо им "femme invisible"[1], которые у всех их устроены так, что стоящие на столах бюсты делают ответы, которых механизм легко скрывается в столах и самих бюстах, а у меня это действие производится стеклянным шаром, совершенно открытым снаружи и внутри и висящим на шелковом шнурке. Это действие, придуманное мною, гораздо больше удивляет, чем виденное у Робертсона и других.

Недалеко от "femme invisible" стоит маленький квадратный на четырех тоненьких ножках обыкновенный столик, коего сторона – 3 четверти аршина, а толщина – с небольшим три вершка, верхняя доска которого математически верна горизонтально, черного цвета, на которой назначен белый круг, вроде дорожки, ширина которого – с небольшим вершок, а диаметр круга – около 10 вершков. На этом круге назначены черною краскою начальные буквы Норда, Оста, Зюда и Веста[2], а из центра круга идет радиусом такая же дорожка к букве Зюда.

На этот столик, показав всем, даю поставить в центр лицом к Зюду одному из зрителей маленькую бронзовую колясочку о трех колесах, два больших, а впереди – одно гораздо меньше, в которой сидит маленькая статуйка, сделанная из воска, в виде мага. Таким образом поставленная коляска с магом по требованию зрителей катится по дорожке в Зюду и, доехав до круга, по приказанию зрителей поворачивается направо или налево и продолжает свой путь по кругу до той из 4-х букв, где приказано было остановиться.

Изображение и весь механизм этого столика и коляски выдуман и исполнен мной. Не говоря об многих других вещах моего увеселительного физико-механического кабинета, как, например, свечи и лампы, которые тушатся и зажигаются по моему приказанию, так и в виде античных больших курильниц вазы на треножниках, которые по моему приказанию распространяют благоухания.

Я скажу еще об одном фокусе, который заслуживает быть упомянутым по своей оригинальности. Я даю одному из зрителей выбрать из цельной колоды одну карту и держать ее у себя,

не показывая мне, и приношу полную десть[3] чистой голландской бумаги[4] и даю [ее] и ножницы зрителю, выбравшему карту, предложив ему, когда я уйду, чтоб он выбрал из дести какой ему угодно лист, и из этого листа в коем угодно ему месте вырезал бы из бумаги точно такой же величины бумажку, как карта, и удержал бы у себя, а сам ухожу. Когда зритель исполнит это, тогда я возвращаюсь к зрителям с небольшим – в величину карты – красного дерева пустым ящичком с крышкой, который, отдавая ему в руки, прошу положить вырезанную бумажку на дно его и вслед за этим закрываю крышку и, оставляя ящик у взявшего карту, ухожу и приношу маленький плоский весь стеклянный ящик в величину карты, прошу взявшего карту вынуть из деревянного ящика вырезанную положенную им туда бумажку, а сам, раскрыв стеклянный ящик, прошу его положить ее туда и закрываю тотчас крышку, передаю или ставлю стеклянный ящичек на столик. Минут через 10-ть на этой бумажке оказывается в контурах та карта, которую он взял и которую я вынимаю из ящика и отдаю ее для сравнения с картой, которую он взял. В этом фокусе играет главную роль химия. К этому фокусу дала мне средства моя охота составлять разноцветные химические чернила, которые, добывая, я нечаянно открыл то средство, посредством которого я исполняю этот фокус.

Я всегда любил домашние театры, и теперешняя моя квартира, хотя с небольшою залою, дала мне средство устраивать небольшие пьесы нашего репертуара, декорации и занавеси. Все это писал я сам так, что их очень хвалили. Актерами были мои домашние – жена, старшая дочь – в пиесах, в которые входили роли детей, сестры жены, мой брат Константин и некоторые из наших коротких знакомых. Посещавшие наши вечера поименованные литераторы и короткие приятели, бывавшие также и на этих пиесах, находили игру наших домашних артистов очень удовлетворительною, и у нас давались пиесы почти каждые две недели, а иногда и чаще.

Несмотря на это развлечение и занятия по службе, я не забывал главного моего стремления к моему образованию и изучению художеств.

В Царском Селе. Императрица Елизавета Алексеевна. Альбом художника

[*Не помню, в котором году, живши в Царском Селе с моим семейством, где жил и родной мой дядя Андрей Андреевич Толстой,*] служивший советником Сарскосельского правле-

ния, человек очень ограниченного ума и совершенно без всякого образования, не строго дороживший своей честию, женатый на девице Барыковой[5], очень хорошо воспитанной, очень умной, с тремя малолетними дочерьми, из коих последняя еще на руках, а первые немного постарее моих двух [*дочерей*] Лизы и Маши[6].

В молодости дядя служил в гвардии сержантом[7] и при императрице Екатерине II-ой был выпущен капитаном армии в какой-то полк легкой кавалерии, где впоследствии во всю свою службу считался одним из лучших конных офицеров. При императоре Павле I-м был эскадронным командиром в чине полковника, [*чем был и при вступлении на престол Александра Павловича*]. В это царствование однажды генерал-лейтенант инспектор гвардейской кавалерии Баур, известный распутством и грязными поступками, любимец и друг великого князя Константина Павловича, с которым вместе он самым гадким и подлым образом развратничал и забавлялся, был послан инспектировать тот полк, в котором служил Андрей Андреевич, и вместе с тем выбрать солдат лучше обученных, выпреных[8] и совершенно знающих должность для перевода в гвардейский уланский полк.

Окончив ревизию и необходимые по этому учения, инспектор выбрал целиком до одного солдата весь эскадрон, командуемый дядею, на перевод в гвардию, окроме самого эскадронного командира, которого фигура ему не понравилась.

На другой день поутру, когда в квартире инспектора в зале перед кабинетом собрался весь его штаб, командир инспектированного полка и офицеры, ожидая выхода инспектора, вошел в залу оскорбленный поступком Баура граф Толстой. Не говоря ни слова и не останавливаясь, прошел прямо к двери кабинета, отворив ее, туда вошел и запер за собою. Тут вскоре послышался громкий и резкий разговор между Бауром и графом Толстым, весьма крупный разговор, который все усиливался, наконец обратился, хотя в короткий, но очень горячий спор, вслед за которым в кабинете раздался гул сильной пощечины, после чего тотчас отворилась дверь кабинета, из которого вышел в залу скорыми шагами весь расстроенный Баур и, обратясь к присутствующим, сказал: "Господа, Толстой наделал мне грубости и даже осмелился мне угрожать". Тогда наш дядя, вошедший вместе с Бауром, [*тоже*] обратясь ко всем, громко произнес: "Неправда, я не грозил ему, а [*дал ему*] оплеуху, следы которой всем вам ясно видны на его щеке". Разумеется, что эта история кончилась разжалованием дяди в солдаты. Как долго длилось наказание, не знаю, но когда был прощен, то вышел в штатскую службу.

Окроме семейства дяди мы [*нашли наших*] знакомых [*и родственниц, живущих*] нынешнее лето в Сарском Селе – живших вместе вдову маркизу Вильеро, урожденную графиню Апраксину, и родную ее племянницу, тоже вдову, генеральшу Пашкову[9]. Они обе меня очень любят, и я с ними почти всякий день видаюсь.

[*Познакомился*] с домом Захоржевского, начальника Сарского Села[10] [*и с его сестрою, которая жила вместе с ним. Захоржевский потерял ногу в Отечественную войну. Этот человек содержал Царское Село и сад в нестерпимо изумительной чистоте, так что кусочек бумажки нельзя было бросить на улице, и каждый, ходя в саду, видел за собой мужика с метлой, который тотчас же заметал его следы. А как большая часть этих мужиков были босые, то я видел одного, ходившего за мною, который, наколов себе ногу, продолжал заметать за мною следы, и потому я перестал ходить в сад, а гулял в окрестности его.*

Захоржевский выходил из себя, когда кто-нибудь вступал на траву, и многие из молодежи, чтобы бесить Захоржевского, завидя его, с намерением входили на траву, и Захоржевский, забыв о своей деревянной ноге, с запальчивостию спешил догонять убегавших, которых догнать не мог.

[*Живут там*] Лонгиновы[11], очень хорошие люди, а особливо он, прекрасной души и очень умный человек, умевший проложить себе [дорогу] к весьма значительному посту из дьячков при англинском посольстве. Граф Воронцов[12], наш посланник при великобританском дворе, заметил его способности, дарования и деятельность, очень его полюбил и вывел в чины. А когда императрице Елизавете Алексеевне понадобился секретарь, то Воронцов рекомендовал его[13], и он был принят и теперь находится [*при ней*], и она им чрезвычайно довольна.

Николай Михайлович Лонгинов женат на умной и очень доброй даме. Они ко мне очень расположены, и я у них очень часто бываю – не менее трех дней в неделю.

Вскоре по приезде двора в Царское Село по желанию нашего ангела императрицы Елизаветы Алексеевны я в первый раз имел счастие представляться ее величеству[14]. Введенный Николаем Михайловичем в кабинет, где уже находилась императрица, я был поражен как удивительною простотою ее туалета, состоящего из простого без всяких украшений платья обыкновенной летней светлой материи с накинутою на шею и плечи белою батистовою косынкою, заколотою на груди простою булавкою, с гладко причесанными волосами, [так] и ее кабинета – без всяких излишних украшений роско-

ши и устроенного не для показу, а для настоящих занятий, из которого изгнано все, что может намекнуть на высокомерие и гордость.

Когда я подошел к императрице, чтобы поцеловать руку, [она] приняла меня с таким добросердечием и ласкою, что я не мог удержать слез. Она долго со мной говорила, расспрашивала о моих родителях, о моем детстве и очень подробно о том, как я сделался художником.

В это лето я имел счастие довольно часто бывать у ее величества, так как ей угодно было знать все, что я буду производить по художествам.

Дни через четыре после моего представления к ее величеству она получила небольшую коллекцию разных цветов, писанных гвашью одним замечательным в Париже по этой части артистом, и Лонгинов сказал мне, что императрице угодно, чтобы я увидел эту коллекцию.

В назначенное время я явился в кабинет ее величества, где она с тою же ласкою, как в первый раз, изволила меня принять и показала полученную коллекцию, которая ей очень нравилась. Эта коллекция состояла из восемнадцати разных цветков, писанных гвашевыми красками на грунтованной сероватого цвета бумаге, красиво расположенных и с французским шиком выполненных. Осматривая эту коллекцию и отдавая должную справедливость искусству парижского художника владеть гвашевыми красками, я сказал: “Мне кажется, что в принятой этим артистом манере изображать цветки видно более желание блеснуть эффектом и выставить свой вкус, нежели со строгою отчетливостию переводить с натуры на бумагу копируемый цветок, как он есть, со всеми малейшими подробностями, принадлежащими этому растению, отчего в этих так различных цветках с первого рисунка показывается какое-то будто бы сходство между собою, несмотря на их различные формы и колера”. На это императрица сказала мне: “Попробуйте вы нарисовать какой-нибудь цветок и покажите мне”. Не рисовав никогда цветов, я принял это предложение.

Вернувшись домой, я нашел в нашем крошечном садике куст довольно красивых светло-лиловых цветков о шести листках[15]. Сорвав небольшую ветку с двумя цветками и зеленью, я тот же час принялся ее срисовывать, но не акварелью, и не гвашью, и не на грунтованной бумаге, хотя тоже диковатого тона, приготовленной в Англии. Водяные краски, которые я употребляю для моих рисунков, почти все состоят из чистых природных корпусных красок, то есть различных охр, земель и химически добываемых из металлов и некоторых руд, и

действую ими по принятому мною особому способу, который оказался особенно удобен для рисовки цветов и фруктов[16].

Через день рисунок был готов, и я отнес его императрице, которая, увидев его, очень хвалила и сказала мне, что она находит в моем цветке более жизни и верности с натурою. Такое заключение ее величества об моем в первый раз написанном с натуры цветке меня несказанно обрадовало, и я теперь в свободное время от сурьезных занятий буду писать цветы и фрукты.

С этих пор я начал писать по одиночке и группами разных сортов цветки, фрукты и ягоды, бразильских чудных форм и цветов бабочек, стрекоз, жучков (которых у меня большая коллекция), ярких колеров одноцветных, так и с металлическими отблесками, точно фольга разных цветов, или испещренных красивыми узорами из разных колеров. Так же и птичек Нового Света с их перышками ярких блестящих цветов, то одноколерных, то испещренных разными цветами, то с металлическим блеском цветной фольги, а иные местами блестят точно ярко раскалены уголья.

Впоследствии я сделал очень много рисунков во всех этих родах для императрицы Елизаветы Алексеевны, сделал ей несколько и больших рисунков, на которых были сгруппированы вместе цветы, фрукты, птички, бабочки, стрекозы и жучки. Ей же нарисовал я коллекцию бабочек из десяти экземпляров, между которыми есть несколько и с металлическими отливами[17]. Императрице Марии Федоровне нарисовал коллекцию стрекоз в 12 экземплярах. Я рисовал как в этом роде, так и в других родах много рисунков в альбомы дам и кавалеров и не для одной царской фамилии.

По совету некоторых художников я стал собирать в один альбом все находящиеся у меня моей работы рисунки, как в этом роде, то есть цветков, зверей, фруктов, ягод, бабочек, стрекоз, птичек, жучков, так и все мои мелкие рисунки, сочиненные мною и выполненные с натуры в красках, карандашом и сепиею, какие у меня находятся, даже рисованные еще в младенчестве[18] (окроме рисунков с натуры и деланных на месячные и третные экзамены, когда учился в Академии художеств), и соединил вместе со всеми, мною сочиненными и окончательно выполненными серьезными большими композициями, [*взятыми из сюжетов священного писания, истории, мифологии, аллегорических и других различных сюжетов, с проектами фонтанов для Петергофского сада, рисованными одни – красками, другие – сепиею и пером в чисто оконченных контурах в семи рисунках, между которыми были четыре группы.*

Эти рисунки представлены мною были императору Николаю в присутствии Марии Николаевны[19] *(тогда уже президента Академии художеств), которому все они очень понравились, и он велел мне с них сделать копии и передать Марии Николаевне до тех пор, когда обстоятельства дозволят ему заняться выбором* [эскизов], *с которых он решит произвести фонтаны в Петергофском саду.*

[Были там] *несколько рисунков памятников красками и сепиею, мною проектированных, а именно – памятник адмиралу Лазареву*[20], *заказанный мне офицерами Черноморского флота, утвержденный его величеством императором Николаем Павловичем с тем, чтоб переменить пьедестал, около которого назначены мною четыре фигуры, что я и исполнил из глины в экскизе*[21].

В это время возвратился из чужих краев наш молодой скульптор Пименов[22], *покровительствуемый великим князем Константином Николаевичем*[23], *который выпросил у государя* [этот заказ], *несмотря на то, что мой проект был формально одобрен его величеством. Государь назначил произвесть конкурс между мною, профессором скульптуры Витали*[24] *и Пименовым с тем, чтобы не изменять ничего в контурах из проектированной мной фигуры. Это решение меня чрезвычайно огорчило, и когда потребовала Академия от меня нового рисунка, я отвечал, что я раз уже составил проект, который был утвержден его величеством, и не отступаю от него. Витали отказался письмом от конкурса потому, что, уже раз сделан проект графом Толстым и утвержден государем, он считает себя не в праве делать другой экскиз. И проект был передан сделать Пименову, так как я отказался изменять мною сделанный проект. Вот доказательство, как уважают у нас то, что раз уже было утверждено.*

Была статуя Александра Христофоровича Бенкендорфа, проектированная на кладбище Невского монастыря, по смерти его по просьбе корпуса жандармов, желавшего поставить этот памятник в ревельской его мызе Фаль. Но государь Николай Павлович запретил этому корпусу ставить памятник Бенкендорфу.

Надгробный памятник Ивану Васильевичу Кусову[25] *стоит, исполненный по моим рисункам и моделям, и состоит из гранитного куба в сажень с лишком вышины, на котором по углам стоят древнего греческого вкуса из золоченой бронзы большие 4 треножные курильницы. Между ими на довольно параллелограммном приступе свыше пол-аршина стоит чистой греческой формы саркофаг, на средине крышки которого поставлен крест и положено Евангелие.]*

Дочь Елизавета

Возвратясь с дачи, наши дети начали учиться по-французски у академического гувернера господина Лиозан, которого я рекомендовал в Академию художеств, и жены его, бывшей всякий день у нас. Лиозан учил их также географии и истории[26].

Когда минуло старшей дочери шесть лет[27], императрица Елизавета Алексеевна определила ее в Патриотический институт[28], находящийся под ее покровительством, но не прошло и году, как она занемогла корью и была помещена в лазарете у наружной каменной стены, под надзором смотрительницы их лазарета. [Она] худо поправлялась от болезни, наконец, у нее открылись ужасные судороги в руках, от которых она нестерпимо страдала, несмотря на ее огромное терпение, она чувствовала облегчение только тогда, когда по просьбе ее ей клали в руки образ, так как она совсем ими действовать не могла. Причину этой болезни надо приписать тому, что она, как сама сказывала, во время жару при кори из-под одеяла постоянно прикладывала скрытно голые ноги к стене, которая была холодная, тем более, что это было зимою. Вот как в казенных заведениях смотрят за больными детьми. Наконец она выздоровела от кори и от судорог, но следы этих болезней оставили последствия для ее здоровья, и я принужден был взять ее к себе.

Тут нам рекомендовали одну молодую девицу, только что выпущенную из второго отделения Смольного монастыря[29] с золотой медалью – девицу фон Гомер[30], очень умную и очень добрую девицу, в гувернантки к нашим детям, и мы ею чрезвычайно довольны.

Летом после Царского Села мы обыкновенно жили в одном из Парголовых[31]. Этот ребенок судьбой был осужден на всевозможного рода неприятности, которые с терпением выносила.

В 1822-м году жена с детьми жила летом в третьем Парголове, а я оставался в городе и приезжал к ним верхом в субботу и оставался там до понедельника. Как и всегда, живучи на даче, Лиза любила кататься с своей сестрой, правя сама, в кабриолете смирною лошадкою[32]. Раз в середине лета, взяв с собою и молодого мальчика – сына академического учителя Шилова, жившего у нас на даче, возвращаясь с прогулки домой из саду по мостику на дорогу, Шилов стегнул лошадь, которая от этого, бросясь в сторону, задела кабриолетом за столб и опрокинула его так сильно, что дети вылетели из не-

го. Маша через Лизу повалилась на дорогу и тотчас вскочила на ноги, не повредив себе ничего. А Лиза встала с переломленной левой рукою и, подхватив ее правою, сказала сестре, что у нее оторвалась рука, не выказав того страдания, которое она чувствовала, и начав отыскивать башмак, который она потеряла при падении, послала Шилова домой сказать матери (что было более версты), чтобы прислали экипаж. А сама пошла, поддерживая сломанную руку, пешком к дому с сестрой и пришла прежде, нежели успели заложить коляску.

В это время на даче жило семейство графа Апраксина и с ними жил их домовой лекарь. Жена поехала к нему просить об его помощи, и он тотчас же поехал к нам и благополучно исполнил перевязку переломленной руки между плечом и локтем. Этот перелом был довольно счастливый – ровный, без всяких зубцов. Доктору предложили свои услуги помогать жившие около нас два студента Медико-хирургического института.

В тот же день я приехал на дачу к обеденному времени и был поражен случившимся несчастием дочери. Я тотчас же поехал к Апраксиным, чтобы поблагодарить доктора и просить его продолжать лечение. Первые дни болезни он посещал нас каждый день, и студенты всегда являлись тоже. Наконец, к концу лета она, слава Богу, поправилась так, что доктор велел снять лубки, [и] рука оставалась только на повязке. Так она и переехала в город, где вскоре она совсем поправилась и не чувствовала совсем никакой боли и начала по обыкновению заниматься начатыми науками, в которых чрезвычайно как успевала. Будучи 12-ти лет, она на французском языке сделала описание некоторым городам Финляндии (по задаче учителя географии господина Лиозана) со всеми достопримечательностями и историческими памятниками этих городов так, что это описание ходило по рукам и его с удовольствием читали.

В это время приехала сюда из Москвы госпожа Турчанинова[33], имеющая необыкновенную силу в глазах, посредством которой она лечила детей, страдающих от ненормального положения какой-нибудь части их наружной организации, как горбов, неправильности и кривизны рук и ног и других частей [тела]. А как у моей Лизы заметно было не совсем нормальное положение ребер, к низу очень расширяющихся, что сильно искажало ее фигуру, почему я по совету некоторых, видавших большую пользу от лечения Турчаниновой, и повез к ней мою дочь.

Она, осмотрев недуг ее, сев на стул, поставила Лизу прямо против себя и стала пристально смотреть ей своими удиви-

тельно выразительными глазами прямо в лицо. Вначале Лиза побледнела, а минут через 8 или 10-ть, подняв руки кверху, стала сильно тянуться и, не говоря ни слова, подойдя к печке и, схватясь за выступ ее, довольно высоко от полу находившийся, стала еще сильнее тянуться. Потом велела принести длинное толстое полотенце и, обернув серединою его кругом себя, где расширялись ребра, велела взять концы его двум сильным служителям [и] стягивать себя, причем беспрестанно твердила: “Крепче, крепче”.

Не помню, сколько дней продолжалось это лечение. Потом Лиза выдумала особую для себя машину в виде пялец, из больших брусьев, которых поперечные брусья по длине растягивались. Схватясь за один из поперечных брусьев руками, а за другой зацепляясь носками ног, приказывала людям растягивать себя. И выдумывала еще и в других родах для себя инструменты. Через несколько месяцев ясно стало, что после лечения Турчаниновой ребра стали приходить в более нормальное положение и, наконец, фигура ее приняла совсем натуральное положение, и лечение кончилось.

воинми. проходя первую крепость салютовали ей изъ 7 пуш[ек]
а она отвечала намъ изъ 4.хъ — пройдя ее стали мы на якор[ь]

13 число въ 6ть часовъ ~~поехали~~ по утру поехали мы на ка[...] мы
разъ въ крепость Свеаборгъ, приехавъ туда пошли (изъ чем[...] ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ — мы остановились (
площади передъ (его) домомъ, а капитанъ и маіоръ вошли въ него.
на этой площади стоитъ четвероугольная гробница генерал[а]
Еренсверда основателя свеаборга; она высечена изъ дико[го]
камня, съ двухъ сторонъ въ ней вставлены ~~[illegible]~~ -
белаго мрамора доски на которыхъ золотыми буквами за-
латы надписи. — капитанъ маіоръ вышедъ изъ дому поставили
насъ во фрунтъ. — тотъ часъ после него пришолъ и генералъ
~~Генералъ~~ съ нашимъ капитаномъ отдавъ ему честь снятиемъ шляп[ы]
по команде, после которой онъ сказалъ намъ несколько ласковы[хъ]
приветствий, повелъ ~~онъ~~ насъ смотреть крепость — ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ человекъ
~~[illegible]~~ онъ довольно ~~[illegible]~~ высокий, худощавый, (съ [...]
вертикально белыми на голове волосами. осматривали укрепления,
[illegible]

Удану ~~[illegible]~~ этой крепости и начальнику этой части финляндии пол-ному Адмиралу ~~[illegible]~~ Графу Кронштету почтенному старцу

Кронштетъ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т.П. Пассек

Из "Воспоминаний"

Глава 44

Граф Федор Петрович Толстой

Ланкастерские школы

...После трехлетнего существования школы по методе Ланкастера, устроенной обществом распространения ланкастерских школ в России, утвержденного императором Александром Павловичем в 1819 году, неожиданно успешно шедшей, так что каждые полгода выпускалось из нее более пятидесяти молодых людей, детей самых бедных крестьян, мещан и ремесленников, так хорошо приготовленных, что по выпуске их охотно принимали писарями в главный штаб, – общество это, несмотря на то что могло бы принести большую пользу, распространяя грамотность между крестьянами и вообще между всем так называемым низшим классом людей, рушилось. Граф[1] говорил, что князь Голицын, министр народного образования, будучи мистиком, опасался всех, не подчинявшихся влиянию мистицизма. С самого начала существования ланкастерской школы Голицын часто делал запросы и замечания обществу распространения грамотности, незаслуженные выговоры и даже обвинения, которые всегда отражались правдою. Наконец заподозрил, что в этом обществе участвуют западные либералы, и донес государю. Федор Петрович предполагал, что, вероятно, Голицын действовал так не столько по своему убеждению, сколько под влиянием мистиков и мартинистов; им казалось непонятным, каким образом общество распространения ланкастерских школ в России, начиная с председателя состоящее почти все из бедных людей, существующих своими трудами или жалованьем за службу отечеству, одними своими ничтожными средствами содержит такую большую школу, выпускающую ежегодно стольких детей самых бедных родителей, из простого класса людей. Несправедливое обвинение оскорбило и огорчило все общест-

во, особенно же графа Ф.П. Толстого как председателя, и даже обратило на него внимание полиции; но сколько ни следила за ним полиция, ничего не нашла в его образе жизни, кроме того, что он рисует, лепит из воска, режет штемпеля или занимается своим образованием, да с женой и с своими приятелями толкует о театре, литературе и городских новостях.

"Мнение князя Голицына об нашем обществе, – говорил нам граф Ф.П. Толстой, – не могло меня беспокоить, но не могло не оскорблять. Хотя мы ничего официального ни от кого не получали, но нам достоверно было известно, что князь Голицын составленное им бог знает с чего мнение о нашем обществе доводил до сведения государя; как же оно было принято государем, не известно; но я все-таки тотчас в полном составе общества, отдав отчет в моих действиях за все время существования нашего общества и поблагодарив сердечно за честь, сделанную мне избранием меня в председатели, и за постоянную ко мне доверенность, объявил, что, к крайнему моему сожалению, побуждаем честию просить общество уволить меня от председательства и, по статуту нашему, утвержденному его величеством, немедленно избрать из среды себя нового председателя. На другой день по отречении моем от председательства на мое место назначен был председателем флигель-адъютант, мистик, князь Андрей Борисович Голицын, воображавший, что он открыл тайну вечного движения".

Вслед за определением нового председателя члены общества распространения в России ланкастерских школ, все до одного, отказались быть членами этого общества. Что стало с председателем несуществующего общества, никто из них не интересовался и знать. "Таким образом, – продолжал граф Ф.П., – наше общество распространения грамотности в простом народе рушилось[2]. Князь А.Н. Голицын был человек умный и благонамеренный, но не приготовленный с пользою занимать то место, на которое был поставлен; сверх всего он был еще отуманен наплывшею в Петербург с Запада мистикою. Испугавшись либеральных идей, явившихся и носившихся во Франции, Швейцарии и Италии, он во всем видел опасность; вследствие чего таким образом отнесся и к нашему обществу. А стоило только князю Голицыну разузнать о способе, каким мы содержали нашими малыми средствами школу, выпускавшую каждые шесть месяцев по пятидесяти мальчиков, детей простого класса, хорошо обученных грамоте, он бы узнал, что, как ни малы были наши денежные средства, нам их достаточно было для содержания нашей школы по методе Ланкастера, самой дешевейшей из всех школ, и

убедился бы, что мы не нуждаемся ни в чьей помощи не только от всегдашних врагов наших, но и от дорогого нам отечества. Князь А.Н. Голицын, рожденный в роскоши, воспитанный при дворе Екатерины Великой, живший в полном довольстве и почести, не знал и не подозревал, что, кроме денег, есть средство, почти так же сильное к достижению предпринятой цели, – это решительное, постоянное стремление ее добиться, не щадя личных трудов своих.

Деньги нужны были нам на наем дома для школы, на жалованье постоянного учителя по методе Ланкастера, получившего от нас все нужные для того сведения, на наем двух сторожей, наблюдавших за порядком и чистотою в классах, и одного сторожа при входных дверях в школу; на это мы имели достаточно денег от ежегодных взносов членами общества на содержание школы по тридцати рублей в год.

Заводя и устраивая эту школу не для показу, а для настоящей пользы, которую грамотность простого класса людей должна принести государству, мы, соображаясь с нашими средствами, в отдаленной улице Коломны нашли дом деревянный, снаружи весьма невзрачный, но просторный и весьма удобный для устройства в нем школы и квартиры учителя. Этим оканчивались наши денежные расходы на содержание школы; остальное все исполняли мы сами, как-то: должность помощников постоянного учителя, блюстителей тишины и порядка во время классных часов, надзор за прилежанием учеников, учение первых четырех частей арифметики, краткое сведение о географии и русской истории, наблюдение за нравственностию мальчиков, – для чего ежедневно, во все время классов и пребывания в школе учеников, дежурили каждый день, по очереди, по четыре члена.

Если бы князь Голицын обратил на все это внимание как министр народного образования, то не был бы виною падения неоспоримо полезного отечеству общества, но, вероятно, и сам сделался бы деятельным участником распространения ланкастерских школ во внутренних губерниях России".

Тайные общества

...Граф Федор Петрович Толстой по близким отношениям своим с некоторыми из декабристов был призываем перед верховный суд. Вот что сказано об этом в его "Записках":

«В Петербурге носились слухи, что в 1823 году государем Александром Павловичем был отдан архиепископу Филарету[3] на сохранение пакет, запечатанный печатью его величества, с тем чтобы он открыт был по кончине государя. В го-

роде говорили по секрету, что во врученном Филарету на сохранение пакете находился акт отречения великого князя Константина Павловича от наследия российского престола в пользу его высочества великого князя Николая Павловича.

В 1825 году, 1 декабря, по смерти Шилова я был определен учителем медальерного класса Академии художеств, хотя, с разрешения совета Академии художеств, я уже пятый год заведовал этим классом и учил безвозмездно, заменяя учителя медальерного класса, для того чтобы правление Академии художеств не лишало его, больного, обремененного семейством, содержания, получаемого им по занимаемому им этому месту.

В том же 1825 году, по назначению врачей, положено было, чтобы императрица Елисавета Алексеевна для поправления своего здоровья провела конец зимы в Таганроге. Государь отправился для осмотра этого места, туда уехала и императрица. В Таганроге император Александр Павлович занемог и 19 ноября скончался. О кончине его величества пришло в Петербург письмо Елисаветы Алексеевны, начинавшееся словами: “Наш ангел в небесах”. Вскоре после кончины Александра Павловича (на смерть которого поручено было мне сочинить и вырезать медаль) скончалась и кроткая, благодетельная наша царица Елисавета Алексеевна, в городе Белеве, 1826 года, 4 мая.

1825 года, 14 декабря, собраны были в академической церкви правление Академии, совет и все профессора, академики, ученики, чиновники конторы и все служившие при Академии для принесения присяги восшедшему на всероссийский престол императору Николаю Павловичу; по окончании присяги разнесся слух, что перед Сенатом на Исаакиевской площади стоит батальон Московского полка, требуют Константина Павловича и кричат о конституции. Гул этого крика был слышен и у нас. Любопытствуя узнать, в чем состоит это явное возмущение, поспешил я на Исаакиевскую площадь (тогда я носил еще военный мундир); самым скорым шагом перешел я Неву, на которой стояло любопытствующих, наверное, до тысячи разного звания мужчин и женщин. Я вошел на Исаакиевскую площадь у Сената. Гауптвахта стояла во фронте с ружьями на плече; между ними и монументом Петра Великого стояли солдаты Московского полка, не более батальона, составя правильное каре, внутри которого я видел несколько фигур, которых рассмотреть не мог, проходя очень скоро по левой стороне этого каре, кричавших в один голос – кто имя Константина Павловича, кто конституцию и еще какие-то слова, которых в этой массе слившихся голосов

расслышать было невозможно. За монументом, проходя к забору строившейся Исаакиевской церкви, где было меньше народа, я увидел стоящего на Адмиралтейском бульваре, лицом к Сенату, молодого, только что вступившего на трон императора, окруженного главным штабом, генерал- и флигель-адъютантами, а возле него Карамзина. Государь был очень бледен.

Дошед до забора, я избрал себе место, откуда мог видеть и государя и каре солдат. Влево от Сената, у манежа, виден был эскадрон или взвод конной гвардии.

"Неужели это в самом деле бунт, – думал я, – возмущение против царя и правительства? Зачем пришла эта крошечная горсточка войска к Сенату, построилась в каре и, стоя сложа руки, забавляется оглушающими криками, требуя того, о чем сама, наверное, не имеет никакого понятия? Неужели зачинщики этого явного восстания могли думать об успехе, не будучи уверены, что имеют на своей стороне при подобном предприятии главную силу: массу простого народа и сочувствие большей части всех других сословий?"

Но этого, по-видимому, не было, судя по собравшейся огромной толпе народа всех сословий, спокойно стоявшей и, как видно, привлеченной туда без всякой особой цели, а просто из любопытства, чтобы узнать, для чего собравшиеся у Сената солдаты так ужасно орут; ясно было, что народ собрался без всякой цели, а как всегда собирается при всяком необыкновенном действии. Этим криком, в котором ничего нельзя было разобрать, одного батальона Московского полка, собравшегося перед Сенатом, они хотели привлечь на сторону своего предприятия толпу любопытствующих, большею частию и не подозревавших, что это возмущение против правительства, – последствие гораздо прежде затеянного заговора, о существовании которого не было никаких положительных слухов.

С того места, где я стоял, я видел, что какая-то фигура, которую по дальности расстояния я рассмотреть не мог, отделясь от каре, как мне казалось, подходила к государю и через несколько минут возвратилась к солдатам; что это значит, я не знал и думал, что, вероятно, вскоре все объяснится.

Мимо меня проскакала конная батарея – я не мог заметить, из скольких пушек состоявшая, – и пронеслась к Сенату; это дало мне понять, что участь несчастного батальона решена; ясно было, что без стрельбы не обойдется и, разумеется, солдаты разбегутся, бóльшая часть побежит через Неву на остров... Так как в то время я жил в низком, одноэтажном доме Академии по Третьей линии, то, опасаясь, чтобы беглецы с

отчаяния не наделали каких-нибудь проказ и не перепугали моих домашних, я поспешил к себе. От дома Лаваля скоро перебежал Неву, прямо к зданию Академии и, пришед домой, приказал запирать ставни. Никто из сторожей не решался идти запирать их, и я сам был принужден это сделать, после чего тотчас раздалось несколько выстрелов из пушек. Две картечи попали к нам в ворота и забор. Дома я нашел всех спокойными и рассказал обо всем, что видел, слышал, и о событии перед Сенатом. Едва мы сели обедать, как меня вызвали в кухню, куда два солдата привели третьего, как бы раненого, и просили меня оставить их у себя. Когда по осмотре оказалось, что никто из них не ранен, то я и отправил их за ворота. Тотчас после обеда, как стало уже смеркаться, пришли в сени нашей кухни два унтер-офицера, один еще молодой, приведший другого, уже в летах, с тремя нашивками на рукаве, раненного картечью в ляжку, облитого кровью; я велел отвести его в смежную с кухней комнату, где мы, положив на стулья доски с постланным на них тюфяком, положили раненого. Я послал за нашим академическим лекарем, которого не нашли; тогда я послал к частному приставу, чтобы он немедленно прислал к нам частного лекаря, а между тем велел раздеть больного, чтобы осмотреть рану; частный лекарь скоро пришел, но до того пьяный, что я принужден был его прогнать и велел к ране несчастного прикладывать мокрые салфеточные компрессы. На предложение мое раненому и его товарищу – не хотят ли они закусить или выпить горячего чаю, они отказались. Весьма печальную картину представляли эти два существа – одно пожилое, с полупоседевшей головою на службе отечеству, страждущее от тяжелой раны; другой – здоровый, сильный и в лучших годах, чтобы жить для пользы отечества. Он стоял неподвижно, как статуя, у изголовья больного товарища, облокотясь на свое ружье, погруженный, углубленный в думу об ожидающей их горестной участи. Когда я сидел у больного, он со слезами на глазах сказал мне:

– В пятнадцати сражениях был я против неприятелей, в разных войнах, нигде не был ранен, а теперь, может, от картечи своих придется умереть. Бог судья офицерам, которые нас до этого довели.

Часу в шестом пришли мне сказать, что граф Бенкендорф с частью войска и пушками расположился на Румянцевской площади, между памятником и Кадетским корпусом; я тотчас написал ему, что у меня находится тяжелораненный унтер-офицер Московского полка. Не более как через полчаса приехал ко мне адъютант Бенкендорфа. Он осмотрел больного и сказал,

что сейчас пришлют сани, чтобы отвезти его в лазарет Финляндского полка. К чаю пришел к нам брат моей жены, офицер волонтерного корпуса[4], и рассказал, что из стоявших на Неве против Исаакиевской площади разного звания и возраста людей, привлеченных любопытством, которых было, как полагали, не менее семисот, очень много убитых и раненых.

Сухозанет[5], начальник гвардейской артиллерии, отдал приказ пустить из орудий картечью по Неве, по нескольким десяткам возмутившихся солдат, бросившихся бежать прямо на Васильевский остров, и пустить рикошетом ядро в долину Галерной улицы, наполненной не одною сотней разного звания и пола зрителей, между тем как преступников побежало туда не более десятка, и пущенное Сухозанетом ядро, не задев ни одного из преступных, было виною смерти не одного невинного, и многие пострадали от ран[6].

Часу в восьмом пришли мне сказать, что у нас на дворе собралось около четырнадцати человек солдат; мы с братом моей жены пошли к ним, чтобы принудить их оставить наш двор. Когда мы пришли к ним, они стали просить меня оставить их у себя, что они ничего не сделают, а если выйдут отсюда, то на улице их всех перебьют; говоря это, они отдавали мне свои ружья и сумки с патронами; я их не взял, а сказал, что так как я живу в казенном доме, то и не могу их оставить, а ежели они не уйдут сейчас же, то принужден буду дать знать графу Бенкендорфу, который стоит с своим отрядом на Румянцевской площади, и их придут немедленно взять; этот довод подействовал, и они решились оставить наш двор. Из предосторожности мы с Дудиным вывинтили кремни из всех их ружей. Я советовал им идти прямо к графу Бенкендорфу: может быть, это послужит к облегчению их наказания. Мы пропускали каждого через калитку, в которую они поочередно, крестясь, проходили, но ни один не пошел направо, к площади, а все поворотили налево. Приказав запереть калитку запором, я вернулся в комнату, а Дудин отправился к себе.

Часу в одиннадцатом утра за нашим раненым страдальцем и его спутником пришел офицер с несколькими солдатами и ломовым извозчиком с его санями, без всякой постилки, как они возят дрова и всякую тяжесть; даже клочка сена на них не было; господин офицер распоряжался положить раненого на эти голые сани и так везти его, почти с версту, до лазарета. За кого такие начальники принимают своих солдат? Если бы это было в какой-нибудь глуши, после сражения, могло бы быть допущено по невозможности добыть удобнейшего экипажа, но в столице, среди города, прислать за раненым человеком дровни без всего, на которых возят только кули с мукой, боч-

ки, дрова и подобные тяжести! Я приказал своим людям положить на эти голые дровни два тюфяка, один на другой, и подушку, чему г-н офицер не препятствовал. Как этот несчастный ни просил меня с горькими слезами оставить его у себя и как ни жалко было мне этого заслуженного унтер-офицера, положив его на тюфяки, окутав тулупом и одеялом и от души пожелав ему выздоровления, я с ним простился, и его увезли.

На другой день в городе все было тихо, спокойно; на улицах все шло своим обычным чередом, как будто ничего и не случилось, а в отдаленных местах от Исаакиевской и Дворцовой площади бóльшая часть жителей вовсе и не знали о случившемся 14 декабря. В центральных же частях города только и речей было, что об этом событии, хотя никто ничего основательно знать не мог. Я был ужасно поражен, когда узнал, что в числе главных вождей этого заговора были молодые люди, с которыми я был очень коротко знаком и уважал их за прекрасную нравственность, благородные чувства, ум и блестящее образование, как-то: обоих братьев, Александра и Никиту Муравьевых, Сергея Муравьева-Апостола, Долгорукого и многих других молодых людей.

“Какая жестокая участь ждет теперь их, – думал я, – особенно, ежели это правда, что они посягали на жизнь государя! Без этого несчастного заговора они могли бы заменить собою многих бесполезных людей, как самыми дельными, просвещенными сынами отечества”.

Недели две с половиною или более после последнего события перед Сенатом, не помню числа, я был в одно утро предуведомлен Ф.Н. Глинкою, что в тот же день вечером приедут за мной из крепости. В первом часу ночи приехал к нам военный полковник, вероятно, плац-майор крепости, с бумагой, в которой повелевалось мне явиться в комиссию суда[7]. (Когда докладывали государю от комиссии о необходимости сделать мне допрос, государь разрешил пригласить меня к допросу, сделав собственною рукою следующую приписку: “Как можно осторожнее, чтобы не огорчить его”.) Надев вицмундир, я немедленно отправился с плац-майором в его карете в крепость. Остановясь у комендантского дома, плац-майор ввел меня в пустую комнату, предложил сесть и дожидаться, пока меня позовут, а сам ушел, затворив за собою дверь. Оставшись один, так как я не был замешан ни в каком возмутительном обществе, то был совершенно спокоен и не тревожился никакими мыслями; одно любопытство занимало меня: какие это вопросы мне будет делать комиссия? Прождал я более получаса, наконец повели меня в комнату присутствия членов суда, идучи в которую я видел только одного человека – то был флигель-адъютант

граф В.Ф. Адлерберг[8]. Впустив меня в присутствие, дверь за мною затворили, и я увидел себя в большой, обитой черной материей комнате, в которой посредине стоял стол, покрытый темным сукном. За этим столом на первом месте сидел против двери, в которую я вошел, председатель комиссии суда, почтенный воин 1812, 1813 и 1814 годов, военный министр Татищев, полевее его – князь А.Н. Голицын, министр народного просвещения, за ним генерал Чернышев, налево возле него генерал Левашов, а по правую сторону председателя суда сидел его высочество Михаил Павлович, с лицом совершенно закрытым листом бумаги, которую он держал перед собою все время. Возле его высочества сидел И.И. Дибич[9], за ним следовал генерал-адъютант П.В. Голенищев-Кутузов, путешествовавший с великим князем Николаем Павловичем в чужих краях, а за Дибичем стояли пустые кресла, вероятно, генерал-адъютанта графа Бенкендорфа, которого тут не было, хотя он и состоял членом этой комиссии.

Из членов, составлявших комиссию, мне хорошо был известен князь А.Н. Голицын по дому графа П.А. Толстого, где я жил, когда он был еще обер-прокурором св. Синода, а потом, когда был сделан министром народного образования и, как известно, одним из самых плохих, зато отчаянным поборником и покровителем мистицизма. Я, будучи председателем утвержденного государем Александром Павловичем Общества распространения ланкастерских школ в России, имел частые сношения с Голицыным по устроенной нашим обществом в Петербурге большой ланкастерской школе, выпускавшей ежегодно хорошо обученных русской грамоте, четырем правилам арифметики и катехизису до пятидесяти мальчиков совершенно бедных родителей из крестьян и других низших сословий. С Дибичем я был хорошо знаком, когда он был еще прапорщиком Семеновского полка в роте моего старшего брата; Кутузов знал меня по дому дяди, графа Петра Александровича. Вошед в залу, я подошел к столу и остановился против почтенного председателя, весьма известного по своим заслугам отечеству, которого я видел в первый раз, тогда как других всех я хорошо знал и в лицо и их качества по общему мнению публики об их достоинствах и свойствах. После нескольких секунд глубокого молчания генерал Чернышев, принявши, как видно, приятную для него обязанность допрашивать, обратился ко мне и грозно начал говорить:

– Как могли вы быть так дерзки, чтобы бунтовать против царя?

Удивленный, а не испуганный, как того, по-видимому, хотелось Чернышеву, этим прямым обвинением в ужасном пре-

ступлении, без всякого предварительного со мною объяснения, я преравнодушно отвечал ему, что справедливость требует прежде доказать вину человека, а там уж обвинять; а я никогда не только не был бунтовщиком, но никогда ничего подобного не приходило мне на мысли.

– Но вы были членом тайного общества "Зеленой книги".

– Да, но оно не было возмутительным актом против правительства, а еще менее против государя.

Тут стали меня спрашивать, кто были членами этого общества, – и я назвал, которых знал, а именно: князя Долгорукого, офицера Главного штаба полковника Пестеля[10], Александра и Никиту братьев Муравьевых[11] – офицеров тоже Главного штаба, поручика или капитана Семеновского полка Сергея Муравьева-Апостола, гвардии офицера князя Трубецкого[12], полковника Глинку и двух братьев, офицеров Измайловского полка, которых фамилии никак не мог вспомнить. Тогда великий князь Михаил Павлович, положив бумагу, которую держал перед своим лицом, обернулся ко мне и сказал:

– Граф, это два брата Кавелины[13].

Такое внимание его высочества меня чрезвычайно тронуло, и я поблагодарил его самым сердечным поклоном. Тогда потребовали от меня, чтобы я назвал имена других членов этого общества; я отвечал, что, кроме тех, кого я назвал, я не знаю никого. Тут князь Голицын придрался ко мне и возразил:

– Быть не может, чтобы вы, принадлежа к какому бы то ни было обществу, не знали всех его членов!

– Ваше сиятельство, – отвечал я, – вы сами принадлежали к некоторым мистическим обществам, а еще менее меня знаете членов этих обществ.

Князь замолчал, а Чернышев начал с слишком неделикатною манерою делать свои допросы о названных мною членах, о моих с ними сношениях, и как и когда я с ними познакомился, и с кем был в более близких сношениях; я отвечал, что с Ф.Н. Глинкою, с которым познакомился тотчас по выпуске из корпуса, по литературе, что с тех пор мы самые короткие приятели и редкий день не видимся. Из других короче всего я был знаком с Муравьевыми, которых всегда уважал за их нравственность, ум и отличную образованность, и с князем Трубецким; с другими был знаком только по обществу "Зеленой книги", а Пестеля только видал, нисколько не симпатизировал ему и ни разу с ним не говорил.

Так как я ничего не знал, даже никогда и не слыхал о существовании заговора против царя, открывшегося 14 декабря, то на этом только и кончились все допросы. Если Чернышев таким образом делал допрос человеку, о невинности которо-

го он не мог не знать, то как же он допрашивал тех, которых вина ему была известна; говорят, он готов бы был употреблять пытку, если бы был властен, неужели это правда?

Наконец председатель комиссии сказал мне:

– Допрос ваш кончен, и вы можете отправиться к себе, только должны наперед, здесь же, дать письменные ответы на письменные вопросы, которые будут вам предложены.

Поклонясь председателю и его высочеству в. к. Михаилу Павловичу, я пошел к двери, в которую провел меня флигель-адъютант граф Адлерберг; пришед во вторую комнату, он передал меня какому-то чиновнику, который вручил мне письменные вопросы, посадил за письменный стол, снабженный всем необходимым, чтоб отвечать, и ушел из комнаты, затворив за собою дверь. Вопросы эти были повторение того, о чем меня допрашивали в комиссии.

Минут через сорок пять я был готов, подписал свое имя и фамилию; тут пришел чиновник, вручивший мне вопросы, взял их обратно с моими ответами; меня вывели из комнаты и вместе с плац-майором проводили до кареты, посадили в нее и преучтиво со мною распростились.

Я приехал домой в исходе третьего часа; жена не ложилась спать и дожидалась меня; я рассказал ей все, что видел и слышал, о чем меня спрашивали и что я отвечал, несмотря на то что советом комиссии чрезвычайно строго запрещалось говорить не только что о том, что я видел и слышал, но даже и о том, что я был призван к допросу. Но, возвратясь домой, я нашел жену так сильно расстроенною, что должен был рассказать все, чтобы успокоить ее. Разумеется, мы с нею не стали никому ничего рассказывать, хотя в моем допросе ничего тайно́го не было.

На другой день приехал к нам Ф.Н. Глинка и сказал, что вчера же после меня допрашивали и его. Впоследствии я не только что не был тревожим, но мало и слышал о суде до его окончания, совершившегося спустя долгое время после моего допроса.

Боже мой, сколько молодых людей, начиная с знатных фамилий, среднего дворянства и других сословий, умных, даровитых, превосходно образованных, истинно любивших свое отечество, готовых для него жертвовать жизнью, которые могли бы впоследствии по своим благородным качествам души и сердца, по уму и образованности быть усердными деятелями на пользу родного края, поборниками правды и защитниками угнетенных, – несчастным, необдуманным, несбыточным заговором и явным восстанием погубили навсегда себя и лишили отечество полезных ему слуг!»

Жизнь и служба в Академии художеств

“Я по-прежнему продолжал заниматься художествами по медальерной части, лепить из воску, глины и рисовать, посещать публичные лекции из разных наук, литературные и ученые общества, в которых был членом, а по воскресным вечерам приятно проводил время в кругу обычных посетителей наших вечеров, между которыми находились почти все наши молодые знаменитые, замечательные поэты и литераторы, как-то: Крылов, Пушкин, Гнедич, Батюшков, Плетнев, Дельвиг, Баратынский и другие молодые образованные люди[14]. Но не было уже ни Ф.Н. Глинки, ни Муравьева-Апостола, ни князя Трубецкого, ни обоих братьев Бестужевых, ни братьев Муравьевых и многих других.

Домашние наши спектакли, которые многие находили недурными, рушились по милости наводнения, истребившего все устройство сцены, как и все устройство механизма и электрических аппаратов моего электромеханического увеселительного кабинета, стоившего мне больших трудов, порядочных издержек, а особенно очень долгих размышлений для приискания и изобретения разных механических сил, разных стальных пружин, которые принужден был выпиливать и закаливать сам, так как они мне нужны были для приведения в действие выдуманных мною различных вещей и статуй, удивлявших своими движениями посещавших мой кабинет. Еще труднее было устраивать гальванический, акустический и оптический аппараты, которые мне необходимы были для приведения в действие некоторых предметов моего увеселительного кабинета, сила гальванического тока, или отражения звуков посредством пластинок внутренних сторон цилиндров и конусов разной пропорции, а также и впалых и выпуклых зеркал для отражения предметов. Истребление наводнением всего устройства этого кабинета, над которым в первую зиму по приезде нашем на занимаемую мною тогда квартиру по длинным вечерам я с любовью трудился и которое, кроме трудов и соображений, стоило больших издержек, – меня очень огорчило. У меня в комнатах вода была почти на аршин выше полов и все перепортила.

Государь Николай Павлович, бывши в Москве в свою коронацию, рассматривая послужные списки служащих при Эрмитаже, увидел, что я служу в трех местах, при Эрмитаже, Монетном департаменте и Академии художеств, с лишком двадцать лет; аттестуясь все достойным и получая часто награды перстнями от императриц Елисаветы Алексеевны и Марии Федоровны и от самого государя, оставался при одном и том же чине; тогда он

приказал государственному секретарю Александру Семеновичу Шишкову сделать запрос к ведомствам, в которых служу, по каким причинам я не был жалован в чины, законом поставленные за выслугу лет. Из ведомств отвечали: потому что я того не просил. Тогда государь приказал сделать тот же запрос и мне; я отвечал Александру Семеновичу, что полагаю, что жалование в чины производится начальствами по мере заслуг подчиненных. Я исполнял возлагаемые на меня должности с должным рачением и деятельностью честного человека, терпеливо дожидаясь, пока труды мои удостоятся награды, но выпрашивать награды считаю для себя унизительным.

Не знаю, как Александр Семенович доложил государю о моем письме, только 2 августа 1826 года я был пожалован надворным советником, указом, написанным в весьма лестных выражениях для меня, из которых я увидал, что я с лишком двадцать лет служил хорошо как при Эрмитаже, так и при Монетном департаменте и Академии художеств и имею право на чин, законом определенный за двадцатилетнюю службу. Я написал письмо к Александру Семеновичу, в котором выразил мою глубокую благодарность за милость его величества ко мне и потребовал чина, по закону мне принадлежащего. Вскоре по отправлении этого письма Шишкову я получил письмо от Д.Н. Блудова, который меня известил, что государь император всемилостивейше изволил даровать мне старшинство со дня вступления моего на службу при Эрмитаже его величества, с 1806 года, по которому я получу заслуженный мною чин от Сената.

В 1828 году государь император высочайшим указом повелел мне быть вице-президентом Академии художеств, с оставлением при прежних должностях, кроме Монетного двора и учителя медальерного класса Академии художеств, с чем вместе получил я и чин статского советника. Это было сделано государем против желания А.Н. Оленина, который очень хлопотал у министра народного просвещения, к ведомству которого принадлежала тогда Академия художеств, чтобы не назначали вице-президента в Академию, так как по Академии всем распоряжается он сам, то ему никакой помощник и ненадобен. А.Н. Оленин слегка дал это почувствовать и мне, представляя меня как вице-президента правлению Академии и совету. Зная самолюбие нашего президента, его поступок не сделал на меня никакого впечатления. Очень скоро Алексей Николаевич стал заставлять меня занимать его место в правлении, Совете и на экзаменах учебных классов, которые вскоре и совсем поручил мне. По моему предложению был сделан конференц-секретарем Академии художеств Василий Иванович Григорович, на место Лабзина".

Дни графа Ф.П. Толстого на службе вице-президента Академии художеств текли тихо, между занятиями своим образованием и трудами по художеству. Назначенные по воскресным дням вечера не прерывались, по-прежнему бывали у него домашние спектакли, игрались пьесы русские и французские. Любители сценического искусства об исполнении их отзывались с большою похвалой.

Небольшая сцена театра прежде была устроена в его большой зале известным декоратором Большого театра Роллером, впоследствии в одной огромной кладовой, где хранились некоторые формы античных статуй, которые перенесены были в другие кладовые.

Зимой по воскресеньям бывали у них танцы, маскарады и разные забавы[15].

Из "Записок" графа Ф.П. Толстого видно, и в семействе его я слыхала, что, кроме воскресных дней, в которые у него собирались обычные посетители, в 1850-х годах назначен был один день в неделю, в который по вечерам собирались у него молодые художники, отличавшиеся талантами, чтобы вместе рисовать альбомные и другие рисунки, каждый в своем роде. На эти же вечера бывали приглашаемы знакомые литераторы, музыканты и хорошо образованные люди; все они, как и художники, украшали эти вечера своими талантами, одни – чтениями лучших произведений русской литературы и поэзии, другие – музыкой и исполненными интереса разговорами. Таким образом, молодые художники, знакомясь с литературой и музыкой, приобретали понятия, тон и манеры хорошего общества. Все присутствовавшие на этих художественных вечерах, продолжавшихся много лет, сближаясь между собою, образовывали самое приятное и самое полезное общество.

Глава 45

В Риме в 1845 году

В 1845 году граф Федор Петрович Толстой сильно заболел ревматизмом; когда он стал поправляться, то чувствовал себя до того ослабевшим от лекарств, что медики советовали ему ехать за границу и в продолжение шести недель пользоваться грязями и водами Франценсбада, потом путешествовать по Европе.

Граф получил отпуск на год. Вместе с отпуском ему дано было поручение от правительства относительно папского мозаического заведения и находившихся в Риме пенсионе-

ров нашей Академии художеств, о которых их начальник, генерал-майор Киль, до того дурно отозвался министру двора, князю Петру Михайловичу Волконскому[1], находившемуся в то время в Риме по болезни, что тот не только что не хотел, но даже и опасался их видеть.

Граф отправился за границу вместе с своей супругою. Окончивши курс лечения на водах, они объехали Германию, Францию, Швейцарию и осенью прибыли в Рим.

В продолжение этого путешествия граф постоянно вел "Путевые записки", которые составили двенадцать книг, каждая из них содержит в себе до двухсот листов исписанной им бумаги. В этих интересных записках граф, кроме ежедневных событий жизни своей, говорит как просвещенный художник, вполне обладающий своим предметом, о примечательных зданиях, картинах, статуях с их историей и цивилизацией того периода времени, к которому они принадлежат. Протекшие века восстановляются перед ним по арке, колонне, разбитому барельефу.

Эти "Путевые записки", сами по себе имеющие большое историко-художественное значение, так ярко очерчивают действия графа Ф.П. Толстого по отношению его к Академии художеств, что, коснувшись в предыдущих главах моих "Воспоминаний" жизни и деятельности нашего знаменитого художника-медальера, я нашла не лишним поделиться с читателями "Русской старины" наиболее характеристическими из них отрывками, дорисовывающими его личность. Сокративши в "Путевых записках" графа многие из его описаний, занимающих десятки листов, я в то же время пополнила некоторые из них слышанными мною от графа рассказами из жизни его в Италии. Разговоры же замечательных лиц сохранены у меня в точности, как переданы графом в его "Путевых записках".

В Риме граф узнал от художника Росси, что учеников нашей Академии можно видеть каждый день в ресторации Лепри, где как они, так и иностранные художники постоянно обедают, за отдельными столами, по нациям. Граф тотчас же отправился к Лепри; не заставши там пенсионеров, оставил записку к Рамазанову, в которой извещал о своем приезде. Он особенно любил Рамазанова за ум и талантливость и нередко журил за пылкость и ветреность.

Вечером пришли к Федору Петровичу пенсионеры Михаил Эльсон и Кракаў, а наутро и Рамазанов.

В этот приезд граф и графиня пробыли в Риме только несколько дней; несмотря на это, виделись со всеми пенсионерами и осмотрели некоторые примечательные места; они

спешили побывать в Неаполе до прибытия в Рим императора Николая Павловича, которого туда ожидали из Палермо.

Художники Рамазанов, Эльсон, Скотти, Солнцев и Макрицкий[2] проводили их в контору дилижансов.

За заставою Рима графа увлекают картины развалин, зубчатая линия акведуков, пропадающая в опаловой дали, пустыня с синеющими горами на горизонте, с бурыми полями, на которых встречаются то стадо баранов с пастухом в бараньей шкуре, мехом наружу, то вьючный осел со звонком на шее, поселянка в ярком наряде, с кувшином на голове, двухколесная крестьянская тележка, и на всем какая-то широкая дума, какая-то величественная печаль. Граф Федор Петрович миновал окрестности Рима с их водопроводами и пустынные окрестности Понтийских болот с их изнурительными лихорадками; в Альбано и Велетри граф был поражен грацией и красотою жителей. Дикая, унылая полоса прекращается за Террачиной; за Террачиной шумит Средиземное море и высится одинокая скала; там в народе ходят легенды о знаменитом кондотьере, жившем на ее вершине, и слухи, что Цампы и Фра-Дьяволы с своими поэтическими драмами и печальными концами еще не перевелись в этих местах[3]. Как бы в подтверждение истины этих слухов, ночью, не доезжая Террачины, граф был разбужен шумом, происходившим около их дилижанса. Он взглянул в окно и увидал человек двадцать мужчин, вооруженных ружьями, пистолетами и палками, окруживших их экипаж. На некоторых были накинуты короткие плащи, а на головах надеты остроконечные шляпы с широкими полями. Ночь была ясная, при свете луны можно было видеть, как эти люди с угрожающими жестами громко говорили с кондуктором. Главный из них стоял впереди, облокотясь на ружье; он иногда грозил кулаком и повелительно говорил: "Sortate"[4]. Кондуктор, не выходя с своего места, возражал ему словами: "Signori conti russo"[5], и, по-видимому, объяснял, что, обобравши их, получат не много, а если что случится с дилижансом, то розыски будут строгие, тем более что в настоящее время в Италии находится русский император и его ждут из Палермо в Неаполь и Рим. После этих толков говоривший с кондуктором махнул рукою, в минуту стоявшие на земле почтальоны вскочили на лошадей и гнали их без отдыха около получаса. В одиннадцать часов ночи они прибыли в Террачину.

За Террачиною их встретила смеющаяся природа, игривые, оживленные взоры женщин, подвижные, шутливые, подобострастные приемы простого народа; в Неаполе – улицы, кипящие народом, звуки разных инструментов, шутки, песни,

пляска, цветы, раскрытые окна, растворенные балконы, упоительный воздух...

...В Неаполе граф увидался с пенсионерами Михайловым и Орловым; последний при них уехал в Палермо снимать портрет великой княгини Ольги Николаевны, сюрпризом государю. В Палермо находились наши художники Воробьев и Серебряков, к которым император был очень милостиво расположен, в особенности к Воробьеву.

С Михайловым граф и графиня осмотрели Неаполь, его окрестности, Помпею, Геркуланум, лазоревый грот и всходили на Везувий. В выступивших из-под земли городах граф весь проникался их жизнию, утекшею в вечность. Там все говорило понятным ему языком.

Ночью наш путешественник граф Федор Петрович восхищался рдеющим дымом Везувия; днем – темно-синим заливом Средиземного моря с рассыпанными по нем островами, с обнимающей его горой, застроенной домами.

Граф снял несколько видов Неаполя и его окрестностей – карандашом, сепией и водяными красками – с самых живописных точек зрения; некоторые из них приложены к его "Путевым запискам".

Насколько Неаполь произвел на графа поэтическое, светлое впечатление, настолько правительство и народ – противоположное. Он с негодованием рассказывает, как в Неаполе, ожидая императора Николая Павловича, к приезду его чистили, красили, поправляли школы, казармы и прочие общественные места, до того запущенные, что для приведения их в порядок, замечает он, сверх поправок, надобно другое правительство, другое правление и другой народ. Чтобы скрыть от нашего государя нищенство и бедность народа, правительство предписало полиции забрать всех нищенствующих в городе и запереть в отдаленном скрытом здании; там они, битком набитые, полуголодные, валялись вместе – мужчины, женщины и дети. Бедняки взбунтовались и, чтобы освободиться, стали ломать двери и окна. Полиция взяла свои меры, и их усмирили. "Жаль, – добавляет граф, – что неаполитанскому правительству не пришло в голову более глубокомысленное средство: чтобы скрыть от высокого посетителя народную нищету – перетопить бы всех бедняков, – и кончает восклицаниями: – Как грустно, что в таком волшебном крае, в таком восхитительном климате – такое беспутное правительство и такой жалкий народ!"

...Из "Путевых записок" графа Федора Петровича видно, что император своим посещением всполошил весь Неаполь. "Король уже в городе, – пишет граф, – я его еще не видал и

никакой охоты нет видеть. Неаполь принял вид военного города; по улицам то и дело проходят полки с барабанным боем и музыкой. К приезду государя собрано до 25 000 войска для маневров".

29 ноября 1845 года Толстые возвратились в Рим. Отдохнувши, они отправились посмотреть приисканную им квартиру, а оттуда обедать к Лепри, где спросили себе отдельную комнату. Когда они кончали обед, к ним вошло около двадцати пяти человек русских художников с бо́калами шампанского в руках и поздравили графа и графиню с приездом. Граф, в свою очередь, спросил шампанского и поблагодарил их. Когда графиня уехала от Лепри, художники попросили графа в комнату, известную под названием "комната русских художников". Там собрались все наличные пенсионеры Академии времени вице-президентства графа. Он любил их как отец; в доме его они приняты были как дети. Усевшись кругом стола, в излияниях радости свидания и взаимных чувств, в воспоминаниях прошедшего и рассказах житья-бытья настоящего забывали, что они на чужбине. Время текло незаметно в оживленной, задушевной беседе, среди разговоров, шуток и песен. Временами вырывались трогательные выражения привязанности и уважения к графу. Когда разыгрались чувства, кровь юношей зажглась – зазвенели рюмки, зашипело, заискрилось звездочками клико *со звездочкой*, и пошли тосты и желания, пили даже в честь медальерных и скульптурных произведений графа.

"Этот импровизированный прием, – записано у Федора Петровича, – сделанный для меня нашими пенсионерами, доставил мне столько счастия, сколько никакие почести, никакие награды доставить не могут. Этот вечер я никогда не забуду". Ораторами выражения чувств были Рамазанов и Иордан. После тостов смех, песни, разговоры стали еще горячее. Песни пелись большею частью народные, русские и итальянские. Пирушка кончилась далеко за полночь. Молодые люди на руках донесли графа до кареты, хотели было нести до квартиры, но граф кое-как уговорил их оставить его ехать в экипаже. Они согласились, но толпа отправилась провожать его. Так как в карете не помещалось больше четырех человек, то одни засели с кучером, другие на лошадей, кто на запятки, кто на империал, которым не удалось нигде пристроиться – те шли пешком, и почти все с горевшими факелами в руках и с криками "ура!". Сидя в карете, граф думал: "Будь это в Петербурге, не доехать бы мне до дома, а здесь никто не обращает и внимания".

Пенсионеры проводили графа не только что до его квартиры, но даже и до его комнаты, где он простился с ними совсем растроганный.

На следующий день граф Федор Петрович посетил князя П.М. Волконского, который принял его чрезвычайно приветливо, говорил, что познакомился с нашими пенсионерами, посещает их мастерские и принимает их у себя; хвалил картину Иванова и добавил: "Да когда же она кончится?"[6] При этом пожаловался, что наши воспитанники вообще, сравнительно с другими художниками, сделали очень мало. На это граф сказал, что пенсионеры наши приезжают в Италию учиться, и на короткое время, поэтому и работы их нельзя сравнивать с работами художников, живущих в Риме по десяти-двадцати лет, как Тенерани, Бьен-Эме и другие, и что если они сделают по одной хорошей картине или статуе, то и достаточно.

Между прочими разговорами князь сказал, что не может понять, с чего составилось дурное мнение о наших пенсионерах, между тем как он, узнавши их, нашел очень милыми и благовоспитанными.

Граф объяснил ему, что виною этого их директор, генерал Киль, человек недоброжелательный и не понимающий ни своего значения, ни молодых людей, над которыми поставлен начальником[7]. Сверх всего – ненавидящий все русское. Он не познакомился ни с одним из пенсионеров, не был ни в одной студии и трактовал их как школьников. Такие бестактные, возмутительные отношения возбудили в воспитанниках справедливое негодование, которое и выражалось при всяком удобном случае. Это Киля раздражало – из мести он не только что распространял о них дурную славу, но, желая уронить их, к приезду государя затеял выставку из оборышей, оставшихся у них от посланных ими работ в Академию. Неоконченные же их работы и этюды готовил выставить в большой зале palazzo Farnese[8], превосходно расписанной. Сверх того, письменно разослал предложения итальянским и иностранным художникам выставить свои работы в локале обыкновенных выставок, где свет и стены приспособлены. "Все это, – говорил граф, – не показывает ли явное желание вредить?"

Князь Волконский согласился с доводами графа и хотел переговорить с Килем, но Киль уже водворил двуглавого орла на palazzo Farnese с надписью: "Выставка русских пенсионеров", и приставил к дверям швейцара с русскою кокардой. Он понимал, какое впечатление должны были произвести работы воспитанников, сопоставленные с прославленными мастерами.

1 декабря, в четыре часа утра, приехал в Рим император Николай Павлович, остановился в доме русского посланника

Бутенева[9], где переодевшись, поехал с визитом к папе; от папы посетил принца Ольденбургского[10], а от него приехал в Ватикан, прямо в церковь св. Петра, куда тотчас отправился и граф Федор Петрович Толстой, предварительно сказав пенсионерам, чтобы и они там находились. В церкви граф узнал, что государь уже там, находится у гроба св. Петра, перед которым, говорили, он положил три земные поклона. Граф взял на себя право представить императору пенсионеров Академии. Поставивши их всех вместе в стороне, сам стал против лестницы, по которой государь должен был выходить в церковь. Вошед наверх, государь тотчас увидал графа, остановился и, протянув обе руки вперед, сказал:

"Как! и ты здесь, Толстой, какими судьбами, никак не ожидал тебя видеть, – потом подошел к графу и крепко пожал ему руку, говоря: – Как я рад, что с тобой здесь встретился".

Граф попросил у государя позволения представить ему наших пенсионеров. Государь подошел к ним и, ласково приветствуя, сказал: "А, это наши? рад вас видеть, – и, обратясь к графу, смеясь заметил. – Надеюсь, не ленятся?" Граф отвечал, что все трудятся прилежно. "Хорошо, – сказал государь, – увидим и определим, – потом, взявши графа через плечо, пошел с ним осматривать церковь, говоря: – Я рад, очень рад, что тебя вижу; у меня тебе будет много работы".

С другой стороны государя шел приставленный к нему папою ученый антикварий Висконти. Доро́гой государь повторял графу, как он рад, что видит его в Риме, и спрашивал: был ли он в Палермо? На отрицательный ответ сказал:

"Тебе надобно видеть еще многое, поезжай в Палермо и непременно осмотри там все, особливо Monte Reale: там пропасть прекрасного"[11].

Затем рассказал графу, что он был в монастыре св. Мартына, видел Эспо́ньолетто, с которого копирует Михайлов, и что эту картину он находит лу́чше всего виденного им там, и добавил: "Тебе, Толстой, много будет работы у меня".

Ходя по церкви и рассматривая капеллы, император заказывал копии с образов и вещей, которые ему нравились; со всем этим обращался к мнению графа и был к нему бесконечно милостив и приветлив.

В свите государя находился и Киль, но он не обратил на него ни малейшего внимания.

...Осмотревши все внутри базилики, государь раскланялся со всеми и уехал с посланником в его коляске. Когда он вышел из церкви, какой-то несчастный итальянец хотел подать ему просьбу, но бедняка удержали, несмотря на его сопротивление, и утащили куда-то; зато внизу лестницы, когда царь

сел в коляску, двое других бедняков успели подать свои просьбы, которые он принял и передал посланнику.

Государь осматривал церковь в партикулярном сюртуке и, выходя, надел сероватый плащ.

Граф из церкви поехал к П.Н. Жеребцовой; зная ее участие в наших пенсионерах, он рассказал ей о своей встрече с государем. От нее же узнал, что государь был у папы в полной казацкой форме и в ленте, и когда входил в комнату, в которой должно было происходить их свидание, то папа вышел из своего кабинета, и они сошлись посередине комнаты; государь подошел к папе, чтобы поцеловать его руку, но тот не допустил, – они обнялись и поцеловались. Папа спросил государя через переводчика, что, вероятно, он устал от дороги? Государь отвечал:

– Нисколько.

Затем папа выразил сожаление, что его величество ехал в ночь и не видал прелестных видов, находящихся по этой дороге.

Это замечание папы осталось без ответа. Кардинал, служивший переводчиком, не передал царю слов папы, а простоял молча, опустя глаза в землю. Папа пригласил государя к себе в кабинет, куда за ними из наших вошел только один посланник Бутенев. В кабинете присутствовало шесть кардиналов, кроме кардинала, главного начальника Ватикана, а у дверей стоял маркиз или герцог[12], начальник папской гвардии.

В воскресенье государь слушал обедню в посольской церкви; с ним были князь Волконский, граф Орлов[13], В.Ф. Адлерберг и посланник. Как государь, так и вся свита его были в мундирах. Граф Толстой также находился в церкви. К нему подошла Софья Петровна Апраксина, и, когда с ним разговаривала, вошел государь; подойдя к Апраксиной, он взял ее за руку, спросил о здоровье и поздоровался с некоторыми из других дам; более всех говорил с княгиней Трубецкой и ее дочерью, Столыпиной. После обедни со всеми раскланялся и пошел в свои покои, пригласивши туда и дам. Графу сказано было, чтобы он тотчас ехал в Ватикан и дожидался царя на крыльце Ватикана, куда он, переодевшись, прибудет. На площади, на лестнице базилики, в самой церкви и на крыльце было такое огромное стечение народа, что когда приехал государь, то трудно было до него добраться. Гвардия в своих костюмах, вполне гармонировавших со старинным зданием церкви, и карабинеры, не привыкшие распоряжаться большим стечением публики, не могли удержать напора толпы. Проводником при царе был тот же Висконти; он повел государя прямо на крышу базилики. Кроме свиты, за императором пошли князь Волконский,

его сын, посланник, граф А.Ф. Орлов, секретарь посольства, граф Ф.П. Толстой и с ним три пенсионера – Иванов, Моллер и Сверчков; граф хотел провести и других туда же, но кроме этих трех, вблизи никого из воспитанников не оказалось. Перед входом на крышу царя встретил кардинал, начальник Ватикана, и сопровождал его во все время осмотра. С государем вошло на крышу до двадцати человек. С крыши он любовался открывшимися видами и со всеми замечаниями обращался к графу Федору Петровичу, который должен был находиться постоянно подле него. По удобным каменным лестницам они вошли на галерею, с которой их повели по внутренней лестнице на самый верх купола в стоящий на нем фонарик, внутри которого идет также кругом галерея. Граф Федор Петрович последовал за царем на эту галерею, такую узенькую, что два человека едва могут разойтиться на ней. С этой высоты ничего нельзя было различить внизу, – виднелись только движущиеся точки. На верх фонарика за царем вошли: граф, посланник и один из адъютантов. Государь с Висконти поднялся в яблоко, написал там свое имя и тотчас же возвратился; граф едва успел взглянуть вовнутрь огромного шара и прочесть его подпись. Возвратясь, государь сказал, что, подписываясь под начертанными там именами, он случайно подписался под именем *наследника цесаревича*. В галерее купола государь увидал Моллера, который носил огромные усы и бакенбарды, и спросил:

– Что это за усач?

Граф отвечал:

– Это наш художник Моллер.

Тогда царь подошел к Моллеру и, между прочим, сказал:

– А ты худо сделал, что бросил батальную живопись; я ее люблю, и она очень нужна: у нас есть довольно того, что можно передать потомству, – подвиги на Кавказе и много другого, а с тех пор как не стало нашего Зауервейда, некому этого поручить: Коцебу не может, а другому нельзя, надобно быть военному, чтобы уметь писать эти сюжеты.

Сошед на кровлю, государь много шутил над теми, которые были не в состоянии подняться выше. На крыше он сказал графу:

– Я всегда бранюсь с нашими молодыми архитекторами, что они худо кладут кирпичи, не связывают их плотно и оставляют слишком большие швы; вот тебе доказательство, что я прав: посмотри, как здесь положен кирпич.

Граф отвечал, что твердость этих зданий зависит не от кирпичей и не от кладки, а от здешнего цемента и климата; что с здешним цементом и плашмя поставленный кирпич к кирпичу, высохнувши, будут крепко держаться.

Государь с этим не согласился.

На крыше начальник Ватикана пригласил государя и всех бывших с ним в домик, или, скорее, беседку, временно устроенную, к приготовленному там завтраку. Домик этот состоял из двух отделений. В одном, за столом, довольно роскошно убранным, завтракал государь с начальником Ватикана, Висконти и двумя приглашенными учеными. В другом отделении, за столом, также роскошно убранным, сидели кн. Волконский, принц Ольденбургский, граф Орлов, посланник, граф Ф.П. Толстой, В.Ф. Адлерберг и остальные.

Завтрак состоял из бульона в чашках, с маленькими пирожками, майонеза из рыбы, превосходно приготовленного, и множества всякого рода сладких пирожных, фруктов, конфект, варений, разных вин и шампанского.

С крыши они отправились в античные галереи Ватикана – в эти пышные палаты, украшенные картинами и статуями гениальных художников, куда люди со всего мира стекаются на поклонение изящным произведениям, перед которыми останавливаются с благоговением и от которых отходят тронутыми, восхищенными. Государь обошел все галереи и был в восторге от находившихся там картин и статуй; он поручил графу заказать с некоторых статуй формы для нашей Академии и скопировать несколько картин...

...Осмотревши все, государь откланялся и уехал с посланником.

Когда они были еще на крыше, Орлов сказал графу Федору Петровичу, что государь приглашает его к своему обеду. В пять часов Федор Петрович отправился во дворец; там уже находились князь П.М. Волконский, граф Орлов, Адлерберг и некоторые из свиты. Когда вошел в залу государь, граф подал ему небольшой "Путеводитель по Риму", сделанный для него нашими архитекторами, с видами церквей и особенно примечательных памятников, с ясным, кратким текстом. Государь принял благосклонно, благодарил, внимательно рассмотрел и сказал:

– Подарок этот очень мил, я его передам жене.

– Для ее величества они готовят другой, – сказал граф.

– Нет, – возразил государь, – я отдам ей этот.

Вскоре приехал неаполитанский посланник; император был с ним чрезвычайно ласков и внимателен. За столом посадил его на первое место, сам сел по левую сторону, подле него князь П.М. Волконский, затем граф Орлов и другие; по правую руку посланника сидел В.Ф. Адлерберг, подле него граф Толстой, возле Толстого флигель-адъютант Астафьев, далее князь Ливен, некоторые из свиты его величества и доктор

Енохин, сопровождавший государя в его путешествии. Тут же находился и Киль. Все были в сюртуках.

За столом император больше всех говорил с посланником, – рассказывал, как он приятно провел время в Палермо и Неаполе и как доволен приемом их короля; упоминал о прелестных видах Неаполя и его окрестностей, о Помпее и Геркулануме, об устроенных для него маневрах, похвалив их; восхищался Ватиканом и хвалил его, разумеется, искреннее, нежели маневры. Когда посланник заметил, что, вероятно, его величество утомился от прогулки в Ватикане, государь отвечал:

– Совсем нет, я готов сейчас же повторить этот поход, только немного клонит ко сну.

После обеда, напившись кофе, посидевши в гостиной и поговоривши с полчаса, государь раскланялся и ушел во внутренние покои. Все разошлись по домам.

3 декабря 1845 года, в девять часов утра, граф Федор Петрович отправился во дворец посланника, где остановился император, чтобы сопровождать его в Palazzo Farnese, где Киль сделал выставку из оборышей картин и этюдов наших пенсионеров. В десять часов утра государь выехал в коляске с Висконти; граф Федор Петрович поехал за ним, ожидая большого нагоняя за эту выставку, но государь, осматривая ее, не сказал ничего, только отнесся недурно о картине Раева, изображавшей Рим; говорил, что она ему нравится больше других работ его, которые он видал прежде, да остановился на картинах Орлова, состоявших из небольших поясных фигур, и спросил про одну обнаженную женскую фигуру:

– Они так с голых и пишут их?

Остальное осмотрел молча.

Из Palazzo Farnese поехали опять в Ватикан смотреть *Рафаэлевы ложи* и его комнаты. Государь очень сожалел, что ложи почти совсем пропали. Кто-то заговорил, что теперь они находятся в Петербурге[14]. На это государь сказал:

– Лучше, если бы они остались здесь.

В комнатах Рафаэля он отметил списать некоторые фигуры потолка, а в картинной галерее – стоящие там три картины Рафаэля.

– Когда Бруни окончит работы Исаакиевской церкви, – сказал государь, – то пусть скопирует мне их.

В других залах его величество также повелел скопировать некоторые картины и опять всем восхищался, особенно же работою Микель-Анжело в Сикстинской капелле. Когда государь выходил из Сикстинской капеллы, какой-то художник с картиной в руке остановил его и предложил ее купить. Госу-

дарь заметил ему, что его картина не окончена. "Ежели вашему величеству угодно купить, то я ее кончу". Государь серьезно посмотрел на него и молча отошел прочь.

Императору показывали все, что только стоило видеть в Ватикане, водили по залам, которые никогда никому не открывали даже и по билетам. Проходили залу *ковров,* галерею *географических карт,* свод которой украшен с таким вкусом, что государь велел срисовать его нашим архитекторам; кроме того, любовался собранием этрусских ваз и египетских древностей. Из залы географических карт перешли в библиотеку – одну из значительнейших в свете. Кроме книг и рукописей, в ней видели старинные образа с греческими и славянскими надписями.

Из библиотеки снова обошли все капеллы церкви св. Петра. Граф Ф.П. Толстой не мог отлучиться ни на минуту от государя, который постоянно обращался к нему с вопросами и распоряжениями. Когда они подошли к бронзовому балдахину над главным алтарем, государь сказал Толстому:

– Я нахожу, что эта вещь здесь неуместна и вредит величию церкви, так же как и стекло над алтарем, с прозрачным изображением св. духа. Оно неприлично такой базилике, как базилика св. Петра.

"Его величество был совершенно прав", – замечает Толстой.

Когда граф Федор Петрович сказал государю, что этот бронзовый балдахин одной величины с Зимним дворцом, то он не хотел верить. Висконти подтвердил слова Федора Петровича.

Из Ватикана все отправились во дворец Цезарей, государь долго рассматривал со вниманием богатые, величественные остатки дворцов римских императоров.

...Из дворца Цезарей государь поехал к себе. Графу Толстому сказали, что он будет еще что-то осматривать, поэтому граф остался в приемной комнате, которой императору надобно было проходить. Киль находился тут же. Вскоре государь вошел и мимоходом сказал Килю очень серьезно:

– L'exposition est mauvaise, c'est une horreur![15]

С этими словами вышел и поехал один прогуляться.

4 декабря, в десять часов утра, император поехал с графом Федором Петровичем в мастерскую художника Иванова (живописца). Студия Иванова была обширна, хороша и с прекрасным освещением. Он писал тогда свою огромную картину, изображающую Иоанна Крестителя в пустыне, проповедующего толпе народа "жизнь новую"; фигуры на первом плане в рост человеческий, Иоанн и окружающая его группа фигур, в том

числе две совсем обнаженные, подвигались к окончанию; многое было в подмалевках, остальное еще в контурах. "Вся картина очень умно и хорошо скомпонована, – говорит в "Путевых записках" граф, – рисунок в картине превосходный, особенно в фигуре Иоанна". Пейзаж, прекрасный, был уже много подвинут вперед. По стенам мастерской было развешано множество этюдов с изображениями деревьев, кустарников, камней, снятых им в разных местах Италии для пейзажа его картины, также и этюды голов. Государь был очень доволен картиною Иванова, рассматривал его этюды и обошелся с ним чрезвычайно милостиво. Когда кто-то из присутствовавших заметил, что тут слишком много наделано этюдов, то государь сказал:

– Иначе и нельзя, чтобы написать хорошо картину.

Выходя из мастерской, государь сказал Иванову:

– Оканчивай, – картина будет славная.

От Иванова они поехали в студию художника Ставассера. Государь пришел в восхищение от вылепленной Ставассером статуи Нимфы с сатиром и спросил его:

– Неужели у тебя натурщица так хороша и грациозна?

Рассматривая долго эту статую, он обратился к стоявшему тут флигель-адъютанту Васильчикову и, закрыв ему рукою глаза, проговорил:

– Тебе не надобно на нее смотреть, это опасно.

Затем император рассматривал и хвалил Русалку, которую тогда Ставассер рубил в мраморе, также и эскизы, и всем остался доволен. Уходя, он еще остановился против Нимфы, долго любовался ею и, обратясь к Ставассеру, сказал:

– Прекрасно! сделай мне ее из мрамора, только прошу не залениться, а работы у меня будет много.

Прежде, нежели заехать к Ставассеру, император посетил выставку иностранных художников. На эту выставку, из работ трехсот художников разных наций, живших в то время в Риме, выбрано было только сто лучших картин. Киль это затеял с намерением поставить произведения иностранных художников в параллель с работами наших пенсионеров и тем уронить последних в глазах царя. Он знал, что лучшие произведения пенсионеров отосланы были в Петербург, оставались оборыши, неоконченные работы и этюды. Государь выбрал себе несколько картин и акварелей. "Выбор их был не совсем удачен", – замечает граф.

От Ставассера проехали в мастерскую Климченко. Государь остался доволен вылепленным им из глины и отлитым в гипсе Нарциссом, которого он рубил в мраморе.

– Теперь судить о Нарциссе много еще нельзя, – сказал государь, – оканчивай, должно быть, будет хороша.

Видели у Климченко еще эскиз небольшой статуи вакханки с кистью винограда.

"Наши четыре скульптора, – пишет граф, – Ставассер, Рамазанов, Климченко и Иванов, хотя и не успели еще сделать многого, но с тем немногим, что у них есть, они могут смело выступить на арену художеств".

По пути от Климченки, проезжая мимо Капитолия, остановились и любовались этим величественным зданием; потом, объехавши кругом Foro Romano[16], выбрались за город, где осмотрели церковь St. Paulo, строившуюся каторжными в цепях; один из них, опустясь на колени, подал прошение государю; этого несчастного мгновенно схватили, и он исчез. Прошение государь принял и передал графу В.Ф. Адлербергу. Каждый выезд царя подавали ему просьбы, даже бросали в коляску. Просьбы эти по его повелению принимались генералами и флигель-адъютантами свиты его величества. Не раз случалось принимать просьбы и графу Ф.П. Толстому и передавать дежурному флигель-адъютанту или графу Адлербергу. Свита его величества, приехавшая с ним из Палермо, состояла из генерал-адъютантов: графа Орлова, графа Адлерберга, генерал-майора Ливена, флигель-адъютантов: Баранова, князя Меншикова и Васильчикова и действительного статского советника доктора Енохина.

Затем заехали они в церковь St. Giovanni Laterano и осмотрели находящийся в Латеранском дворце музеум; далее осмотрели базилику Maria Maggiore[17]. Проезжая Колизей, император и все бывшие с ним вышли из коляски взглянуть на эти великолепные развалины. В базилике Колизея царя встретил кардинал (имя его граф позабыл) со всеми священниками, показал ему церковь и все, что там есть примечательного. Император поручил графу Ф.П. Толстому сделать некоторые заказы.

Из Колизея государь хотел посетить мастерские иностранных художников, а у Рамазанова быть после обеда. Это сообщил графу князь Петр Михайлович Волконский и при этом попросил устроить так, чтобы у Рамазанова находилась и модель, с которой он лепит свою статую (находившаяся у него натурщица считалась лучшею в Риме). Волконский еще с утра говорил, что государю хочется видеть, как работают скульпторы с модели, о чем граф тогда же сообщил Рамазанову. Услыхавши, что государь располагает быть в студии Рамазанова вечером, граф очень встревожился и говорил, что как ни освети мастерскую, все не будет возможности видеть красоту модели, стало быть, и оценить работы художника. Так как мастерская Рамазанова была недалеко, то граф послал

сказать ему, чтобы он не отлучался из студии и не отпускал натурщицу, а сам попросил князя Волконского доложить государю, что лучше ехать днем в студию Рамазанова.

– Как же это сделать, – отвечал князь, – государю хочется видеть и модель?

Граф Ф.П. Толстой сказал, что модель будет там, но что при свете огня нельзя хорошо осмотреть ни скульптурного произведения, ни верно сличить его с моделью.

– Ну, делай как знаешь, – сказал Петр Михайлович графу, – а я говорить государю не буду; я устал и еду домой, – и тотчас же уехал.

Граф адресовался к Адлербергу, потом к Бутеневу, просил их доложить царю о его предложении ехать к Рамазанову и объяснил, почему он этого желает. Оба они отвечали, что не смеют докладывать об этом государю, так как он устал и сам назначил ехать к иностранным скульпторам. Отказ их взбесил графа Федора Петровича, и он отвечал:

– Если вы не смеете, то я смею, – и пошел к государю, шедшему впереди с Висконти к своей коляске. Граф догнал его, остановил за руку, попросил прощения в этой дерзости и объяснил причину, побудившую его остановить его величество.

– Ваше величество, – сказал он, – Рамазанов – один из наших даровитейших пенсионеров; вы не были еще в его мастерской, а так как при свете ламп скульптурная работа много теряет, особливо в глине, то лучше теперь, при дневном свете, пожаловать в его студию.

– Хорошо, – отвечал государь, – все это так, да не далеко ли его мастерская, я очень устал.

– Очень близко, – ответил граф.

– Ну, так пойдем к нему, – сказал государь.

Подъехавши к мастерской, император сказал, чтобы, кроме его и графа, никого не впускать в студию, – вся свита осталась за дверями. Когда они вошли в комнату, Рамазанов запер дверь на замок. Прежде всего государь обратил полное внимание на работу Рамазанова и ни малейшего на натурщицу, стоявшую в позе нимфы, которая ловит у себя на плече бабочку. Рассматривая работу художника, он очень хвалил и мысль, и позу, и отделку. Фигуру нашел грациозной, голову прелестной, потом стал сравнивать работу с оригиналом и нашел, что натура не так хороша, как ее представил скульптор: "Ты ее украсил и облагородил, – заметил он, – следы ног, кажется, надобно сделать пополнее".

Натурщицу государь нашел хорошо сложенной, только немного толстоватой и недостаточно рослой. "Что и действи-

тельно было так, – сказано в "Записках" графа; – личико же у нее, – говорит он, – было прекрасно, глаза большие, черные, взор выразительный, черты лица правильные, но Рамазанов в своей статуе сделал голову в другом роде: он дал ей красоту более нежную и более античную, и для самой фигуры брал не чисто натуру, а смотря по красоте и правильности форм частей тела". Государь, подойдя к натурщице и посмотревши на нее, велел Рамазанову передать ей, что он находит ее прекрасной, потом, снова сравнивши статую с натурою, пошел рассматривать эскизы; он обратил особенное внимание на группу Нимфы и сатира, просящего у нее поцелуя, похвалил эту группу и заметил: "Она у тебя уж слишком выразительна, ты ее смягчи, а то мне нельзя будет поставить в моих комнатах", – и приказал произвести ее в мраморе; подойдя опять к натурщице, которая во все время продолжала стоять в позе статуи, изображающей нимфу, ловящую у себя на плече бабочку, приказал Рамазанову повторить ей, что находит ее прекрасной, приказал ей выдать тридцать скудий и заказал ему произвести ее в мраморе; затем, низко поклонившись модели, пошел к дверям мастерской, повелев, прежде нежели отворят дверь, подать ей закрыться, что Рамазанов тотчас и исполнил.

Из мастерской Рамазанова государь проехал в студию скульптора Вольфа – не слишком талантливого художника; несмотря на это, сделал у него некоторые заказы.

От Вольфа проехали к довольно даровитому скульптору Тенерани; государю понравилась у него сделанная им женская фигура, держащая в подоле платья цветы. Сделавши и здесь несколько заказов, отправились к скульптору Bien-aimé; у него обратила на себя внимание императора чрезвычайно грациозная фигура, изображающая амура, который стоит на одном колене и поит двух голубков из небольшой чаши.

После этого они посетили студию нашего пенсионера, скульптора Иванова; государь остался очень доволен его мраморною статуей "Ломоносов в молодости", находил, что в юном лице статуи много сходства с портретом Ломоносова в старости. Он изображен в русской рубашке, сидящим с книгою в руке. Про начатую Ивановым и еще не совсем приведенную в порядок статую простого молодого человека, замахнувшегося правою рукою, чтобы убить камнем змею, государь сказал: "Теперь нельзя многого сказать о ней, она не кончена, а, кажется, будет хорошая вещь; оканчивай с богом и присылай".

От Иванова государь заехал в другую студию Тенерани, а оттуда отправился к себе.

...Вечером в восемь часов приготовили для государя освещение в галерее статуй в Ватикане.

На вопрос, сделанный императору еще с утра начальником Ватикана, монсеньером Люциди, – допускать ли в Ватикан во время его там присутствия посторонних, император отвечал:

– Я бы желал, чтобы только русских.

Граф вместе с графинею, вечером, поехали в Ватикан. Государь приказал привести туда всех наших пенсионеров; некоторые из них приехали вместе с графом. Толпа была так велика, что они только при помощи директора скульптурного музеума Ватикана, Фабриса, и монсеньера Люциди, добрались до первых галерей, где должны были дожидаться прибытия государя. При караульном офицере граф оставил художника Монигетти, чтобы он указывал ему наших пенсионеров и художников, которые будут подходить, и пропускал бы их. Вместе с графом и графинею прошел с большим трудом наш канцлер граф Нессельроде с своим семейством. В галерее набралось довольно дам и мужчин, из которых иные были во фраках. Вскоре прибыл и государь с своею свитой; по обе стороны шли с факелами люди, назначенные освещать галерею, одетые в средневековый костюм – малиновые полукуртки с откинутыми назад длинными рукавами. Все коридоры галерей освещались высокими восковыми свечами. Когда пришли в галерею античных статуй, то каждую статую стали освещать порознь приготовленными светильниками из нескольких восковых свечей с полированными сзади жестяными реверберами. Граф Федор Петрович находил это освещение неудовлетворительным и говорил, что газом было бы много лучше; сверх того, действию освещения сильно мешала набившаяся толпа посетителей. Комната египетского музеума, в глубине которой стоит вырубленная из красноватого порфира статуя Изиды, освещена была эффектнее всех остальных комнат. Налюбовавшись этим зрелищем, стали разъезжаться. Государь уехал первый, за ним и остальные.

5 декабря архитекторы и граверы положили свои работы в кабинет его величества для рассмотрения их.

Поутру государь, в казачьем мундире, ездил прощаться с папой.

В этот день граф Федор Петрович отправился в приемную императора, где находились и наши архитекторы. Вернувшись от папы, император переоделся в сюртук, призвал архитекторов к себе в кабинет, расхвалил их действительно превосходные работы и высказал им столько приветствий, что они были вне себя от радости. Выразивши им свое удовольст-

вие, что они не теряли времени и употребили его с пользою прекрасно, и похвалив их, государь сказал:

– Молодцы, вы и скульпторы меня очень порадовали.

Переговоривши с архитекторами, император поехал в Пантеон в сопровождении Висконти, графа Федора Петровича и двух наших молодых архитекторов, Резанова и Бенуа. Пантеон государю черзвычайно понравился, несмотря на то что это величественное древнее здание испорчено фанатиками-папами. Обратясь к графу Федору Петровичу, государь сказал:

– Не правда ли, что что ни делай с зданием, построенным в хороших пропорциях, оно всегда останется прекрасным?

От Пантеона проехали к термам Каракаллы. Осматривая огромные развалины его дворца и бань, государь снова начал говорить о прочности строений, и что у нас не умеют класть кирпичи, что спайка очень толста и что он всегда бранится за это с нашими архитекторами; спросил графа Федора Петровича, нет ли с ним кого-нибудь из наших молодых архитекторов. Граф вызвал Н.Л. Бенуа, смелого, образованного молодого человека, отлично знавшего свое дело, как и прочие наши молодые архитекторы. Бенуа свободно, основательно, прекрасно стал опровергать обвинения государя, на стенах развалин доказал, как наружность обманчива и что кладка в них не систематическая, а совершенно произвольная, но что превосходная материя связки и климат дают эту крепость зданиям. Потом подвел государя к одной развалившейся арке, бо́льшая половина которой висела на воздухе, и показал, что в этом своде нет никакой кладки, ни камней, ни кирпичей, а они просто приставлены друг к другу, смазаны дивною здешнею смазкою, называемою pozzolano[18], в доказательство ее крепости взобрался на висящий на воздухе конец арки, стал на нем прыгать и ни один камень не отвалился от свода. С своей стороны Резанов так дельно и хорошо объяснял все царю, что он остановился спорить и стал внимательно слушать его доказательства. Потом заметил, что у нас валятся здания, потому что архитекторы сделались подрядчиками. "Я хотел было сказать государю, – говорит в своих "Записках" граф Федор Петрович, – что у нас валятся те дома и церкви, которые строились и строятся инженерами путей сообщения, но побоялся этим повредить хорошему расположению государя к нашим академическим архитекторам и промолчал, только сильно стал защищать наших академиков-архитекторов от стачки с подрядчиками, в особенности же молодых художников".

Император говорил с Резановым и Бенуа очень долго и милостиво, внимательно их выслушивал. Они объясняли ему

все подробности этих развалин со времен Каракаллы, по остаткам, представляли, какое расположение было этих терм и бань и что частию соответственно вкусу духа времени, частию по образцу других зданий того же исторического периода можно было довольно верно определить самые фасады этих зданий. Объясняя постройку терм Каракаллы, они говорили и вообще о древних остатках Рима так основательно и хорошо, что показали себя не только знающими свое дело, но и вполне образованными людьми. Некоторые из молодых флигель-адъютантов обступили юных художников с вопросами; они отвечали умно и дельно, не только о термах, в которых находились, но и о древнем состоянии самой Римской империи, ее столице, Неаполе и других городах Италии, примечательных памятниками истории, археологии и искусств.

Граф Федор Петрович Толстой слушал их с восторгом.

Выходя из терм, государь, по-видимому, еще занятый заступничеством графа за наших архитекторов, обратясь к нему, сказал:

– А все-таки я скажу, что наши архитекторы входят в стачки с подрядчиками.

Сказавши это, он сел в коляску и все, кроме молодых архитекторов, отправились к весьма плохому скульптору Фабрису, по милости папы – директору скульптурного музеума Ватикана. Они оба были из одной деревни, учились вместе в одной школе и остались приятелями. По заказу папы Фабрис работал колоссальную статую Милона Кротонского, назначенную быть поставленной на горе Пинчио, над аркадами величественной лестницы, спускающейся в Piazza del popoli[19]; но статуя эта так плоха, говорил граф, что едва ли ее там поместят.

После студии Фабриса осмотрели студию скульптора Финелли, у которого видели несколько хороших работ.

От Финелли проехали в монастырь и церковь St. Maria degli Angeli, построенную известным Буонаротти на остатках терм Диоклетиана. Государь любовался, кроме живописи в церкви, обширным четырехугольным двором в стенах строений, по которым идут галереи из продолговатых арок различных прекрасных форм; тут находится монастырский огород с фонтаном посреди параллелограммного бассейна из белого мрамора, по углам которого растут четыре огромные кипариса, посаженные Микель-Анжелом.

Из монастыря проехали в виллу Albano – прекрасную дачу, богатую древними произведениями в мраморе. Там государю понравилась ваза из белого мрамора на трех ножках, украшенная барельефом; он велел кому-нибудь из наших молодых художников снять с нее верный рисунок.

Из Альбано, по площади Monte cavallo, въехали во двор папского летнего дворца, Квиринала, куда никто не имеет права въезжать в экипаже, кроме папы, а их въехало за государем больше пяти колясок. Шагом объехавши кругом двора, государь уехал к себе; граф же Федор Петрович Толстой отправился прокатиться на Monte Pincio. Спустя немного времени приехал туда и государь, в коляске, с посланником; проехав palazzo Borgese, они исчезли из вида.

Государь каждый день делал эту прогулку перед обедом.

5 декабря, в час ночи, император Николай Павлович выехал из Рима. Наши художники пришли к крыльцу посланникова дома, чтобы поклониться государю и пожелать ему счастливого пути, но им сказали, что он желает уехать тайно, и они удалились.

Повсюду, где граф Толстой сопровождал государя по Риму, кроме экипажей с его свитой, он замечал следующую за ними коляску с четырьмя одними и теми лицами итальянского типа, никому из сопровождавших царя не известными. Везде, где останавливался государь, останавливались и они, тотчас выскакивали из коляски и невдалеке от него помещались перед толпившимся народом. Где бы ни был царь – и они были тут же. Поступки эти возбудили в графе любопытство, и он узнал, что это были переодетые в штатское платье лучшие и надежнейшие офицеры из карабинеров, назначенные от правительства повсюду следовать за царем и охранять его; а так как правительству всегда было заранее известно, когда, куда и в какое время государь поедет, то в тех местах, где в какой день государь должен был быть, там, между столпившимся народом, размещены были переодетые в разные костюмы карабинеры, которые, в случае надобности, должны были исполнять приказания сопровождавших государя офицеров.

Был слух, что правительство заметило злостные намерения, что сам папа боялся за царя; говорили даже, будто бы открыт какой-то заговор и что государь, узнавши об этом, был очень огорчен.

Как по дороге из Неаполя в Рим, так и из Рима во Флоренцию и Болонью, во время проезда императора по этим местам по всем дорогам были размещены карабинеры.

Граф говорит в "Записках": "Я не верю, чтобы у итальянцев могло быть что-нибудь против нашего царя, а что в Италии не совсем спокойно, то это верно".

Спустя несколько времени по отъезде императора из Рима граф Федор Петрович Толстой отправил в Петербург президенту Академии, герцогу Лейхтенбергскому[20], опровержение ложных доносов Киля на пенсионеров и письмо к конфе-

9 — 1839

ренц-секретарю В.И. Григоровичу, в котором сообщал ему о приезде в Рим государя и как он представлял ему воспитанников Академии.

Письмо это, как значительный материал для биографии графа Федора Петровича Толстого и для истории Академии художеств, дружески передано было мне Николаем Дмитриевичем Быковым для пополнения моих воспоминаний о графе Толстом. Оно напечатано в “Русской старине”, издание 1878 года, том XXI, стр. 347–356.

Глава 46

По отъезде императора Николая Павловича 1845–1846

6 декабря 1845 года, в день тезоименитства императора, граф Ф.П. Толстой с нашими пенсионерами поехал к герцогу Ольденбургскому – поздравить его с общим праздником русских, а от герцога к князю Петру Михайловичу Волконскому; везде они были приняты отлично. Волконский после продолжительного разговора с графом и пенсионерами, обратясь к последним, сказал: “Государь остался вами совершенно доволен; благодарю вас за то, что трудитесь с успехом, и за то, что ведете себя, как прилично благовоспитанным молодым людям”.

Раскланявшись с князем, они пошли в церковь; туда же приехал и князь Волконский.

Во все время пребывания императора Николая Павловича в Риме погода стояла ясная; со дня же его отъезда полил дождь, сделалась слякоть, холод. Несмотря на это, некоторые из художников отпраздновали этот день за городом. Вечером они рассказали графу, что праздник их был самый скромный, – что они выпили только по бокалу шампанского за здоровье государя, пели “Боже, царя храни” и церковные кантаты, затем с факелами и пением прошлись по соседним горам.

На другой день именин императора, утром, к графу Федору Петровичу приехал князь Григорий Петрович Волконский с секретарем Киля Сомовым, чтобы сверить и привести в порядок список заказов, сделанных государем. Графу Федору Петровичу было до крайности неприятно это вмешательство в дело, касавшееся единственно его.

Художники наши продолжали по-прежнему часто собираться у графа Федора Петровича и сообщили ему, что дали между собою слово не пировать, а работать как можно усерд-

нее: так благотворно отразилось на них милостивое отношение к ним государя. Кроме разговоров, у графа вечерами происходили и чтения; на одном из вечеров Рамазанов читал написанную им сказку "Красота и искусство": он развивал в ней довольно верно идею, как от действия красоты вызвалось к жизни искусство; мысль эта, замечает граф Федор Петрович, не новая: ее проводили и древние греки – как живописцы, так и скульпторы – в образе юного грека, очерчивающего профиль лица любимой женщины по тени, отбрасываемой луною на ствол дерева.

Так же как и до прибытия в Рим императора, граф и графиня Толстые продолжали посещать студии художников и с величайшим вниманием и подробностию осматривали все достойное примечания в Риме. Посещая знакомых, граф бывал и у антиквария Висконти; однажды Висконти сказал графу, что он получил в подарок прекрасную бронзовую медаль, по его мнению, сделанную в Париже, и чрезвычайно хвалил ее. Показывая медаль, стал объяснять Федору Петровичу, что она изображает. Граф тотчас узнал в ней одну из своих бронзовых медалей, изображающую освобождение Москвы. Висконти был чрезвычайно изумлен и даже выразил некоторое сомнение, что эта медаль была сделана в России. Когда же граф сказал ему, что медаль эта одна из коллекции, состоящей из двадцати таких же медалей, сочиненных и резанных им по случаю войны 1812–1814 годов, то Висконти рассыпался в восторженных приветствиях. При этом граф показал Висконти слепки с своих барельефов из "Одиссеи" Гомера; он долго рассматривал их и сказал, что ему известно все выходившее в этом роде, но подобного не встречалось как по идее, верности рисунка, вполне античного стиля, так и по красоте и искусству в выполнении. С восторгом и изумлением он рассматривал выгравированные рисунки "Душеньки", осыпал похвалами рисунок всех фигур, вкус, с каким все трактовано, драпировку, мебель, вазы и прочие аксессуары, дивился обширному знанию графа древнего греческого мира и с этого времени изменил свой взгляд на искусства в России. Вскоре после того Висконти привел к графу лучшего резчика на твердых камнях в Риме, итальянца Бонтинчио Боканино, чтобы показать ему вырезанные графом в меди барельефы "Одиссеи". Боканино был не художник, он сам не сочинял, не лепил, как и прочие медальеры в Европе, а только резал с вещей на стали, на твердых камнях, а больше на раковинах – чисто и хорошо; занимался также и гальванопластикой в небольшом объеме. Его поразили барельефы графа как сочинением и резьбой в металле, так и отлитые с них в меди слепки гальванопластическим способом. Он долго расспрашивал графа об этом

искусстве и никак не предполагал, чтобы было возможно гальванопластикой делать такие сложные барельефы, со множеством фигур, греческих зданий, внутренних украшений, с драпировками, вазами, канделябрами и другими украшениями, вырезанными на барельефах графа. Они еще не знали гальванического способа осаждать из раствора синего купороса медь в медные формы, а производили это только в восковые, стеариновые или гипсовые формы, напитанные тем или другим, с медалей и других небольших вещиц, натертых графитом. Граф показал ему, как он делает свои слепки простым способом в стеарине, воске и глине, покрытой графитом, но не открыл, как это делают в медные формы, оставляя им самим догадаться. Итальянский медальер не хотел верить, когда граф сказал ему, что у нас этим способом отливают большие античные статуи.

В праздник Рождества Христова граф Федор Петрович был с поздравлением у князя Волконского. Между прочими разговорами князь попросил Федора Петровича поторопиться отливкою форм с отмеченных царем статуй, снятием копий и работами, назначенными им нашим художникам. Вместе с этим просил определить плату за их работы, прибавляя: "Ведь нельзя же им работать даром; назначьте такую плату, за которую взялись бы здесь посторонние художники". Граф Федор Петрович никак не ждал этого и был чрезвычайно обрадован.

В этот же день праздника все наши пенсионеры пригласили графа и графиню Толстых с ними отобедать. Обед был устроен в квартире Рамазанова. Всех было двадцать два человека, считая в том числе и четырех не пенсионеров: Бецкого, Розенберга, Сокольского и Моллера; первые два даже и не художники. Когда граф и графиня вошли в комнату, их встретили с пением под фортепьяно написанных на этот случай Рамазановым следующих стихов:

В день славы Бога, славы русских,
Мы празднуем здесь, в Рождество,
Изгнанье вражьих сил французских
И славы русской торжество.

Хвала защитникам России,
Ура! сынам ее всегда,
Мы под защитою Мессии
Не посрамимся никогда!

Гремите, битвы за отчизну,
Лети, герои, по полям:
Толстой по вас исправил тризну,
Бессмертью предал вас векам.

Хвала тебе, художник славный,
Сердца ты славой весели,
Тебе венец, бессмертью равный,
За труд и подвиги твои.

Идеей грека восхищенный,
Взяв карандаш волшебный свой,
Красою "Душеньки" плененный,
Стяжал ты вновь венец другой.

Хвала тебе, повсюду чтимый,
Хвала и "Душеньке" твоей,
Живи еще – всеми любимый
На славу родины твоей!

"Встреча таким приветствием, – говорит в "Путевых записках" граф, – чистосердечие, любовь приема до того сильно тронули меня, что я не мог передать полноты чувств, теснившихся в моей душе; но уверен, что на лице моем они прочли мою радость и признательность за их драгоценную мне дружбу и привязанность. Затем сели все за стол – обед был прост, но хорошо приготовлен, вино – римских виноградников". Графу Федору Петровичу это было приятно, ему было бы тяжело, если бы они ради его вошли в лишние издержки. Сверх того, устраивая этот пир, они держались сделанного ими условия избегать всякого рода роскоши и излишеств. Единственная роскошь этого обеда состояла во множестве прекрасных, у нас очень дорогих цветов, только что нарванных с гряд. Над камином была развешана гирлянда из мирт, цветов и зелени, а над ней из роз и лилий сплетенные буквы Ф.Т. В это время цветы в Риме стоили безделицу. Там, где было защищено от ветра Montano[1], цветы распускались на воздухе, и при свете солнца можно было сидеть у растворенного окна.

В средине обеда Резанов встал и прочел сочиненные им стихи:

Здесь, друзья, мы собралися
В праздник Рождества Христова,
Пой, ребята, веселися:
С нами видим мы *Толстого*!

Он ребятами нас знал,
Нянчил нас, как деток рóдных,
И всегда в нас помогал
Чувств развитью благородных.

Каждый вырос и путь свой
По призванию направил,
Здравствуй, батюшка *Толстой*!
Ты нас всех на путь поставил.

Вот куда тот путь привел
Твоих деток, слава Богу!
В Риме нас отец нашел,
Там, куда казал дорогу!

Славно, если бы год весь
Было Рождество Христово,
Лишь бы нам его провесть
Возле батюшки *Толстого*!

Вот и нам пришла пора
В праздник Рождества Христова
Грянуть дружное "ура"!
Здравью батюшки *Толстого*!

Когда Резанов сел на свое место после общего громогласного "ура", встал Бецкий и экспромтом сказал:

Нам Богданович милую поэму написал,
Но Пушкина стихи ее убили;
К ней граф Толстой рисунки начертал,
И "Душеньку" рисунки воскресили.

В конце обеда пили за здоровье графа и графини Толстых и их детей, остававшихся в России. Когда встали из-за стола, художники подошли к фортепьяно и хором пропели графу "многая лета". Тронутый граф, обратясь к ним, сказал: "К несчастию моему, я не владею искусством красноречия и не берусь выразить ни моих чувств, ни моей благодарности за высказанные мне пожелания, пусть от искреннего сердца, от полноты души моей, обниму каждого из вас – это выразит вам то, что я чувствую". Тогда все, один за другим, обошли кругом стола с пением "многая лета" и, поочередно подходя к графу, обнимали его. После обеда под фортепьяно повторили стихи Рамазанова и поднесли графу огромный лавровый венок. Затем, пропевши еще раз стихи Рамазанова, затянули "чарочки по столику похаживают". Бецкий взял перо, тут же написал и прочитал:

Пойте, братцы, веселитесь,
Пришла славная пора,
Вы Толстому поклонитесь,

Гряньте дружное "ура"!
Академья воспитала
Русских добрую семью,
Хоть меня она не знала,
В вашем не был я раю, –
Но я чувствовать умею, –
И приветы вам даю;
Пред талантом я немею,
А художников люблю.
Пойте, братцы, веселитесь,
Пришла вам на то пора,
Все Толстому поклонитесь,
Гряньте гению "ура"!

Многократное усердное "ура" раскатилось по комнате, где было все полно искренности и теплоты души собеседников.

После обеда пели русские и итальянские народные песни и так же, как, бывало, в доме у графа в Петербурге, начались разные затеи, переодеванья в различные костюмы, танцевали национальные танцы, разыгрывались карикатурные представления; в них особенно были прелестны Монигетти и Вени, и смешили всех до слез. Толстые пробыли на этом празднике до десяти часов вечера. Художники всей толпой проводили их на улицу с зажженными свечами и фонарями, а когда они спустились с лестницы, то, по образцу карнавала, осыпали их множеством роз и других цветов.

Вечером на своей квартире граф записал этот праздник. Он сделал на него такое же радостное, светлое впечатление, как и тот, который дан был ему при его прибытии в Рим.

Посещая студии художников, граф в мастерской Бенуа и Резанова не мог налюбоваться прелестными произведениями этих молодых талантливых архитекторов. Ими сделано было множество превосходных рисунков акварелью всех деталей церкви Орвиетского собора[2], как его внутренности, так и наружности, и мастерски нарисованный вид главного фасада как Орвиетского собора, так и многих других древних церквей.

Резанов, Бенуа и Эпингер прожили в Орвиете почти три года втроем. Начальство монастыря поручило им реставрировать в церкви места, пострадавшие от времени. Они исполнили это с таким успехом, что заслужили всеобщую благодарность и расположение. В память сделанного ими начальством города вырезана была медаль и каждому из них поднесено по медали.

В студии Шурупова внимание графа обращала им сочиненная и вылепленная ванна с прекрасными скульптурными

украшениями; она была до половины вырублена из мрамора. Чаще всех граф посещал студии Ставассера, Иванова и Рамазанова.

В студии Макрицкого, между прочим, графа заинтересовали этюды Штернберга, доставшиеся Макрицкому по смерти его товарища, и Федор Петрович очень жалел, что ничего не было конченного, особенно, что он не успел окончить начатой им большой картины, изображающей "Рынок в Неаполе".

Мастерская Солнцева привлекала графа множеством прелестных этюдов – пейзажей с натуры, костюмов, чертежей и проч. В эскизах Ломтева различного содержания граф находил дарование, ум и воображение в композиции. Этот молодой человек много читал и хорошо знал историю. К большому сожалению графа, он повел себя не так, как следовало.

Из иностранных художников граф Федор Петрович посещал иногда знаменитого акварелиста Вернера. Он не мог насмотреться на его превосходную картину, изображающую внутренность палаццо мавританской постройки, находящегося в двух милях от Палермо. Солнечный луч, проникающий в окно, освещает ярким лучом сидящие за шахматной доской две мужские фигуры в средневековой одежде; один из них, постарше, углублен в игру, другой – молодой человек, пьет из рюмки вино, поднесенное ему женщиной, и засматривается на нее. В тени видны пирующие солдаты; посредине комнаты – дверь мавританской формы. "Подобной акварели, – замечает граф, – я еще не видывал". В студии венского живописца Амерлинга, лучшего портретиста того времени, графу больше всего нравилась картина, представляющая в настоящую величину двух спящих прелестных детей, девочку и мальчика. "Сон их так натурален, – говорит граф, – что боишься громко говорить, чтобы не разбудить их и не нарушить сладкого покоя, в который они погружены".

У живописца Ридели его заинтересовала одна картина, содержание которой взято было из индийской поэмы "Locconda". Изображена пустыня, где юноше отшельнику является нимфа под вуалем, сияющим лучами солнца, данным ей Вишну. Ветер распахнул вуаль, отшельник пленяется нимфой, вследствие чего является на свет ребенок, которого мать отдает на воспитание орлу, называемому Locconda.

Довольно часто граф и графиня посещали театр. Видели в балете Фанни Эльслер и Тальони, слушали в опере нашего певца Иванова и находили голос его выше и приятнее любимца римской публики Колини. Сверх того, Иванов знал хорошо музыку и в пении обладал прелестною методою. Игра драматической артистки Ристори восхищала графа – люби-

теля и знатока сценического искусства. "Все, что я до сих пор видал в драматическом мире, – говорит граф в "Записках", – не может и приблизиться к Ристори. Что за грация, что за изумительная правда в ее игре! Она не играет роль, она в самом деле действует, она чувствует, она вся жизнь и благородство; простота игры, все ее движения, все позы прелестны, сложена она дивно хорошо, в милом лице доброта и самодостоинство".

Здоровье князя Волконского не поправлялось, болезненное состояние отражалось в характере нерешительностию и крайней робостью, доходившими до того, что, говоря в один день одно и согласившись на предъявленное ему предложение, на другой день говорил совсем противное. Сам ни на что не решаясь, не давал и графу Ф.П. Толстому формального права действовать по его убеждению, что навлекало графу пропасть хлопот и неприятностей.

Однажды князь Волконский сообщил графу, что секретарь Киля скрылся. Когда у него отобрали все бумаги по делам директорства, он уехал в Тиволи. Как-то понадобилось послать почему-то на его квартиру – к удивлению, она оказалась совершенно пустою, все до последней мебели из нее было вывезено; это нашли странным, но по беспечности оставили без внимания. Когда же для понадобившихся справок послали к Сомову в Тиволи, то его там уже не было, и куда он скрылся, никто не знал. Вскоре открылось, что директорство Киля задолжало банкиру Торлони около пятидесяти тысяч рублей серебром. О Киле составилось общее мнение, что он не способен занимать место директора русских художников. Пост этот, оставшись свободным, сделался предметом происков и интриг. Между искателями этого места находился первый секретарь русского посольства Устинов и даже Григорий Петрович Волконский. Увидавшись с Григорием Петровичем, граф высказал, что, по его мнению, в Риме никаких директоров воспитанникам Академии не надобно, тем более что нередко на такие места назначаются люди, которые не имеют никакого понятия ни об искусствах, ни о нуждах художников и заботятся не о пользе наших пенсионеров, а только о своих удовольствиях, между тем правительству становятся чрезвычайно дорого. Князь сказал, что он вполне разделяет это мнение.

11 января 1846 года граф с первым курьером отправил герцогу Лейхтенбергскому заранее приготовленный им рапорт, в котором сделал подробное описание образа жизни и поведения наших пенсионеров в Риме и всех поступков с ними и клевет на них бывшего их директора и его секретаря. К

рапорту своему он приложил поступавшие к нему просьбы воспитанников нашей Академии, находившихся в Риме.

1 февраля верховые в куртках малинового цвета, обшитых желтым басоном, играя на трубах, объявили на всех площадях и перекрестках и перед всеми палаццами вельмож о начатии карнавала. Семь вершников, по числу дней карнавала, везли на длинных значках большие куски материй, назначенные для призов за тех лошадей, которые останутся на скачке победителями. Скачками начинался каждый день карнавала. Издержки по карнавалу возложены были на евреев. В старину несчастные евреи были жестоко угнетены и унижены в Риме и во время карнавала служили бесчеловечной забавой римской черни: из среды евреев избиралось несколько человек, которых по горло завязывали в мешки из грубой парусины и заставляли бежать вперебежку по Корсо от Piazza di popolo до Капитолия; тех же, которые отставали, жестоко били палками. Наконец евреи за огромную сумму откупились от этого бесчеловечного унижения. Бег евреев по Корсо заменили бегом лошадей. "Несмотря на нравы, смягченные цивилизацией, – говорит граф Федор Петрович, – зверская кровь римского народа и в христианстве не перецедилась в более благородную: они и теперь готовы гонять несчастных евреев в мешках по Корсо. Но так как впоследствии уже нельзя было всенародно оскорблять нацию, ни в чем не виноватую, то они допустили жестокое оскорбление в Капитолии. Накануне карнавала, в полном присутствии сенаторов, евреи обязаны приносить, согласно постановлению, по случаю праздника, подарки папе и разным начальственным лицам. В присутствии всего сената евреи церемониально приносили подарки и, преклонивши колена, вручали их старшему из сенаторов. Сенатор, принявши подарки, представителю евреев ставил на голову ногу в знак их покорности и унижения, и этот обряд совершался в XIX веке, по постановлению папы, главы католического христианства! И это делалось перед огромным стечением народа, в виду всей Европы!" Когда в Риме был граф Толстой, то при депутации евреев президент-сенатор уже не ставил ноги на голову представителю евреев Рима. Он ожидал депутацию сидя на троне, окруженный свитою и пажами. Глава евреев, в черном фраке, войдя в залу аудиенции, низко кланялся, давал клятву исполнять верно постановления по договору и просил позволения евреям остаться еще на год в Риме. Президент дал разрешение, начертанное на медной дощечке, – тем и кончилась вся церемония; приношения и подарки доставлены были заранее.

Затем открывается карнавал.

Улица Корсо преображается. Дома, окна, балконы драпируются розовыми, белыми, пурпуровыми, голубыми, оранжевыми материями с серебряными и золотыми бахромами, шнурками, кистями, убираются дорогими коврами, цветами, в устроенных для карнавала ложах прелестные женщины – в домино и без домино, в легких полумасках и с открытыми лицами. Веселые группы масок заполняют широкую улицу – музыка, песни, жизнь, слышатся шутки, остроты, сыплются мука, цветы, маколетти.

"Чтобы узнать, чтобы оценить Рим, надобно в него вжиться, – говорит граф Федор Петрович. – Чем дольше остаешься в нем, тем больше сосредоточиваешься на его природе, на хранящихся в нем великих художественных произведениях, на протекшей по нем жизни. Многие неудобства нового Рима становятся все незаметнее, величественные стороны Рима древнего – все яснее. Поражаешься царственным отпечатком, лежащим на его каменных остатках, – что за фантазия, что за размах, что за широта жизни, так цельно, так полно выразившей все свое содержимое. Полустертый след мира языческого еще могущественно выдвигается из-за мира христианского, внесшего в жизнь обновляющее начало, совершенно противоположное всему древнему порядку вещей".

...Великие памятники, оставленные в Риме протекшими по нем веками, бесчисленные произведения искусств, художнический образ жизни все больше и больше привлекали, привязывали графа Федора Петровича к Риму. Все было ему там понятно, всему он сочувствовал. Самая природа возбуждала в нем поэтическое настроение, смешанное с картинами протекшей жизни, как это видно из его многих очерков природы и из сравнения Италии с Швейцарией. "Итальянскими видами любуешься, – говорит граф, оканчивая картину природы Италии, – с чувством чего-то величественного, но земного, в них главную роль играют памятники древности, а природа – второстепенную. Память представляет воображению действия людей мира древнего и ослабляет впечатление природы. В природе же Швейцарии, с ее мирными долинами, с горами, покрытыми вечным снегом, с морями льдов, с скалами, как бы упирающимися в небо, с низвергающимися в бездны потоками вод, с отвесными утесами, на вершинах которых, как бы под облаками, виднеются развалины мрачных, страшных средневековых рыцарских замков, – природа преобладает; развалины замков, крепостей, рассыпанных по горам Швейцарии, – аксессуары, они теряются за красотами, за величием природы – смотришь на них и забываешь все земное".

Перечитывая эти очерки, вспомнилось мне, как несколько лет тому назад, в июле месяце, спускались мы с Сен-Готарда.

Ночь была ясная. Альпы, покрытые снегами, под лучами полного месяца сияли алмазами, отбрасывая резкие тени. Кругом скалы, пропасти, лес, водопады, река рвется через громады камней. С каждым шагом вниз виды меняются, то едешь краем пропасти, то под арками скал, там под ногами тихая долина и та же река мирно журчит по камушкам, и новая цепь гор открывается, на высоте алеет альпийская роза; еще шаг ниже – селенье, группы кленов и тополей, что ниже, то природа пышней, роскошней; вот повеяло теплом, влагой – и перед нами Лаго Маджиоре – неподвижное, как зеркало, обрамленное восхитительными виллами, потонувшими в группах азалий, в розах, миртах – в наших оранжерейных растениях. Что за утро зазолотилось над озером! Что за темно-синее небо! Что за упоительный воздух! Такие виды, такое утро наполняют сердце счастием, душу – небом и любовью.

Т.П. Пассек. Из "Воспоминаний"

Публикуемые в приложении отрывки из главы 44 мемуаров Т.П. Пассек содержат обширные цитаты из не сохранившейся части "Записок" Ф.П. Толстого. При этом, во избежание повторов, опускается та часть главы, которая повторяет опубликованный нами текст "Записок". Публикуемые почти целиком (исключены перечни заказанных Николаем I копий и оригиналов художественных произведений, а также большие цитаты из произведений А.И. Герцена) главы 45 и 46 ее же мемуаров рассказывают о пребывании Толстого в Риме в 1845 г. во время его первого заграничного путешествия. Они интересны не только тем, что существенно дополняют характеристику художника, но также и тем, что в них обильно цитируются до сих пор не публиковавшиеся его путевые дневники.

Текст печатается по изданию: *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 374–433. Комментарии составлены Е.Г. Гороховой и А.Е. Чекуновой.

Глава 44
Граф Федор Петрович Толстой

1 Имеется в виду Ф.П. Толстой.

2 Толстой не вполне точен: деятельность Общества продолжалась еще около года. Последний документ, связанный с ним, датируется 13 марта 1823 г. (см., например: *Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 75–76).

3 Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782–1867) – архимандрит Троице-Сергиевской лавры, московский архиепископ (с 1821) и митрополит (с 1826 по 1867 г.).

4 Имеется в виду Дудин Алексей Федорович (см.: *Каменская М.* Воспоминания. М., 1993. С. 111).

5 Сухозанет Иван Онуфриевич (1785–1861) – генерал от артиллерии, генерал-адъютант, начальник артиллерии Гвардейского корпуса (1819–1826).

6 Записки И.О. Сухозанета о событиях 14 декабря 1825 года напечатаны в "Русской старине", изд. 1873 г., т. VII, стр. 361 и след. (*Прим. Т.П. Пассек*).

7 Имеется в виду Следственный комитет по делу декабристов, образованный 17 декабря 1825 г. (с начала и до января 1826 г. – Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества, с мая 1826 г. – Следственная комиссия).

8 Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884) – флигель-адъютант, член Следственного комитета по делу декабристов, впоследствии – генерал-адъютант, управляющий почтовым ведомством, министр имп. двора и уделов. Титул графа получил в 1847 г.

9 Татищев Александр Иванович (1763–1833) – генерал от инфантерии, военный министр (1824–1827), председатель Следственного комитета по делу декабристов. За усердие на этом посту получил в 1826 г. титул графа; Чернышев Александр Иванович (1785/86–1857) – генерал-адъютант, впоследствии – граф (1826), светлейший князь (1849), генерал от кавалерии, военный министр, председатель Государственного совета; Левашов Василий Васильевич (1783–1848) – генерал-адъютант, генерал от кавалерии, впоследствии – граф (1833), председатель Государственного совета и Комитета министров; Михаил Павлович (1798–1849) – великий князь, брат Александра I и Николая I, генерал-инспектор по инженерной части; Дибич-Забалканский Иван Иванович (Иоганн Карл Фридрих Антон, 1785–1831) – барон, генерал-адъютант, начальник Главного штаба (с 1823), впоследствии – граф (1827), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий в русско-турецкую войну (в 1829) и при подавлении Польского восстания 1830–1831 гг.

10 Толстой ошибается: Павел Иванович Пестель не был офицером Главного штаба. До назначения командиром Вятского пехотного полка в 1824 г. он состоял адъютантом генерала П.Х. Витгенштейна.

11 Имеется в виду Александр Николаевич Муравьев, двоюродный брат Никиты Муравьева.

12 Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860) – князь, полковник л.-гв. Преображенского полка, один из учредителей Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Был избран диктатором войск, восставших на Сенатской площади, но в выступлении 14 декабря не участвовал. Осужден по II разряду.

13 Членом Союза благоденствия был капитан Измайловского полка Александр Александрович Кавелин (1793–1850); сведениями о наличии у него братьев мы не располагаем.

14 Батюшков Константин Николаевич (1785–1855), Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844) – поэты; Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) – поэт, издатель альманаха "Северные цветы" (1825–1831) и "Литературной газеты" (1830–1831).

15 Такой образ жизни продолжался в доме графа Ф.П. Толстого как во время его первого, так и во время второго его брака. (*Прим. Т.П. Пассек*).

Глава 45
В Риме в 1845 году

1 В 1829 году Академия художеств была перечислена из Министерства народного просвещения в Министерство императорского двора. (*Прим. Т.П. Пассек*).

2 Макрицкого граф нашел в крайности, несмотря на скромную жизнь и

неутомимое трудолюбие. В распоряжении графа находилась небольшая сумма для вспомоществования нуждающимся художникам, по его усмотрению. Из этой суммы граф выдал Макрицкому тысячу франков. (*Прим. Т.П. Пассек.*)

3 Имеются в виду герои опер "Цампа, или Мраморная невеста" композитора Ф. Герольда и "Фра-Дьяволо, или Гостиница в Террачине" композитора Д. Обера.

4 Sortate (*ит.*) – выходите.

5 Singnori conti russo (*ит.*) – господа русские графы.

6 Иванов Александр Андреевич (1806–1858) работал над картиной "Явление Христа народу" с 1837 по 1857 г.

7 Киль был лишен места начальника пенсионеров и вскоре уехал из Рима. Секретарь его забрал у банкира семьдесят тысяч казенных денег да всю серебряную посуду своего дяди и бежал неизвестно куда, – полагали, что в Америку; его нигде не отыскали. (*Прим. Т.П. Пассек*).

8 Palazzo Farnese (*ит.*) – дворец Фарнезе.

9 Бутенев Аполлинарий Петрович (1787–1866) – дипломат, посол в Константинополе в 1830–1842 и 1856–1858 гг., посланник в Риме с 1843 г.

10 Петр Георгиевич, принц Ольденбургский (1812–1881) – сын великой княгини Екатерины Павловны. Сенатор, председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

11 Имеется в виду г. Монреале на Сицилии, известный ценными произведениями искусства, хранящимися в основном в соборе и бенедиктинском монастыре.

12 В рукописи фамилии не обозначено. (*Прим. Т.П. Пассек*).

13 Имеется в виду князь П.М. Волконский, министр двора и уделов. Орлов Алексей Федорович (1786–1862) – князь (с 1855), генерал-адъютант, член Государственного совета, начальник III Отделения с.е.и.в. Канцелярии и шеф жандармского корпуса, впоследствии – председатель Государственного совета и Комитета министров. За подавление восстания декабристов 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади возведен в графское достоинство. Одно из самых доверенных лиц Николая I.

14 "Благодаря великой Екатерине, – говорит граф Федор Петрович, – у нас тоже будут существовать ложи Рафаэля. Она приказала их скопировать для Эрмитажа. Еще часть Рафаэлевых лож превосходно скопирована масляными красками по заказу графа Александра Сергеевича Строганова". (*Прим. Т.П. Пассек.*)

15 L'Exposition est mauvaise, c'est une horreure! (*фр.*) – выставка плоха, просто ужас!

16 Foro Romano (*ит.*) – римский форум.

17 Церковь Santa Maria Maggiore – один из знаменитейших памятников древнехристианской архитектуры в Риме.

18 Pozzolano – продукт вулканических извержений, при смешении с известью и водой дает прочную, хорошо затвердевающую смесь.

19 Piazza del popoli (*ит.*) – Народная площадь.

20 Максимилиан-Евгений-Иосиф-Наполеон, герцог Лейхтенбергский (1817–1852) – муж великой княгини Марии Николаевны, президент имп. Академии художеств, главнозаведующий Горным институтом.

Глава 46
По отъезде императора Николая Павловича

1 Монтано – холодный северный ветер.

2 Имеется в виду собор XIV в. в г. Орвието, на северо-востоке от Рима.

КОММЕНТАРИИ

Глава I
"Я родился в царствование императрицы Екатерины II"

1 По всей вероятности, эти слова относятся к старшей дочери Ф.П. Толстого (от первого брака) – Марии Федоровне Каменской (1817–1898). Сохранились письма Толстого к дочери, в которых он называет ее "любезный друг", "милый друг".

2 Екатерина II Алексеевна (1729–1796) – императрица с 1762 г. Урожденная Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, в 1745 г. была выдана замуж за наследника российского престола Петра Федоровича. В июне 1762 г., опираясь на гвардейские полки, свергла с престола своего мужа, императора Петра III.

3 Кригс-комиссариат был учрежден в Москве при Петре I как особый приказ, на который возлагалось обеспечение армии денежным содержанием, продовольствием, обмундированием, снаряжением. Организация и функции Кригс-комиссариата неоднократно менялись. При Екатерине II 19 сентября 1764 г. в С.-Петербурге была учреждена "Контора" Кригс-комиссариата. В описываемое мемуаристом время его отец возглавлял ее в чине бригадира.

4 При Петре I на дворян была возложена обязательная военная и гражданская служба государству. При преемниках Петра I дворянские дети зачислялись на военную службу с самого рождения, проживая в родительском доме. По достижении совершеннолетия они получали офицерский чин.

5 Бригадир – чин в русской армии, средний между полковником и генералом. Введен Петром I и упразднен Павлом I.

6 Толстой Петр Александрович (1746–1822) – граф, правнук знаменитого сподвижника Петра I – Петра Андреевича Толстого (1645–1729).

7 В русской армии чин майора был учрежден Петром I. По воинскому уставу 1716 г. майоры входили в число "штабных офицеров" полка и разделялись на премьер- и секунд-майоров. Премьер-майор ведал в полку строевой и инспекторской частями и в отсутствие командира полка командовал полком. Секунд-майор являлся ближайшим помощником премьер-майора и в строю командовал батальоном. В 1797 г. Павел I отменил разделение на премьер- и секунд-майоров и предписал впредь "писать их просто майорами".

8 Толстая Елизавета Егоровна (1750–1802) – графиня, урожденная Барбот де Морни.

9 Вера Толстая (1776–1798) в 1793 г. вышла замуж за Д.С. Шишкова, родного брата адмирала А.С. Шишкова. Александр (1777–1819) – полковник л.-гв. Семеновского полка, участвовал в войне 1812 г., в 1816 г. вышел в отставку и служил в Ассигнационном банке. Владимир (?–1824) служил в Кексгольмском полку, затем перешел на "статскую" службу в почтамт. Константин (1780–1870) учился в Шляхетском кадетском корпусе, в

26 лет вышел в отставку и служил в банке, в 1817 г. у него родился сын Алексей, будущий знаменитый писатель. Надежда (1784–1867) замужем не была и жила в доме брата Федора Петровича. Петр (1787–1809) учился в Морском кадетском корпусе, погиб при крушении фрегата "Поллукс" в Балтийском море во время бури. Более подробно о братьях и сестрах Федора Петровича см.: *Каменская М.* Воспоминания. М., 1991.

10 В XVIII в. слово "ошпиталь" употреблялось наряду с такими словами, как "госпитал", "госпиталия", "шпиталь" и т. д.

11 Речь идет о войне России со Швецией в 1788–1790 гг.

12 Шлосс (Schloß, *нем.*) – замок, дворец.

13 Мусин-Пушкин Валентин Платонович (1735–1804) – граф. Участник Семилетней войны, в 1782 г. пожалован в генерал-аншефы, в 1783 г. – генерал-адьютант; в 1786 г. назначен вице-президентом Военной коллегии. В начавшейся в 1788 г. русско-шведской войне Екатерина II назначила его главнокомандующим, но в 1790 г. он был заменен П.С. Салтыковым. Павел I пожаловал Мусина-Пушкина в генерал-фельдмаршалы.

14 По всей вероятности, П.А. Толстой был награжден орденом святого равноапостольного князя Владимира III степени. Орден учрежден в 1782 г. для награждения военных и гражданских чинов за боевые и другие заслуги. Девиз ордена – "Польза, честь и слава". Орден имел четыре степени: I степень – большой крест на ленте через правое плечо на кафтане, звезда на левой стороне груди; II – большой крест на шее, звезда на левой стороне груди; III – малый крест на шее; IV – малый крест в петлице. За каждую степень полагалась ежегодная пенсия (600, 300, 200 и 100 рублей).

15 Павел Петрович (1754–1801) – великий князь; после смерти матери Екатерины II в ноябре 1796 г. – российский император. Павел I убит в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке.

16 Сухопутный шляхетский корпус кадет – общеобразовательное закрытое военное учебное заведение. В России первый кадетский корпус был открыт в Петербурге в 1732 г. под названием Корпус кадет. После основания Морского шляхетского кадетского корпуса (1752) он стал называться Сухопутным шляхетским корпусом кадет. В корпус принимались обычно дети дворян.

17 По-видимому, Толстой имеет в виду Комиссию о составлении законов, созданную на основании указа императора Александра I от 5 июня 1801 г.

18 Морской шляхетский кадетский корпус был учрежден в 1752 г. как среднее привилегированное военно-морское учебное заведение. Создан на базе Морской академии (осн. в 1715 г.) и ведет свою историю от Навигацкой школы в Москве (осн. в 1701 г.). Корпус в строевом составе делился на 3 роты, а в учебном – на 3 класса. Воспитанники 1-го ("старшего") класса назывались гардемаринами, а 2–3-го классов – кадетами. Переводы из класса в класс производились только после экзамена на открывающиеся вакансии. В летнюю кампанию гардемарины и кадеты проходили морскую практику. В 1802 г. стал называться Морским кадетским корпусом.

19 Речь идет о Выборгском морском сражении 22 июня (3 июля) 1790 г.

20 Имеется в виду Екатерина II.

21 Балюстрада – декоративное ограждение балконов, галерей, террас, крыш в виде перил, поддерживаемых фигурными столбиками.

22 Будочник (буточник, бутошник) – нижний полицейский чин, несущий караульную службу в будке на перекрестке улиц.

23 Сажень – мера длины, равная в конце XVIII в. 3 аршинам (216 см).

24 Валенец – пшеничный хлеб, обсыпанный сверху мукой.

25 Аршин – мера длины = 72 см; полуаршин соответственно составлял 36 см.

26 Четверть – здесь: русская мера длины, равная четвертой части аршина, или 18 см.

27 Камка – шелковая цветная ткань с узорами.

28 По всей вероятности, имеется в виду древнегреческий философ Диоген Синопский (ок. 400–325 до н. э.), который решительно отвергал все блага цивилизации и требовал, чтобы человек вернулся в первобытное состояние или даже вел жизнь животного. Всю культуру он объявлял насилием над человеческим существом.

29 Штоф – стеклянная бутылка, вмещающая 1,23 л жидкости.

30 Ложки (лошаки) – ударный народный музыкальный инструмент вроде кастаньет.

31 Шинкен (schinken, *нем.*) – окорок, ветчина.

32 Речь идет о Верельском договоре 3(14) августа 1790 г. в деревне (мызе) Вереля (Вяряля), в районе современного Коувола (Финляндия).

33 Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) – военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1784). В 1762 г. принимал участие в дворцовом перевороте, возведшем на престол Екатерину II, что положило начало его карьере. Участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и "за оказанную храбрость и опытность в военных делах" был произведен в генерал-майоры. В 1774 г. назначен вице-президентом, а с 1784 г. – президентом Военной коллегии. С 1776 г. – генерал-губернатор Астраханской, Новороссийской и Азовской губерний. За присоединение Крыма к России (1783) получил титул светлейшего князя Таврического. В 1783–1791 гг. – екатеринославский и таврический генерал-губернатор и главнокомандующий Черноморским флотом.

34 По Табели о рангах (1722), установившей 14 классов военных, гражданских и придворных чинов, чин действительного тайного советника относился к первому (высшему) гражданскому классу.

35 Кунст-камера основана в 1714 г. по инициативе Петра I как кабинет редкостей и искусства. Первоначально объединила главным образом личные коллекции Петра I. Вскоре начала пополняться этнографическими и археологическими коллекциями. В 1727 г. размещена в специально построенном для нее здании на Васильевском острове.

36 Фрейлина – придворное звание для девушек знатных дворянских фамилий, из которых составлялась свита императрицы и великих княгинь.

37 Статс-дама (штатс-дама) – высшее придворное звание женщины из привилегированного сословия, состоявшей в свите царствующей особы.

38 Орлов Алексей Григорьевич (1737-1807/8) – граф, военный деятель, генерал-аншеф. Активный участник дворцового переворота 1762 г., приведшего к власти Екатерину II, за что был произведен в генерал-майоры и возведен в графское достоинство. Известен более всего как герой русско-турецкой войны 1768–1774 гг. За победоносные сражения у Наварина и Чесмы (1770) получил титул Чесменского. С 1775 г. – в отставке.

39 Существуют разные версии о Таракановой. По одной из них – она самозванка неизвестного происхождения, выдававшая себя за дочь российской императрицы Елизаветы Петровны. В начале 1775 г. граф Алексей Орлов по поручению Екатерины II обманным путем сумел заманить самозванку на русский корабль, стоявший в порту Ливорно, где она и была арестована, а по прибытии русской эскадры в Кронштадт по распоряжению императрицы отправлена в Петропавловскую крепость. Здесь она скончалась от болезни 5 декабря 1775 г. По другой версии Тараканова – дочь императрицы Елизаветы Петровны и графа А.Г. Разумовского. Жила в одном из московских монастырей, скончалась в царствование Александра I.

40 Корнет – офицерский чин в кавалерии; соответствовал чину подпоручика в пехоте.

41 Толстой сообщает не совсем точные сведения. Иван Степанович Рибопьер (1750–1790) происходил из знатной в Швейцарии семьи и учился в Тюбингенском университете. В 1778 г. с рекомендательным письмом от Вольтера приезжает в Петербург, где его назначают адъютантом к Потемкину. Вскоре на одном из придворных балов он знакомится с фрейлиной Аграфеной Александровной Бибиковой и вступает с ней в брак. Их сын (Александр) родился 20 апреля 1781 г. В 1790 г. И.С. Рибопьер уезжает в действующую армию на Дунай, а 11 декабря того же года при штурме Измаила он был убит. Дослужился до чина бригадира. Рибопьер Александр Иванович (1781-1865) в 1785 г. был произведен из сержантов Семеновского полка в вахмистры в конную гвардию. В 1798 г. он – флигель-адъютант императора, в следующем году назначается в посольскую миссию в Вену. Как пишет А.И. Рибопьер в мемуарах, он "всю... жизнь провел при дворе, на своем веку занимал не одну должность, но никогда не играл... первенствующей роли, никогда не решал и даже не руководил делами первой важности". Действительно, давая столь строгую оценку своей служебной деятельности, укажем, что Рибопьер в 1817 г. был назначен управляющим Государственным коммерческим банком, в 1831 г. – чрезвычайным посланником и полномочным министром при Прусском и Мекленбургском дворах, а в 1838 г. – членом Государственного совета. В 1856 г. он был возведен в графское достоинство Российской империи. Его воспоминания ("записки") опубликованы в журнале "Русский архив". 1874. № 4. С. 460–506; № 5. С. 5–36.

42 Румянцева Мария Андреевна (1698–1788) – дочь графа Андрея Артамоновича Матвеева, одного из самых передовых людей петровского времени. В 19 лет по желанию Петра I была выдана замуж за любимого денщика царя Александра Ивановича Румянцева. В 1725 г. родила сына Петра, будущего знаменитого полководца, генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского.

43 Царское Село – летняя парадная резиденция царской семьи с начала XVIII в. Название Сарское (затем Царское) происходит от финской деревни Saari-Mois (Верхняя мыза). В течение нескольких десятилетий здесь был создан один из самых грандиозных архитектурно-парковых ансамблей. В настоящее время музей (Царское Село) находится в г. Пушкине, пригороде Петербурга.

44 Петергоф – загородная летняя резиденция царской семьи. Строительство началось по указу Петра I в 1709–1710 гг. и продолжалось несколько десятилетий.

45 Разбивка и устройство Летнего сада в Санкт-Петербурге началось в 1704 г. по образцу регулярных парков Европы. Летний дворец Петра I (1710–1714) был построен в северо-восточной части сада по проекту Д. Трезини и при участии скульптора А. Шлютера.

46 Пиит – устаревшее, характерное для XVIII в. наименование поэта.

47 В опубликованном поэтическом наследии Г.Р. Державина (1743–1816) данное четверостишие не обнаружено.

48 Платон (Левшин П.Г.) – один из известнейших иерархов русской церкви (1737–1812). Учился в Славяно-греко-латинской академии. С 1758 г. – учитель риторики в семинарии при Троице-Сергиевой лавре. В этом же году принял монашество с именем Платона. В 1766 г. назначен архимандритом Троице-Сергиевой лавры, с 1770 г. – архиепископ Тверской, с 1775 г. – московский архиепископ, с 1787 г. – митрополит Московский.

49 Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) – граф, позднее князь, государственный деятель. С 1784 г. член Коллегии иностранных дел и фактический ее руководитель; с 1796 г. – вице-канцлер, с 1797 г. – государственный канцлер.

50 Ассигнации – бумажные деньги, имевшие хождение в России с 1769 до 1849 г. Выпускались три номинала – 5, 10 и 25 рублей, отличавшиеся по цвету: 5 руб. – синие, 10 руб. – красные и 25 руб. – белые.

51 Осьмушка (восьмушка) – формат рукописи, написанной на 1/8 части “большого” листа.

52 “Александрийский” лист (“Александрийская” бумага) – формат бумаги высшего качества. Известен в России с XV в., его размеры – 70x50 см.

53 Аптекарский остров в екатерининское время был еще мало освоен. Устроенный здесь (1713) Петром I “аптекарский огород” продолжал существовать, здесь выращивались разнообразные лекарственные растения. В 1798 г. “огород” преобразован в Медико-ботанический сад, а в 1823 г. – в Ботанический сад.

54 Шишков Александр Семенович (1754–1841) – государственный деятель, писатель. Обучался в Морском кадетском корпусе. При Павле I назначен членом Адмиралтейств-коллегии и произведен в вице-адмиралы. В дальнейшем – министр народного просвещения (1824–1828), почетный член Петербургской Академии наук (1800), президент Российской академии (1813–1841). Автор трудов в области морского дела.

55 Автором сценария оперы “Начальное управление Олега” (“Олегово правление”) была Екатерина II. Музыку написали К. Каноббио, В. Пашкевич, Дж. Сарти. Премьера состоялась 28 ноября 1790 г.

56 Дмитревский (Дмитриевский, Дьяконов) Иван Афанасьевич (1733/34–1821) – актер, режиссер, педагог, друг Ф.Г. Волкова и его сподвижник по созданию театра в Ярославле. С труппой Волкова прибыл в Петербург и вскоре занял место ведущего актера в придворном театре. Преподавал в Петербургском театральном училище и воспитал несколько поколений русских актеров. Выступал также как писатель и историк театра. В 1802 г. за выдающиеся заслуги перед русской литературой и театром был избран действительным членом Российской академии.

57 Сандунова (Уранова) Елизавета Семеновна (1772–1826) – актриса. Окончила Петербургское театральное училище, дебютировала в 1790 г. в Эрмитажном театре в партии Амура (опера “Дианово дерево”). С успехом выступала на сценах С.-Петербурга и Москвы. Актриса играла и в драматических спектаклях.

58 Ле Пик Шарль (1749–1806) – французский артист балета. В 1786–1794 гг. работал в Петербурге как балетмейстер и танцовщик. Среди балетов, поставленных им в столице, – русские пляски в опере “Начальное управление Олега”, танцы в опере “Февец” и др.

59 Людовик XIV (1638–1715), король Франции с 1643 г.

60 Речь идет о французской революции, начавшейся 14 июля 1789 г. в правление Людовика XVI (1754–1793).

61 Бильбоке (bilboquet, *фр.*) – игра, которая заключалась в том, чтобы попасть шариком, привязанным на шнуре к стержню, в чашечку, прикрепленную к тому же стержню.

62 Капот – женское домашнее платье свободного покроя.

63 По-видимому, Толстому запомнилась мраморная колонна, воздвигнутая на Большом пруду Царского Села в память побед, одержанных А.Г. Орловым в ночь с 25 на 26 июня 1770 г. над турецким флотом в Чесменской бухте. Колонна установлена летом 1776 г.

64 Пологий спуск в парк из Висячего сада, впоследствии названный пандусом, был сооружен в начале 90-х годов XVIII в. по проекту Чарлза Камерона. В 1794 г. пандус был украшен бронзовыми статуями муз и вазами. По указу Павла I в 1798 г. статуи перевезли в Павловск.

65 Толстой ошибается. Бронзовые скульптурные портреты "замечательных людей", т. е. великих философов, поэтов, полководцев Древней Греции и Рима, он видел на втором этаже Камероновой галереи. Скульптуры были отлиты в 80–90-х годах XVIII в. в литейной мастерской петербургской Академии художеств.

66 Строительство Ораниенбаума как загородного дворца А.Д. Меншикова, одного из сподвижников Петра I, первого генерал-губернатора Петербурга, было предпринято в начале XVIII в. В 1740-х годах царица Елизавета Петровна подарила его своему племяннику Петру Федоровичу (будущему императору Петру III). Во второй половине XVIII в. здесь был построен дворцово-парковый комплекс, в основе сохранившийся до наших дней.

67 В 1762–1774 гг. в построенном по проекту А. Ринальди в Ораниенбауме трехэтажном павильоне (Катальная горка) была сооружена специальная площадка для катания на богато украшенных тележках. Постепенно деревянные скаты пришли в негодность. В настоящее время от всего сооружения остался лишь павильон.

68 Вечерня – одна из церковных служб у христиан, совершаемая после полудня.

69 Всенощная (всеночная) – вечерняя церковная служба.

70 Александро-Невский монастырь основан в 1710 г. в память победоносной битвы Александра Невского со шведами в 1240 г. В 1797 г. монастырь переименован в лавру.

71 Ризничий – заведующий в монастырях ризницей. Ризница – место при алтаре христианской церкви, в котором хранятся ризы или облачения священнослужителей.

72 В рукописи фамилия не названа.

73 Галун – тесьма для одежды, обычно золотая или серебряная. Служил для обозначения чина и для украшения формы.

74 Темляк – петля из ремня или тесьмы на эфесе холодного оружия; надевалась на руку, чтобы крепче держать оружие.

75 Султан – украшение в виде перьев или конских волос на головных уборах (обычно военных), а также на головах лошадей в торжественных церемониях.

76 Столбовые дворяне – потомственные, знатного рода дворяне.

77 Толстой Петр Александрович (1769–1844) – граф, генерал-лейтенант и генерал-адъютант. Начал службу в Преображенском полку и в 1785 г. был уже подполковником. Участник русско-шведской войны 1788-1790 гг. и военных действий в Польше в 1792 и 1794 гг. В 1802–1803 гг. – военный губернатор Выборга, в 1803-1805 гг. – петербургский военный губернатор, посланник в Париже (1807–1808), один из главных начальников народного ополчения 1812 г., командир резервной армии (1813–1814), главный начальник военных поселений при императоре Николае I, член Государственного совета. Кавалер всех русских орденов.

78 Толстой перепутал хронологию событий в Речи Посполитой (Польше) в первой половине 90-х годов XVIII в. 3 мая 1791 г. польский сейм принял новую конституцию, значительно ограничившую власть короля. Часть шляхты, недовольная некоторыми статьями этой конституции, создала весной 1792 г. Тарговицкую конфедерацию и обратилась за помощью к соседним государствам. По распоряжению императрицы Екатерины II в Речь Посполитую была введена русская армия. Сторонники конституции 1791 г. потерпели поражение, в результате чего в 1793 г. состоялся второй раздел Польши между Россией и Пруссией. В ответ на это в стране весной 1794 г. началось освободительное движение, которое возглавил Т. Костюшко. По всей вероятности, граф

П.А. Толстой находился в составе русской армии, вошедшей в Польшу весной 1792 г.

79 Костюшко Тадеуш (1746–1817) – польский политический и военный деятель. В 1775–1783 гг. участвовал в войне за независимость английских колоний в Северной Америке. В 1784 г. в чине генерала вернулся на родину. С началом (март 1794 г.) восстания в Польше был объявлен повстанцами главнокомандующим вооруженными силами. В неудачном для восставших бою (октябрь 1794 г.) был тяжело ранен и взят в плен царскими войсками, а затем заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения (1796) выехал в США. Умер Костюшко в Швейцарии 15 октября 1817 г.

80 Самая знаменитая и почетная из русских боевых наград – орден святого великомученика и победоносца Георгия был учрежден Екатериной II в 1769 г. Орден предназначался исключительно для награждения военных лиц за подвиги, усердную службу, мужество и храбрость, а также за особые отличия, принесшие "пользу и славу российскому оружию". Его девиз – "За службу и храбрость". Орден представлял собой белый крест на ленте двух цветов, черного и оранжевого, в центре – изображение святого Георгия на коне, поражающего копьем дракона. Имел четыре степени, награждения производились последовательно – с четвертой степени к первой. Орден младшей, IV степени, носили на левой стороне груди на ленточке орденских цветов; III (большего размера) – носили на шее; II – знак на шее и звезда на левой стороне груди и I – знак на широкой ленте через правое плечо и звезда на левой стороне груди.

81 Салтыков Николай Иванович (1736–1816) – военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1796), князь (1814). Службу начал рядовым Семеновского полка, участвовал в Семилетней (1756–1763) и турецкой (1768–1774) войнах. В 1773 г. произведен в генерал-аншефы и назначен вице-президентом Военной коллегии. В этом же году Екатерина II поручила ему воспитание цесаревича Павла Петровича. С 1783 г. Салтыков – воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей. В 1796–1802 гг. – президент Военной коллегии. В 1812–1816 гг. – председатель (в отсутствие Александра I) Государственного совета и Комитета министров.

82 Петр Александрович Толстой и Николай Иванович Салтыков – двоюродные братья, так как отец первого (Александр Петрович) и мать второго (Анастасия Петровна) – родные брат и сестра. Жена Н.И. Салтыкова – Наталья Владимировна, урожденная княжна Долгорукая (1737–1812), действительная статс-дама (1793).

83 Людовик XVI (1754–1793) – французский король (1774–1792) из династии Бурбонов. В результате восстания 10 августа 1792 г. был свергнут с престола, предан суду, осужден и казнен.

84 Митава – официальное название г. Елгава до 1917 г. С середины XVI в. Митава – столица Курляндского герцогства; в 1795 г. город вошел в состав России и стал центром Курляндской губернии.

85 Вильно (Вильна) – прежнее название Вильнюса.

86 Миля – мера длины = 7 верстам, т. е. 7,5 км.

87 Невель – в описываемое время – уездный город Псковской губернии, с 1802 г. – в составе Витебской губернии.

88 До начала XIX в. в России воинские части размещались, как правило, в частных домах на основе постойной квартирной повинности.

89 Цуг – запряжка лошадей гуськом или парами одна за другой.

90 Шоры – твердые пластинки у уздечки на уровне глаз, не дающие возможности лошади смотреть по сторонам.

91 Берейтор – специалист, объезжающий верховых лошадей и обучающий верховой езде.
92 Линейка – экипаж с сиденьями в виде двух диванов, расположенных по долевой оси спинками друг к другу.
93 Тесак – рубящее и колющее холодное оружие с широким и коротким обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти.
94 Пошевни – широкие сани, розвальни.
95 Перeганивать – обгонять, опередить.
96 Bonjour (*фр.*) – добрый день, здравствуйте.
97 Bonne nuit (*фр.*) – доброй ночи.
98 Топография – научная дисциплина, изучающая методы изображения географических и геометрических элементов местности и создания на их основе топографических карт.
99 Иезуиты – члены монашеского католического ордена, основанного в XVI в. испанцем Игнатием Лойолой для борьбы с Реформацией, укрепления католицизма. Иезуиты выработали особую "систему морали", согласно которой они могут быть свободными в выборе средств для достижения своих целей. В Белоруссии иезуиты начали деятельность во второй половине XVI в. Когда под давлением общественных настроений иезуиты были изгнаны из многих стран мира, в Белоруссии иезуитский орден был сохранен. Екатерина II полагала, что иезуиты распространяют ученость, а также внушают лояльность к русской императрице среди населения. Александр I запретил (1815) деятельность иезуитов в России.
100 Патер Грубер (1740–1805) – влиятельный представитель иезуитского ордена. После издания папой Климентом в 1773 г. буллы об уничтожении ордена, прибыл в Белоруссию, где благодаря поддержке Екатерины II нашли себе прибежище многие иезуиты. При Павле I переехал в Петербург; здесь Грубер нашел себе покровителей, в том числе и императора. В 1802 г. был избран генералом ордена.
101 Из зачеркнутого Толстым текста (л. 19) можно узнать причину назначения ему "особых" учителей. *"Я был слишком молод,* – писал он, – *чтобы учиться в классах школы вместе с ее учениками"*.
102 Горестное еврейское восклицание, соответствующее русскому "горе мне".
103 Форштадт (Vorstadt, *нем.*) – предместье города.
104 Аттитюд (от *фр.* attitude) – здесь: поза, положение.
105 Partie de plaisire (*фр.*) – хорошее проведение времени.
106 Контракты – съезд в определенном месте для заключения торговых сделок; ярмарка.
107 Камергер – придворное звание (чин). В правление Екатерины II и Павла I камергер был должностным лицом при дворе, ведавшим какой-либо отраслью дворцового управления. Указом Александра I от 3 апреля 1809 г. придворный штат камергеров был сокращен, и в дальнейшем это звание приобрело характер почетного.
108 Волонтер – лицо, добровольно поступившее на военную службу, доброволец.
109 Псалтырь (псалтирь) – часть Библии, состоящая из псалмов (религиозных песнопений Богу). У славян псалтырь была переведена с греческого одновременно с принятием христианства (988 г.). По псалтыри на Руси учились грамоте вплоть до XVIII в.
110 Святцы – церковная книга, содержащая перечень святых и церковных праздников в календарном порядке.
111 Ремонтер – офицер, занимающийся закупкой лошадей для армии.
112 Корд – длинная веревка для тренировки лошадей по кругу.
113 Лансада – крутой и высокий прыжок верховой лошади.

114 Екилибр (экилибр) (équilibre, *фр.*) – равновесие.
115 Недостаточные – т. е. небогатые.
116 Вольтижировка (от voltiger, *фр.* – плясать на канате) – гимнастические упражнения на лошади, движущейся рысью или галопом по кругу.
117 *"В войну с французами в 1807 году"* – война с Францией началась в 1805 г. и закончилась подписанием Тильзитского мира 25 июня (7 июля) 1807 г. Тильзитский мир провозгласил "наступательный и оборонительный союз" между Францией и Россией.
118 Так в тексте.
119 Фланкерские учения – боевые приемы пикой, выполнявшиеся кавалеристами в рукопашном бою.
120 Так в тексте.
121 Дьячок – низший церковный служитель, не имеющий степени священства; причетник, псаломщик.
122 Cavalie de Bataille (*фр.*) – здесь: любимец женщин.
123 Флигель-адъютант – адъютант в офицерском чине при императоре. С начала XIX в. и до 1917 г. – почетное звание офицера, состоявшего в свите российского императора. При Екатерине II правом занимать флигель-адъютантскую должность обладали офицеры, имевшие чин не ниже армейского полковника.
124 Название полка не указано.
125 Вильманстранд – шведское название г. Лаппенрант в Финляндии. По Абосскому миру, которым окончилась русско-шведская война 1741–1743 гг., к России отошли небольшие территории в Финляндии, в том числе и г. Вильманстранд.
126 Розаса – отличительный воинский знак на головных уборах из металла, фарфора (эмали) или ткани; символ принадлежности воина к определенному государству.
127 Вершок – русская мера длины = 4,5 см.
128 Бердыш – старинное холодное оружие, широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца на длинном древке.
129 Эспантон (ешпантон) – копье с плоским и длинным железным наконечником. В России сохранился до 30-х годов XIX в. в качестве почетного оружия офицеров, но боевого значения не имел.
130 *"...содержались два брата – генералы князья Горчаковы"*. Горчаков Алексей Иванович (1769–1817) – генерал-майор (с 1897), с 1800 г. – Выборгский военный губернатор. В августе 1800 г. из-за растраты уволен в отставку. В 1812–1815 гг. – военный министр. Горчаков Андрей Иванович (1776–1855) – флигель-адъютант и генерал-майор (с 1798). Уволен в отставку в 1848 г. Горчаковы были родными племянниками А.В. Суворова, их мать, Анна Васильевна, родная сестра Суворова. Оба участвовали в Швейцарском походе.
131 Платов Матвей Иванович (1751–1818) – атаман Донского казачьего войска (с 1788), граф (с 1812). Начал службу в 13 лет. Участвовал в русско-турецких войнах (1768–1774, 1787–1791). При Павле I был уволен со службы и посажен в Петропавловскую крепость. Выпущенный из крепости, Платов получил приказание императора совершить поход в Индию, чтобы низвергнуть там могущество англичан. Смерть Павла I остановила поход. В войнах с Наполеоном Платов прославился на всю Европу. Во время поездки в Англию в 1814 г. (в свите императора Александра I) был удостоен диплома почетного доктора Оксфордского университета.
132 Толстой имеет в виду военную форму, скопированную Павлом I с формы прусской армии Фридриха II. В России в такую форму впервые были одеты военные отряды, сформированные в 1792 г. в Гатчине наследником престола и будущим императором Павлом I.

133 Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – государственный и военный деятель, генерал от артиллерии. Своей исполнительностью, неутомимой деятельностью и строгостью к подчиненным приобрел доверие императоров. В 1796 г. Павел I назначил его петербургским комендантом и генерал-майором. В 1799 г. возведен в графское достоинство, в 1808–1810 гг. – военный министр, с 1810 г. – председатель департамента военных дел Государственного совета. Человек жестокий, готовый выполнять любой приказ царя, он пользовался общей ненавистью современников.

134 Радищев Александр Николаевич (1749–1802) – философ, писатель. После окончания Лейпцигского университета служил протоколистом в Сенате, коллежским ассесором в Коммерц-коллегии, помощником управляющего и управляющим Санкт-Петербургской таможней. В 1790 г. опубликовал свое главное произведение "Путешествие из Петербурга в Москву", в котором императрица Екатерина II усмотрела призыв к бунту крестьян, оскорбление "противу сана и власти царской". Радищев был осужден на смертную казнь, замененную ссылкой в Сибирь (1790–1797 гг.). Император Павел I возвратил Радищева из Сибири, но писателю предписано было жить в его сельце Немцове Малоярославецкого уезда. После воцарения Александра I Радищев был возвращен в Петербург и назначен членом Комиссии по составлению законов. Современники Радищева утверждают, что когда последний подал свой проект необходимых реформ, председатель комиссии П.В. Завадовский сделал ему строгое внушение за его образ мыслей, сурово напомнив ему о прежних увлечениях и даже упомянув о Сибири. Это так подействовало на Радищева, что он выпил яд и умер в ночь на 12 сентября 1802 г.

135 В Морском кадетском корпусе учился третий сын А.Н. Радищева – Павел (1783–1866).

136 Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759–1834) родился в Турции. В 1774 г. был взят в плен и подарен великому князю Павлу Петровичу. Умный и сметливый, он постепенно сумел приобрести большое влияние на цесаревича. После вступления Павла на престол стал всесильным фаворитом и видным сановником, верным исполнителем замыслов императора. В 1799 г. ему был пожалован титул барона, а вскоре – возведен в графское достоинство. Награжден также высшими российскими орденами. После смерти Павла I отстранен от государственных дел.

137 Титул (титло) – почетное родовое или пожалованное звание (князь, граф, барон и т. д.).

138 Толстой имеет в виду первый русский орден святого апостола Андрея Первозванного, который был учрежден в 1699 г. и являлся высшим знаком отличия. Жаловался по усмотрению царя (императора) за воинские подвиги и за государственную службу. Имел одну степень. Знак ордена носили на голубой ленте через правое плечо, в торжественных случаях – на шейной цепи. Девиз ордена – "За веру и верность".

139 Лопухина Анна Петровна (1777–1805) (в замужестве княгиня Гагарина) – дочь П.В. Лопухина, генерал-прокурора (с осени 1798 г.); камер-фрейлина и кавалерственная дама. В 1797 г., присутствуя на торжествах по случаю коронации императора Павла I, обратила на себя внимание государя. В 1798 г. всему семейству Лопухиных было предложено переехать из Москвы в Петербург. Анна Петровна пользовалась большим и постоянным расположением Павла I.

140 Михайловский замок был заложен в феврале 1797 г. и строился четыре года. 8 ноября 1800 г., в день архангела Михаила, происходило освящение замка, а 1 февраля 1801 г. император Павел I поселился в новом дворце.

141 *"...приказал его выкрасить по цвету ее шведской перчатки"*. Стены Михайловского замка были окрашены в красный цвет. В своих записках действительный статский советник Н.С. Ильинский пишет: "Новый Михайловский замок покрывают красною краскою" (Воспоминания моей жизни // Русский архив. 1879. № 12. С. 397). Его современница графиня В.Н. Головина отмечает, что "красный цвет, любимый Лопухиной, стал любимым цветом императора Павла" (История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 204).
142 Форейтор – кучер, сидящий на передней лошади при запряжке цугом.
143 Н.Я. Эйдельман в монографии "Грань веков: Политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX столетия" (М., 1986. С. 57) пишет, что Павел I не давал подобных распоряжений. Император, по мнению историка, подвергал опале отдельные полки и их командиров за "безрассудные их поступки во время маневров", но далее Царского Села они не высылались. Однако некоторые современники правления Павла I утверждают другое. Например, Н.А. Саблуков, пользовавшийся уважением императора, писал: "Стремительный характер Павла и его чрезмерная придирчивость и строгость к военным делали эту службу весьма неприятною. Нередко за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеры прямо с парада отсылались в другие полки на весьма большие расстояния" (Записки Н.А. Саблукова о временах императора Павла и кончине этого государя. СПб., 1911. С. 30–31).
144 Фрунт (фронт) – строй, строевые занятия.
145 Вахт-парад – развод караулов, введенный в русской армии в правление Павла I в подражание прусской армии.
146 Cavalie de bataille (*фр.*) – здесь: окружающие его друзья.
147 Сентенция – приговор.
148 Свечин Николай Сергеевич (1759–1850) в описываемое время – петербургский комендант, а с 12 августа по 21 октября 1800 г. – генерал-губернатор столицы.
149 Александр I (Александр Павлович) – сын императора Павла I. Родился 12 декабря 1777 г., вступил на российский престол 12 марта 1801 г., умер в Таганроге 19 ноября 1825 г.
150 En petit pointion (*фр.*) – малозаметные точечные стежки.

Глава II
В Морском кадетском корпусе

1 Греческий кадетский корпус (Корпус чужестранных единоверцев, или Греческая гимназия) образован в 1775 г. для обучения греческих детей, вывезенных в Россию после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1796 г. корпус был расформирован, а учащиеся переведены в разные учебные заведения.
2 Голенищев-Кутузов Иван Логинович (1729–1802) – адмирал, писатель, издатель карт и работ по флотоводству. Учился в Сухопутном шляхетском корпусе, затем в Академии морской гвардии (Морской академии). Участвовал в Семилетней войне и боевых действиях на Балтийском море. В 1762 г. назначен директором Морского шляхетского кадетского корпуса. В 1775 г. произведен в чин вице-адмирала, в 1782 г. – адмирала. В 1797 г. назначен вице-президентом, а в 1798 г. – президентом Адмиралтейств-коллегии. Женат на Авдотье Ильиничне Бибиковой (1743–1807), ее сестра (Екатерина Ильинична) была женой М.И. Кутузова-Смоленского.

3 Голенищев-Кутузов Логин Иванович (1769–1845) – сын адмирала И.Л. Голунищева-Кутузова. Служил с 1785 г. на флоте, участвовал в войнах со Швецией. Последние годы жизни своего отца фактически управлял Морским кадетским корпусом. В 1801 г. произведен в генерал-лейтенанты. Занимал должности генерал-казначея Адмиралтейств-коллегии, затем (1827) председателя Ученого комитета Морского министерства. Занимался переводом иностранных трудов по морскому искусству, издал атлас Белого моря.

4 Голенищева-Кутузова Надежда Никитична (1776–1848), урожденная Коведяева.

5 Фус (Фусс) Николай Иванович (1755–1825/6) – математик. В Россию приехал в 1773 г. по приглашению академика Петербургской Академии наук Л. Эйлера. Фус много содействовал становлению и развитию математического преподавания в России. С 1776 г. – действительный член; в 1800–1825 гг. – непременный секретарь Петербургской Академии наук. За научные заслуги был избран в члены Академии наук в Берлине, Стокгольме, Копенгагене. Автор многих трудов по математике.

6 Герман (Германн) Карл Федорович (1767–1838) – основатель статистической науки в России. Образование получил в Геттингенском университете. Прибыл в Петербург в 1795 г. и сразу же стал преподавать в Морском корпусе. Автор многих трудов по статистике.

7 Гамалея Платон Яковлевич (1766–1817) – специалист по морскому делу, преподаватель, ученый. Окончил Морской шляхетский кадетский корпус, служил на Балтийском флоте и участвовал в ряде сражений. С 1791 г. преподавал в Морском корпусе математику, морскую практику, эволюцию и теорию морского искусства. Автор многих научных работ по метеорологии, астрономии, гидрологии, истории флота. В 1801 г. был избран почетным членом Петербургской Академии наук, в 1808 г. – действительным членом Российской академии и Вольного экономического общества.

8 Ин-кварто (in quarto, *лат.*) – в четвертую долю (листа); формат изданий, при котором размер страницы соответствует четвертой доле бумажного листа.

9 Четверка – формат рукописи, написанной на четвертой части "большого" или "дестного" листа.

10 Гардемарин – звание, установленное Петром I в 1716 г. взамен звания "навигатор". Служебные обязанности по Морскому уставу Петра I определялись так: "В бою как солдаты, в ходу как матросы". С учреждением Морского корпуса (1752) гардемаринами назывались воспитанники сперва старших, а потом всех классов, выпускавшиеся во флот мичманами.

11 "Журналом" Ф. Толстой называет дневник, который вел во время своей первой морской кампании летом 1800 г., когда учился в Морском шляхетском корпусе. В настоящее время "Журнал кампаний гардемарина гр. Ф. Толстого" находится в Отделе рукописи Русского музея (Ф. 4. Д. 3. Л. 1–75).

12 Ревель – так назывался Таллинн до 1917 г.

13 Шхеры (шкеры) – небольшие, преимущественно скалистые острова и полуострова с сильно изрезанными берегами, а также проливы между ними.

14 Мыза – небольшое поселение, усадьба.

15 Будберг Андрей Яковлевич (1750–1812) – дипломат, генерал, тайный советник. Известен как непримиримый противник Франции. Выполнял личные дипломатические поручения Екатерины II в Германии и Швеции. В 1806–1807 гг. – министр иностранных дел.

16 Магазин – здесь: склад, кладовая.
17 Кавалер – человек, награжденный орденом; кавалерами называли также людей, имеющих придворное звание.
18 Верп – вспомогательный якорь на судне, который завозят на шлюпке на некоторое расстояние от судна и бросают в воду. Используется при стягивании судна с мели, перетягивания судна на другое место.
19 Заря, или зоря – военный сигнал, подаваемый в определенное время. Заря исполнялась на барабане, сигнальным рожком (горном) и служила на судне утром для подъема, а вечером – для спуска флага.
20 Шканцы – часть верхней палубы судна между грот-мачтой и бизань-мачтой.
21 Галера – деревянное гребное военное судно. В России галерный флот был создан Петром I в конце XVII в.
22 Канонерская лодка (канонерка) – небольшой военный корабль с артиллерийским вооружением; предназначался для действий в прибрежных районах моря, на мелководье, на реках.
23 Эндимион – в греческой мифологии славящийся своей красотой юноша, взятый на небо Зевсом.
24 Минерва – в римской мифологии богиня мудрости, покровительница искусств и ремесел.
25 Серафимов орден – самый древний шведский орден, учрежден, по преданию, в 1260 г. Жалуется иностранным государям и государственным деятелям, а внутри страны – лишь высшим сановникам. Знак ордена – восьмиконечный крест с головками серафимов и цепь из одиннадцати чеканных головок серафимов и одиннадцати крестов, покрытых голубой эмалью.
26 Речь идет о шведской королеве Фредерике Вильгельмине Доротее, которая была родной сестрой Елизаветы Алексеевны (жены Александра Павловича, будущего императора Александра I).
27 Камера – комната.
28 Басон – плетеное изделие (шнур, тесьма, бахрома), идущее на украшение одежды, мебели.
29 Тафта – плотная хлопчатобумажная или шелковая ткань с мелкими поперечными рубчиками или узорами на матовом фоне.
30 Дикий цвет – темно-серый, сероватый.
31 Уланы – вид легкой конницы, первоначально вооруженной пиками и саблями; впоследствии от других видов конницы отличались только своей формой.
32 Плюмаж – украшение из перьев на головном уборе и конской сбруе.
33 Контрданс (контраданс) – старинный танец (род кадрили), исполнявшийся четырьмя, шестью и восемью парами.
34 Ангажировать (engager, *фр.*) – приглашать даму на танец.
35 Оршад – прохладительный напиток, приготовлявшийся из отвара ячменя или миндального молока с сахаром.
36 Правильно: knäckebrod – сухая лепешка из ржаного теста пополам с овсяным без соли.
37 Чепрак – подстилка под седло всадника.
38 Мундштук (муштук) – железные удила для взнуздания лошадей.
39 Густав III Адольф (1746–1792) – король Швеции (с 1771). Опираясь на армию, 19 августа 1772 г. произвел государственный переворот и фактически установил неограниченную власть короля. В 1788 г. начал войну против России, окончившуюся Верельским миром (1790). 16 марта 1792 г. был смертельно ранен участником заговора высшего офицерства Анкарстремом.
40 Густав I Ваза (1496–1560) – король Швеции (1523–1560), основатель династии Ваза.

41 Штандарт – флаг главы государства, поднимавшийся в месте его пребывания.
42 Ялик – небольшая шлюпка с одной или двумя парами весел.
43 Карл XII (1682–1718) – король Швеции (с 1697), полководец. Основные события жизни Карла XII связаны с участием в Северной войне (1700-1721). Убит осенью 1718 г. в Норвегии при осаде крепости. В отзывах современников и в исторической литературе личность Карла XII, его способности как государственного деятеля и полководца оцениваются крайне противоречиво.
44 Карл X (1622–1660) – король Швеции (с 1654).
45 Мария-Терезия Габсбург (1717–1780) – австрийская императрица (с 1740).
46 Шанц (шанец) – небольшое временное земляное укрепление, окоп.
47 Загородный королевский дворец в Дроттнингхольме был построен по проекту Н. Тиссина Старшего в 1662–1681 гг.
48 *"...нынешнего короля"* – имеется в виду Густав IV Адольф (1778–1837) – король Швеции (1792–1809). Деспотический образ правления Густава IV послужил причиной военного заговора (1809). Король был удален из страны, а его наследники лишились прав на шведский престол.
49 Сбитенщик – продавец сбитня. Сбитень – горячий напиток, приготовленный из воды, меда и пряностей.
50 Баклага – небольшой металлический или деревянный сосуд для жидкостей с крышкой или пробкой.
51 Инсекты – насекомые.
52 Помпеи – древний город в Италии, в окрестностях современного Неаполя; погиб при извержении Везувия в 79 г. н. э.
53 Фамилия – здесь: семья.
54 Шпалеры – ряды подстриженных деревьев, кустов по обеим сторонам дороги (дорожки).
55 Куртина – участок, засаженный одной породой деревьев, а также группа деревьев одной породы.
56 Чичероне (cicerone, *ит.*) – проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей, музеев и т. д. Названы по имени Цицерона (намек на их говорливость).
57 Талер – серебряная монета, чеканившаяся с XV в. в Чехии (в Йоахимстале), откуда и получила свое название. Использовался также в качестве денежной единицы в Швеции, Польше, Франции и других странах.
58 "На караул" – т. е. отдать честь воинским оружейным приемом.
59 Фок-мачта – передняя мачта на многомачтовом судне.
60 Гюйс – флаг, поднимаемый на носу военных кораблей во время якорной стоянки.
61 Кливер – косой парус, который ставят между фок-мачтой и бушпритом.
62 Тартар – в греческой мифологии подземное царство мертвых, преисподняя, ад.
63 Тантал – герой в греческой мифологии, осужденный богами на вечные мучения от голода и жажды.
64 Плутон – в греческой мифологии владыка подземного мира и царства мертвых.
65 Прозерпина – в римской мифологии богиня земного плодородия, владычица подземного мира, жена Плутона; то же, что в греческой мифологии Персефона.
66 Цербер – в греческой мифологии трехглавый злой пес со змеиным хвостом и гривой, охранявший вход в подземное царство.
67 Меркурий – в римской мифологии бог торговли и скотоводства; то же, что в греческой мифологии Гермес.

68 Минос (Миной) – легендарный царь древнего Крита, сын Зевса и Европы. Греческая традиция приписывает Миносу создание законодательства и могущественной морской державы на Крите.
69 Паганизм – в России до середины XIX в. синоним язычества.
70 Финифть – древнерусское название эмали; стекловидная масса, служащая для покрытия металлических изделий, предохраняя их от внешних воздействий, а также в художественных целях.
71 Дресва – мелкий щебень, крупный песок, образующийся при разрушении горных пород.
72 Брам-рей – третья снизу горизонтальная перекладина на мачте, к которой привязываются паруса.
73 Слово написано неразборчиво.
74 Бейдевинд – курс парусного судна, самый близкий к линии направления ветра.
75 Грог – напиток из рома или коньяка и горячей воды с сахаром.
76 Ост-Индия – так в европейских странах долгое время называли Индию и соседние с ней острова.
77 Ки́рка – лютеранский храм.
78 Тайная вечеря – прощальный ужин Иисуса с учениками, перед его арестом.
79 Сейм – парламент в некоторых странах Восточной Европы и Прибалтики. Парламент в Швеции – риксдаг.
80 Хоры – открытая галерея или балкон в верхней части парадного зала или церковного здания.
81 Эволюции – здесь: перестроение кораблей из одного строя в другой.
82 Ордер – здесь: определенный порядок (вариант) построения кораблей при выполнении задачи под единым командованием.
83 Баталия – битва, сражение. Заимствовано, вероятно, через польское batalija или через немецкое Bataille. В русском языке стало употребляться с начала XVIII в. и означало определенный порядок построения войска к бою.
84 Экзерции – учебные военные упражнения.
85 Апанер (панер, опонер) – морской термин, обозначающий положение якорного каната, вытянутого до вертикального положения.
86 Баратынский Богдан Андреевич (1771–1820) – вице-адмирал. Выпускник Морского кадетского корпуса, участвовал в морских сражениях в русско-шведской войне 1788–1790 гг. В 1799 г. произведен в вице-адмиралы и занял должность командира эскадры сначала на Балтийском, затем на Архангельском флоте.
87 Губа – здесь: название морского залива.
88 Спиридов Алексей Григорьевич (1753–1828) – русский флотоводец. Воспитывался в Морском кадетском корпусе. Участник сражений на Балтийском море. В 1792 г. назначен командиром Ревельского порта. В 1793 г. произведен в вице-адмиралы, а в 1799 г. – в адмиралы. В 1803 г. – военный губернатор в Ревеле, а в 1811 г. назначен главным командиром Архангельского порта, а также военным губернатором в Архангельске.
89 *"..лежит какой-то умерший принц"* – речь идет о герцоге де Кроа (Крои, Круи, Круа) Карле Евгении (1651–1702), которого Петр I пригласил в начале 1700 г. как опытного (по мнению иностранцев) военного на русскую службу. В начавшейся Северной войне Петр I поручил ему высшее командование армией под Нарвой. 19 ноября 1700 г. в самом начале сражения Кроа вместе с другими иностранными офицерами перешел на сторону шведов. Вскоре он был отправлен в Ревель, откуда писал письма Петру I с просьбой прислать деньги. Умер Кроа 20 января 1701 г. в бедности, обремененный долгами. Кредиторы аре-

стовали его труп и не позволяли хоронить. До 1858 г. превратившееся в мумию тело герцога оставалось непогребенным: оно лежало в Ревеле в церкви святого Николая.

90 Екатериненталь (Екатеринталь, Кадриорг) – летний дворец под Ревелем, построенный Петром I для своей жены Екатерины Алексеевны.

91 Гельсингфорс – шведское название финского города Хельсинки.

92 Эренсверд (Ереншверт) – шведский генерал (1710–1772). Приобрел известность как строитель крепости Свеаборг и создатель гребного флота, хорошо приспособленного к рифам, окружающим берега Финляндии. Был также поэтом, художником, гравером.

93 Такелаж – совокупность судовых снастей (тросы, цепи, канаты и др.) для управления парусами, грузоподъемных работ.

94 Редут – полевое земляное укрепление с наружным рвом и валом.

95 Единорог – старинное артиллерийское оружие с украшением на стволе в виде отлитой фигуры мифического зверя с рогом.

96 По всей вероятности, Толстой имеет в виду мушкетоны – облегченные ружья для вооружения личного состава кавалерии и артиллерии.

97 Траверз – направление, перпендикулярное курсу судна.

98 Брандвахта – корабль, поставленный на рейде или в гавани для наблюдения за входящими судами.

99 Корвет – трехмачтовый военный корабль средних размеров, предназначенный главным образом для разведывательной и посыльной службы.

100 Траверсе Иван Иванович (1754–1831) – маркиз, выходец из Франции, перешедший на русскую службу (1791). В 1797 г. произведен в вице-адмиралы, в 1801 г. – в адмиралы. В 1807 г. назначен главным командиром Черноморских портов и военным губернатором Севастополя и Николаева. В 1811–1828 гг. – морской министр.

101 Фунт – мера веса = 409,5 г.

102 Мортира – артиллерийское орудие с коротким стволом.

103 Фор-стеньга – второе колено фок-мачты.

104 Марсель – прямой парус, ставящийся на марсе-рее (втором снизу рее) парусного судна. Марсель на фок-мачте называется фор-марселем, на грот-мачте – грот-марселем. Марсафал (марсфал) – снасть, при помощи которой поднимается марсель.

105 Ванты – тросы, при помощи которых крепят мачты с боков. Изготовляются из стальных или пеньковых тросов. Между вантами ввязываются поперек тонкие смоляные тросы или прутки для подъема (вместо ступеней) на мачту, которые называются выбленками.

106 Кабельтов – единица длины, применяемая в мореходной практике; равна 1/10 морской мили, или 185,2 м.

107 Так в тексте.

108 Толстой имеет в виду Горное училище, открытое в 1774 г. В начале XIX в. училище было переименовано в Горный кадетский корпус, а затем (1833) – в Горный институт.

109 В истории обручения великой княжны Александры Павловны (1783–1801) с королем Швеции Густавом IV Толстой многое напутал. В действительности же король в сопровождении многочисленной свиты прибыл в Петербург 13 августа 1796 г., т. е. когда еще была жива императрица Екатерина II, а 11 сентября было назначено обручение. Но дело внезапно расстроилось. Густав IV решительно отказался подписать брачный договор, требуя исключить статьи о сохранении великой княжной православия. 20 сентября король со свитой выехал из Петербурга. После отъезда короля переговоры о браке продолжались, но это ни к чему не привело: сватовство не удалось. В 1797 г. Густав IV сочетался браком с принцессой Гессенской Фредерикой, стар-

шей сестрой супруги Александра Павловича. В 1799 г. Александра Павловна вышла замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа. Густав IV вновь приезжал в Петербург в ноябре 1800 г. Перед самым отъездом короля из русской столицы император Павел I решил попросить (через графа Ростопчина) шведский Серафимов орден для своего любимца графа Кутайсова. Король отказал в просьбе, и тогда разгневанный Павел I распорядился вернуть придворную кухню и свиту, назначенную провожать короля до границы. Все это, однако, не повлияло на русско-шведские отношения.

110 Речь идет о втором учебном плавании ("кампании") воспитанников Морского кадетского корпуса летом-осенью (июль – 3 октября) 1801 г. в Данию и Норвегию на фрегате "Архипелаг" под командой капитана Малеева.

111 В манифесте от 12 марта 1801 г. сообщалось, что император Павел I скончался "скоропостижно апоплексическим ударом". В действительности Павел I был убит в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. группой заговорщиков.

112 Бушприт (бугшприт) – мачта на носу парусного судна, наклоненная над водой.

113 В последние месяцы правления Павла I русско-английские отношения очень обострились. 4–6 декабря 1800 г. был заключен союзный договор между четырьмя северными державами: Россией, Пруссией, Швецией и Данией. Этот договор Англия рассматривала как прямое объявление войны и ответила на него нападением английского флота на Данию, а также подготовкой эскадры для похода в Балтийское море. В английских портах было наложено эмбарго на русские, шведские и датские товары. После убийства Павла I (12 марта 1801 г.) император Александр I меняет курс внешней политики, восстановив отношения с Англией и заключив с ней 5(17) июня 1801 г. конвенцию о взаимной дружбе.

114 Гогланд – скалистый остров в Финском заливе. С 1743 г. по Абосскому миру принадлежал России.

115 Канонир (canonier, *фр.*; kanonier, *нем.*) – рядовой (солдат) в артиллерии, пушкарь.

116 Готланд – самый большой остров в Балтийском море, расположенный приблизительно в 90 км от шведского берега.

117 Очерк Н.М. Карамзина "Остров Борнгольм" опубликован в его литературном альманахе "Аглая" (1794. Кн. 1. С. 92–117).

118 Люгер – трехмачтовое парусное военное судно.

119 Нельсон Горацио (1758–1805) – английский флотоводец, вице-адмирал (1801). На флоте с 12 лет, отличался храбростью, решительностью и высокими организаторскими способностями. В 1801 г. участвовал в походе адмирала X. Паркера в Балтийское море против датского флота.

120 Пролив Зунд (Эресунд, Эресунн) отделяет Данию от Швеции.

121 Стеньга – второе снизу колено составной мачты судна.

122 Нок-грота-рей – оконечность грота-рея, первого снизу рея второй мачты, считая от носа судна.

123 Линь (линек) – корабельный трос толщиной меньше дюйма (25 мм) по окружности.

124 Хельсингёр (Ельзинор, Ельсинор) – датский город на о. Зеландия на берегу пролива Зунд.

125 Трактовать – определять.

126 Четверка – четырехвесельная лодка.

127 Брамсель – прямой парус, ставящийся над марселем на брам-стеньге.

128 Правильно: остров Анхольт.

129 Грот-стеньга – второе колено грот-мачты (второй от носа).

130 Грота-марс – горизонтальная площадка на грот-мачте для наблюдения над морем и работы с парусами.
131 Бизань-мачта – самая задняя мачта парусного судна.
132 Стаксель – косой парус над корпусом судна.
133 Лайба – большая двухмачтовая лодка с косыми парусами.
134 Штокфиш – сухая треска.
135 Гнилая горячка – общеупотребительное название разных болезней, протекающих при высокой температуре; синоним лихорадки.
136 Занайтовлен – производное от слова "найтов". Найтов – снасть для закрепления различных предметов на судне, чтобы удержать груз от смещений во время качки.
137 Капитан-лейтенант – воинское звание офицеров военно-морского флота, введенное в России в 1713 г. По Морскому уставу Петра I (1720) офицеры, имевшие звания капитан-лейтенанта, являлись вторыми по старшинству после капитана корабля. Позднее назначались командирами небольших кораблей.
138 Румб – направление (от наблюдателя) к точкам видимого горизонта относительно стран света или угол между двумя такими направлениями.
139 Тезоименитство – день именин членов царской семьи и других высокопоставленных особ.
140 Гордень – снасть, служащая для подъема небольших тяжестей.

Глава III
"Я избрал для служения отечеству неблагородную дорогу художника"

1 Мичман (midshipman, *англ.*, буквально: средний корабельный чин) – военно-морской чин, введенный в русском флоте с 1716 г., первоначально – унтер-офицерский, затем – обер-офицерский; с 1764 по 1884 г. XII класса по Табели о рангах. Соответствовал чинам поручика и коллежского секретаря.
2 Дидло Шарль Луи (1767–1837) – французский танцовщик, балетмейстер, педагог. Один из крупнейших представителей хореографического искусства конца XVIII – первой трети XIX в. В 1801–1829 гг. с перерывами работал в Петербурге.
3 После этих слов зачеркнуто: *"в этом искусстве и особливо в постановке групп и аттитюдов"*.
4 В статье А.Н. Новицкого, где "Записки" Толстого подробно пересказываются по их рукописи, полученной автором от дочери художника Е.Ф. Юнге, после этих слов говорится, что Толстой изучал мимическое искусство у танцмейстера Бузани (*Новицкий А.Н.* Граф Ф.П. Толстой. Киев, 1912. С. 11).
5 Имеется в виду Александр Петрович Толстой.
6 А.Н. Новицкий называет фамилию берейтора: Киорини (Указ. соч. С. 10).
7 Эспадрон (еспадрон, espadon, *фр.*) – оружие с клинком, предназначенным для нанесения укола и рубящего удара.
8 Правильно: assaut (*фр.*) – атака, штурм.
9 Штос (stoss, *нем.*) – удар, укол.
10 Правильно: assaut.
11 Севербрик Иван Ефимович (1779?–1852) – знаменитый фехтовальщик, преподаватель Первого кадетского (окончил в 1795 г.) и Пажеского корпусов, Дворянского полка, училищ Артиллерийского и Правоведения и 1-й гимназии. Давал уроки фехтования членам императорской фамилии.

Автор "Руководства к изучению правил фехтования на рапирах и эспадронах" (СПб., 1852).

12 Горголи Иван Саввич (1770–1862) – петербургский обер-полицмейстер (1811–1821), сенатор (1825–1858).

13 В одном из зачеркнутых вариантов этого отрывка Ф.П. Толстой писал: *"Он познакомил меня там же* (у себя дома. – *ЕГ.*) *с замечательным в Европе профессором астрономии и членом Академии наук* [Ф.И.] *Шубертом... Знакомство с иностранными учеными людьми мне было вдвойне выгодно, во-первых, по наставлениям и сведениям, которые от них приобретаю..."*. Другой зачеркнутый вариант имеет продолжение о знакомстве с литераторами (см. вступительную статью) и оканчивается так: *"С Федором Николаевичем Глинкою я познакомился прежде всех, и мы были хорошими приятелями и видались почти всякий день.*
В доме Алексея Николаевича Аленина (Оленина. – *ЕГ.*) *я коротко познакомился с Крыловым, Гнедичем, Жуковским, был представлен* [И.И.] *Дмитриеву и Карамзину, и впоследствии с них обоих я делал восковые портреты"* (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 73 об. Эти произведения среди дошедших до нас атрибутированных портретов не значатся).

14 Каме (camée, фр.) – гемма с выпуклым изображением, рельефный портрет, выполненный из драгоценного или поделочного камня.

15 Другим почерком, вероятно жены художника, далее вставлено: *"Бонапарте"*. Наполеон I Бонапарт (1769–1821) был провозглашен императором в мае 1804 г. Следовательно, описанный эпизод произошел до того, как известие об этом дошло до России.

16 А.Н. Новицкий утверждает, что это была медаль в честь польского ученого Михаила Азовского (Указ. соч. С. 12).

17 Шилов Иван Анфимович (1785–1825) – гравер и медальер, воспитанник Академии художеств, академик (1810). Работал на Монетном дворе (с 1808), преподавал в медальерном классе Академии художеств (1815–1825).

18 Стека (stecca, *ит.*) – деревянная палочка, которую скульпторы используют при лепке из глины, воска и т. п.

19 Этот эпизод рассказан у А.Н. Новицкого с бóльшими подробностями: *"Это произошло около Петрова дня* (т. е. 29 июня по ст. ст. – *ЕГ.*), *когда была открыта академическая выставка. На другой же день гр. Толстой отправился туда, подробно осмотрел выставленные там работы медальерного класса, из которых ему больше всего понравились головки, исполненные И.А. Шиловым, тут же познакомился с ним и получил от него все необходимые сведения, стеки и восковую голову Каракаллы для копирования. Вернувшись домой, он приготовил себе точно такой же воск и в несколько дней исполнил копию, которую Шилов одобрил. По закрытии выставки он продолжал ходить к Шилову, в медальерный класс, когда там не было занятий, и брал модели для копий"* (Указ. соч. С. 13). В рукописи фраза *"профильную модель для копирования дома"* зачеркнута и другим почерком, вероятно жены художника, заменена на *"скопировать голову Каракаллы"*.

20 Прокофьев Иван Прокофьевич (1758–1828) – скульптор, воспитанник Академии художеств (1764–1778). Академик (1785), преподаватель в классе скульптуры, профессор (1800). Автор декоративных статуй и групп для фонтанов Петергофа (1800–1801) и др.

21 Чикалевский Петр Петрович (1751–1817) – вице-президент Академии художеств (1799–1817), управляющий Академией (1811–1817).

22 Казармы Семеновского полка находились на Московской стороне, за Фонтанкой, на улицах, отходящих от Загородного проспекта, – Бронницкой, Серпуховской, Подольской, Верейской, Можайской, Рузской,

Клинском проспекте и в Лазаретном переулке. Семья Толстых жила на квартире старшего сына Александра, офицера Семеновского полка.

23 В классе рисования с оригиналов ученики копировали произведения мастеров, что помогало им в освоении техники ремесла (см., например: *Лисовский В.Г.* Академия художеств. Л., 1982. С. 29).

24 В художественных классах Академии устанавливались дежурства профессоров, которые обучали техническому мастерству не только на словах, но и на личном примере, – рисовали, лепили, писали вместе с учениками.

25 Кипренский Орест Адамович (1782–1836) – портретист и исторический живописец. Сын крепостного. Отпущен на волю в 1788 г. и определен в ученики Академии художеств. Академик (1812). В описываемое время был учеником натурного класса.

26 В рукописи последние слова зачеркнуты и другим почерком, вероятно жены художника, заменены на: *"месяца чрез три"*.

27 В конце каждой трети года рисунки представлялись на "большой", или "третной" экзамен. Особая система поощрений Академии художеств предусматривала последовательное получение четырех медалей – двух серебряных (второго и первого достоинств, или малой и большой) и двух золотых. К конкурсу на большую золотую медаль допускались только получившие все низшие награды. Большая золотая медаль, помимо звания художника, давала право на поездку за границу в качестве пенсионера Академии. Остальные ученики получали аттестаты разной степени.

28 Ученики Академии художеств носили форменный мундир.

29 Мартос Иван Петрович (1754–1835) – скульптор, воспитанник Академии художеств (1764–1773), академик (1782), преподаватель (1779), а затем профессор (1785) в классе скульптуры, член Совета Академии (1778), адъюнкт-ректор (1799), ректор по части скульптуры (1814), заслуженный ректор (1832). Сложные отношения Мартоса и Толстого характеризует в своих "Воспоминаниях" М.Ф. Каменская.

30 Т. е. барельефах.

31 Указ о переводе Ф.П. Толстого в гребной флот в Роченсальм был подписан весной 1804 г. Роченсальм – город и порт на побережье Финского залива против устья р. Кюммене, ныне Котка.

32 Имеется в виду граф П.А. Толстой. Он был военным губернатором.

33 Чичагов Павел Васильевич (1767–1849) – вице-адмирал и товарищ министра морских сил (с 1802). Позднее – адмирал, министр морских сил, член Государственного совета и Комитета министров (1807), командующий Дунайской армией и Черноморским флотом, генерал-губернатор Молдавии и Валахии (1812), командующий 3-й Западной армией (1812).

34 Далее в рукописи в скобках вычеркнутое автором предложение: *"Павел Васильевич среднего роста, непривлекательной наружности, но с чрезвычайно проницательным взглядом"*.

35 Котка – город, расположенный на одноименном острове в Финском заливе, перед восточным рукавом р. Кюммене. С 1743 г. – одна из баз российского военного флота.

36 Т. е. фельдъегерем. Фельдъегерь (Feldjager, *нем.*) – здесь: рассыльный при воинской части.

37 В послужном списке, хранящемся в личном деле Толстого в фонде Академии художеств, это событие датировано 16 апреля (РГИАЛ. Ф. 789. Оп. 14. Д. 23 Т. Л. 71–100).

38 Дата смерти Е.Е. Толстой точно не установлена. Называя 1809 г., Ф.П. Толстой, видимо, ошибся. А.Н. Новицкий вполне обоснованно предполагает, что это случилось в 1804 г., вскоре после выхода Ф.П. Толстого в отстав-

ку; так как в 1809 г., прожив к тому времени несколько лет у графа П.А. Толстого, к которому он переселился после смерти матери, Федор Петрович уже жил в другом месте. Кроме того, события, произошедшие в доме П.А. Толстого и описанные выше, относятся к 1804 г. (*Новицкий А.Н.* Указ. соч. С. 16).

39 Речь идет о матери П.А. Толстого графине Александре Ивановне Толстой, урожд. княжне Щетининой (?–1811), жене графа Андрея Ивановича (1721–1803), прозванного "Большое гнездо": супруги имели 23 ребенка, из которых десять дожили до зрелого возраста. Ее дом, унаследованный от матери, княгини А.Ю. Щетининой, находился в Малом Власьевском переулке на Арбате (на месте домов № 8–10 по ул. Танеевых).

40 Имеются в виду графиня Надежда Петровна Толстая и граф П.А. Толстой.

41 Остерман Андрей Иванович (1686–1747) – граф (1730), вице-канцлер (1725). Член Верховного тайного совета (1726–1730). Первый кабинет-министр (1734), фактический руководитель государства при императрице Анне Ивановне.

42 Далее следует вычеркнутая автором характеристика Н.И. Салтыкова, который ошибочно назван Волконским: "*Разве для курьозу обрисовать фигуру графа Николая Ивановича Волконского, игравшего в начале царствования императрицы Екатерины Второй известную значительную роль, а теперь невысокого и очень худощавого, сутуловатого старика с большим носом, в пуклях, с косою, в военном мундире, все карманы* [которого] *битком набиты маленькими писанными на финифти* [и] *кипарисе* [образками], *даже в карманах нижнего платья, которые он, ходя и стоя, то одной, то другой рукою беспрестанно подергивал кверху, как будто боясь, чтобы они с него не свалились*". Рядом с этим абзацем приписка Ф.П. Толстого: "*Это можно описать, где упоминается гр. Н.И. Салтыков*" (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 81 об.). Видимо, приведенная здесь характеристика является черновой "заготовкой" текста. В последней редакции "Записок" характеристика Н.И. Салтыкова дается ниже, на л. 82 об. Первоначально автор предполагал рассказать и о его жене, Наталье Владимировне. Об этом свидетельствует заметка, написанная на узкой полоске бумаги, наклеенная сверху на л. 81 (по авторской нумерации – с. 157): "*Говорить об графе Ник. Ивановиче и Наталье Владимировне на стр. 157 (Салтыковых)*".

43 "*Эти дворы состоят обыкновенно... обманывая сообща самого властелина...*" – данный абзац имеет еще одну редакцию: "*Состоя обыкновенно из людей, не по достоинству избранных, а по прихотям и капризам властелинов или по интригам и проискам, и потому при наружной только полировке все их достоинства состоят в знании придворных этикетов, уменьи льстить, подличать и интриговать. А что касается до истинного образования людей, отличающихся своими достоинствами, умом и пользами, принесенными Отечеству, – где они есть?*" (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 81 об.).

44 Имеется в виду графиня М.А. Толстая, жена Петра Александровича Толстого.

45 Сен-При Софья Алексеевна, урожд. княжна Голицына (1777–?) – графиня, фрейлина двора, вторая дочь кн. Алексея Борисовича и Анны Егоровны Голицыных, жена графа К.Ф. де Сен-При.

46 Остерман-Толстая Елизавета Алексеевна, урожд. княжна Голицына (1779–1835) – графиня, младшая дочь кн. А.Б. и А.Е. Голицыных, жена генерала гр. А.И. Остермана-Толстого.

47 Остерман-Толстой Александр Иванович (1770–1857) – граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник войн с турками 1787–1791 гг., французами 1805–1807 гг. и Отечественной 1812 г. Командир л.-гв. Пре-

ображенского полка и 1-й гвардейской дивизии (1806–1810). Шеф Павловского полка (1815). Командир гренадерского корпуса (1816–1817). Внук Анны Андреевны Толстой, урожд. графини Остерман, дочери канцлера А.И. Остермана. В 1796 г. принял титул и имущественные права бездетных родственников графов Ф.А. и И.А. Остерманов.

48 Сен-При Карл Францевич (Арман-Эммануэль-Шарль, 1782–1863) – граф, средний (а не младший, как сообщает Ф. Толстой) сын Франсуа-Эммануэля де Сен-При (1735–1821). Эмигрировал с отцом. В России – гвардейский офицер, камер-юнкер, затем – губернатор в Херсоне и Каменец-Подольске. Возвратился на родину во время Реставрации, заседал в палате пэров (с 1821).

49 Имеется в виду князь Е.А. Голицын.

50 Туркестанова Варвара Ильинична (1775–1819) – княжна, фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны.

51 Описка Ф.П. Толстого; правильно: кроме сестер.

52 Пашкова Екатерина Александровна, урожд. графиня Толстая (1768–1835) – статс-дама (1828), кавалерственная дама ордена св. Екатерины (1816); Пашков Василий Александрович (1764–1834) – генерал-майор, обер-гофмаршал и обер-егермейстер двора, член Государственного совета (1821), председатель Департамента законов (1825–1828 и 1831–1834), в описываемое время – генерал-аудитор.

53 Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – князь. Камергер. Обер-прокурор Синода и статс-секретарь (1803–1817), начальник Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (1810–1817), член Государственного совета (с 1810), сенатор (с 1812), министр народного просвещения (1816), затем – духовных дел и народного просвещения (1817–1824). С 1824 г. – главноуправляющий Почтовым департаментом. В 1839–1841 гг. председательствовал на заседаниях Государственного совета. С 1843 г. – в отставке. Организатор и президент Библейского общества (1813–1824), главный попечитель имп. Человеколюбивого общества (с 1817). Филантроп и благотворитель.

54 Багратион Петр Иванович (1765–1812) – князь, генерал от инфантерии, участник Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова, войн с Францией, Швецией, Турцией в начале XIX в. Командующий 2-й армией во время Отечественной войны 1812 г.

55 Виттенштейн Петр Христианович (1769–1843) – граф, генерал-фельдмаршал (1826). Командир корпуса (1812), командующий армией (апрель–май 1813), главнокомандующий в начале русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

56 Обрезков Михаил Алексеевич (1754–1842) – генерал-майор, генерал-кригс-комиссар, сенатор.

57 Уваров Федор Петрович (1773–1824) – граф, генерал от кавалерии, участник войн с Францией, Швецией, Турцией в начале XIX в., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Командир л.-гв. Кавалергардского полка, командир гвардейского корпуса (1821).

58 Башуцкий Павел Яковлевич (1771–1836) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, сенатор, петербургский комендант с 1808 г.

59 Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) – светлейший князь, генерал-адъютант (1817), адмирал (1833), правнук А.Д. Меншикова. На военной службе с 1805 г. Участник Отечественной войны 1812 г., русско-турецкой – 1828–1829 гг., Крымской – 1854–1856 гг. С. 1827 г. – начальник Главного морского штаба и член Кабинета министров, с 1830 г. – член Государственного совета, одновременно с 1831 г. – генерал-губернатор Финляндии. В 1853–1855 гг. – главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму.

60 Зачеркнуто: *"бунта"*.
61 Грамон Александр де (1765–1841) – маркиз. Ранен в 1792 г. при защите Тюильри. В 1815–1839 гг. – депутат парламента. Решительный сторонник конституционных идей.
62 В списках Семеновского полка Мастен нами не обнаружен. См., например: *Дирин П.Н.* История л.-гв. Семеновского полка. Т. 2. СПб., 1883.
63 Сен-При Эммануил Францевич (Вильгельм-Эммануэль, 1776–1814) – граф, генерал-лейтенант русской армии, генерал-адъютант. Эмигрировал вместе с отцом в 1790 г. и поступил на службу в л.-гв. Семеновский полк. Затем служил в корпусе Конде. После 1801 г. возвратился на русскую службу. Участник кампаний 1805–1807 гг. против французов, 1809–1811 гг. против турок, Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг.
64 Г. Грубер имел большое влияние на императора Павла I, которое использовал в интересах ордена иезуитов, католической церкви и папы Римского.
65 Автор, видимо, ошибся; правильно: об определении размеров.
66 Далее в рукописи идет страница, которая была когда-то склеена со следующей, но расклеилась. Текст на этой странице представляет собой описание перемен во флотском мундире согласно указам Александра I от 18 мая 1801 г. и 2 мая 1803 г. Он никак не связан с предшествующим и последующим изложением, поэтому мы приводим его в примечаниях: *"На днях подписан указ о перемене формы офицерских мундиров по всему флоту, которая состояла в небольшом изменении покроя* [воротника].

В том же году, по представлению министра Чичагова, мундир флотской службы изменен и сделан гораздо удобней для флотских офицеров. Парадный мундир остался того же покрою и того же цвету, кроме воротника, который вместо белого стоячего с якорями, вышитыми золотом, заменен таким же зеленым. Нижнее платье вместо белых узких панталон, входящих в сапоги с обрезными голенищами, заменено широкими панталонами, идущими сверх сапогов, зеленого цвета, причем носилась шпага. Вместо трехугольной высокой шляпы с огромной золотой петлицей со звездой в середине, которою пристегнута кокарда, введенная Павлом Петровичем, и от кокарды идет большое белое перо, как у конных, назначена небольшая низенькая трехугольная шляпа, на манер английских, с петлицей из узкого галуна, прикрепляющею кокарду. К парадному мундиру дан вицмундир для вседневного ношения, покроя двухбортного фрака, только со стоячим воротником, с которым носились широкие панталоны, идущие сверх сапогов, при этом вицмундире шпагу не носили, а носили кортики, которые носят и теперь. Шляпа была та же, что и при парадных мундирах. Я и теперь хожу в этой форме, которая весьма удобна для флотской службы" (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 84 об.).
67 Пропуск в рукописи. Отрывок *"После кончины матушки, последовавшей… интересными сюжетами гомерических веков Греции"* написан крупными буквами, дрожащей рукой, – так писал Толстой с середины 1860-х годов, когда резко обострилась болезнь глаз. Этим можно объяснить небольшой повтор текста.
68 Толстой ошибся; правильно: Александрович.
69 Ошибка автора. П.А. Толстой был военным губернатором.
70 Леберехт Карл Александрович (1755–1827) – медальер, резчик по твердому камню. В 1779 г. принят на службу в Санктпетербургский монетный двор. В 1794 г. принял русское подданство. Академик Академии художеств (1794), преподаватель и руководитель ее медальерного

класса, почетный вольный общник Академии (1800). Главный медальер Санктпетербургского монетного двора (1799). Наставник императрицы Марии Федоровны в ее занятиях резьбой на стали и драгоценных камнях.

71 Имеется в виду рисунок глаза на лице, изображенном в профиль.

72 Круг Филипп Иванович (1764–1844) – историк, нумизмат, ординарный академик и главный библиотекарь Академии наук, сподвижник и советник мецената графа Н.П. Румянцева; Аделунг Фридрих (Федор Павлович, 1768–1843) – историк, археолог, лингвист. В России с 1794 г. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1809). Принимал участие в создании Румянцевского музея. Директор Института восточных языков при Министерстве иностранных дел (с 1824). Автор работ по русской истории и археологии на немецком языке.

73 Паррот (Парот) Георг Фридрих фон (Егор Иванович, 1767–1852) – химик, физик. Профессор и ректор Дерптского университета. Академик Петербургской Академии наук (1826); Клапрот Генрих Юлий фон (1783–1835) – ориенталист, путешественник. Адъюнкт по восточным языкам и словесности Петербургской Академии наук (1804). В 1812 г. оставил русскую службу. Профессор азиатских языков в Париже (1816); Моргенштерн Карл Симон (1770–1852) – филолог и нумизмат. Профессор Дерптского университета, почетный член Петербургской Академии наук; Келлер (Кёлер) Генрих Карл Эрнст (Егор Егорович, 1765–1838) – историк, нумизмат. На русскую службу поступил в 1797 г., сначала – в императорскую Публичную библиотеку, затем – в Эрмитажную. Директор 1-го отделения Эрмитажа, хранитель кабинета камней и медалей, ординарный академик Петербургской Академии наук. Автор монографий по нумизматике.

74 Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон (1761–1819) – популярный немецкий драматург и романист второй половины XVIII – начала XIX в. Директор придворного театра в Вене (1798). При посещении Петербурга арестован Павлом I, сослан в Сибирь. Вскоре возвращен и назначен управляющим немецким театром в Петербурге (20 августа 1800 г.). В 1801 г. вышел в отставку и уехал в Берлин. Толстой ошибается, называя Коцебу основателем немецкого театра в Петербурге: средства на его создание дало Общество молодых немецких купцов – любителей театра. Этот театр существовал уже в 1797 г. В январе 1798 г. Павел I постановил “состоящий при Академии театр отдать для представления спектаклей немецкой труппе Рундайлера”. С февраля 1798 г. его сменила труппа И. Мире (см.: *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург: Начало XVIII в. – октябрь 1917. СПб., 1994. С. 90).

75 Мире Иосиф – актер, антрепренер вольного немецкого театра (с февраля 1799 г.), представления которого проходили в арендуемом им доме Кушелева (на углу Малой Миллионной, в дальнейшем – в начале Большой Морской, – и Дворцовой площади. Ныне перестроен). 1 сентября 1800 г. вместе со своей труппой перешел на службу в Дирекцию императорских театров, к чему его вынудили огромные долги. Был инспектором немецкой труппы. В 1801–1805 гг. немецкий театр вновь существовал на правах частной антрепризы под руководством Мире, а с июля 1805 г. – опять стал казенным, но на особом положении (см.: Архив дирекции императорских театров. СПб., 1892. Вып. I. Отд. 2. С. 57, 61; Там же. Отд. 3. С. 629; *Петровская И., Сомина В.* Указ. соч. С. 97, 122).

76 Баур (Боур) Карл Федорович (1767–после 1811) – генерал-лейтенант (1798), шеф Павлоградского гусарского полка, инспектор кавалерии Брестской и Украинской инспекций. Участник русско-турецкой войны

1787–1791 гг. (отличился при взятии Очакова) и Швейцарского похода 1799 г. Генеральс-адъютант Г.А. Потемкина.

77 Константин Павлович (1779–1831) – великий князь, второй сын Павла I и Марии Федоровны. Участник Итальянского похода А.В. Суворова (1799), войн с Францией 1805–1807 и 1812–1814 гг. В 1814–1831 гг. – главнокомандующий польской армией, фактический наместник Царства Польского. В 1820 г. отрекся от права наследования престола после женитьбы на Ж. Грудзинской. В описываемое время – шеф л.-гв. Измайловского полка (с 1796), генерал-инспектор кавалерии (с 1797), главный начальник кадетских корпусов.

78 Толстой передает один из слухов, вызванных скоропостижной смертью жены купца Араужо после посещения ею во дворце великого князя Константина генерала Баура, будораживших в марте 1802 г. Петербург. По распоряжению Александра I было проведено два расследования (в том числе генерал-прокурорское), не обнаружившие признаков насилия и установившие, что смерть произошла вследствие апоплексического удара. После этого была назначена еще и специальная комиссия. С целью погасить слухи, порочившие наследника престола, 30 марта было издано и распространено специальное "Объявление", где излагались ход и результаты обоих расследований. Этот случай нашел отражение в других мемуарных источниках (см.: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 207–208; *Штейнгель В.И.* Записки // Мемуары декабристов Северного общества. М., 1981. С. 220. Примечания; Из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. Кн. 2. С. 214–215).

79 Указ об отставке был подписан 13 октября 1804 г.

80 Елизавета Алексеевна (1779–1826) – с 1793 г. – жена Александра I, с 1801 г. – императрица. До принятия православия – Луиза Мария Августа, принцесса Баденская.

81 Речь идет о Совете Академии художеств.

82 Пост посланника в Париже П.А. Толстой занимал с октября 1807 по октябрь 1808 г.

83 Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) – граф (1832), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, главный начальник III Отделения с.е.и.в. Канцелярии (1826), шеф корпуса жандармов, сенатор, член Государственного совета (1829), командующий императорской Главной квартиры. Участник войн с Францией и Турцией в начале XIX в., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Во время русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. состоял при дежурном генерале графе П.А. Толстом.

84 Мария Федоровна (1759–1828) – с 1776 г. – вторая жена Павла I, с 1796 г. – императрица. До принятия православия – София Доротея Августа, принцесса Вюртемберг-Штутгартская.

85 Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт, 1780–1862) – граф, канцлер (1845), камергер (1799). Начал службу на флоте (1796). С 1801 г. – на дипломатическом поприще. В 1807 г. состоял советником при после во Франции графе П.А. Толстом. Статс-секретарь (1811), управляющий Министерством иностранных дел (1816–1856), вице-канцлер (1828).

86 Письма не сохранились.

87 Правильно: Новосильцев Николай Николаевич (1768–1838) – член Негласного комитета при Александре I, попечитель Петербургского учебного округа, президент Петербургской Академии наук (1803–1810), товарищ министра юстиции. В 1813–1831 гг. занимал крупные должности в администрации Царства Польского. С 1832 г. – председатель Государственного совета.

88 Чарторыйский Адам Ежи (1770–1861) – князь. Входил в Негласный комитет при Александре I. Попечитель Виленского учебного округа (1803–1823), помощник канцлера А.Р. Воронцова, министр иностранных дел (1803–1807). На Венском конгрессе 1814–1815 гг. способствовал созданию Царства Польского в составе Российской империи. Сенатор, воевода и член административного совета Царства Польского. Президент Сената и глава национального правительства в годы польского восстания 1830–1831 гг. После подавления восстания – в эмиграции в Париже; Строганов Павел Александрович (1772–1817) – граф, генерал-лейтенант. Сын А.С. Строганова. Член Негласного комитета, товарищ министра внутренних дел, посол в Англии (1806). Участник войн с Францией и Турцией в начале XIX в., Отечественной войны 1812 г. и кампаний 1813–1814 гг.; Строганов Александр Сергеевич (1733–1811) – граф, президент Академии художеств (1800–1811), директор имп. Публичной библиотеки, член Главного управления училищ и Государственного совета. Обер-камергер. Коллекционер и меценат.

89 Толстой Николай Александрович (1765–1816) – граф, обер-гофмаршал двора, действительный камергер, президент Придворной конторы.

90 В рукописи эти слова написаны поверх зачеркнутого *"А вчера"*.

91 Указ об определении Ф.П. Толстого на службу в Эрмитаж был подписан 1 октября 1806 г.

92 Правильно: Пантелеймоновскую.

93 Имеется в виду граф Толстой Петр Петрович.

94 В рукописи Франция и Испания вычеркнуты, нами восстановлены.

95 Смит Вильям Сидней, сэр (1764–1840) – адмирал британского флота. Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг. (на стороне шведов), антинаполеоновских войн конца XVIII – начала XIX в., во время которых под его командой были одержаны победы при Тулоне и в военно-морских операциях у берегов Сирии во время Египетской экспедиции Наполеона. В 1830 г. назначен главнокомандующим английскими морскими силами.

96 Трафальгарское сражение – морское сражение 21 октября 1805 г. у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании близ порта Кадис, где английский флот под командой адмирала Г. Нельсона разгромил франко-испанский флот.

97 Крест ордена св. Георгия, низшей, IV степени.

98 Гафель – наклонный рей, закрепляемый нижним концом на верхней части мачты. Служит для подъема флага и сигналов. На парусных судах к нему крепят верхнюю кромку косого паруса.

99 Бакштов – конец троса, выпускаемый с кормы судна для крепления находящихся на воде шлюпок.

100 Дохтуров Павел Афанасьевич – троюродный брат Ф.П. Толстого. Сын двоюродной тетки мемуариста Варвары Федоровны, урожд. графини Толстой, и Афанасия Афанасьевича Дохтурова. В 1797–1804 гг. учился в Морском корпусе вместе с Толстым. В 1804–1807 гг. служил волонтером на судах английского флота. Участвовал в сражениях русско-шведской войны в 1809 г. В 1820–1822 гг., командуя кораблем "Кутузов", совершил кругосветное плавание к владениям российско-американской компании. С 1827 г. – на службе в Морском министерстве, капитан 2-го ранга. В 1832 г. переведен в корпус жандармов в чине полковника.

101 Первые бриллиантовые перстни были получены Ф.П. Толстым 20 октября 1814 г. и 22 февраля 1816 г. от императрицы Елизаветы Алексеевны и в 1816 г. от прусского короля (РГИАЛ. Ф. 789. Оп. 14. Д. 23. Л. 71–72).

102 Видимо, речь идет о зиме 1808/1809 г., так как упоминаемый в этом отрывке С.Ф. Толстой умер в феврале 1809 г. Вместе с Ф.П. Толстым ездил и

младший брат Петр, в послужном списке которого значится отпуск в Москву с 4 декабря 1808 г. по 15 марта 1809 г. (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 82. Л. 5–6).

103 Благородное собрание – дворянский клуб, место общественных собраний и увеселений. В Москве помещалось в доме в Охотном ряду, выкупленном в 1784 г. у князя В.М. Долгорукого. Раз в три года здесь проходили съезды представителей дворянства – органа сословного самоуправления, на которых решались общественные и внутрисословные вопросы, избирались губернский и уездные предводители дворянства. Английский клуб – закрытое корпоративное учреждение, членами которого могли стать дворяне мужского пола. Место проведения досуга.

104 Толстой Федор Андреевич (1758–1849) – граф, сенатор. Родной дядя и крестный отец Ф.П. Толстого. Коллекционер.

105 По указу Екатерины II от 3 апреля 1775 г. чин бригадира позволял иметь выезд, состоящий из шести лошадей.

106 Толстая, урожд. Дурасова, Степанида Алексеевна (?–1821) – графиня, жена Ф.А. Толстого (с 1791 г.); Дурасов Алексей Федорович – бригадир. Был женат на дочери известного богача заводчика И.С. Мясникова – Аграфене.

107 Имеется в виду граф Ф.А. Толстой.

108 Толстая, в замуж. Закревская, Аграфена Федоровна (1799–1879) – графиня, дочь Ф.А. Толстого и двоюродная сестра мемуариста, известная красавица.

109 Ивановское – большое имение под Подольском (ныне в черте города) на берегу Пахры с дворцом, театром, хозяйственными постройками и парком.

110 После этих слов в публикации "Записок" следует: *"А между тем обещание это так и осталось одними словами"* (Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 49).

111 Толстой Степан Федорович (1756–1809) – граф, бригадир в отставке, двоюродный дядя Ф.П. Толстого. Его дом находился на Солянке, "наискосок с Опекунским советом" (см.: Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М., 1989. С. 212).

112 Вероятно, речь идет о дочерях дяди мемуариста графа Ивана Андреевича Толстого (1747–1832) и его жены Анны Федоровны, урожд. Майковой (1771–1834) – Анне (умерла до 1832) и Екатерине (в замуж. Шумлинской).

113 Видимо, имеется в виду бабушка по матери А.И. и Е.И. Толстых, жена Ф.И. Майкова (1753–1858), двоюродного брата поэта В.И. Майкова (1728–1778). С Майковыми Толстые состояли в дальнем родстве и по другой, не графской линии: полковник Василий Иванович Толстой (1737–1812), правнук И.А. Толстого, азовского губернатора и родного брата первого графа в роду П.А. Толстого (1645–1729), был женат на Александре Ивановне (1737–1812), родной сестре поэта В.И. Майкова.

114 Ф.П. Толстой, видимо, ошибочно назвал кузину Анну Ивановну Толстую Александрой.

115 Майкова (в замуж. Хлюстина) Наталья Васильевна (умерла 22 февр. 1859 г.) – дочь, а не сестра (как ошибочно пишет Ф.П. Толстой) поэта В.И. Майкова. Н.В. Хлюстина была родственницей семьи графа И.А. Толстого и по линии мужа, так как дочь первого, графиня Вера Ивановна (1783–1879), была замужем за Семеном Антоновичем Хлюстиным – родным братом мужа Натальи Васильевны; Хлюстин Михаил Антонович (1768–1828) – надворный советник, муж Н.В. Майковой.

116 Письма не сохранились.

117 Правильно: Пантелеймоновская улица.

118 Ф.П. Толстой был членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (в это время его чаще называли "Михайловским" – по названию Михайловского замка, где собирались его члены, – или "Измайловским" – по имени его бессменного председателя А.Е. Измайлова) с 7 июня 1817 г. и почетным членом Вольного общества любителей российской словесности с 6 мая 1818 г.

119 Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) – обер-прокурор в Сенате (1797), статс-секретарь (1801), первый товарищ министра уделов (1803), член Государственного совета, правитель канцелярии главнокомандующего земским войском 1-й области (1806–1808), директор имп. Публичной библиотеки (1811), президент Академии художеств (1817), член Российской Академии (1786), почетный член Петербургской Академии наук (1809). Хозяин литературно-артистического салона, покровитель многих молодых писателей и художников. Первая встреча Оленина и Ф.П. Толстого могла произойти в 1792 г. в местечке Ошмяны, когда в Псковский драгунский полк, где служил в то время Оленин, приехал новый командир граф П.А. Толстой с 9-летним Федором. Посетителем салона Оленина Толстой стал в первом десятилетии XIX в. (см.: *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз: Дом А.Н. Оленина. Л., 1983. С. 126–127). О теплом отношении Оленина к Толстому см.: *Каменская М.* Воспоминания. М., 1991. С. 134.

120 Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – в описываемое время – чиновник Министерства иностранных дел (1800–1826), правитель дипломатической канцелярии главнокомандующего Дунайской армией генерала графа Н.М. Каменского (начало 1810), советник, затем поверенный в делах в Швеции (1812–1814), в Англии (1817–1820). Один из учредителей литературного общества "Арзамас". Впоследствии – делопроизводитель Верховной следственной комиссии по делу декабристов, товарищ министра народного просвещения, статс-секретарь (1826–1832). Министр внутренних дел (1832–1838), главноуправляющий II Отделением с.е.и.в. Канцелярии (1839–1862), президент Петербургской Академии наук (1855–1864), председатель Государственного совета (1862–1864) и Кабинета министров (1861–1864).

121 Муравьева, урожд. баронесса Колокольцова, Екатерина Федоровна (1771–1848) – вдова писателя М.Н. Муравьева, мать декабристов Н.М. и А.М. Муравьевых, хозяйка литературного салона.

122 Кикин Петр Андреевич (1775–1834) – флигель-адъютант (с 1802). Участник русско-турецкой 1806–1812 гг., Отечественной 1812 г. войн, а также Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. С 1814 г. – в отставке. Статс-секретарь по принятию прошений на высочайшее имя (1816–1826). Сенатор. Член Вольного экономического общества и Московского общества сельского хозяйства. В 1820 г. вместе с князем И.А. Гагариным и И.Д. Мамоновым основал Общество поощрения художников (1820–1917), председателем которого был до 1826 г.

123 Григорович Василий Иванович (1792(86?)–1865) – конференц-секретарь (1829–1859) и преподаватель теории изящных искусств (с 1831) Академии художеств, художественный критик. Издатель и редактор "Журнала изящных искусств" (1823–1825). Секретарь Общества поощрения художников.

124 Сапожников Андрей Петрович (1795–1855) – инженер-полковник, управляющий собственной чертежной великого князя Михаила Павловича (1830), главный наставник-наблюдатель черчения и рисования в военно-учебных заведениях (1844). Художник-любитель, почетный вольный общник Академии художеств (1830). Казначей Общества поощрения ху-

дожников со времени его основания. Автор книги "Начальный курс рисования" (СПб., 1834), а также гравированных иллюстраций к произведениям И.А. Крылова, В. Луганского (Даля), А.Н. Оленина, "Атласу зоологии" и др.

125 Бутурлин Дмитрий Петрович (1763–1829) – граф, сенатор, директор Эрмитажа (после 1809), библиофил. Собрал ценную библиотеку и издал в 1794 г. ее каталог (первый подобный в России). С 1817 г. жил за границей.

126 Пенсион из сумм кабинета был назначен Ф.П. Толстому 1 апреля 1822 г. До этого Толстой получал 1500 рублей ассигнациями как сотрудник Эрмитажа с 1 октября 1806 г. и 1000 рублей как медальер Монетного департамента с 1810 г.

127 Орловский Александр Осипович (1777–1832) – живописец-баталист, рисовальщик и карикатурист. Приехал в Петербург в 1802 г. В 1809 г. получил звание академика батальной живописи за картину "Бивуак казаков". Говоря о том, что Орловский нигде не учился, автор неточен: в Варшаве он был учеником живописца Норблена де Гурденя. В 1819 г. причислен к генеральному штабу для сочинения рисунков военных костюмов.

128 Дудина, в замуж. графиня Толстая, Анна Федоровна – первая жена Ф.П. Толстого, была дочерью коммерции советника (почетное звание, присваиваемое купцам; соответствовало VIII классу Табели о рангах). До 14 лет воспитывалась в пансионе. Ее дочь М.Ф. Каменская вспоминала: «Моя мать была статна, прелестна собою, по тому времени прекрасно образованна, великая рукодельница и даже немного художница: она рисовала пером с гравюр так хорошо, что ее рисунки и теперь даже многие принимают за самую тонкую гравюру... Она помогала мужу в его трудах; например, делать алебастровые снимки с медалей 1812 года было очень трудно, потому что фон должен был быть голубой, а фигуры белые. Хорошо, без пятен на фоне, умел отливать их только сам отец мой. Но чтобы избавить художника от чисто механического труда, маменька научилась этой премудрости и всегда отливала их сама. А когда отец хотел послать экземпляр своих медалей в дар кому-нибудь из высокопоставленных лиц за границу, мать моя оклеивала их изящнее всякого переплетчика... Даже нужные бумаги и письма за отца на французском и русском языке сочиняла и писала она же. А главное, своею пластическою, античною красотою она влияла на вкус отца. Я даже могу доказать это: возьмите поэму "Душенька" Богдановича, иллюстрированную гравюрами графа Федора Петровича Толстого, разверните ту страницу, где Душеньке в подольчик яблочки валятся сами... Это моя мать с ее грацией, с ее прелестным выгибом шеи...» (*Каменская М.* Воспоминания. М., 1991. С. 26–27). Ф. Толстой изобразил жену также на восковых барельефах "Портрет А.Ф. Толстой" (1805–1810), "Автопортрет с семьей" (1812) и на картине "Семейный портрет" (1830).

129 Дудина, урожд. Макшеева, Мария Степановна (?–1831?).

130 М.Ф. Каменская пишет, что дом ее бабушки находился на 9-й (а не на 14-й, как утверждает Толстой) линии, "из ворот в ворота с церковью Благовещения", а "сад был так велик, что проходил насквозь все пространство от 9 до 10 линии и там заканчивался глухим забором" (*Каменская М.* Указ. соч. С. 25).

131 В 1810–1820-х годах у Толстого бывали Н.И. Греч, Н.И. Гнедич, Ф.Н. Глинка, М.Е. Лобанов, братья Н.А. и А.А. Бестужевы, А.Н. и Н.М. Муравьевы, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, К.Ф. Рылеев, М.Н. Лонгинов, князь В.Ф. Одоевский, Я.И. Ростовцев, М.И. Глинка, А.Н. Верстовский и др.

132 Имеется в виду Толстой Федор Иванович (1782–1846) – граф, сын И.А. Толстого и А.Ф. Майковой. В 1803 г. заменил Ф.П. Толстого в первой

русской кругосветной экспедиции под командованием И.Ф. Крузенштерна на парусниках "Надежда" и "Нева". В наказание за скандальное поведение был высажен на одном из Алеутских островов, за что и получил прозвище "Американец". Участник русско-шведской войны 1808–1809 гг. В 1811 г. вышел в отставку. В 1812 г. в составе Московского ополчения при Бородино был тяжело ранен, награжден орденом св. Георгия IV степени. Славился как дуэлянт, кутила, бретер, картежник.

133 Камер-юнкер – младшее придворное звание. Их обязанностью было дежурство при императрицах и других членах царской семьи, как ежедневное (по очереди), так и во время придворных церемоний, балов, в театрах.

134 Речь идет о графе Николае Александровиче Толстом. Обер-гофмаршал – придворный чин II класса по Табели о рангах. Занимался довольствием двора, в том числе содержанием стола императорской семьи, устройством приемов и путешествий, заведовал придворными служителями.

135 Видимо, речь идет о действительном камергере графе Матвее Федоровиче Толстом (1772–1815). Золотой (серебряный позолоченный) ключ – знак отличия камергера (придворный чин). Носился на голубой Андреевской ленте сзади у левого карманного клапана. Обер-камергерам полагался золотой ключ, осыпанный бриллиантами. Его носили на золотом шнуре с кистями сзади у правого карманного клапана.

136 Канифас – устаревшее название льняной, очень прочной, часто полосатой ткани, качественной парусины.

137 Сюртук (sur tout, *фр.* – сверх всего) – верхняя мужская одежда, имевшая вид длинного пиджака, отрезного по талии. Костюм, описанный Толстым, был в моде в 1804–1825 гг.

138 Правильно: à la coq (*фр.*) – петух. Толстой описывает прическу, которая была в моде в 1825–1830-е годы: короткие, завитые в локоны волосы, приподнятые надо лбом в виде петушиного гребня. Обычно она дополнялась бакенбардами.

139 Толстая Елизавета Федоровна (1811–1836) – графиня, старшая дочь Ф.П. и А.Ф. Толстых, родилась 10 августа.

140 Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825) – граф (1819), сенатор (1799), управляющий Кабинетом е.и.в. (1799–1825), товарищ министра (с 1802), затем – министр финансов (1810–1823), министр уделов (1806–1825), член Государственного совета (1810).

141 Толстой в данном случае неправ: Гурьев не был виноват в обесценивании бумажных денег. Финансовое положение России оставалось тяжелым до конца XVIII в. Череда непрерывных войн, которые вела Россия с 1805 г., непомерное возрастание в связи с этим военных расходов заставили правительство включить печатный станок, что привело к падению курса бумажного рубля с 73 коп. серебром за 1 рубль ассигнациями в 1805 г. до 25 2/5 коп. серебром в 1810 г. Падению покупательной способности рубля содействовало и подключение России к политике "континентальной блокады" Англии (см., например: Русский рубль: Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 14–17).

142 Речь идет о реформе государственных финансов, разработанной в 1809–1810 гг. под руководством М.М. Сперанского при участии М.А. Балугьянского, Д.А. Гурьева, Н.С. Мордвинова, В.П. Кочубея, Б. Кампенгаузена и др., изложенной в высочайшем манифесте 2 февраля 1810 г., которая включала как одну из мер усовершенствование монетной системы. Этому вопросу были посвящены манифесты 20 июня и 28 августа, а также указы 15 апреля, 24 июля и 17 августа 1810 г. В частности, устанавливалась новая стопа меди: если раньше из 1 пуда меди делали 16 рублей, то теперь – 24 рубля. Вводились новые номиналы медной монеты – 2 ко-

пейки, 1 копейка, 1/2 копейки и 1 деньга (вместо 5 копеек, 2 копеек, 1 деньги и 1 полушки). Главной мерой всех монет объявлялся серебряный рубль и т. д. Указанная реформа монетной системы не увенчалась успехом (см.: Русский рубль... С. 23).

143 Имеются в виду резчики новых штемпелей для изготовления монет.

144 Матошник, матрица (matrix, *лат.* – матка) – основная часть штампа для холодной штамповки с отверстием, соответствующим форме обрабатываемого предмета, в которое входит пуансон; штемпель (Stempel, *нем.*) – здесь: инструмент с выпуклым обратным изображением какого-либо рисунка или надписи, служащий для получения оттиска.

145 Чацкий Тадеуш (1765–1813) – польский ученый и общественный деятель, попечитель Виленского учебного округа.

146 Консульство – период истории Франции от переворота 9 ноября 1799 г. (18 брюмера) до провозглашения Наполеона Бонапарта императором 18 мая 1804 г.

147 Речь идет о победах 1798–1801 гг. во время военной экспедиции французской армии в Египет, входивший тогда в состав Османской империи.

148 Денон Доминик Виван (1747–1825) – барон, художник, медальер, писатель, коллекционер. При Людовике XVI – хранитель Медального кабинета. Участник Египетской экспедиции французской армии. Генеральный директор парижского Музеума, директор Парижского монетного двора (1804–1815).

149 Пунсон, пуансон (poinçon, *фр.*) – здесь: штемпель, основная часть штампа для холодной штамповки изображений на медалях, монетах.

150 В другом, перечеркнутом варианте данного отрывка далее читаем: *"При резании в стали фигур не должно употреблять никаких* [пунсонов] *не только для головок, рук, следков или других частей тела, но совсем избегать наколачивания как самого дурного способа приготовления штемпелей, делая в набитые части тела фигуры медали грубыми, резкими и сильно отделяющимися от резаных от руки резцом. Как бы ни велика была у медальера коллекция пунсонов, принужденный делать разной величины медали, а в них в разных атитюдах фигуры, набивая одними и теми же головки, ручки или ножки, будет производить уродливые фигуры. Должно всю медаль резать от руки, всюду набивать только одни надписи. Набивка показывает неуменье резать медальера"* (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 138).

151 В другом варианте отрывка о медальерном искусстве есть еще один, зачеркнутый абзац: *"Первая медаль, которую я резал до определения моего на Монетный двор, была так сделана, как я выше сказал и как я буду выполнять все медали, которые мне будут поручаться, и не иначе, как по собственному моему сочинению и мною лепленным моделям, – это был вырезан штемпель только одной стороны медали, где я изобразил Эгею, богиню здравия, кормящую змею, сидя на античном греческом стуле. И вся фигура исполнена в античном вкусе тем способом, как* [я] *описал выше. Она была отбита только в оловянных бляшках. Первая же настоящая медаль, отбитая в золоте, серебре и бронзе, сделана по моей методе и также в античном греческом вкусе. Эта медаль заказана была мне Виленским университетом для поднесения попечителю университета графу Чатскому. На этой медали на одной стороне изображен профильный портрет Чацкого. На другой – изображена Минерва, будящая своим жезлом сидящего на земле гения. Эта группа замещает весь фон медали. Она сочинена, леплена и вырезана мною в античном греческом вкусе"* (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 138–138 об.).

152 Куторга Степан Семенович (1805–1861) – зоолог и минераловед, профессор естествознания Петербургского университета (1833–1861). Та-

лантливый лектор, пропагандист естественно-научных знаний. В данном отрывке мемуарист пишет о лекциях, которые он слушал как в 1810-х, так и позднее – в 1820–1830-х годах.

153 Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – поэт, переводчик.

154 Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – писатель, журналист, баснописец. Хороший знакомый Ф.П. Толстого (об этом подробнее см.: *Каменская М.* Указ. соч. С. 68–71).

155 Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – поэт, переводчик. Воспитатель наследника престола великого князя Александра Николаевича. Ф.П. Толстой выполнил его портрет из воска (хранится в Русском музее, № 243).

156 Плетнев Петр Александрович (1792–1865) – литературный критик, профессор российской словесности, ректор (1832–1849) Петербургского университета.

157 Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт.

158 Греч Николай Иванович (1787–1867) – журналист, издатель, филолог, беллетрист. В описываемое время – старший учитель русской словесности в Главном немецком училище св. Петра (1809–1814), смотритель уездных и приходских училищ в Петербурге (1811–1814), старший учитель в Петербургской гимназии (1814–1817). Издавал и редактировал журналы "Сын отечества" (1812–1839, с 1825 г. – совместно с Булгариным), "Журнал министерства внутренних дел" (1829–1831), "Русский вестник" (1841–1844, совместно с Н.А. Полевым и Н.В. Кукольником), газету "Северная пчела" (1831–1859, совместно с Булгариным), а также "Библиотеку для чтения" (1834–1835, соредактор), "Энциклопедический лексикон" и "Военный энциклопедический лексикон" и др. Автор "Опыта краткой истории русской литературы" (СПб., 1822, первое в своем роде сочинение), "Учебной книги российской словесности, или Избранных мест из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности" (СПб., 1819–1822. Ч. 1–4), "Пространной русской грамматики" (Т. 1. СПб., 1827), за которую в том же году его избрали членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, "Практической русской грамматики" (СПб., 1827), "Начальных оснований русской грамматики" (СПб., 1830), "Практических уроков русской грамматики" (СПб., 1832), "Учебной книги всеобщей географии" (СПб., 1838) и др. Впервые унифицировал русскую грамматику. В масонской ложе "Избранный Михаил" был секретарем (1815) и наместным мастером (1817–1818). После поездки в Париж в 1817 г. организовал в России несколько ланкастерских школ в учреждениях ведомства Марии Федоровны и в гвардейском корпусе, был членом-учредителем Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения (1818). До начала 1820-х годов принадлежал к либеральному крылу столичных литераторов, сотрудничал в "Полярной звезде". После "семеновской истории" (1820), "дела Госнера" (1823–1828) и восстания 14 декабря 1825 г. перешел на позиции благонамеренности и конформизма, сотрудничал с III Отделением. Член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1810), Вольного общества любителей российской словесности (1818).

159 "Северная пчела" – политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1825–1864 гг., издатель-редактор в 1825–1859 гг. – Ф.В. Булгарин, с 1831 г. – совместно с Н.И. Гречем, с 1860 г. – П.С. Усов. Издание было подчинено коммерческим целям. Долгое время являлась единственной частной газетой, которой было разрешено печатать политические новости. Булгарин широко публиковал фельетоны, анекдоты, городские новости (вплоть до слухов и сплетен), сообщения рекламного ха-

рактера. До восстания декабристов "Северная пчела" стояла на умеренно-либеральных позициях (здесь печатались И.А. Крылов, К.Ф. Рылеев, Ф.Н. Глинка, А.С. Пушкин, Н.М. Языков), однако старалась демонстрировать и верноподданнические чувства. После восстания стала официозом правительства. В 1820–1830-е годы пользовалась большой популярностью, тираж колебался от 4,5 до 10 тыс.

160 Бестужев Александр Александрович (1797–1837) – штабс-капитан, адъютант принца А. Вюртембергского. Писатель, критик (псевдоним – Марлинский), сотрудничал в журналах "Сын отечества", "Соревнователь просвещения и благотворения" и др. Декабрист, член Северного общества (1824). В 1823–1825 гг. издавал (совместно с К.Ф. Рылеевым) альманах "Полярная звезда". Осужден по I разряду.

161 Бестужев Николай Александрович (1791–1855) – капитан-лейтенант. Историограф русского флота (с 1822), директор Адмиралтейского музея (1825). Член Вольного общества любителей российской словесности, Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения, Вольного экономического общества и Общества поощрения художников. Печатался в журналах "Сын отечества", "Соревнователь просвещения и благотворения", "Благонамеренный", "Полярная звезда" и др. Масон, член ложи "Избранный Михаил" (1818). Декабрист, член Северного общества, осужден по II разряду. Художник-любитель, на каторге создал галерею акварельных портретов декабристов. Его знакомство с Толстым состоялось в конце 1817 – начале 1818 г. (*Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 55).

162 Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – писатель, издатель и редактор газеты "Северная пчела" (1825–1859), журналов "Северный архив" (1822–1829), "Сын отечества" (1825–1839 гг. – совместно с Н.И. Гречем) и др. До 1825 г. исповедовал либеральные взгляды, после восстания декабристов стал сотрудничать с III Отделением, официально не числясь в его составе. Автор романов "Иван Выжигин" (Ч. 1–4. СПб., 1829), "Димитрий Самозванец" (Ч. 1–4. СПб., 1830), "Мазепа" (Ч. 1–2. СПб., 1833–1834) и др., а также мемуаров.

163 В этом отрывке Толстой допускает ряд неточностей. В действительности, окончив в 1806 г. Сухопутный кадетский корпус, Булгарин был зачислен корнетом в е.и.в. цесаревича Уланский полк, участвовал в военных действиях 1806–1807 гг. против французов, был ранен, за бой под Фридландом получил орден св. Анны III степени. В 1808 г. принимал участие в шведской кампании. В 1809 г. за сатиру на командира полка (по другим сведениям, на шефа, цесаревича Константина Павловича) несколько месяцев был под арестом, затем переведен в Кронштадтский гарнизонный полк, в 1810 г. – в Ямбургский драгунский полк, а в 1811 г. уволен из армии в чине поручика с плохой аттестацией. Прожив некоторое время в Ревеле, он перебрался в Варшаву, оттуда – в Париж, где вступил в Польский легион французской армии, воевал в 1811–1812 гг. в Испании, России. В 1813 г. – капитан 7-го легиона французских улан, кавалер ордена Почетного легиона. В начале 1814 г. Булгарин был взят в плен прусскими войсками, союзниками России. По окончании войны вернулся в Варшаву, занялся издательской деятельностью. В 1816 г. он уже в Вильно, где управлял имением дяди, участвовал в виленских изданиях, общался с либеральными польскими литераторами. В Петербург окончательно перебрался в 1819 г.

164 Приводимые строки – слегка искаженные последние 4 стиха эпиграммы на Булгарина, автором которой является П.А. Вяземский, а не Пушкин, как ошибочно полагал Толстой. У Вяземского:

Двойной присягою играя,
Подлец в двойную цель попал:
Он Польшу спас от негодяя
И русских братством запятнал.
(Русская эпиграмма XVIII–XIX вв. М., 1988. С. 120).

165 После этих слов в публикации "Записок" в "Русской старине" идет: "*Я был также коротко знаком с Лобановым, учителем русского языка императрицы Елизаветы Алексеевны*" (1873. Т. 7. №. 2. С. 134). Имеется в виду драматург и переводчик Лобанов Михаил Астафьевич (Евстафьевич, 1787–1846). М.Ф. Каменская, говоря об отношении отца к Булгарину, пишет: «...Он был с Фаддеем Венедиктовичем так давно знаком, был с ним даже на "ты" и всегда отзывался о нем, как о прекраснейшем муже, нежнейшем отце, хорошем товарище и, главное, как о человеке, всегда готовом подать помощь ближнему...». Возможно, на такую оценку повлияла поддержка Булгариным молодого литератора П.П. Каменского, мужа Марии Федоровны, выразившаяся в публикации благосклонного отзыва о сборнике его произведений (см.: Северная пчела. 22 апр. 1838. № 89), а также в предложении им своей помощи для совершенствования литературного мастерства Каменского (*Каменская М.* Указ. соч. С. 192, 263).

166 Правильно: Дмитрий Николаевич Блудов.

167 Блудова, урожд. княжна Щербатова, Анна Андреевна (?–1848) – жена Д.Н. Блудова.

168 Муравьев Александр Михайлович (1802–1853) – корнет л.-гв. Кавалергардского полка (с 1824), декабрист, член Союза благоденствия (с 1820) и Северного общества. Осужден по IV разряду. Мемуарист Толстой ошибается, называя его офицером Гвардейского штаба.

169 Семенова, в замуж. княгиня Гагарина, Екатерина Семеновна (1786/9?–1849) – трагическая актриса.

170 Сосницкий Иван Иванович (1794–1871) – актер, комик. Первый исполнитель роли Городничего в "Ревизоре" Н.В. Гоголя.

171 Возможно, Толстой имеет в виду представление в доме Оленина комедии Н.И. Хмельницкого "Воздушные замки", в которой наряду с названными им актерами участвовал также А.С. Пушкин (см.: *Тимофеев Л.В.* Указ. соч. С. 144).

172 Олдридж (Aldridge, Ольрич) Айра Фредерик (ок. 1805–1867) – американский чернокожий актер. В 1850-х годах гастролировал в Европе, в том числе в России. Прославился исполнением шекспировских ролей (Отелло и др.). О знакомстве Толстых с Олдриджем см.: *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. 1843–1860. М., [1914]. С. 166–178.

173 Микеланджело Буонарроти (1475–1564) – итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт.

174 Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818) – генерал-фельдмаршал (1814). Участник войн с Турцией в 1787–1791 гг., Швецией в 1788–1790 и 1808–1809 гг., Францией в 1806–1807 гг. Главнокомандующий русской армией в Финляндии (1809–1810), военный министр (1810–1812), командующий 1-й Западной армией в 1812 г., командующий русско-прусской армией в кампанию 1813–1814 гг.

175 Шандал (*араб., перс.*) – большой подсвечник.

176 Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745/47–1813) – граф (1811), светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал (1812). Участник русско-турецких войн второй половины XVIII в. Командующий русской армией в войне с Францией в 1805 г., главнокомандующий армией в 1811–1812 гг. во время войны с Турцией 1806–1812 гг. 16 и 17 июля 1812 г. избран начальником Московского и Петербургского

ополчений, 8 августа назначен главнокомандующим русскими войсками. Прибыл в армию 17 августа (с. Царево-Займище). Скончался в Бунцлау 16 апреля 1813 г.

177 Среди известных работ Ф.П. Толстого в музеях России портрет М.И. Кутузова не обнаружен.

178 О падении Смоленска М.И. Кутузов узнал при выезде из Петербурга в армию 11 августа 1812 г.

179 Сведения о численности армий под Бородином крайне разноречивы. По современным данным, в русской армии при Бородино насчитывалось 154,8 тыс. человек (из них регулярных войск 115,3, остальные – казаки и ополченцы), в наполеоновской – 133 819 человек (все – регулярные войска), по числу стволов артиллерии русская армия превосходила противника, имея 640 орудий против 587 (см.: *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 142. Там же (с. 174–182) дается оценка действий Кутузова и Наполеона при Бородино, отличающаяся от бытовавшей долгое время в отечественной и зарубежной историографии).

180 Тело Кутузова было перевезено в столицу 11 июня 1813 г. и установлено для прощания в Казанском соборе, где и было захоронено 13 июня.

181 Сражение под Лейпцигом состоялось 4–7 (16–19) октября 1813 г. Разгром армии Наполеона привел к освобождению Германии и Голландии.

182 Родомысл – бог мудрости и красноречия, покровитель законов, податель добрых советов у славян. Ему молились, когда предстояло обсудить благоденствие города или предотвратить угрожающую опасность (см.: Словарь всемирной мифологии. Нижний Новгород, 1997. С. 338); Марс – в римской мифологии первоначально бог полей и урожая, потом – бог войны.

183 Союзные войска взяли Париж 18 (30) марта 1814 г. Наполеон отрекся от престола 25 марта (6 апреля).

184 Битва Бородинская – 26 августа 1812 г.; Освобождение Москвы – наполеоновская армия вышла из Москвы 7 октября, русская вступила 10 октября 1812 г.; Бой при Малом Ярославце – 12 октября 1812 г.; Трехдневный бой при Красном – 3–6 ноября 1812 г.; Сражение при Березине – 14–17 ноября 1812 г.; Бегство Наполеона за Неман – Наполеон покинул свою армию 5 декабря 1812 г. в местечке Сморгонь. Понимая, что кампания в России проиграна, он направился в Париж, чтобы собрать новую армию и продолжить войну. Остатки его войска, дезорганизованного и деморализованного, в беспорядке отступали на запад, сотнями замерзая по дороге. 14 декабря французы переправились через Неман. Из 600-тысячной Великой армии из России выбрались не более 30 тыс. человек (см.: *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 298–300); Первый шаг Александра за пределы России – войска М.И. Платова перешли Неман вслед за отступающими французами 14 декабря, за ними следовали войска П.В. Чичагова и П.Х. Витгенштейна. Главная армия под командованием Кутузова переправилась на западный берег Немана 13 января 1813 г.; Освобождение Берлина – 20 февраля (4 марта) 1813 г.; Тройственный союз – так Ф.П. Толстой назвал союз России, Австрии и Пруссии, начавший складываться с конца декабря 1812 г., после изгнания наполеоновской армии из России (16(28) февраля 1813 г. был заключен Калишский договор между Россией и Пруссией, положивший начало 6-й антифранцузской коалиции; 29 июля (10 августа) к ним присоединилась Австрия, разорвав союзнические отношения с Францией) и закрепленный Теплицкими союзными договорами 28 августа (9 сентября) 1813 г.; Сражение на высотах Кацбаха – 14(26) августа 1813 г.; Битва при Кульме – 17–18(29–30) августа 1813 г.; Освобождение Амстердама – 12(24) ноября 1813 г.; Переход за Рейн – союзные армии переправлялись с 18(30) декабря 1813 г. по

13(25) января 1814 г.; сражение при Бриенне – 17(29) января 1814 г.; Бой при Арси-сюр-Об – 8(9) (20–21) марта 1814 г.; Сражение при Фершампенуазе – 13(25) марта 1814 г.

185 Рейхсталер – имперский талер, чеканился в Германии с 1566 г. по монетной стопе Германской империи весом 29,23 г (25,98 г. серебра) и стоимостью 68 крейцеров. На аверсе изображались лица или герб города, который чеканил эту монету, на реверсе – имперский орел без обозначения стоимости. В России известен как "ефимок". В середине XVIII в. его сменил конвенционный талер.

186 Эта фраза вставлена в текст рукописи другим почерком, вероятно жены художника, вместо зачеркнутого: "*ряд непрерывных побед наших войск с изгнания Наполеона из Москвы и бегства его с войском, в полном значении этого слова, до границы, чрез которую удалось ему уйти с несколькими уцелевшими маршалами только с тем, что было на них, потеряв всю 700 000-ю армию, собранную со всей Европы, с всею огромною артиллериею и всем багажом и разграбленными ими вещами. Верно ли назначен ход побед за границею до вступления наших войск в Париж и верно ли описаны сражения, представленные этими рисунками*". Мы даем этот отрывок в примечаниях, так как он содержит повторы выше приведенного текста о разгроме армии Наполеона.

187 Щедрин Феодосий Федорович (1751–1825) – скульптор, профессор в классе скульптуры Академии художеств; Угрюмов Григорий Иванович (1764–1823) – живописец. Учился в Академии художеств (1770–1785). Преподаватель в классе исторической живописи (1791), профессор (1800), академик (1797), ректор (1820–1823) Академии художеств. Почетный член Вольного общества любителей российской словесности. Вместо фамилии последнего в рукописи "Записок" оставлен пропуск. Фамилия восстановлена по публикации "Записок" в "Русской старине" (1873. Т. 7. № 2. С. 142).

188 Соколов Петр Иванович (1766–1835) – переводчик, писатель, член (1793) и непременный секретарь (1802–1835) Российской Академии, заведующий академической типографией (1818–1831), член Главного правления училищ и Ученого комитета при нем (1824). Издатель и редактор "Санкт-Петербургских ведомостей" (1797–1829) и "Журнала Департамента народного просвещения" (1818–1831). Автор-составитель ряда учебников по русской грамматике, "Пчелы, или Собрания разных статей, в стихах и прозе, извлеченных из российских писателей прошедшего и нынешнего века, в пользу и употребление юношества, российскому языку и словесности обучающегося" (СПб., 1805), "Нового мифологического, иконографического, исторического и географического словаря, служащего к объяснению древних классических писателей", "Общего церковно-славяно-российского словаря" (Спб., 1834), ряда опубликованных каталогов рукописных книг из собрания Библиотеки Академии наук, переводчик "Публия Овидия Назона превращений" (СПб., 1808), "Ликея, или Круга словесности древней и новой, сочинения И.Ф. Лагарпа" (Ч. II и III. СПб., 1811) и др.

189 Собрание резных изображений с медалей, представляющих знаменитейшие воинские действия, происходившие в 1812, 1813, 1814 годах. Спб., 1818.

190 Правильно: Уткин Николай Иванович (1780–1863) – гравер, воспитанник Академии художеств (1785–1802). Академик (1814), руководитель гравировального класса Академии (1817–1850), заслуженный профессор (1840), смотритель гравюр в Эрмитаже.

191 Хронологически и тематически к этому рассказу примыкает небольшой отрывок, имеющий в рукописи подзаголовок в скобках "*О проекте хра-*

ма Христа, составленном Витбергом. Выдержки из его Записок" (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 160). Он написан другим почерком, вероятно жены художника, и представляет собой лишь начало отдельного сюжета, поэтому мы помещаем его в примечаниях: *"Император Александр, вернувшись из Парижа, вздумал воздвигнуть в Москве храм под названием Христа Спасителя* [в] *память побед над Наполеоном и избавления Европы от его владычества и прислал проект, составленный Витбергом, в Совет Академии для рассмотрения его и подания своего мнения о нем. Совет нашел, что этот проект не может быть произведен, как по неправильности против архитектуры в самом проекте, так и по выбору места – на Воробьевых горах, состоящих из песчаного грунта, о чем Советом Академии и было представлено его величеству. Но государь не обратил на это внимания и поручил Витбергу строить собор"*. Возможно, это было начало рассказа о работе Толстого над барельефами для входных врат храма Христа Спасителя в Москве, возводившегося по проекту К.А. Тона; Витберг Александр (Карл) Лаврентьевич (1787–1855) – архитектор, воспитанник Академии художеств (1802–1807), академик (1816). Создатель проекта ансамбля с храмом Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Храм был заложен в 1817 г., но проект не был осуществлен по причине, названной Толстым.

192 Имеется в виду граф Ф.А. Толстой.

193 Т. е. частных.

194 Еще накануне войны 1812 г. Ф.А. Толстой владел значительной коллекцией рукописей. В послевоенные годы он продолжил их собирание, тратя на эти цели значительные суммы денег в условиях резкого вздорожания старинных рукописей. Среди его агентов-закупщиков были ученые специалисты, в том числе молодой П.М. Строев, ставший позднее его библиотекарем. Для описания своей коллекции, считающейся одним из самых значительных частных собраний первой половины XIX в., он пригласил в 1818 г. К.Ф. Калайдовича и П.М. Строева. Толстым были приобретены коллекции П.П. Бекетова, издателя и председателя Московского общества истории и древностей российских (1811–1823), князя Д.М. Голицына, "верховника", других лиц. В 1830 г. Толстой продал описанную к тому времени часть своего собрания имп. Публичной библиотеке за 150 тыс. руб. ассигнациями, которые пошли на уплату долгов его дочери. После смерти коллекционера оставшиеся более чем 300 рукописей приобрел купец А.П. Алексеев, пожертвовавший их в 1859 г. в Библиотеку Академии наук.

195 *Калайдович К.Ф.* и *Строев П.М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825; *Строев П.М.* Первое прибавление к Описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке ... графа Федора Андреевича Толстого. СПб., 1825; *Он же.* Второе прибавление к Описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке ... графа Федора Андреевича Толстого. СПб., 1825; *Он же.* Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1829.

196 Закревский Арсений Андреевич (1783–1865) – граф (1830), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник войн с Наполеоном, со Швецией в 1808–1809 гг., с Турцией в 1810 г. Генерал-губернатор Финляндии (1823–1828), министр внутренних дел (1828–1831), московский генерал-губернатор (1848–1859).

197 Каменский Николай Михайлович (1778–1811) – граф, генерал от инфантерии, командующий войсками в Финляндии (1808–1809), главнокомандующий Молдавской армией (1810–1811).

198 Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – светлейший князь, генерал-фельдмаршал (1843), генерал-квартирмейстер русской армии (1810–1812), начальник штаба русской армии (1813–1814), первый начальник Главного штаба (1815–1823), министр имп. двора и уделов (1826–1837), генерал-инспектор всех запасных войск (1837).

199 Ошибка автора. Правильно: Андреевич. Неверно и утверждение Толстого, что Закревский сменил князя Волконского на посту начальника Главного штаба. Резко отрицательная характеристика А.А. Закревского у Толстого не вполне справедлива и вызвана чисто личными мотивами, что становится ясно из дальнейшего рассказа мемуариста.

200 Вписано сверху зачеркнутого авторского: *от зятя.*

201 Здесь: пользующемуся фавором (ср.: "попасть в случай").

202 Орден св. Анны учрежден в 1735 г. Карлом Фридрихом, герцогом Голштейн-Готторпским, в память своей жены царевны Анны Петровны. В Россию орден попал с их сыном, Петером Ульрихом, объявленным в 1742 г. наследником русского престола, будущим императором Петром III. После смерти отца гроссмейстером ордена стал великий князь Павел Петрович, являвшийся одновременно герцогом Голштинским. В этот период орденом, хотя он и считался иностранным, награждались русские подданные. После восшествия на престол Павла I орден св. Анны вошел в состав российских орденов. Первоначально имел три степени, с 1815 г. – четыре. Кавалерам первой, высшей, степени ордена полагалось носить крест на Анненской ленте на шее, через плечо – красную с желтой каймой ленту и на ней знак в виде шестиконечной звезды, на которой вокруг изображения креста располагался девиз: "Amantibus Justitiam, Pietatem, Fidem" (Любящим правду, благочестие, верность).

203 Строев Павел Михайлович (1796–1876) – историк, археограф, член Петербургской Академии наук (1841), академик. Член "румянцевского кружка" (1816–1826). Инициатор организации археографических экспедиций Академии наук. Толстой ошибается: Строев не был профессором.

204 Имеется в виду графиня Н.П. Толстая.

205 В другом варианте этого отрывка Толстой уточняет: "*Мы наняли на острову же квартиру, в которой могли поместиться все, окроме брата Владимира Петровича, который жил тогда с художником Доброхотовым, с которым был дружен. Но, прожив год, должны были переменить эту квартиру за ее неудобностию*" (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 198 об.).

206 Отец мемуариста, граф П.А. Толстой потерял во время нашествия Наполеона остатки своего состояния. Об этом см.: *Каменская М.* Указ. соч. С. 53.

207 Дом подполковника Жуковского находился в Петербургской части по Большому проспекту, № 1047 (*Аллер С.И.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга... на 1823 г. СПб., 1822. С. 256).

208 Толстой ошибается: Закревский никогда не занимал этого поста.

209 Толстая, в замуж. Каменская, Мария Федоровна (1817–1898) – вторая дочь Ф.П. Толстого от брака с А.Ф. Дудиной. Писательница, мемуаристка, жена беллетриста П.П. Каменского. Она пишет, что родилась 3 октября 1817 г. в доме Слатвинского на Большом проспекте Петербургской стороны, а не в доме Жуковского (*Каменская М.* Указ. соч. С. 30).

210 Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822) – граф, сенатор (1786), попечитель Московского учебного округа (1807–1810), министр народного просвещения (1810–1816); Перовская, в замуж. графиня Толстая, Анна Алексеевна (1796–1857) – вторая жена К.П. Толстого, брата мемуариста, мать поэта и драматурга А.К. Толстого. Сватовство, видимо, состоялось летом 1816 г. М.Ф. Каменская утверждает, что первый раз К.П. Тол-

стой был женат на Хлюстиной (Указ. соч. С. 50), а Руммель и Голубцов – что на Качаловой (*Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887. Толстые, № 191).

211 Соболевская, в замуж. Денисьева, Мария Михайловна (ум. 1836) – мать внебрачных детей графа А.К. Разумовского, дочь его берейтора. Фамилию "Перовские" носили лишь ее дети.

212 Перовский Алексей Алексеевич (1787–1836) – писатель (псевдоним – Антоний Погорельский), дядя и воспитатель поэта А.К. Толстого. Чиновник в Сенате (с 1808) и Министерстве финансов (1812). С июля 1812 г. – на военной службе, штаб-ротмистр. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1816 г. перешел на гражданскую службу по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий. В 1822–1825 гг. – в отставке. После возвращения на службу был назначен попечителем Харьковского учебного округа (1825–1830).

213 Перовский Лев Алексеевич (1792–1856) – граф (1849), генерал от инфантерии (1854), генерал-адъютант (1854), гофмейстер (1829), министр внутренних дел (1841–1852), министр уделов (1852). Управляющий Кабинетом е.и.в. и Академией художеств (1852–1856). Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Член Союза спасения и Союза благоденствия. В описываемое время – штабс-капитан (у Толстого ошибочно – поручик) Гвардейского генерального штаба (1816–1817) и обер-квартирмейстер Московского гвардейского отряда.

214 Перовский Василий Алексеевич (1795–1857) – граф (1855), генерал от кавалерии (1843), генерал-адъютант (1833), оренбургский военный губернатор и командир Оренбургского отдельного корпуса (1832–1842, 1851–1857), член Государственного совета (1845) и Адмиралтейств-совета (1847). Участник Отечественной войны 1812 г. Член преддекабристской организации – Военного общества, а также Союза благоденствия. В описываемое время переведен из Гвардейского генерального штаба в л.-гв. Егерский полк (февраль 1816), поручик, адъютант генерал-лейтенанта П.В. Голенищева-Кутузова (с мая 1816), был в заграничном путешествии с великим князем Николаем Павловичем (1816). В л.-гв. Измайловский полк был переведен несколько позже, чем об этом пишет Толстой, – в ноябре 1819 г. – одновременно с присвоением звания полковника и назначением адъютантом к великому князю Николаю Павловичу.

215 Перовский Борис Алексеевич (1815–1881) – граф (1856), генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1862), флигель-адъютант (1849), член Государственного совета (1874), начальник штаба Корпуса путей сообщения (конец 1850-х годов).

216 У А.К. Разумовского и М.М. Соболевской было четыре сына и пять дочерей (а не шесть, как пишет Толстой), получивших фамилию Перовских по названию подмосковного с. Перово, подаренного им. В Москве жили Елизавета, в замуж. Курбатова, и Софья, в замуж. княгиня Львова.

217 Муж Марии Алексеевны (1791–1872) Максим Константинович Крыжановский (1777–1839) – генерал-лейтенант, комендант Петропавловской крепости. Командир л.-гв. Финляндского полка во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Член Военного совета и Комитета о раненых, директор Чесменской военной богадельни. М.Ф. Каменская называет его "всегдашним ходатаем за отца" (Указ. соч. С. 137).

218 Перовская Ольга Алексеевна – впоследствии жена сенатора Михаила Николаевича Жемчужникова. Их сыновья Алексей, Александр и Владимир совместно со своим двоюродным братом А.К. Толстым создали Козьму Пруткова и его произведения.

219 После этих слов идет зачеркнутая фраза: *"а когда я бываю у них, что бывает почти через день, то обе сестры не отходят от меня, не может же брат не видеть этого"*.

220 Затем следует вычеркнутый фрагмент: *"Несмотря на то, что мы почти через день видались с Ольгой, мы вели с ней переписку, в которой передавали друг другу свои думы, свои чувства во время короткой нашей разлуки"*.

221 Толстой Алексей Константинович (1817–1875) – граф, писатель, поэт, драматург. Родился 24 августа 1817 г. (а не 1818 г., как пишет Толстой). В литературе можно встретить сомнительную версию о том, что отцом А.К. Толстого был его родной дядя А.А. Перовский (*Бурнашов В.П.* Воспоминания // Русский вестник. 1894. № 2. С. 305; *Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой. СПб., 1912. С. 3–7, 111–113; Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 170–171 и др.).

222 Имение Блистава Кролевицкого уезда Черниговской губернии.

223 Хотя Толстые прервали отношения с А.А. Толстой и А.А. Перовским, мать присылала к ним Алешу "во все торжественные дни с поздравлениями" (*Каменская М.* Указ. соч. С. 51). А.К. Толстой установил отношения с отцом незадолго до его смерти, во время похорон матери.

Глава IV
В гуще общественной жизни. 1810–1830-е годы

1 Александра Федоровна (1798–1860) – дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III (до принятия православия – Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина), с 1817 г. – жена великого князя Николая Павловича, с 1825 г. – императрица.

2 Фридрих Вильгельм III (1770–1840) – прусский король с 1797 г.

3 Общество "Зеленой книги" – так называет Ф.П. Толстой тайную организацию – Союз благоденствия, существовавший в 1818–1821 гг. Хотя хронологически участие Ф. Толстого в Союзе благоденствия относится к более позднему времени, чем его вступление в масонскую ложу, тем не менее мы сохраняем порядок изложения автора, помещая сначала рассказ об обществе "Зеленая книга".

4 Далее следует вычеркнутая фраза, содержащая неточные данные: "Общество это *(Центральное общество) так, как оно здесь описано, учреждено гвардейским офицером князем Долгоруким. Устав оного центрального общества и его действий написан гвардейскими офицерами князем Долгоруким, Апостолом, Андреем Муравьевым и двумя братьями Муравьевыми же, служившими при Гвардейском штабе"*. (Муравьев Андрей – ошибка Толстого. Апостол – членами Коренной управы Союза благоденствия были Сергей Иванович (1796–1826) и Матвей Иванович (1793–1886) Муравьевы-Апостолы.)

5 Долгоруков Илья Андреевич (1797–1848) – князь, генерал-лейтенант (1844), генерал-адъютант (1848). Участник Заграничных походов 1813–1814 гг., русско-турецкой войны 1828–1829 гг., подавления польского восстания 1830–1831 гг. В описываемое время – поручик л.-гв. 2-й артиллерийской бригады (1819). Масон (с 1814). Член тайных декабристских организаций – Союза спасения (с конца 1817 г.) и Союза благоденствия, блюститель его Коренной управы и один из авторов его устава.

6 Муравьев Александр Николаевич (1792–1863) – генерал-лейтенант (1861), сенатор (1861). Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. С 1814 г. служил по квартирмейстерской части в Гвардейском генеральном штабе, капитан (1814), полков-

ник (1816), в отставке с 1818 г. Член преддекабристских организаций "Священная артель" и Военного общества. Один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия (член Коренной управы, некоторое время руководил Московской управой). Осужден по VI разряду. Сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства. Позднее занимал административные посты в Верхнеудинске, Иркутске, Тобольске, Вятке. С 1843 г. – при Министерстве внутренних дел, член Совета министров. Нижегородский губернатор (1855–1861); Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – граф (с 1865), генерал-лейтенант (1849), член Государственного совета (1856), брат А.Н. Муравьева. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. С 1814 г. служил в Гвардейском генеральном штабе. Уволен в отставку по состоянию здоровья (1820) в чине полковника. Член "Священной артели", Союза спасения, Союза благоденствия (член Коренной управы), один из авторов его устава. Участник Московского съезда Союза благоденствия в 1821 г. После вынесения приговора по делу декабристов отпущен с оправдательным аттестатом с причислением по армии. С 1827 г. – в ведомстве Министерства внутренних дел, занимал губернаторские посты в Витебске, Могилеве, Гродно, Курске, руководил департаментами в министерстве, был министром государственных имуществ (1857). В 1863–1865 гг. – виленский, гродненский, ковенский и минский генерал-губернатор, командующий войсками Виленского военного округа, с этих пор известен как "Муравьев-Виленский"; Муравьев Никита Михайлович (1796–1843) – капитан Гвардейского генерального штаба, участник Заграничных походов (кампания 1814 г.), один из основателей и руководителей Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, автор проекта Конституции.

7 Пестель Павел Иванович (1793–1826) – полковник, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, член Союза спасения и Союза благоденствия, один из руководителей Южного общества, автор конституционного проекта "Русская правда".

8 Игнатьевы – ни среди причастных к движению декабристов лиц (см., например: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988), ни в списках Измайловского полка (см.: *Зноско-Боровский Н.* История л.-гв. Измайловского полка. СПб., 1882) таковые не значатся. В воспоминаниях о допросе его Следственным комитетом по делу декабристов Толстой называет, по подсказке великого князя Михаила Павловича, братьев Кавелиных (см.: *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 388).

9 Глинка Федор Николаевич (1786–1880) – писатель, поэт. Участник антинаполеоновских войн начала XIX в., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии (см.: *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1815). В описываемое время – чиновник особых поручений при генерал-гебурнаторе Санкт-Петербурга М.А. Милорадовиче. Активный член преддекабристских и продекабристских организаций: "Общества военных людей" при Гвардейском генеральном штабе, Союза спасения и Союза благоденствия, Вольного общества любителей российской словесности, масонской ложи "Избранный Михаил", Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения. Отошел от декабристского движения в начале 1820-х годов. В 1826 г. по приговору суда по делу декабристов исключен из военной службы и сослан в Петрозаводск Олонецкой губернии, затем в Тверь и Орел, где состоял на гражданской службе. После отставки (1835) жил в Москве и Петербурге, занимаясь литературной деятельностью. Близкий друг Ф.П. Толстого.

10 Имеются в виду революции 1820 г. в Испании – в январе-марте, в Неаполитанском королевстве – в июле, в Португалии – в августе-сентябре и 1821 г. – в Пьемонте и восстание в Греции.

11 Сведений об этом предложении Толстого в литературе и мемуарах не имеется. Известно, что Толстой был участником совещания членов Союза благоденствия в январе 1820 г. на квартире Ф.Н. Глинки, где обсуждался вопрос о наилучшей форме правления для России. Окончательное решение о роспуске Союза благоденствия было принято на Московском съезде в начале 1821 г.

12 Масонство, или Орден Вольных Каменщиков (от фр. franc maçon – вольный каменщик) – религиозно-этическое движение, возникшее в Англии в начале XVIII в. Название, организация (объединение в ложи), традиции заимствованы, в основном, от средневековых цехов-братств строителей-каменщиков и, отчасти, от средневековых рыцарских и мистических орденов. Целью масонов было совершенствование своей нравственности, взаимопомощь, распространение просвещения и проч.; наибольшую роль масонство играло в XVIII – начале XIX в.

13 Правильно: "Peter zur Wahrheite" (*нем.*) – "Петр к Истине". Ложа основана 22 мая 1810 г. Входила в союз Великой Директориальной Ложи "Владимир к Порядку", а с 1815 г. – в союз Великой Директориальной Ложи "Астрея"). Работала по старой шведской системе на немецком языке. Состояла из лиц преимущественно евангелическо-лютеранского вероисповедания, приехавших из-за границы в Петербург медиков, инженеров, ремесленников и купцов. Занятия происходили в Кирпичном пер., № 86 (дом Мааса). Толстой был посвящен в масоны в этой ложе в 1810 г. (по данным А.И. Серкова).

14 Правильно: Maître en chaire (*фр.*) – здесь: мастер кафедры (в терминологии XIX в. – мастер стула), руководитель ложи.

15 Эллизен Егор Егорович (Иоганн Георг Давид, Георг Гейнрих, 1756–1830) – доктор медицины, штатс-физик, член Медицинской коллегии, главный доктор петербургской Обуховской больницы, сотрудник "Санкт-Петербургских врачебных ведомостей", издатель "Врачебных известий". Мастер стула ложи "Петр к Истине" в 1810–1811 гг. и в 1815–1816 гг. Стремился вернуть масонству первоначальную структуру, когда признавались лишь первые три масонские степени, не было так называемых "высших" степеней.

16 Основными степенями масонства являются три – ученическая, товарищеская (братская) и мастерская. Они называются иоанновскими (по имени их святого покровителя Иоанна Крестителя, проповедника духовного возрождения).

17 Работой ложи руководили должностные лица, избираемые из числа посвященных в мастера (третья степень масонства): управляющий мастер (мастер стула), наместный мастер, секретарь, вития или ритор (оратор), церемониймейстер, первый и второй надзиратели, казначей.

18 В масонских системах, признающих высокие степени, за иоанновскими степенями следовали шотландские (или андреевские – по имени святого патрона этой страны Андрея Первозванного), служившие переходными ступенями к рыцарским, тамплиерским и розенкрейцерским (от *фр.* Rosencroix – роза и крест) степеням. В них начинались "умозрительные" работы (изучение всех наук и художеств), воспитывались "насадители", пропагандисты масонского учения. В рыцарских, воительствующих степенях братья приготовлялись к борьбе со злом мира в различных его проявлениях. Степени Розы и Креста наставляли кабале, магии, практическим алхимическим работам. В различных системах могло быть 5, 7, 9, 33 и 99 степеней (см.: *Соколовская Т.* Масонские системы // Масонство в

его прошлом и настоящем. Т. II. М., 1991. С. 58–60). По данным А.И. Серкова, Толстой посещал или был членом 14 масонских мастерских.

19 Ложа св. Елизаветы – полное название "Елизавета к Добродетели". Основана 30 мая 1809 г. членами ложи "Александра к Благотворительности коронованного Пеликана". Работала по старой шведской системе на немецком, а затем на русском языке. В 1810 г. состояла в союзе Великой Директориальной Ложи "Владимир к Порядку", в 1815 г. переименованном в союз Великой Провинциальной ложи. Была названа в честь жены Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны. Многочисленные члены ложи принадлежали к высшему придворному кругу столичного дворянства. "Ложа выделялась строгостью выполнения предписаний, обрядов и законов орденских, мистическим направлением работ и широкой благотворительностью" (*Соколовская Т.О.* Русское течение в масонстве. С. 164 (рукопись) // Цит. по: *Лотарева Д.* Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994. С. 57).

20 Ланской Сергей Степанович (1787–1862) – граф (с 1861), камер-юнкер. Мастер стула ложи "Елизавета к Добродетели" с 9 июня 1817 г. до запрета масонства в 1822 г., в 1820-х годах – великий наместный мастер Великой Провинциальной ложи. Член Союза благоденствия, из которого вышел задолго до восстания 1825 г. При Николае I – губернатор во Владимире и Костроме, член Государственного совета (1850), министр внутренних дел (1855–1861), известный деятель крестьянской реформы.

21 Т. е. находящийся в фаворе, "в случае".

22 Ложа "Меча" (Zum Schwert, *нем.*) – так часто именовали ложу "Палестина" – по ее знаку. (Благодарю А.И. Серкова за указание на этот факт. См. также: *Лотарева Д.* Указ. соч. С. 53–55.)

23 Виельгорский Михаил Юрьевич (1788–1856) – граф, обер-шенк, композитор-дилетант. Масон, гроссмейстер Великой Провинциальной ложи, наместный мастер ложи "Палестина" в 1810 г. и "Елизавета к Добродетели" в 1816–1817 гг. В описываемое время жил в собственном доме на ул. Малой Морской. Дом братьев Виельгорских на Михайловской площади (ныне площадь Искусств, 3), где они поселились в 1820-х годах, был важным центром столичной музыкальной жизни на протяжении нескольких десятилетий. Здесь устраивались концерты классической музыки, выступали Ф. Лист, Г. Берлиоз, Р. и К. Шуманы, П. Виардо Гарсиа и др. Виельгорский оказывал поддержку М.И. Глинке, братьям Рубинштейн и др.

24 Отец братьев Виельгорских – граф Юрий Михайлович, польский посланник при дворе Екатерины II, перешедший в русское подданство. Мать – София Дмитриевна, урожденная Матюшкина, входила в узкий круг придворных императрицы.

25 Виельгорский Матвей Юрьевич (1794–1866) – граф, шталмейстер. Виолончелист-любитель, один из руководителей Симфонического и Концертного обществ в Петербурге, а также учредитель и первый директор Русского музыкального общества.

26 Характеристика Толстого пристрастна. Братья серьезно занимались музыкой. Михаил изучал гармонию у В. Мартин-и-Солера, основы композиции – у органиста Тауберта, совершенствовался у Л. Керубини в Париже и И. Миллера в Петербурге, был автором одной из первых русских симфоний, популярных романсов. И хотя его талант композитора не был выдающимся, его авторитет как музыкального деятеля был велик. Матвей учился у А. Мейнгарта и Б. Ромберга, выступал как солист и ансамблист в московских и петербургских салонах, а также за рубежом. Среди его партнеров были Ф. Лист, А.Ф. Львов, А.Л. Гензельт, А. Вьетан. Ему посвящали свои произведения Мендельсон (Вторая соната для виолон-

чели и фортепиано), А.Г. Рубинштейн (3-й квартет), Ромберг (7-й концерт для виолончели с оркестром) и др. "Исполнение Виельгорского отличалось тонким художественным вкусом, певучим звуком, совершенной техникой" (Музыкальная энциклопедия. М., 1973. Т. 1 (А-Гонг). Стб. 773).

27 Правильно: Великая Директориальная Ложа "Астрея". Основана в Петербурге 20 августа 1815 г. в качестве верховной ложи союза, признававшего в работе только низшие (английские) степени. Члены обязывались не иметь тайн от правительства, усовершенствовать человеческое благополучие путем распространения нравственности, добродетели, веры, преданности государю и строгого исполнения государственных законов. Собрания происходили в помещении ложи "Петр к Истине". Толстой был наместным мастером в ложе "Астрея". До "Астреи" существовал с 1810 г. союз Великой Директориальной Ложи "Владимир к порядку", переименованный в 1815 г. в союз Великой Провинциальной ложи, из состава которого выделился союз "Астреи". Оба последних союза были равноправны. В этом смысле Толстой не прав, утверждая, что главной ложей являлась "Астрея".

28 Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович (1773–1836) – граф, обер-шенк, главный мастер Великой Директориальной Ложи "Астрея".

29 Ложа "Избранный Михаил" основана 18 сентября 1815 г. частью членов ложи "Петр к Истине". Работала по древнеанглийской системе на русском языке. В 1816 г. примкнула к союзу "Астреи". Членами ложи были декабристы Ф.Н. Глинка, В.К. и М.К. Кюхельбекеры (первый одно время был надзирателем ложи), Г.С. Батеньков, Н.А. Бестужев, а также Н.И. Греч, В.И. Григорович, Р.М. Зотов, Ф.Ф. Шуберт, В.П. Толстой (родной брат управляющего мастера), П.Е. Доброхотов и др. Одним из почетных членов этой ложи был отец Федора Петровича – П.А. Толстой, бывший в XVIII в. наместным мастером ложи "Скромность" (Tableau Général de la Grande Loge Astrée à l'O. de St. Pétersbourg et des 23 loges de sa dépendance. 58 18/18. P. 62–80; *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. Т. III. Пг., 1918. С. 337; *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 90 и др.). Свое название ложа получила по имени царя Михаила Федоровича, избрание которого в 1613 г. на царство считалось актом народного волеизъявления. Насчитывала 145 членов, т. е. была едва ли не одной из самых больших лож.

30 Так в рукописи.

31 Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790–1848) – генерал-лейтенант, военный историк, сенатор, председатель военно-цензурного комитета (1835). В описываемое время – полковник, флигель-адъютант (1816). В рукописи перед его фамилией другим почерком вставлено ошибочно: [*ГИ.*].

32 Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) – граф (1813), генерал от инфантерии (1809), петербургский генерал-губернатор (с 1816), участник войн со Швецией (1788–1790), Францией (1805), Турцией (1806–1812), Отечественной 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Смертельно ранен 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади П.Г. Каховским.

33 "Сын отечества" основан Н.И. Гречем в 1812 г. как журнал, посвященный Отечественной войне. С 1815 по 1839 г. издавался по расширенной программе как исторический, политический и литературный журнал. Участие прогрессивных литераторов, искусствоведов, общественных деятелей делало этот журнал самым популярным среди изданий декабристского периода. С 1825 по 1839 г. издавался совместно Гречем и Булгариным, с 1840 до 1852 г. – А.В. Никитенко и О.И. Сенковским (1840), К. Массальским (1842) и др.

34 Кусов Николай Иванович (1780-е–1856) – петербургский городской голова (1824–1833), действительный статский советник. Сын и совладелец фирмы известного петербургского купца Ивана Васильевича Кусова, одного из директоров Российско-американской торговой компании. Активный общественный деятель: в 1824 г. – председатель биржевого комитета для оказания помощи пострадавшим во время наводнения, в 1830 г. заведовал устройством холерных бараков во время эпидемии, действительный член Вольного экономического общества. В 1830 г. возведен в дворянское достоинство. Посвящен в масоны 11 марта 1816 г., был казначеем ложи "Избранный Михаил" в 1817–1819 гг. Являлся также казначеем Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения.

35 Видимо, имеется в виду Иван Александрович Уваров.

36 Правильно: Уваров Иван Александрович (1777–после 1834) – московский купец 1-й гильдии (см.: Tableau Général de la Grande Loge Astrée à l'O. de St. Pétersbourg et des 23 loges de sa dépendance. 58 18/18. P. 64; *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. М., 1988. С. 113, 169; *Платонов О.* Исторический словарь русских масонов. М., 1997. С. 51).

37 Отрывок со слов "Наместным мастером" до слов "1 и 2 надзиратели" в рукописи кем-то зачеркнут: видимо, смутило то, что Толстой запутался в перечне официалов ложи. В "Воспоминаниях" Т.П. Пассек приведен несколько иной список: «Наместным мастером выбран был полковник главного штаба Данилевский; оратором – полковник Феодор Николаевич Глинка, адъютант военного генерал-губернатора Милорадовича, секретарем – Николай Иванович Греч, издатель журнала "Сын отечества"; казначеем – Николай Иванович Кусов, первой гильдии купец; церемониймейстером – Александр Иванович Уваров; первым надзирателем Алексей Иванович Кусов; вторым надзирателем – купец Толченов» (*Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 364). Толстой, а за ним и Т.П. Пассек объединяют в данном перечне официалов ложи, которые занимали свои должности в разное время и, более того, в разное время были посвящены в масонство.

38 Ионический ордер – архитектурный ордер, характеризующийся наличием каннелюр ("ложек", вертикальных желобков в стволе колонны) и базы в колонне, валют на капителях (верхних частях колонны) и зубчиков (сухариков) в антаблементе. Антаблемент (entablement, *фр.*) – верхняя часть сооружения, обычно лежащая на колоннах, составной элемент архитектурного ордера.

39 Среди членов ложи "Избранный Михаил" было несколько придворных музыкантов, которые могли рекомендовать Тибо для выполнения декора помещения ложи (см., например: Tableau Général de la Grande Loge Astrée à l'O. de St. Pétersbourg et des 23 loges de sa dépendance. 58 18/18. P. 65).

40 Розасы – здесь: украшения из ткани, собранной в виде розы.

41 Фестоны – волнообразно расположенные элементы декора (оборки, шнуры и проч.).

42 Кафимский узел – символ единения всех членов Ордена Вольных Каменщиков.

43 Иванов день (у Толстого описка: *"Авонов"*) – патроном-покровителем всего Ордена Вольных Каменщиков почитался св. Иоанн Креститель как проповедник духовного возрождения. Ему были посвящены три первые степени масонства. Более высокие степени (шотландские) были посвящены св. апостолу Андрею Первозванному, в некоторых ложах особо чтили также св. Иоанна Евангелиста. Поэтому орденскими праздниками были дни памяти этих святых – 24 июня, 30 ноября и 27 января. Для празднования был разработан специальный ритуал. Особой торжественностью отличалось главное празднество – Иоаннов день, 24 июня, в про-

должение которого все члены Ордена, к каким бы толкам они ни принадлежали, должны были находиться вместе (см.: *Соколовская Т.* Обрядность Вольных Каменщиков // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. С. 58–59; *Она же.* Масонские системы // Там же. С. 84–85).

44 Вписано поверх зачеркнутого авторского: *"На правой стороне стола".*

45 Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения было основано летом 1818 г. Председатель – Ф.П. Толстой, помощники председателя – Ф.Н. Глинка и Н.И. Греч, секретари – В.И. Григорович и В.К. Кюхельбекер. Членами его были декабристы И.Г. Бурцов, С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев, М.Н. Новиков, Н.И. Кутузов, А.Н. Муравьев, А.В. Семенов, Пав. Колошин, художник А.Г. Венецианов, переводчик Н.И. Гнедич и др.; почетным членом – декабрист генерал М.Ф. Орлов (см.: Сын Отечества. 1819. Ч. 53. № 14. С. 89–95; № 15. С. 142–144; 1820. Ч. 63. № 29. С. 129–134; № 31. С. 225–226). Ланкастерская система получила свое название по имени ее автора, английского педагога Джона Ланкастера (1771–1838). Она позволяла быстро распространить грамотность среди массы учеников: учитель давал бесплатный урок группе учеников, наиболее способные из которых передавали полученные знания еще не обученным. Декабристы, передовые люди России видели в ланкастерской методе средство для быстрой ликвидации неграмотности народа, стремились широко распространить ее, организовывали подобные школы в гвардейских полках и армии.

46 Правильно: мартинистская ложа. Мартинизм получил распространение в России с книгой Луи Клода де Сен-Мартена "О заблуждениях и истине" в конце 1770-х годов. Часть масонов восприняла лишь мистическую сторону философии Сен-Мартена, другие (Н.И. Новиков и его друзья) – прежде всего его учение об истинном христианстве и добре как средстве уйти от заблуждений. В первой четверти XIX в. в среде петербургских мартинистов мистическое течение было очень влиятельным.

47 Лабзин Александр Федорович (1766–1825) – конференц-секретарь (с 1799), вице-президент Академии художеств (с 1818). Будучи студентом Московского университета, принимал участие в журнале новиковского кружка "Вечерняя заря". Находился под сильным влиянием И.Г. Шварца и Н.И. Новикова. Принят в мартинистскую ложу в 1783 г. В 1800 г. стал инициатором создания, а затем и мастером мартинистской ложи "Умирающий Сфинкс", членами которой были, в частности, Н.И. Новиков, О.А. Поздеев, М.Я. Мудров, Вс.Н. Жадовский, Е.А. Кушелев, А.Л. Витберг, Ф.И. и А.И. Прянишниковы, Е.Г. Рогожин, Х.А. Чеботарев, В.В. Романовский, Д.П. Рунич, Н.П. Свистунов, К.П. Скворцов (секретарь Лабзина), князь Г.П. Гагарин, К.А. Лохвицкий и многие другие. В своей деятельности они преследовали религиозно-нравственные цели, много занимались филантропией. Лабзин перевел и издал большое количество книг мистического содержания (в том числе сочинения Юнг-Шиллинга, Эккартсгаузена), был составителем и издателем журнала "Сионский вестник", оставившего след в умственной и духовной жизни первой половины XIX в. Являлся секретарем, затем членом комитета Библейского общества.

48 Греч вспоминает: "Мы открыли одну школу на 360 человек в доме Шабишева на углу Вознесенской и Садовой улиц" (*Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 407).

49 Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) – князь, вице-канцлер (1798), управляющий Коллегией иностранных дел (1801–1802), член Негласного комитета при Александре I, министр внутренних дел (1802–1807, 1819–1823), глава секретных комитетов (1826), председатель Государственного совета (с 1827).

50 Толстому в 1819 г. было 36 лет.

51 Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) – граф (1839), флигель-адъютант (1814), генерал-адъютант (1826), генерал от инфантерии (1841). С 1812 г. – адъютант А.А. Аракчеева. В описываемое время – полковник (1816), начальник штаба управления военными поселениями. Позднее – дежурный генерал Главного штаба (1832–1835), директор департаментов военных поселений и инспекторского Военного министерства (1835), главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями (1842–1855), член Государственного совета.

52 Грузино – село в Новгородской губернии, имение А.А. Аракчеева. Один из главных центров военных поселений.

53 Святой Андрей Первозванный – святой апостол, один из учеников Иоанна Крестителя, затем – Иисуса Христа, брат апостола Петра. Он раньше своего брата был призван Христом на Иордане, что объясняет его прозвание. Согласно церковному преданию, проповедовал христианство народам, жившим на южных, восточных и северо-восточных берегах Черного моря. Русские летописи сообщают, что он бывал в Киеве и Новгороде. Распят не в Грузине, как считал Аракчеев, а в греческом городе Патры. Считается святым покровителем России и Шотландии.

54 Орден иллюминатов (просвещенных) – общество, основанное молодым профессором Ингольштадского университета А. Вейсгауптом в Баварии в 1776 г. – "орден совершенствующихся", как называл его сам основатель. Основные положения, инструкции и символ веры, разработанные его "ареопагом" в 1781 г., провозглашали, что орден не преследует никаких целей, вредных для государства, религии и добрых нравов. Члены его призваны были бороться с суеверием и невежеством, распространять просвещение и нравственность. Его конечная цель – замена христианства деизмом и монархического правления – республиканским, – сообщалась только немногим посвященным. Все члены беспрекословно подчинялись главе общества. Организационные формы были заимствованы у иезуитского ордена. В 1780 г. в орден вошли франкмасоны, однако в 1784 г. произошел их раскол. Был запрещен в 1785 г., как и все тайные общества, курфюрстом Баварским Карлом Теодором. В среде русских масонов иллюминатской считалась ложа И.А. Фесслера, существовавшая в Петербурге в 1807–1810 гг. (см.: *Соколовская Т.О.* Возрождение масонства при Александре I // Масонство в его прошлом и настоящем. С. 173–174).

55 Брегет – название фирмы, выпускавшей карманные часы большой точности, отбивавшие часы, доли часов и показывавшие число и месяц. Свое название фирма получила по имени ее владельца, мастера часовых дел Абрахама Луи Бреге (1747–1823).

56 Причиной ссылки послужило дерзкое высказывание Лабзина на заседании Совета Академии художеств 13 сентября 1822 г. в адрес царских любимцев графов Гурьева, Аракчеева и князя Кочубея, кандидатуры которых были предложены президентом А.Н. Олениным для избрания почетными любителями Академии. Лабзин воспротивился их избранию и в ответ на объяснения Оленина, что это особы, приближенные к императору, заявил, что он, со своей стороны, предлагает избрать лицо не менее близкое – лейб-кучера Илью Байкова. Весть об этом инциденте распространилась по городу. В результате Оленину был объявлен выговор за недонесение, а Лабзин был отставлен от службы и выслан в г. Сенгилей Самарской губернии. В мае 1823 г. князь А.Н. Голицын выхлопотал ему разрешение поселиться в Симбирске и пенсию 2 тыс. руб. Умер Лабзин в январе 1825 г., похоронен в Покровском монастыре.

57 Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1855) – один из видных деятелей царствования Александра I. Первоначально – ревностный сотрудник

М.М. Сперанского, после его падения сослан в ссылку в Вологду (1812–1816). Снискав расположение А.А. Аракчеева и А.Н. Голицына, был назначен вице-губернатором в Воронеж, затем гражданским губернатором в Симбирск. Член Главного правления училищ (1819), попечитель Казанского учебного округа и университета (1819–1826).

58 Головачевский (Гловачевский) Кирилл Иванович (1735–1823) – художник-портретист, первый руководитель класса портретной живописи. Адъюнкт (1762), академик (1765). Библиотекарь и хранитель Музея Академии. Инспектор Воспитательного училища (1771–1773 и 1783–1823), член Совета Академии художеств.

59 Попов Василий Михайлович (?–1842) – директор Департамента народного просвещения Министерства духовных дел и народного просвещения (до 1825), в 1837 г. – тайный советник, член совета главноначальствующего над Почтовым департаментом. Секретарь Библейского общества. Н.И. Греч вспоминает: "*Первым помощником его* (А.Н. Голицына. – *Е.Г.*) *был служивший дотоле по почтовой части при Козодавлеве Василий Михайлович Попов, человек довольно образованный, знавший иностранные языки и писавший порядочно по-русски, но умом ограниченный, суеверный святоша, преданный мистикам. Сподвижником его был директор Почтового департамента Николай Дмитриевич Жулковский. Они были люди честные, искренние, убежденные в истине своих верований. К этим, впрочем, добрым и хорошим людям примкнула толпа изуверов и лицемеров, ища спасение на том свете и благ в нынешнем, шедших по кресту к крестам, чинам и деньгам. Главным орудием их действий и стремлений было издание и распространение Библии на всех возможных языках...*" (*Греч Н.И.* Указ. соч. С. 364. О нем же см. с. 809–815).

60 Тургенев Александр Иванович (1784–1845) – директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства духовных дел и народного образования. Почетный член Петербургской Академии наук (1818). Член литературного кружка "Арзамас".

61 Имеется в виду Варвара-Юлия Крюднер (Крюденер), урожд. Фитингоф (1764–1824) – баронесса, до середины 1780-х годов – жена русского посла при прусском дворе А.И. Крюднера (ум. 1802). Познакомилась с Александром I в 1815 г. (до этого в Карлсруэ сблизилась с фрейлиной Р.С. Стурдзой и императрицей Елизаветой Алексеевной). В 1818 г. приехала в Россию, но жила в Лифляндии. В 1821 г. с разрешения Александра I приехала в Петербург, вошла в кружок мистиков. Выслана в 1822 г. (см.: *Пыпин А.Н.* Госпожа Крюднер // Вестник Европы. 1869. № 8. С. 626–633; № 9. С. 220–223).

62 Прянишников Федор Иванович (1793–1867) – директор Почтового департамента (1841–1863). В молодые годы снимал комнату в доме тещи Толстого, М.С. Дудиной.

63 Хвостова, урожд. Хераскова, Александра Петровна (1765(68?)–1853) – писательница. Хозяйка известного литературного салона в Петербурге. Увлекалась мистицизмом, сотрудничала в "Сионском вестнике". Во время гонений на мистиков выслана из Петербурга. Поселилась в Киеве, где вела благотворительную и педагогическую деятельность.

64 Хвостова, в замуж. Прянишникова, Вера Александровна (1804?–1872).

65 Татаринова, урожд. Буксгевден, Екатерина Филипповна (1783–1856) – основательница "Духовного союза" ("Братство во Христе", "Союз братства", "адамисты") – религиозной мистической секты, воспринявшей обрядность хлыстов или скопцов (так называемые "радения" или "кружения", песнопения и проч.). В сентябре 1817 г. о существовании секты узнало правительство. Однако заступничество министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына позволило им до 1822 г., когда

были запрещены все тайные общества, беспрепятственно собираться в Михайловском замке, где тогда жила Татаринова. В 1822–1825 гг. их тайные собрания проходили на ее новой квартире, а в 1825–1837 гг. – на территории своеобразной колонии, которую создали ее ближайшие последователи в дачном поселке у Московской заставы. В мае 1837 г. члены секты были взяты под стражу и по приговору особого секретного комитета сосланы в различные монастыри. Татаринова отбывала ссылку в Кашинском монастыре Тверской губернии, откуда вышла в 1848 г. и поселилась в Москве после того, как дала подписку о повиновении православной вере, невхождении в тайные общества и нераспространении своих взглядов. Однако уже в 1849 г. полиция отмечала оживление переписки и сношений бывших членов секты (ОПИ ГИМ. Ф. 342. Д. 81. Л. 33–40).

66 Среди членов секты в 1820-х годах был музыкант Кадетского корпуса Никита Иванович Федоров ("Никитушка-уставщик"). В 1837 г. он уже был отставным придворным музыкантом, титулярным советником (ОПИ ГИМ. Ф. 342. Д. 81. Л. 35–35 об.).

67 Ошибка Толстого.

68 Речь вновь идет о секте Татариновой. Толстой, видимо, пересказывает слухи, ходившие по городу после ареста членов секты.

69 По рассмотрении дела в 1837 г. в особом секретном комитете В.М. Попов был сослан в Зилантов монастырь в г. Казани, где и умер в 1842 г. Попова Любовь Васильевна – средняя дочь В.М. Попова. В описываемое время ей было 16 лет.

70 Имеется в виду Совет Академии художеств. Отношение министра народного просвещения А.Н. Голицына к президенту Академии художеств по этому поводу обсуждалось 31 августа 1820 г.

71 Москательные товары (от *перс.* мошк-мускус) – краски, клеи, технические масла и другие химические вещества как предмет торговли.

72 Правильно: гумми (gummi, *лат.*) – то же, что камеди – углеводы, главная составная часть соков и выпотов, выделяемых некоторыми растениями при механических повреждениях и ряде заболеваний. Используют, в частности, в промышленности как клей, стабилизатор эмульсий и суспензий.

73 Дом Алексеева находился во 2-м квартале Петербургской части по Среднему проспекту, 3 (*Аллер С.И.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга на 1823 г. СПб., 1822. С. 179).

74 Далее следует неразборчиво написанное слово: *с путству.*

75 Конец фразы, начиная от слова *"как-то"*, в рукописи зачеркнут, нами восстановлен как содержащий интересные детали.

76 Канапе (canapé, *фр.*) – небольшой диван с приподнятым изголовьем.

77 В другом варианте после этих слов идет вставка: *"Где и как мог образоваться так хорошо этот человек, не понимаю: в университете он не был, как и ни в какой школе"* (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 168 об.).

78 Алхимия (alchemia, *лат.*, al-kimija, *араб.*) – изыскания, ставившие задачу превращения простых металлов в драгоценные с помощью "философского камня" – вещества, которого в природе не существует. В другом варианте после этих слов Толстой пишет: *«Он вполне убежден в существовании так называемого "философского камня", т. е.* [в] *возможности добыть такой элемент, посредством которого все грубые металлы могут быть обращаемы в благородные, и добывать эликсир вечной жизни»* (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 169).

79 Это произошло в начале 1820-х годов (не позднее 1822 г., когда умер отец мемуариста).

80 Воронихин Андрей Никифорович (1759–1814) – архитектор, создатель Казанского собора в Петербурге (1801–1811), здания Горного института

(1806–1811), отдельных построек в Павловске и Петергофе. Академик Академии художеств.

81 Голицын Андрей Борисович (1791–1861) – князь, флигель-адъютант Александра I (1817), генерал-майор (1828), председатель Комитета ланкастерских школ (1823).

Глава V
Воспоминания разных лет

1 Femme invisible (*фр.*) – невидимая женщина, невидимка.

2 Норд, ост, зюд и вест – север, восток, юг и запад.

3 Десть – мера или счет писчей бумаги – 24 листа.

4 Голландская бумага – высококачественная бумага, сделанная в Голландии или Франции, где голландцы заказывали бумагу с водяными знаками "герб города Амстердама", "Pro patria".

5 Толстой Андрей Андреевич (1771–1844) – граф, полковник, младший брат П.А. Толстого, отца мемуариста; Толстая, урожд. Барыкова, Прасковья Васильевна (1796–1879) – графиня, жена А.А. Толстого. Отрывок "Записок" о пребывании Ф.П. Толстого летом с семьей в Царском Селе является наиболее незаконченным во всей рукописи, он имеет несколько вариантов, созданных, судя по почерку, в разное время (л. 139–142 об., 163–165 об.). Один из них написан другим почерком, вероятно жены художника (163–164 об.). Весь отрывок включает в себя разновременные события, которые переплелись в памяти автора и представляются произошедшими примерно в одно время – в начале 1820-х годов. Однако это не так: в Царском Селе семья отдыхала летом 1831 г.; знакомство Толстого с императрицей Елизаветой Алексеевной произошло в 1817 г.; Лизу Толстую отдали в Патриотическое училище в 1819 или 1820 г., а в Парголово Толстые отдыхали летом 1828 и 1832 гг. (см. вступительную статью).

6 Дети А.А. и П.В. Толстых: дочери – Елизавета (1812–1867), впоследствии воспитательница внучки Николая I принцессы Евгении Лейхтенбергской, Александра (1817–1904), впоследствии фрейлина великой княгини Марии Николаевны, друг Л.Н. Толстого, и Софья (1824–?), сыновья – Илья (1813–1879) и Василий (1814–?), обучавшиеся в описываемое время в одном из кадетских корпусов, и Лев (1825–?).

7 В черновом варианте уточняется: в *Преображенскому полку* (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 139).

8 Так в тексте.

9 Вильеро (de Villereau), урожд. графиня Апраксина, Елизавета Александровна (1775–1854) – маркиза, вдова французского эмигранта, полковника Преображенского полка Карла Карловича де Виллеро; Пашкова – установить, о ком идет речь, не удалось. Возможно, о Пашковой Екатерине Александровне, урожд. графине Толстой, жене генерал-майора Пашкова Василия Александровича. Но в таком случае автор ошибается, называя ее вдовой: ее муж умер позже – в 1834 г.

10 Захаржевский Яков Васильевич (1780–1860) – генерал от артиллерии, участник войн с Францией 1806–1807 гг., Швецией 1808–1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов. В битве под Лейпцигом в октябре 1813 г. потерял ногу. В 1817–1852 гг. был управляющим Царскосельской усадьбой и Петергофским дворцовым управлением и полицией.

11 Лонгинов Николай Михайлович (1775–1853) – сенатор, член Государственного совета (с 1840), статс-секретарь (1826). В 1812–1826 гг. – секре-

тарь императрицы Елизаветы Алексеевны. В 1798 г., по окончании Харьковского коллегиума, начал службу в православной церкви посольства России в Лондоне, вскоре перешел на гражданскую службу при посольстве (наблюдал за посольским домом и архивом). В 1801 г. по представлению посланника графа С.Р. Воронцова зачислен на должность актуариуса посольства. В 1811 г. определен в ведомство Министерства финансов с чином надворного советника. С 1826 г. назначен заведовать всеми благотворительными и учебными заведениями, состоящими под покровительством императрицы Александры Федоровны; Лонгинова, урожд. Крюкова, Мария Александровна (1798–1888) – жена Н.М. Лонгинова.

12 Воронцов Семен Романович (1744–1832) – граф, участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг., посланник в Венеции (1782), Лондоне (1784–1806), государственный деятель.

13 По другим сведениям, рекомендовал Лонгинова императрице не Воронцов, а сменивший его в 1806 г. на посту посланника в Англии граф Строганов (Русский биографический словарь. Т. 10. СПб., 1914. С. 631–632).

14 М.Ф. Каменская утверждает, что это произошло в 1817 г., до ее появления на свет. Ее датировку подтверждает и ряд косвенных данных, в частности то, что вскоре после знакомства императрица предложила Толстому отдать его дочь Лизу в Патриотическое училище (впоследствии – институт), патронируемое ею, на что тот вынужден был согласиться. Лиза Толстая была взята оттуда родителями, когда младшей дочери – Маше – было около трех лет (*Каменская М.* Воспоминания. М., 1991. С. 67). Сам Толстой пишет, что Лиза была отдана в Патриотический институт, когда ей "минуло шесть лет", т. е. в 1817 или 1818 г. Таким образом, знакомство с Елизаветой Алексеевной произошло около этого времени.

15 Автор, видимо, оговорился; правильно: лепестков.

16 В одном из не вошедших в окончательный текст вариантов Толстой пишет: "*Я пишу мои цветы и все не акварелью и не гвашевыми красками, которых и не люблю, потому что они грубы и ими ничего окончательно рисовать не можно. Я употребляю краски более корпусные – земляные, различных цветов охры, лаки гаранс, металлические краски разных окисей, осадки разных растворов, различные крапы, не линючие хромы и все яркие желтые краски, ультрамарины, кобальты, кармины и все вообще краски, употребляемые в масляной живописи, но весьма тщательно очищенные и чрезвычайно мелко перетертые и потому большую часть из них приготовляю сам.*

В рисовке цветков, фруктов и всех плодов, птичек Нового света с их перышками чудных и удивительно ярких колеров как просто, так и с отблесками разноцветной фольги, так и бабочек, стрекоз и жучков, также блестящих удивительно яркими колерами и металлическими разных цветов отблесками, так и всего, где требуется большая яркость колеров. Коли необходимо иметь хорошо приготовленную краску, то еще более надо уметь владеть ими, надо знать, какою краскою и при каком случае, сближая с другою, можно возвысить ее колер, и какою краскою по какой и каким способом должно прорабатывать, чтобы придать ей более яркости и цветности, как на одном колере делать отливы других колеров и подражания довольно близкие металлические разных цветов отблески. Что, рисуя с натуры бразильских птичек, а особливо бабочек, жучков и других насекомых, часто встречаются эти металлические отблески и переливы одних цветов в другие. Но чтобы достичь до возможности копировать этих бабочек, жучков и птичек довольно близко к натуре, я много трудился и произвел [много] *опытов*" (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 175 об–176).

17 В одном из черновых вариантов Ф.П. Толстой пишет далее: "*Я получил первый бриллиантовый перстень в 1814 году за подносную ей* (императрице Елизавете. – *Е.Г.*) *восковую работу. Впоследствии за мои произведения я получил шесть перстней. Она пожаловала мне из своей собственной библиотеки на французском языке полное сочинение Винкельмана с надписью Лонгинова, что эти книжки жалуются ее величеством из собственной ее библиотеки. Впоследствии она приказала Келлеру для меня выписать следующие, весьма нужные мне книги,* [относящиеся к художеству.] *В Сарском Селе* [императрица] *удостаивала меня довольно часто быть у нее и была всегда ко мне милостива.*

18 В одном из зачеркнутых вариантов читаем: "*У меня теперь в альбауме собралось рисунков со сто, который начинается рисунками совершенно моего ребячества, которые сберегла сестра. Первые рисунки были сделаны на картах и изображали красным карандашом Иваны Царевичи, колдуны и колдуньи, когда мне было четыре года от роду. И так каждый год искусство мое с летами росло, и рисунков по девятому году с отъездом в Польшу...* (фраза не окончена. – *Е.Г.*). *Начиная с трехлетнего возраста до вступления моего в Морской корпус*" (ОПИ ГИМ. Ф. 344. Д. 10. Л. 176. Описанные здесь альбомы Толстого хранятся ныне в Третьяковской галерее и в Русском музее).

19 Николай I Павлович (1796–1855) – российский император (1825); Мария Николаевна (1819–1876) – великая княгиня, дочь Николая I и Александры Федоровны, президент Академии художеств (1852–1876).

20 Лазарев Михаил Петрович (1788–1851) – адмирал (1843), главнокомандующий Черноморским флотом и портами (1833–1850). В 1813–1825 гг. совершил три кругосветных плавания, в том числе в 1819–1821 гг. – к Антарктиде.

21 Так в рукописи.

22 Пименов Николай Степанович (1812–1864) – скульптор. Сын скульптора С.С. Пименова.

23 Константин Николаевич (1827–1892) – великий князь, сын Николая I и Александры Федоровны.

24 Витали Иван Петрович (1794–1855) – скульптор (скульптуры триумфальных ворот на Тверской площади в Москве, барельефы Исаакиевского собора, бюст Пушкина, статуя Павла I и др.). Академик (1840), профессор скульптуры Академии художеств (1842).

25 Кусов Иван Васильевич (1750–1819) – купец, коммерции советник, один из учредителей Российско-американской торговой компании, владелец крупной торговой фирмы и нескольких фабрик и заводов, почетный глава петербургского купечества. "Большой поклонник таланта" Ф.П. Толстого, как свидетельствует М. Каменская (Указ. соч. С. 91).

26 Лиозен (Lioseun) – гувернер и учитель французского языка в Академии художеств. Был приглашен для обучения детей французскому языку осенью 1825 г. В это время он был еще холост (см.: *Каменская М.* Указ. соч. С. 106); Лиозен (Lioseun de Vevey) Луиза – жена вышеупомянутого (с 1828), модная учительница французского языка в аристократических кругах Петербурга.

27 М.Ф. Каменская утверждает, что Лизу Толстую отдали в Патриотическое училище, когда ей было 8 лет (*Каменская М.* Указ. соч. С. 63-64).

28 Патриотическое училище основано в 1813 г. императрицей Елизаветой Алексеевной для сирот воинов, погибших в войну 1812 г. В 1827 г. переименовано в институт.

29 Имеется в виду одно из двух учебных заведений, составлявших Смольный институт, – мещанская (или Александровская) половина. Туда принимали детей нечиновных дворян, священнослужителей и проч.

30 Геммер Елена Николаевна – гувернантка в семье Толстых. Мемуарист ошибается, утверждая, что она была рекомендована в 1819 или 1820 г. сразу после выхода Лизы из Патриотического училища. М. Каменская пишет, что она появилась в доме осенью 1825 г. семнадцатилетней девушкой (Указ. соч. С. 106).

31 Толстые отдыхали во Втором Парголове летом 1828 г. и 1832 г. (*Каменская М.* Указ. соч. С. 152, 205).

32 *"В 1822-м году.. в третьем Парголове.."* – двойная ошибка автора. В 1822 г. Лизе Толстой было 11 лет, а Маше – 5. В таком возрасте девочек вряд ли могли отпустить одних кататься в кабриолете, а Лизе доверить править лошадью. Кроме того, с начала 1820-х годов до смерти Александра I семья Толстых каждое лето снимала дачу на Черной речке (см.: *Каменская М.* Указ. соч. С. 78).

33 Турчанинова Анна Александровна (1774–1848) – модная целительница, магнетизерка, поэтесса. К Турчаниновой возили и младшую дочь Машу, о чем она с юмором рассказывает в мемуарах, относя эпизод к осени 1831 г. (*Каменская М.* Указ. соч. С. 191–195).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В оформлении книги использованы:

Портрет графа Ф.П. Толстого. Гравюра Т.Г. Шевченко. 50-е годы XIX в.

Морфей. Скульптура Ф.П. Толстого. 20-е годы XIX в.

Иллюстрации Ф.П. Толстого к поэме И.Ф. Богдановича "Душенька".

Эскизы Ф.П. Толстого к серии медальонов, посвященной событиям Отечественной войны 1812 г.

Фрагмент рукописи "Записки Ф.П. Толстого".

Герб Толстых.

Записки графа Ф.П. Толстого / Сост., вступ. ст. и
З 32 коммент. А.Е. Чекуновой, Е.Г. Гороховой. М.: РГГУ, 2001. 319 с.
ISBN 5-7281-0352-9

Предлагаемая публикация представляет собой первое полное издание замечательного исторического памятника – мемуаров графа Федора Петровича Толстого (1783–1873).

Часть "Записок" была опубликована в 1873 г. в журнале "Русская старина" со значительными редакторскими сокращениями и правками. Была опущена почти половина текста рукописи, где Толстой довольно резко критикует нравы высшего света екатериненской эпохи, дает далеко не лестную характеристику императору Павлу I и его сановникам, подробно рассказывает о своих учебных плаваниях в 1800–1801 гг. в Швецию, Норвегию, Данию и Финляндию во время обучения в Морском кадетском корпусе.

Ф.П. Толстой принадлежит к той замечательной плеяде отечественных деятелей культуры, которые составляют славу России. Чем бы Толстой ни занимался – медальерным искусством, скульптурой, графикой, силуэтом, живописью, – он везде смог достичь больших успехов и доныне по праву считается одним из лучших художников первой половины XIX в. Художественные занятия не помешали Толстому не только интересоваться общественно-политическими событиями, но и принимать в них активное участие. В 1810 г. становится масоном, а вскоре и сам возглавляет масонскую ложу "Избранный Михаил". Почти одновременно он становится членом, а затем одним из руководителей тайного общества "Союз благоденствия". Толстой был знаком со многими писателями, поэтами, художниками и композиторами. Его знаменитый салон в разное время посещали А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич, Ф.Н. Глинка, А.Н. Верстовский, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, И.А. Крылов, М.И. Глинка, А.Н. Майков, А.Ф. Писемский, Т.Г. Шевченко, К.П. Брюллов и многие другие. Частыми гостями были декабристы К.Ф. Рылеев, А.А. и Н.А. Бестужевы, С.П. Трубецкой, Н.М. и А.Н. Муравьевы, С.И. Муравьев-Апостол.

Для всех интересующихся историей и культурой России.

Научное издание

ЗАПИСКИ ГРАФА Ф.П. ТОЛСТОГО

Редактор
Л.И. Беленькая
Художественный редактор
М.К. Гуров
Корректоры
Л.Д. Лихачева
Т.М. Козлова
Технический редактор
Г.П. Каренина
Компьютерная верстка
Д.Г. Десницкая

ЛР №020219, выд. 25.09.96
Налоговая льгота –
общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры
Подписано в печать 11.03.2001
Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 21,0
Уч.-изд. л. 21,0
Тираж 2000 экз.
Заказ 1839

Издательский центр РГГУ
125267, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 973-4200

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

